

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго.

В. К. ПИЕКОРЕКІЙ.

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ и ПОРТУГАЛИИ.

Изданіе второе дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
АКЦ. ОБЩ. „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.
1909.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефрошъ. С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ новомъ изданіи „Исторія Испаніи и Португаліи“ увеличилась, слѣдующими приложеніями: 1) „Очеркъ развитія Испаніи отъ Утрехтскаго мира до начала войны за независимость“ (1713—1808), 2) „Очеркъ соціально-политической эволюціи Испаніи въ XIX в.“, 3) „Очеркъ соціально-политической эволюціи Португаліи въ XIX в.“ и 4) дополнительный библиографическій указатель. Авторъ дополнилъ только тѣ части своего труда, которыя относятся къ новѣйшему періоду исторіи Иберійскаго полуострова. Соотвѣтственное расширеніе и другихъ частей повело бы къ увеличенію объема изданія до двухъ, а, можетъ-быть, и до трехъ томовъ. Едва ли надо здѣсь распространяться о причинахъ, почему, при расширеніи рамокъ его въ предлагаемомъ изданіи, авторъ оказалъ предпочтеніе новѣйшему періоду и, преимущественно, XIX в. въ исторіи Испаніи и Португаліи. Вниманіе историка и соціолога властно приковывается современнымъ положеніемъ государствъ Пиренейскаго полуострова, переживающихъ въ настоящее время острый кризисъ и во внутреннихъ, и въ международныхъ отношеніяхъ. Война Испаніи съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами въ 1898 г. окончательно лишила ее колоніальнаго значенія. Для Португаліи потеря колоній, вѣроятно, тоже является лишь вопросомъ времени. Теряя колоніи, а вмѣстѣ съ ними и внѣшнее политическое могу-

щество, оба народа Пиренейскаго полуострова неудержимо стремятся къ установленію у себя того политическаго режима, какой существуетъ въ сосѣдней Франціи, а также и во всѣхъ государствахъ латинской Америки, съ которыми они составляютъ одну плоть и кровь. Пора, наконецъ, освободиться отъ самообольщенія, что „нація можетъ явить примѣръ того, что бываетъ тѣло пигмея съ духомъ гиганта“ („A nação sa dar exemplo do que é o corpo de um pigmeo com a alma de um gigante“), какъ говорятъ португальцы. Благороднѣйшіе мыслители и государственные дѣятели типа недавно умершаго Пи-и-Маргалля лелѣютъ мечту объ установленіи федеративной уніи между всѣми этими государствами,—уніи, которая сплотила бы въ одинъ могущественный союзъ около ста милліоновъ гражданъ, говорящихъ на языкъ Сервантеса и Камоэнса. Это—единственный путь спасти индивидуальности латинскихъ народовъ Пиренейскаго полуострова и Америки отъ угрожающаго имъ поглощенія сильными сосѣдями и превратить взаимное соперничество, сопровождающееся безцѣльной тратой массы энергіи, въ мирное и плодотворное сотрудничество въ общемъ дѣлѣ культуры и прогресса, социальныхъ и экономическихъ реформъ. Революціонное движеніе, происходившее въ Португаліи въ началѣ 1908 г., и то грозное движеніе, которое теперь происходитъ въ Испаніи, свидѣтельствуютъ, что кризисъ, о которомъ идетъ рѣчь, все болѣе обостряется. Отвѣта же на вопросъ о ближайшихъ причинахъ этого кризиса надо искать прежде всего въ исторіи XIX в.

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящемъ краткомъ обзорѣ исторіи Испаніи и Португаліи вниманію читателя предлагается изложеніе важнѣйшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ измѣненій, совершавшихся въ жизни народовъ Пиренейскаго полуострова отъ времени паденія Западной Римской имперіи до современной намъ эпохи. Опуская древнѣйшій періодъ испанской исторіи, согласно плану всей коллекціи, въ составъ которой входитъ и нашъ очеркъ, мы все-таки не можемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній, относящихся къ этому періоду, въ интересахъ большей цѣльности и причинности изложенія: явленія вестготскаго періода испанской исторіи, съ котораго начинается оно, не могутъ быть объяснены внѣ связи съ предшествующимъ.

Древнѣйшую основу населенія Пиренейскаго полуострова составляли иберы и кельты. Отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ образовалась новая національность — кельтиберы. Необыкновенная отвага, презрительное отношеніе къ жизни, горделивое чувство собственного достоинства, страстная любовь къ независимости, отвращеніе къ политическому единству и стремленіе къ племенной обособленности — таковы были, по свидѣтельству древнихъ авторовъ, наиболѣе характерныя черты кельтиберовъ. Въ этихъ чертахъ извѣстный историкъ Модесто Лафуэнте видитъ основу національнаго испанскаго характера, остающуюся неизмѣнной и до настоящаго времени, несмотря на всѣ испытанныя превратности судьбы. Особенности національнаго характера испанцевъ одинаково выражаются и въ доблестной защитѣ ими Сагунта во времена Ганнибала, и въ героической оборонѣ Сарагоссы во время Наполеона. „Какую бы эпоху ни изучалъ историкъ — говоритъ Лафуэнте, — всегда онъ наталкивается на первоначальныя черты испанскаго національнаго характера, образовавшіяся еще въ тѣ отдаленныя времена, которыя ускользаютъ отъ исторической хронологіи“.

Съ теченіемъ времени къ берегамъ Пиренейскаго полуострова прибываютъ на своихъ корабляхъ отважные финикійскіе купцы, основываютъ здѣсь торговыя факторіи, какъ, напр., Кадиксъ, начинаютъ эксплуатировать богатые мѣстные рудники, вывозятъ продукты мѣстной культуры въ Тиръ и т. д. Въ свою очередь кельтиберы заимствуютъ у финикіянъ зачатки цивилизаціи. Еще большее вліяніе на культуру кельтиберовъ, несмотря на ихъ ненависть къ иноземцамъ, оказываютъ греческіе переселенцы, явившіеся сюда изъ Родоса, Занты и Фокиды, основавшіе здѣсь колоніи Эмпоріонъ, Сагунтъ, Денію, Розасъ и распространившіе среди туземцевъ культъ Діаны и азбуку Кадма въ греческой переработкѣ. Но сосѣдство съ иноземцами угрожало независимости кельтиберовъ. Сознавъ эту опасность, они открываютъ враждебныя дѣйствія противъ финикіянъ, стремившихся расширить площадь своего господства на полуостровъ. Возникшая борьба не обѣщала финикіянамъ ничего хорошаго. Слишкомъ велики были силы противника, воодушевленнаго воинственнымъ пыломъ и духомъ независимости, чтобы предпріимчивые купцы могли справиться съ ними при помощи собственныхъ средствъ. Пришлось обратиться за помощью къ соплеменникамъ, къ кароагеніанамъ. Однако, послѣдніе, явившись въ Испанію по приглашенію финикіянъ, не обнаружили склонности дѣйствовать въ пользу чужихъ интересовъ. Желая установить здѣсь собственное владычество, они вооружились не только противъ туземцевъ и греческихъ колонистовъ, но и противъ своихъ союзниковъ-финикіянъ. Всѣ успѣхи ихъ, однако, ограничились лишь занятіемъ испанскаго побережья: отчаянное сопротивление туземцевъ мѣшало имъ проникнуть вглубь страны. Борьба продолжалась уже около столѣтія, когда ударъ, нанесенный римлянами кароагеніанамъ въ эпоху первой пунической войны, побудилъ ихъ соединить всѣ усилія, чтобы расширить свои завоеванія въ Испаніи и здѣсь найти вознагражденіе за потерю Сициліи. Извѣстно героическое сопротивленіе, оказанное Ганнибалу жителями Сагунта. Сагунтъ находился подъ римскимъ покровительствомъ, и, когда онъ былъ осажденъ кароагеніанами, это дало поводъ римлянамъ вмѣшаться въ испанскія дѣла. Но и римляне, явившись въ Испанію, преслѣдовали свои собственные интересы, а не интересы союзниковъ: въ Испаніи они продолжали начатую на другомъ театрѣ военныхъ

дѣйствій борьбу съ кароагенянами изъ-за мірового господства. Туземцы же не соединились противъ общихъ враговъ: одна часть ихъ примкнула къ римлянамъ, другая — къ кароагенянамъ. Этимъ они подготовили установленіе иноземнаго владычества въ ихъ странѣ. Но Сципіонъ и его современники напрасно считали себя владыками Испаніи послѣ изгнанія кароагенянъ. Прошло еще два столѣтія, прежде чѣмъ римляне съ полнымъ правомъ могли назвать Испанію своею провинціей, хотя таковой она и была объявлена еще въ 204 г. до Р. Х. Чрезвычайные поборы и неумолимая жестокость римскихъ преторовъ въ Испаніи внушали туземцамъ глубокую ненависть къ римскому господству и вызывали частыя возстанія. Подавленіе ихъ стоило римлянамъ огромныхъ усилій, пока, наконецъ, съ усмиреніемъ кантабровъ и астурійцевъ при Августѣ, не было обезпечено римское владычество на всемъ полуостровѣ.

Господство римлянъ въ Испаніи продолжалось около шести столѣтій. Въ теченіе этого времени туземное населеніе восприняло римскую религію, языкъ, законы и обычаи и подверглось цивилизующему вліянію Рима въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе кельтскіе народы. За время римскаго владычества испанцы усвоили такую общественную и политическую организацію, которая продолжала существовать и послѣ паденія римской имперіи, въ эпоху вторженія германскихъ народовъ, и служила исходнымъ пунктомъ соціально-политическаго развитія испанскаго народа въ средніе вѣка. Поэтому намъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на характеристикѣ внутренняго быта кельтиберовъ въ періодъ римскаго владычества.

Всякій разъ, когда Риму приходилось покорять новую страну, сенатъ избиралъ изъ своей среды комиссію, обыкновенно состоявшую изъ 10 членовъ, которая, подъ предводительствомъ полководца, совершившаго завоеваніе, на мѣстѣ изслѣдовала условія быта даннаго народа и сообразно съ ними составляла т. наз. *formula* или сборникъ постановленій, которыя, по утвержденіи сенатомъ, образовывали дѣйствующее право данной мѣстности. Сообразно съ этими „формулами“, подчиненные народы дѣлились на союзниковъ (*socii*, *foederati*) и данниковъ (*stipendiarii* и *dediticii*). *Socii* или союзники, оказавшіе Риму помощь при завоеваніи той или иной

области, сохраняли свое управленіе и свои законы и обязаны были только поставлять опредѣленные военные контингенты и уплачивать въ установленномъ размѣрѣ подати, въ чемъ и выражалось признаніе ими надъ собою римскаго суверенитета. Foederati назывались тѣ племена, которыя подчинились римскому владычеству безъ всякаго сопротивленія или съ незначительнымъ и управлялись на-половину римскими, на-половину туземными властями. Покоренные народы—*stipendiarii* и *dediticii*—получали отъ Рима правителей, законы и судебныя учрежденія, и для нихъ то, главнымъ образомъ, и составлялись сенатскія формулы.—Въ предѣлахъ каждой покоренной области находились привилегированные города, т. наз. муниципіи и колоніи, которыя за особыя услуги, оказанныя республикѣ, или въ знакъ особаго уваженія къ ихъ основателямъ или обитателямъ, пользовались полнымъ самоуправленіемъ. Такимъ образомъ, каждая покоренная область представляла особый организмъ, въ которомъ сенатская формула являлась общимъ правомъ, тогда какъ муниципіи и колоніи, въ силу своего привилегированнаго положенія, уклонялись отъ общаго права.

Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ завоеванія Испаніи Сциціономъ, сюда назначена была сенатская коммиссія, которая и составила для нея формулу. Формула эта до насъ не дошла, и потому мы не знаемъ, въ какія условія права поставлена была Испанія въ самомъ началѣ римскаго владычества. Извѣстно только, что она была раздѣлена по теченію р. Тахо на двѣ провинціи—*Hispania Ulterior* (потомъ *Baetica*) и *Hispania Citerior* (потомъ—*Tarracoenensis*), и что каждая изъ нихъ получила своего особаго правителя—претора, соединявшаго въ своихъ рукахъ власть военную, административную и судебную. Августъ къ прежнимъ двумъ провинціямъ присоединилъ третью—Лузитанію.

Такъ какъ испанцы оказывали сильное сопротивленіе римскому оружію, то, по свидѣтельству Плинія, бывшаго тамъ квесторомъ, были поставлены въ положеніе „*stipendiarii*“, лишились своихъ законовъ, всецѣло были подчинены римскимъ властямъ и обязаны были платить огромныя подати, т. наз. *vectigalia*.

Кромѣ сенатской формулы, источникомъ провинціального законодательства въ Испаніи, какъ и въ другихъ частяхъ Римской

импоріи, служивъ преторскій едиктъ, заключавшій въ себѣ тѣ правила и принципы, которыхъ новая власть намірена была придерживаться въ администраціи данной провинціи и въ отправленіи правосудія. Съ теченіемъ времени эти правила и принципы привели къ созданію традиціонной юридической практики, сдѣлавшей возможнымъ изданіе при императорѣ Адріанѣ постоянного провинціального едикта.

Провинціальныя правители, проконсулы и пропреторы, кромѣ права издавать эдикты, пользовались и правомъ командовать войскомъ, взимать налоги и отправлять ихъ въ Римъ. Они управляли страной при помощи обширнаго штата подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ и опирались на поддержку провинціальныхъ собраній т. наз. *concilia*, состоявшихъ изъ мѣстныхъ обывателей и имѣвшихъ совѣщательный характеръ.

Въ императорскій періодъ политическая організація провинцій осталась прежней въ общихъ чертахъ; только провинціальныя правители назывались уже не проконсулами и пропреторами, а префектами, викаріями и т. д., и не избирались народомъ на годичный или двухгодичный срокъ, а назначались императорами на неопредѣленное время и управляли провинціями отъ императорскаго имени. За то въ соціальному положенію испанскаго народа послѣдовалъ рядъ глубокихъ измѣненій. Многія общины возведены были на степень муниципій и колоній. Первою муниципіей въ Испаніи былъ Кадиксъ. Затѣмъ получили право римскаго гражданства и другіе города. Плиніи насчитываетъ 22 муниципіи въ Испаніи; по другимъ извѣстіямъ ихъ было 26. Жители муниципій раздѣлялись на 3 класса: 1-й составляли сенаторы, 2-й—куріалы, 3-й—народъ (plebs). Сенаторы были или потомки римскихъ сенаторовъ, поселившихся въ провинціи, или получали это званіе въ силу особой привилегіи. Изъ среды сенаторовъ избирались декуріоны въ числѣ 10 человекъ, которые стояли во главѣ управленія муниципіей, а также и дуумвиры, которымъ принадлежала высшая исполнительная власть въ общинѣ, цензоры, квесторы, эдилы, трибуны. Такимъ образомъ, устройство муниципій въ миниатюрѣ напоминало организацію Рима съ его двумя консулами, сенатомъ,

трибунами и другими магистратами. За сенаторскимъ сословіемъ слѣдовали куріалы, игравшіе въ муниципальной жизни ту же роль, какую въ Римѣ играло сословіе всадниковъ, и обладавшіе поземельной собственностью въ размѣрѣ не меньше 25 югеровъ. Что касается колоній, то онѣ мало чѣмъ отличались отъ муниципій, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя были основаны и населены римскими гражданами. Въ Испаніи, по извѣстію Плинія, всего было до 80 колоній; изъ нихъ около 26 было римскихъ и 50 латинскихъ. Дѣло романизациі Испаніи быстро подвигалось впередъ. Кельтиберы усваивали римскій языкъ и обычаи. Въ то же время среди нихъ распространялось и христіанство, первымъ проповѣдникомъ котораго здѣсь былъ, по одному преданію, апост. Павелъ, по другому — апост. Іаковъ, считающійся патрономъ Испаніи. Она дала Риму цѣлый рядъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей и писателей. Такъ, первый изъ римскихъ консуловъ иностраннаго происхожденія, Бальбо, былъ испанецъ; императоры Траянъ, Адріанъ и Θεодосій Великій также были испанцы по происхожденію. Такого же происхожденія были оба Сенеки, Квинтилианъ и др. Въ промежутокъ времени между 69 и 79 г. по Р. Х. императоръ Веспасіанъ даровалъ всѣмъ испанцамъ латинское право. Этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе. Масса испанскаго населенія, дотолѣ находившаяся въ положеніи данниковъ (*stipendiarii*) римскаго народа, возвышается теперь до положенія свободныхъ земельныхъ собственниковъ и управляется по собственнымъ законамъ. Правда, получивъ латинское право, они не приобрѣли ни *jus suffragii*, ни *jus honorum*; но политическія права въ эпоху имперіи были простою фикціей, и, не получивъ ихъ, испанцы не много потеряли. Законъ Веспасіана былъ великимъ шагомъ къ уравниенію юридическаго положенія различныхъ соціальныхъ группъ испанскаго народа. Съ тѣхъ поръ сенатская формула навсегда исчезаетъ изъ юридическаго обихода страны; продолжаютъ сохранять свое дѣйствіе только императорскія конституціи и измѣнчивый преторскій эдиктъ, который, однако, съ 134 г. становится постояннымъ. Послѣднимъ шагомъ къ уравниенію различныхъ элементовъ населенія Испаніи, какъ и всей имперіи, былъ знаменитый эдиктъ Каракаалы,

распространившій право римскаго гражданства на всѣхъ свободныхъ жителей римскаго государства. Одна реформа подготовляла другую, и эдиктъ Каракаллы, имѣвшій слѣдствіемъ установленіе одинаго и общаго для всей имперіи законодательства, дѣлалъ необходимымъ установленіе такого же единства и въ сферѣ администраціи. Дѣло это, начатое Діоклетіаномъ, завершено было въ началѣ IV в. Константиномъ Великимъ. Имперія, какъ извѣстно, была раздѣлена имъ на 4 большихъ префектуры: Востокъ, Иллирія, Италия и Галлія. Всѣ они были подраздѣлены на 13 діоцезовъ, а послѣдніе въ свою очередь на 116 провинцій. Испанія вошла въ составъ одного изъ 3 діоцезовъ Гальской префектуры и находилась подъ управленіемъ викарія или субпрефекта, зависѣвшаго отъ префекта Галліи. Число прежнихъ испанскихъ провинцій было увеличено до 7. Это были: *Baetica*, *Lusitania*, *Gallaecia*, *Tarracoenensis*, *Carthaginiensis*, *Tingitania* и *Baleares*. Послѣднія двѣ находились въѣ полуострова, и позже нормальнымъ сдѣлалось дѣленіе Испаніи на пять провинцій. Далѣе Константинъ В. отдѣлялъ власть гражданскую отъ военной, которыя раньше сосредоточивались въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, что служил источникомъ великихъ гражданскихъ смутъ. Вся имперія раздѣлена была на военные округа, причемъ Испанія составила особый округъ.

Произведенная реформа улучшила административный механизмъ имперіи, но не въ силахъ была прекратить процесса внутренняго разложенія этого колоссальнаго политическаго организма.

Населеніе провинцій смотрѣло на Римъ, какъ на тирана, съ которымъ не имѣло солидарныхъ интересовъ, стонало подъ бременемъ непосильныхъ поборовъ, отъ которыхъ не избавилось и съ полученіемъ правъ римскаго гражданства. Такое настроеніе провинцій должно было имѣть роковыя послѣдствія для имперіи въ эпоху „инфильтраціи“ и вторженій варваровъ.

Уже въ первые годы установленія императорскаго режима обширныя границы Римской имперіи подвергались нашествію грозныхъ полчищъ варварскихъ народовъ. Правительство принуждено было держать наготовѣ въ пограничныхъ провинціяхъ войска ле-

гionеровъ, чтобы давать отпоръ варварскимъ вторженіямъ. Борьба продолжалась три столѣтія, и собственныхъ военныхъ средствъ Рима уже не хватало, чтобы защитить свои границы. Тогда Римъ измѣняетъ политику, заключаетъ союзы съ предводителями варварскихъ дружинъ, дѣластъ ихъ своими намѣстниками и поручаетъ имъ дѣло военной охраны имперіи. Но для содержанія наемныхъ дружинъ требовались огромныя денежныя средства. Добывать ихъ приходилось путемъ увеличенія налоговъ, а это вызывало сильный ропотъ со стороны провинціального населенія. Между тѣмъ варварскіе наемники, сознавая свое военное превосходство надъ Римомъ, изъ союзниковъ превращались во враговъ и сами производили вторженіе въ тѣ провинціи, охрану которыхъ приняли на себя.

Расположенная на крайнемъ западѣ европейскаго континента, Испанія не избѣжала общей участи и съ конца IV в. стала ареною безпрестанныхъ вторженій варваровъ со стороны южной Галліи. Съ огнемъ и мечемъ проходить по этой странѣ вандалы, но не долго останавливаются здѣсь, переплываютъ черезъ Средиземное море и утверждаютъ въ сѣв. Африкѣ. Вслѣдъ за ними являются сюда свевы и основываютъ въ сѣверо-западной части полуострова Свевское королевство. Пять лѣтъ спустя, именно въ 414 г., проникаетъ въ Испанію новое племя, менѣе грубое, чѣмъ предшествовавшія, но не менѣе воинственное: вестготы. Они постепенно занимаютъ весь полуостровъ и основываютъ здѣсь свое королевство.

Г Л А В А I.

Вестготская монархія.

Исторія застаєть готовъ на берегахъ Балтійскаго моря, въ Скандинавіи и, отчасти, въ нынѣшней Пруссіи. Уже тамъ, кажется, они раздѣлялись на двѣ группы—западныхъ и восточныхъ готовъ. Съ береговъ Балтійскаго моря въ половинѣ II вѣка послѣ Р. Х. они переселяются на югъ, къ берегамъ Чернаго моря, въ періодъ времени отъ III до половины IV в. занимають земли, расположенныя между нижнимъ теченіемъ рѣки Дуная и Днѣпра, вступаютъ въ борьбу и въ культурныя сношенія съ Римомъ, получаютъ отъ императора Авреліана земли между Тиссой и Дунаемъ, проникаются началами римской образованности и принимаютъ христіанство по аріанскому толку, заключающемуся въ отрицаніи божественности Іисуса Христа и догмата триничности, причемъ ихъ епископъ Ульфилъ переводитъ библію на готскій языкъ. Около 366 г. вестготы пріобрѣтають самостоятельнаго князя Атанариха и вступаютъ въ борьбу съ Римомъ, окончившуюся выгоднымъ для нихъ миромъ (369). Послѣ покоренія остготовъ гуннами (376), часть вестготовъ направляется въ Трансильванію, другая переходитъ черезъ Дунай и получаетъ отъ императора Валента земли для поселенія во Фракіи. Подвергаясь притѣсненіямъ со стороны римскихъ намѣстниковъ, они возстають и въ сраженіи при Адріанополѣ въ 378 г. наносятъ пораженіе императору Валенту, который былъ убитъ. Мирныя сношенія между вестготами и римлянами, установившіяся при Θεодосіи Великомъ, нарушаются послѣ его смерти (395). Подъ предводительствомъ своего короля Алариха вестготы опустошаютъ Балканскій полуостровъ, а затѣмъ, въ 400 и 408 гг. предпринимають походы и въ Италію. Въ 410 г. они подвергаютъ разгрому самый Римъ.

Преемникъ Алариха Атаулфъ (410—415) заключаетъ съ императоромъ Гоноріемъ договоръ, по которому готы признаются союзниками Рима и получаютъ право поселиться въ южной Галліи.

Съ этого момента вестготы приобрѣтають осѣдлость и кладутъ основаніе монархіи, просуществовавшей около трехъ столѣтій. Утвердивъ свое господство въ Галліи Нарбонской, политическимъ центромъ которой служилъ г. Тулуза, отчего и все королевство въ первый періодъ своего существованія называлось тулузскимъ, вестготы появляются въ 414 г., подъ предводительствомъ короля Атаулфа, въ Испаніи. Въ качествѣ союзниковъ римской имперіи, они вступаютъ въ борьбу съ поселившимися тамъ раньше германскими племенами вандалами, свевами и аланами, и, послѣ удаленія вандаловъ въ Африку (429), овладѣвають большею частью полуострова, за исключеніемъ тѣхъ областей, западныхъ и сѣверныхъ, гдѣ свевы основали свое королевство, просуществовавшее до 585 г., когда оно было разрушено королемъ Леовигильдомъ. Дальнѣйшая политическая исторія вестготовъ вкратцѣ можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ.

Отношенія вестготовъ къ римской имперіи отличаются измѣнчивымъ характеромъ: то они союзники римлянъ, и въ 451 г., напр., участвуютъ съ Аэціемъ въ каталаунской битвѣ противъ гунновъ, то, напротивъ, вступаютъ во враждебныя столкновенія съ имперіей и въ 456 г. окончательно перестаютъ быть зависимыми отъ нея. Для полного подчиненія Испаніи вестготскіе короли должны были бороться, кромѣ свевовъ, еще и съ византійцами, утвердившимися на южномъ и восточномъ берегу полуострова. Борьба эта, начавшаяся въ половинѣ VI в., закончена была успѣшно для вестготовъ въ первой половинѣ VII в., при королѣ Свинтилѣ.

Максимальныхъ предѣловъ вестготское королевство достигаетъ при королѣ Эврикѣ (466—484), когда оно охватывало не только большую часть Испаніи, но и южную и среднюю Галлію до р. Луары на сѣверѣ и р. Роны на востокѣ. Побѣда франкского короля Хлодвигу надъ римскимъ полководцемъ Сиагриемъ (486) поставила вестготовъ въ непосредственное сосѣдство съ франками. Стремленіе послѣднихъ къ расширенію своихъ владѣній съ одной стороны, а

съ другой—вліяніе католическаго духовенства, видѣвшаго во франкахъ, послѣ крещенія ихъ по католическому обряду, своихъ защитниковъ и союзниковъ противъ вестготовъ—аріанъ, вызвало борьбу между сосѣдними государствами, приведшую въ 507 г., послѣ пораженія вестготовъ при Пуатье, къ потерѣ ими большей части владѣній въ Галліи. Съ тѣхъ поръ политическимъ центромъ вестготовъ становится г. Толедо, и владѣнія ихъ сосредоточиваются, главнымъ образомъ, на Пиренейскомъ полуостровѣ. Съ конца VII в. вестготы вступаютъ въ столкновеніе и съ арабами, утвердившимися въ сѣверной Африкѣ, и въ періодъ отъ 711 до 713 г. терпятъ отъ нихъ рядъ пораженій, приведшихъ къ паденію вестготской монархіи и установленію арабскаго владычества въ Іспаніи. Какъ и почему случилось это—увидимъ ниже, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ явленій внутренней исторіи вестготовъ.

Главный интересъ внутренней исторіи вестготской монархіи за три вѣка ея существованія заключается во взаимныхъ отношеніяхъ между туземнымъ и пришлымъ населеніемъ, въ постепенномъ сліяніи различныхъ культурныхъ элементовъ, которые скрещивались тогда на Пиренейскомъ полуостровѣ. Такими элементами были латинскій, византійскій и германскій, причемъ особенно сильными по своей живучести и вліянію оказались первые два, представленные, съ одной стороны, мѣстнымъ раманизованнымъ населеніемъ, а съ другой—духовенствомъ, поддерживавшимъ дѣятельныя сношенія съ Востокомъ, и выходцами изъ Византіи, утвердившимися при Аларихѣ II на южномъ и восточномъ побережьяхъ Іспаніи, отъ Гибралтара до Валенсіи. Что касается германцевъ, то они явились въ Іспанію народомъ, уже утратившимъ многія первоначальныя черты своего быта и характера и усвоившимъ начала римской культуры подъ вліяніемъ продолжительныхъ сношеній съ римскою имперіей и жизни въ нарбонской Галліи, гдѣ романизація мѣстнаго населенія пустила глубокіе корни.

Вестготская монархія въ Іспаніи первоначально носила военный характеръ: народъ представлялъ войско, а страна, занятая имъ,—какъ бы военный лагерь. Король былъ вождемъ войска, дѣлившагося на нѣсколько дружинъ, въ составъ которыхъ могъ вступить каждый вест-

готъ, принесшій присягу въ вѣрности своему вождю. Вождь, въ свою очередь, клятвенно обязывался покровительствовать своимъ воинамъ и всячески защищать ихъ интересы. Въ народѣ этомъ сильно было развито чувство личной независимости. Война составляла исключительное занятіе вестготовъ; къ земледѣлію они относились пренебрежительно. Съ установленіемъ осѣдлости они еще долго не оставляли военныхъ привычекъ, продолжая заниматься войной и охотой и возлагая домашнія и полевые работы на рабовъ.

Выраженіемъ политическаго и національнаго единства вестготовъ служила королевская власть и народное собраніе. Своихъ королей они избирали изъ знатныхъ родовъ (до 531 г. изъ династіи Балтовъ), причемъ выборъ падалъ на тѣхъ вождей, которые отличались особой отвагой и неустранимостью. Народныя собранія созывались ежемѣсячно, и въ нихъ могъ принимать участіе каждый воинъ. На собраніяхъ этихъ рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ, производился судъ по важнѣйшимъ преступленіямъ и т. д. Писанныхъ законовъ первое время у вестготовъ не было; управлялись они на основаніи обычнаго права. Жестокіе во время войны, они отличались сравнительно большою мягкостью во время мира. Женщины у нихъ пользовались почетнымъ положеніемъ; многоженства не существовало; виновные въ нарушеніи супружеской вѣрности подвергались жестокому наказанію.

Явившись въ Испанію подъ предводительствомъ Атаульфы, они не уничтожили того административнаго устройства, какое существовало въ Испаніи во время ихъ вторженія. Они не вводили здѣсь новыхъ законовъ и не старались измѣнять существовавшихъ въ народѣ обычаевъ. Такимъ образомъ, несмотря на иноземное вторженіе, жизнь въ Испаніи на первыхъ порахъ, повидимому, не вышла изъ обычной колеи. Все продолжало существовать по старому, за исключеніемъ одного важнаго измѣненія, измѣненія въ характерѣ властей: мѣсто римскихъ правителей заступили военные вожди, принявшіе позже титулы графовъ, герцоговъ и маркизовъ. Муниципальный строй также не подвергся на первыхъ порахъ измѣненіямъ, и въ управленіи общинъ продолжали сохранять свою силу законы, дѣйствовавшіе въ римскую эпоху. Частныя и общественныя

отношенія романское населеніе Испаніи продолжало регулировать на основаніи императорскихъ конституцій и постоянного эдикта. Когда же эти разбросанныя и часто противорѣчивыя постановленія и законы были кодифицированы въ 438 г. для восточной части имперіи Феодосіемъ II, то кодексъ этого императора получилъ распространеніе и въ Испаніи, такъ какъ, не отступая отъ основныхъ началъ дѣйствовавшаго тамъ права, онъ представлялъ въ то же время всѣ практическія удобства систематическаго законодательнаго свода.

Итакъ, два народа, которымъ суждено было жить рядомъ другъ съ другомъ, подъ единой властью вестготскихъ королей, имѣли все-таки мало общаго между собой: за внѣшнимъ политическимъ единствомъ скрывалась внутренняя рознь между вестготами и туземнымъ населеніемъ и въ племенномъ, и религіозномъ, и правовомъ, и экономическомъ отношеніяхъ. Племенная рознь поддерживалась прежде всего запрещеніемъ браковъ между вестготами и испанцами; религіозная рознь выражалась въ томъ, что вестготы были аріане, а туземцы—католики, и эта рознь служила наиболѣе существеннымъ препятствіемъ для претворенія двухъ расъ въ одну національность, такъ какъ ее сознательно поддерживало самое образованное и вліятельное сословіе—духовенство; правовая рознь выражалась въ томъ, что готы управлялись по своимъ обычаямъ, а испанцы слѣдовали своимъ законамъ; наконецъ, противоположность экономическихъ интересовъ происходила изъ того факта, что туземцы лишены были большей части обрабатывавшихся ими земель; за романскимъ населеніемъ оставлена была лишь одна треть земельной собственности, тогда какъ остальные двѣ трети перешли во власть вестготовъ. Уже одинъ этотъ фактъ не могъ расположить испанцевъ въ пользу побѣдителей. Но даже и при такомъ ограниченіи размѣровъ земельной собственности испанцы не были достаточно ограждены отъ дальнѣйшихъ земельныхъ узурпацій со стороны вестготовъ. На сторонѣ послѣднихъ было и то преимущество, что ихъ земли были свободны отъ налоговъ; вся тяжесть государственнаго обложенія исключительно падала на земли туземцевъ; поэтому въ интересахъ же государственной власти было обезпечить

нерушимое владѣніе оставленными за ними землями, и съ этой цѣлью издавались соотвѣтственные распоряженія.

Съ теченіемъ времени рознь между побѣдителями и побѣжденными стала ослабѣвать, подѣ влияніемъ сосѣдства и житейскихъ сношеній. Постепенно уничтожались и жизнью, и закономъ преграды для сліянія двухъ расъ. Все труднѣе становилось вестготамъ поддерживать свою изолированность, и, наконецъ, ихъ короли сознательно поставили задачей своей политической дѣятельности устраненіе всѣхъ распоряженій и законовъ, мѣшавшихъ сближенію вестготовъ съ романскимъ населеніемъ. Последнимъ носителемъ старыхъ вестготскихъ традицій былъ король Леовигильдъ, при которомъ происходила ожесточенная борьба между католиками и аріанами. Но уже преемникъ его Рекаредъ (586—601) дѣлаетъ шагъ къ уничтоженію религіозной розни между его подданными. Уступая влиянію св. Леандра, архіепископа севильскаго и ревностнаго послѣдователя стремленій папы Григорія Великаго, король отрекается въ 587 г. отъ аріанской ереси и объявляетъ католицизмъ государственной религіей. Это событіе положило основаніе религіозному единству населенія вестготской монархіи, хотя утвержденіе католицизма и не обошлось безъ борьбы съ приверженцами старой религіи. Католическое духовенство послѣ этого приобрѣло огромное влияніе на королевскую политику. Изъ прелатовъ того времени особенное вниманіе на себя обращаютъ св. Леандръ (†600), краснорѣчивый и ловкій проповѣдникъ и политикъ, которому католицизмъ и обязанъ былъ, главнымъ образомъ, своимъ торжествомъ надъ аріанствомъ въ правленіе Рекареда, и младшій братъ Леандра — Исидоръ Севильскій (†636), преемникъ его по архіепископской кафедрѣ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, отличавшійся энциклопедическимъ образованіемъ и обезсмертившій свое имя сочиненіями „Этимологія или происхожденіе вещей“ и „Исторія королей готовъ, вандаловъ и севовъ“. Оба они старались увеличить и упрочить привилегіи церкви, руководили королевской политикой и предсѣдательствовали на національныхъ соборахъ. Благодаря имъ, значеніе духовенства возросло настолько, что вестготская монархія приобрѣла теократическій оттѣнокъ, а королевская политика отли-

чалась нетерпимостью, что особенно пагубно отражалось на положеніи евреевъ.

Евреи стали селиться въ Іспаніи еще до разрушенія Іерусалима Титомъ, но особенно значительной иммиграція ихъ становится послѣ этой даты. Римскіе императоры признавали за ними различныя права и вольности, а при Каракаллѣ они, наравнѣ съ прочими жителями имперіи, приобрѣли права римскаго гражданства. Съ политическимъ признаніемъ христіанства при Константинѣ Великомъ, положеніе евреевъ постепенно ухудшается, и соборъ, созванный въ Эльвирѣ въ концѣ IV в., издастъ канонъ, по которому христіанамъ полуострова запрещалось имѣть какое-либо общеніе съ евреями. Когда варвары установили свое владычество на мѣсто римскаго, положеніе евреевъ было еще сносное: ихъ не преслѣдовали ни вестготскіе короли, ни аріанское духовенство. Но со времени обращенія Рекареда къ католицизмъ положеніе дѣлъ измѣняется: соборъ 589 г. запрещаетъ евреямъ вступать въ бракъ съ христіанами, владѣть рабами-христіанами, занимать государственныя должности. При Сисебутѣ въ началѣ VII в. многіе евреи насильственно обращались въ христіанство. Затѣмъ было постановлено, что еврейскія дѣти должны быть отняты отъ родителей и отданы на воспитаніе въ монастыри или христіанскія семьи. Смѣшанные браки объявлены были недѣйствительными. На 6-мъ толедскомъ соборѣ (638) было запрещено жить въ Іспаніи всѣмъ, кто не исповѣдывалъ католической вѣры. 9-й соборъ (655) поставилъ крещенныхъ евреевъ подъ контроль духовенства. Результатомъ такихъ репрессалій были сношенія евреевъ съ врагами вестготской монархіи, въ частности — съ саррацинами: съ перемѣною владычества надъ Іспаніей они надѣялись на облегченіе своей участи. Отсюда можно заключить, что та нетерпимость, тѣ преслѣдованія еретиковъ, та борьба за исключительное господство католицизма, которая находитъ въ лицѣ Изабеллы Кастильской, Фердинанда Католика, Торквемады и Филиппа II своихъ типичнѣйшихъ выразителей, зарождаются еще въ періодъ господства вестготовъ въ Іспаніи, въ концѣ VI в., когда вестготы слились съ романскимъ населеніемъ въ религіозномъ отношеніи: въ одно цѣлое, когда церковь съ государствомъ заключили союзъ и католицизмъ объявленъ былъ государственной религіей.

Въ царствованіе Чиндасвинта разрушена была и другая преграда къ сліянію расъ: въ 650 г. послѣдовало уничтоженіе закона, запрещавшаго брачныя союзы между вестготами и туземцами.

Гораздо труднѣе было достигнуть единства въ области законодательства. Выше было сказано, что по отношенію къ романскому населенію дѣйствовало римское право, по отношенію къ вестготамъ—обычное. При рѣшеніи споровъ, возникавшихъ между вестготами и туземцами, судьи обращались къ посредничеству мѣстныхъ знатоковъ римскаго права и слѣдовали ихъ указаніямъ. Этимъ выражалось то уваженіе, которое чувствовали побѣдители къ побѣжденнымъ, превосходившимъ ихъ въ культурномъ отношеніи.

Менѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ утвержденія вестготовъ въ Испаніи они получили, наконецъ, и свое писанное право, въ видѣ кодекса, изданнаго въ концѣ V в. въ Тулузѣ и названнаго по имени короля, которому принадлежала иниціатива составленія его, кодексомъ Эурика.

Немного спустя послѣ обнародованія кодекса Эурика преемникъ этого короля, Аларихъ II, опубликовалъ для романскаго населенія полуострова новый сборникъ законовъ, извѣстный подъ именемъ кодекса Алариха.

Кодексъ Эурика, дошедшій до насъ лишь въ видѣ фрагментовъ, представляетъ уже значительный прогрессъ въ гражданскомъ развитіи вестготскаго народа: они усваиваютъ обычаи сосѣдняго населенія, обзаводятся земельною собственностью, подчиняются вліянію католической церкви, которой короли вестготскіе оказывали уваженіе и покровительство еще тогда, когда сами были аріанами.

Кодексъ Алариха II, *Breviarium Alarici* (*Lex Romana Visigothorum*), изданъ былъ въ 506 г. при участіи католическихъ епископовъ. Предназначенный специально для романскаго населенія, кодексъ этотъ составленъ былъ, главнымъ образомъ, на основаніи императорскихъ конституцій и мнѣній ученыхъ юристовъ, т.-е. того матеріала, который могъ быть извлеченъ изъ сводовъ Θεодосія, Григорія, Гермогена и другихъ предшественниковъ Юстиніана Великаго. Въ общемъ это законодательство представляло значительныя измѣненія сравнительно съ предшествующимъ. Такъ, муниципальная

организація испанскихъ городовъ утрачиваетъ аристократическій характеръ; привилегіи сенаторовъ, куріаловъ и декуріоновъ на исключительное занятіе общественныхъ должностей уничтожаются; къ муниципальной магистратурѣ получаютъ доступъ члены всѣхъ общественныхъ классовъ городского населенія; отмѣняются повинности по устройству общественныхъ игръ, ограничиваются и уничтожаются кровавыя зрѣлища въ амфитеатрахъ и циркахъ.

Могучимъ факторомъ для правоваго объединенія двухъ расъ было католическое духовенство, главнымъ органомъ котораго являлись знаменитые толедскіе соборы. Такъ назывались національныя собранія вестготскаго королевства, созывавшіяся въ г. Толедо въ періодъ отъ VI до VIII в., состоявшія изъ прелатовъ и свѣтскихъ сановниковъ и, по своей организаціи, напоминавшія провинціальныя собранія и церковныя синоды императорской эпохи, съ которыми стояли въ генетической связи. Въ промежутокъ времени отъ Рекареда до Родриго — послѣдняго короля вестготскаго, т.-е. отъ 587 до 711 г., было созвано 15 соборовъ. Акты этихъ соборовъ дошли до насъ и напечатаны въ грандіозномъ изданіи памятниковъ испанской исторіи Энрике Флореса „Espana Sagrada“. Изъ этихъ актовъ видно, что толедскіе соборы принимали участіе во всѣхъ болѣе значительныхъ событіяхъ внутренней жизни вестготской монархіи: здѣсь издавались свѣтскіе законы и церковныя каноны, равно обязательные какъ для вестготовъ, такъ и для романскаго населенія; здѣсь же совершался судъ по важнѣйшимъ государственнымъ преступленіямъ и т. д. Такимъ образомъ, фактически, если не по праву, толедскіе соборы обладали законодательной и судебной властью. Пока вестготы оставались аріанами, испанская католическая церковь пользовалась независимостью отъ свѣтской власти, созывала духовные соборы, на которыхъ обсуждались и рѣшались вопросы, исключительно касавшіеся церковныхъ догматовъ, дисциплины и управленія. Но, начиная съ 3-го толедскаго собора, на которомъ Рекаредъ принялъ католицизмъ, характеръ ихъ мѣняется. Съ тѣхъ поръ здѣсь обсуждаются и рѣшаются не только церковныя вопросы, но и свѣтскія дѣла, касавшіяся государственнаго управленія, законовъ и суда. Испанскіе епископы утрачиваютъ

прежнюю независимость, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ оказывать лѣтательное вліяніе на государственную жизнь. Короли присваиваютъ себѣ право созывать соборы, которое раньше принадлежало епископамъ, являются сюда въ сопровожденіи представителей свѣтской знати, сами открываютъ засѣданія собора рѣчью, въ которой предлагаютъ на обсужденіе собравшимся епископамъ и аббатамъ различные вопросы, причемъ правомъ голоса пользуется только духовенство, а свѣтскія лица лишь принимаютъ къ свѣдѣнію рѣчи другихъ. Рѣшенія прелатовъ, послѣ утвержденія ихъ королемъ, получали силу закона, обязательнаго какъ для вестготовъ, такъ и для романскаго населенія.

Такимъ образомъ, со времени 3-го толедскаго собора устанавливается новое законодательство, общее для обѣихъ расъ, которое, въ отличіе отъ предшествующаго, можно назвать христіанскимъ. Но оно не исключало двухъ прежнихъ — римскаго и германскаго. Существованіе трехъ системъ права, если такъ можно выразиться, производило путанину въ общественныхъ отношеніяхъ вестготской монархіи. Реформа права была необходима, и ее произвелъ король Чиндасвинтъ (642—653), впервые установившій законодательное единство Іспаніи, въ основу котораго были положены законы Рекареда. Послѣдняя редакція востготскаго права произведена была на 16-мъ толедскомъ соборѣ королемъ Эгихой въ самомъ началѣ VIII в. Кодексъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Forum judicum* (или *Fuero Juzgo*) и знаменуетъ собой наступленіе эры полнаго сліянія вестготской и романской расъ въ правовомъ отношеніи.

Forum judicum представляетъ собою полную записъ вестготскаго права, образовавшагося подъ совокупнымъ вліяніемъ 3 факторовъ: германскихъ обычаевъ, римской культуры и христіанства. Въ сравненіи съ т. наз. *leges barbarorum*, т.-е. писанными законами другихъ варварскихъ народовъ, развивавшихся также подъ вліяніемъ римской цивилизаціи и христіанства, напр., бургундовъ, франковъ, лангобардовъ и др., этотъ кодексъ представляетъ высшую стадію развитія. Въ отличіе отъ „варварскихъ правдъ“, основанныхъ на принципѣ личнаго законодательства, т.-е. на признаніи извѣстнаго

закона дѣйствительнымъ только для людей одного и того же племени, вестготское законодательство отличалось территоріальнымъ характеромъ, т.-е. основано было на принципѣ, по которому все жители Іспаніи, романцы или вестготы, должны были подчиняться одному и тому же закону. Далѣе, въ то время, какъ другія „варварскія правды“ оцѣнивали человѣческую личность въ зависимости отъ ея положенія и происхожденія, вестготы признають всѣхъ людей равноцѣнными передъ закономъ. Процессуальныя формы у вестготовъ смягчаются, пытка при судопроизводствѣ устраняется закономъ; очистительная присяга и судебный поединокъ замѣняются свидѣтельскими показаніями.

Частныя и общественныя отношенія вестготской монархіи, изучаемыя на основаніи „*Forum judicum*“, представляли смѣшеніе элементовъ римскаго и германскаго права. Формы древней родовой организаціи, уже исчезнувшія изъ быта римскаго населенія, отличаются большею живучестью среди вестготовъ и выражаются во взаимной солидарности между членами рода, оказывающими другъ другу поддержку и защиту въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни и связанными между собой обычаемъ кровавой мести, т.-е. обязанностью мстить за обиду, нанесенную какому-нибудь изъ родичей, прощеніе у родственниковъ обиженного можно было иногда купить посредствомъ денежной виры, „вергельда“. Подъ вліяніемъ римскаго права формы родового быта ослабѣвають, но, съ другой стороны, вестготскіе обычаи оказываютъ вліяніе на положеніе римской семьи, пришедшей въ упадокъ въ послѣднія времена имперіи. Семейныя отношенія вестготовъ принимаютъ формы большей справедливости и человѣчности; женщина пользуется болѣе почетнымъ положеніемъ въ семьѣ, чѣмъ у римлянъ и у различныхъ варварскихъ народовъ, хотя и подчиняется власти мужа и несетъ на себѣ бремя всѣхъ хозяйственныхъ заботъ. Улучшается и положеніе сына, который у римлянъ, подъ вліяніемъ *partia potestas* былъ вещью главы семьи, а теперь признается свободной личностью, правоспособность которой начинается съ 15-лѣтняго возраста. Право дѣлать завѣщаніе и распоряжаться собственностью освобождается отъ многихъ ограниченій, какія имѣли мѣсто въ римскомъ законодатель-

ствѣ, хотя $\frac{4}{5}$ фамилнаго имущества попрежнему непремѣнно должны были доставаться прямымъ потомкамъ умершаго, а вдова должна была пользоваться имуществомъ его до вторичнаго выхода замужъ.

Что касается общественныхъ классовъ, то вестготы не измѣнили того положенія вещей, какое застали въ римскихъ провинціяхъ и которое характеризуется концентраціей земельной собственности въ немногихъ рукахъ и существованіемъ большого экономическаго неравенства между отдѣльными общественными группами. Вестготское общество раздѣлялось на людей свободныхъ и несвободныхъ, причемъ заключеніе браковъ между ними запрещалось закономъ. Изъ среды свободныхъ выдѣлялась группа наследственной и замкнутой знати, въ ряды которой, впрочемъ, съ теченіемъ времени былъ открытъ доступъ и для лицъ, выдѣлявшихся своимъ богатствомъ или близостью къ королевскому двору. Знатные готы назывались *potentes, optimates, proceres, seniores*; сюда же относились и представители римско-испанской аристократіи, *senatores, potentiores* и *possesores*.

Свободные люди, не принадлежавшіе къ знати, жили обыкновенно въ зависимости отъ нея, въ качествѣ кліентовъ; масса свободныхъ земледѣльцевъ, арендаторовъ и городскихъ ремесленниковъ съ теченіемъ времени обратились въ колоновъ; послѣдніе назывались *aldeani, rusticani* и соответствовали тому, что другіе германскіе народы называли *lites*. Король Ресесвинтъ называлъ ихъ *vilissimi*. Въ такомъ положеніи оказалась большая часть земледѣльцевъ романской расы.

Наиболѣе характернымъ для вестготской эпохи является образованіе новой общественной группы кліентовъ т. н. *buccellarii*, (отъ слова *bucca* — ротъ; соотв. *nutriti* Григорія Турскаго, *convivae regis* франкскихъ законовъ), которые закладывали свою свободу, т.-е. добровольно поступали въ зависимость отъ сильныхъ и вліятельныхъ людей, оказавшихъ имъ покровительство, сохраняли свои личныя права, получали оружіе и земли отъ своихъ покровителей и должны были сопровождать ихъ на войну. Буццелларій всегда могъ прервать узы зависимости и въ этомъ отношеніи отличался отъ вольноотпущенника, который былъ связанъ съ патрономъ

нерозривними узами. Но, оstarляя сеньора, клієнтъ терялъ половину всего имущества, какъ благопріобрѣтеннаго, такъ и полученнаго отъ патрона. Если клієнтъ умиралъ, оставивъ дочь, то она поступала подъ опеку сеньора. Послѣдній могъ выдать ее замужъ.

Вполнѣ свободныхъ людей было мало; благодаря хроническимъ общественнымъ смутамъ и отсутствію сильной государственной власти, трудно было мелкимъ собственникамъ удержать личную независимость, вслѣдствіе чего постепенно образуется длинный рядъ отношеній, среднихъ между полной свободой и полнымъ рабствомъ, сохранившимися отъ предшествующей эпохи.

Рабство существовало у вестготовъ, какъ и у другихъ варварскихъ народовъ, съ тѣмъ различіемъ, что у нихъ не обращалось вниманія на національность раба, тогда какъ въ другихъ варварскихъ государствахъ рабъ германскаго происхожденія считался выше римскаго. Римское вліяніе не дѣйствовало смягчающимъ образомъ на положеніе рабовъ. Число ихъ въ вестготскій періодъ постепенно увеличивалось отчасти вслѣдствіе концентраціи богатства въ немногихъ рукахъ, отчасти вслѣдствіе развитія судебной практики, установившей обращеніе въ рабство, какъ особый видъ наказанія. Одинъ изъ законовъ „*Forum judicum*“ постановляетъ, чтобы собственники отправлялись на войну въ сопровожденіи, по крайней мѣрѣ, одной десятой части принадлежавшихъ имъ рабовъ.

Взаимныя отношенія между отдѣльными классами вестготскаго общества въ значительной мѣрѣ опредѣлялись распределеніемъ земельной собственности и порядками землевладѣнія и землепользованія. Вступивъ въ Галлію, въ качествѣ союзниковъ императора, вестготы овладѣли половиной домовъ и $\frac{2}{3}$ всѣхъ земель, какія принадлежали романскому населенію. Такой же раздѣлъ въ Іспаніи произвели и свевы, а затѣмъ и готы въ эпоху Эурика въ тѣхъ частяхъ полуострова, гдѣ они поселились, причемъ раздѣлу подлежали лишь пахотная земля и, отчасти, лѣса.

Земля, такимъ образомъ, была распредѣлена между короной и ея подданными — готами, какъ аллодіальными собственниками, и испанцами, какъ колонами, и служила связующимъ звеномъ для различныхъ группъ населенія. Въ свою очередь короли какъ аріанскаго, такъ

и католическаго исповѣданія, надѣляли землями духовенство, въ вознагражденіе за оказанныя имъ услуги, а также выдѣляли земельные участки для куріаловъ (*curiales*) и „фискальныхъ рабовъ“, которые обрабатывали земли и доставляли казнѣ доходъ. Примѣру короля слѣдовали представители готской аристократіи, распредѣлявшіе свои земли между своими кліентами и буццелляріями, обязанными за это несеніемъ въ пользу сеньоровъ различныхъ повинностей. Права патрона надъ кліентами были обширны и переходили по наследству отъ отца къ сыну.

Куріалами назывались свободные люди, получившіе отъ короля въ пользованіе землю подъ условіемъ уплаты опредѣленнаго ценса и несенія натуральныхъ повинностей. Куріалы свободно могли отчуждать другъ другу свои земли подъ условіемъ, чтобы пріобрѣтатель принималъ на себя обязательства своего контрагента.

Очень близко къ положенію свободныхъ людей подходили фискальные рабы, которые могли занимать общественныя должности, владѣть рабами и давать на судѣ свидѣтельскія показанія. Свою землю они могли отчуждать только фискальнымъ рабамъ, такъ какъ съ владѣніемъ ихъ земель связаны были такія повинности, которыхъ нельзя было требовать отъ свободныхъ людей.

Церковная собственность образовалась изъ королевскихъ дареній и изъ добротныхъ пожертвованій вѣрныхъ. Кромѣ того, ея увеличенію способствовали нѣкоторыя каноническія распоряженія, признававшія за церковью право наследовать имущество въ различныхъ случаяхъ. Изъ своихъ земель церковь извлекала доходы посредствомъ труда рабовъ или колоновъ. Первые отдавали ей весь доходъ, получавшійся съ обрабатывавшейся ими земли, за исключеніемъ той части его, которая шла на ихъ содержаніе; послѣдніе платили ей ренту, установленную обычаемъ. Колонами же вообще являлись *liberti* или ихъ потомки, т. е. лица, отпущенныя на волю церковью или свѣтскими владѣльцами, но оставшіяся подъ ихъ покровительствомъ. При своемъ освобожденіи вольноотпущенникъ получалъ извѣстную часть земли, которая должна была служить источникомъ его существованія и доставленія въ пользу церкви или свѣтскаго владѣльца извѣстнаго дохода. Съ своей стороны, церковь

и свѣтскіе патроны должны были защищать жизнь и имущество вольноотпущенника. Впрочемъ, какъ это можно видѣть изъ „формулъ вестготскихъ“, отпущеніе на волю было двоякаго рода: безусловное (права римскаго гражданства), т. е. немедленно давшее свободу рабу, и условное, по которому вольноотпущенникъ долженъ былъ оставаться подъ покровительствомъ своего патрона до смерти его. Вольноотпущенники перваго рода назывались *cives romani*, а прочіе—*ingenui*.

Тѣ же вестготскіе законы показываютъ, насколько ограничены были права вольноотпущенниковъ по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя находились въ ихъ пользованіи. Подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній имъ запрещалось оставлять земли своихъ патроновъ; они обязаны были доставлять патрону извѣстную часть ея продуктовъ и могли свободно распоряжаться только одной половиной своего движимаго имущества, другая половина принадлежала сеньору; умершему безъ законныхъ сыновей или безъ завѣщанія колону наследовали его патронъ и потомки послѣдняго. Особой формой земельныхъ отношеній въ вестготскую эпоху былъ прекарій. Такъ назывался контрактъ, по которому владѣлецъ земли уступалъ ее въ обработку другому лицу подъ условіемъ доставки ему $\frac{1}{10}$ части земельныхъ продуктовъ. Этотъ контрактъ заключался иногда на определенное время, иногда безсрочно, причемъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ земля, должна была быть возвращена владѣльцу, если по истеченіи года ему не былъ уплаченъ цензъ (*canon*).

* *
*

Болѣе значительными оказались перемѣны въ политическомъ строѣ Испаніи въ эпоху вестготскаго владычества. Вестготская монархія долго представляла смѣшеніе избирательнаго и наследственнаго принципа, такъ какъ готы избирали себѣ въ короли того или другого представителя знатнаго рода Балтовъ. Когда въ 531 г., со смертью короля Амаларика, прекратилась династія Балтовъ, то исчезъ и принципъ наследственного преемства королевской власти въ предѣлахъ одного рода, и монархія стала исключительно избирательной. Избирательное начало, въ чистомъ или смѣшанномъ

видѣ, ставило корону въ зависимость отъ честолюбивой аристократіи, поддерживало въ странѣ смуты и безпорядки и способствовало частнымъ случаямъ цареубійства. Изъ 16 королей, царствовавшихъ въ Испаніи до Рекареда, десять погубило насильственной смертью. Уже Ліувигильдъ (572—586) старался укрѣпить королевскую власть, сдѣлавъ ее наслѣдственной. Эти попытки возобновилъ Свинтила (621—631), стараясь приучить своего сына къ управленію королевствомъ и раздѣляя съ нимъ свою власть, но попытки эти разбились о сопротивленія знати. Въ концѣ концовъ короли должны были отказаться отъ мысли сдѣлать свою власть наслѣдственной и только старались о томъ, чтобы ввести избирательное начало въ извѣстныя нормы права. Король Ресесвинтъ на VIII толедскомъ соборѣ издалъ законъ, по которому послѣ смерти короля преемникъ ему долженъ избираться собраніемъ прелатовъ и магнатовъ, среди членовъ вестготской аристократіи, обязующихся соблюдать католическую религію, преслѣдовать евреевъ и еретиковъ. Вначалѣ главными атрибутами королевской власти было предводительство войскомъ и верховный судъ. Затѣмъ подъ вліяніемъ римскихъ идей король присваиваетъ себѣ различныя вѣтви финансоваго управленія и администраціи, а равнымъ образомъ и власть законодательную.

Королевская власть по идеѣ была неограниченной. На самомъ же дѣлѣ она была ограничена соборами, имѣвшими, какъ мы видѣли, и законодательное значеніе.

Тѣ изъ представителей вестготской аристократіи, которые замѣщали государственныя должности, составляли въ то же время и придворный штатъ короля, организованный по образцу дворцовыхъ должностей римскихъ императоровъ. Эти придворные чины образовывали королевскій совѣтъ, съ которымъ король совѣщался по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго управленія. Учрежденіе этого совѣта приписывается королю Леовигильду, который сдѣлалъ Толедо своей резиденціей и первый сталъ носить корону. Число придворныхъ должностей постепенно увеличивалось. Названіе ихъ—общее для всѣхъ средневѣковыхъ монархій. То были: камергеръ, канцлеръ, казначей, нотаріусъ, начальникъ гвардіи, конюшій и т. д.

Въ административномъ отношеніи королевство дѣлилось на провинціи, число которыхъ увеличивалось по мѣрѣ расширенія вестготскихъ завоеваній на полуостровѣ: первоначально ихъ было двѣ или три, при Леовигильдѣ (579) — ихъ было уже восемь. Во главѣ каждой провинціи стоялъ губернаторъ, носившій титулъ герцога, а во главѣ важнѣйшихъ городовъ — начальникъ съ титуломъ графа. Оба, подобно римскимъ правителямъ, обладали властью военной, судебной и административной, причемъ самоуправленіе городовъ вначалѣ не нарушалось. Сельское населеніе управлялось посредствомъ должностныхъ лицъ, называвшихся *prepositi*, и собиралось на сельскіе сходы (*conventus publicus vicinorum*), съ участіемъ готовъ и римлянъ, для рѣшенія земельныхъ и другихъ мѣстныхъ дѣлъ.

Первоначально всѣ государственныя должности были временными; продолжительность занятія ихъ не превышала пяти лѣтъ. Однако, съ теченіемъ времени въ этой организаціи совершаются измѣненія. Члены аристократіи, соединяя власть административную съ судебной, становятся мало-по-малу пожизненными замѣстителями государственныхъ должностей, и хотя назначеніе ихъ на эти должности по прежнему зависитъ отъ короля, но отрѣшаться отъ нихъ они могутъ уже не иначе, какъ по судебному приговору. Согласно постановленію 6-го толедскаго собора, со времени Рекареда должности эти становятся наследственными. Съ тѣхъ поръ готская знать пріобрѣтаетъ политическую силу въ государствѣ.

Города, подъ управленіемъ графовъ, незамѣтно для себя утратили свое самоуправленіе и независимость. Сенать, курія, децемвиры и всѣ прочія особенності муниципальной жизни исчезли безслѣдно. Взамѣнъ ихъ установлено было произвольное управленіе графовъ, сопровождавшееся всякаго рода вымогательствами по отношенію къ городскому населенію.

Пріобрѣвши осѣдлость и подвергшись вліянію романскаго населенія, вестготы, какъ уже было упомянуто, утратили свои воинственныя привычки. Сперва военная служба была обязательна только для вестготовъ, затѣмъ ее должны были отбывать и туземцы, совмѣстно съ вестготами. Войско дѣлилось на отряды, по 100 человекъ, съ центенаріемъ во главѣ. Высшей боевой единицею были

т. наз. „тіуфадіи“, по 1000 человекъ каждая, подъ командой тіуфада. Кромѣ того, особые военные отряды составляли кліенты, предводительствуемые своими патронами. Ослабленіе военной дисциплины побудило короля Вамбу реорганизовать войско. Онъ раздѣлилъ его на 2 части: постоянное войско, въ составъ котораго входила королевская гвардія, набираемая изъ фискальныхъ рабовъ, кліентовъ или вольноотпущенниковъ короля, а также и ихъ свободныхъ людей, которые получали за службу жалованье. Остальные же призывались только на случай войны. Войскомъ предводительствовалъ или самъ король, или герцогъ.

* *
*

Таковы были общія черты общественнаго и государственнаго строя вестготовъ, насколько можно судить о немъ на основаніи „Forum judicum“.

Черезъ 60 лѣтъ послѣ изданія этого кодекса Испанія сдѣлалась добычей воинственныхъ арабовъ. Подъ натискомъ ихъ сразу рухнуло все зданіе монархіи, воздвигавшееся заботливой рукой вестготскихъ королей въ теченіе 3 столѣтій. Одна битва, одно пораженіе, происшедшее 19 іюля 711 г. на берегахъ р. Барбата (Гвадабеа, по-арабски), въ Кидикской провинціи, рѣшило участь всей монархіи. Арабское завоеваніе, подобно волнѣ, быстро распространилось по полуострову и нигдѣ не встрѣчало сколько-нибудь значительнаго сопротивленія. И вскорѣ

„На всѣхъ стѣнахъ испанскихъ укрѣпленій
Смѣнила крестъ кровавая луна,
И послѣ дней жестокихъ поражений,
Испанія, подъ гнетомъ униженій,
Казалася вполнѣ истощена“¹⁾...

Боролемъ вестготовъ былъ тогда донъ Родриго, герцогъ Бетики. Занявши большую часть сѣв.-зап. Африки—Мавританію, арабы уже нѣсколько разъ пытались вторгнуться въ Испанію и только въ царствованіе этого короля имъ удалось осуществить свое

1) П. Деруледъ, Осада Мурсіи.

наміреніє. Якъ это случилось, точно неизвѣстно. Наиболѣе распространеннымъ является предположеніе, что помощь арабамъ оказалъ вестготскій графъ Юліанъ, комендантъ крѣпости Сеута, мстившій королю Родриго за оскорбленіе чести своей дочери Флоринды, и потомки короля Витицы, претендовавшіе на тронъ и нашедшіе въ лицѣ епископа Опаса и его войска сильнаго союзника, измѣнившаго королю въ рѣшительный моментъ. По другому предположенію, арабы явились въ Іспанію, какъ союзники сыновей Витицы, но изъ союзниковъ превратились въ господъ и завоевали страну для себя. Какъ бы то ни было, положительно извѣстно, что арабы нашли поддержку среди различныхъ элементовъ испанскаго населенія вестготскаго и еврейскаго, и, высадившись въ 711 г., подъ начальствомъ генерала Тарика и графа Юліана, на берегахъ Іспаніи, овладѣли Гибралтаромъ, гдѣ и приобрѣли точку опоры для дальнѣйшихъ завоеваній.

Послѣ сраженія на берегахъ р. Барбата, 'король Родриго бѣжалъ. Тарикъ велѣдъ за тѣмъ овладѣлъ гг. Толедо и Кордовой. Предполагаютъ, что донъ Родриго, собравъ уцѣлѣвшіе отряды, укрѣпился въ г. Меридѣ. Тогда Тарикъ вызвалъ себѣ на помощь изъ Африки своего начальника Музу и съ нимъ довершилъ завоеваніе Іспаніи въ 713 г.

Причину быстрого крушенія Вестготской монархіи новѣйшіе историки видятъ не въ испорченности готовъ, которую часто преувеличиваютъ, не въ предполагаемомъ антагонизмѣ расъ и классовъ, а въ недостаткахъ политической организаціи королевства, въ воинственномъ энтузіазмѣ арабовъ и въ великодушномъ поведеніи ихъ по отношенію къ побѣжденнымъ. Съ арабскимъ завоеваніемъ начинается новыи періодъ въ исторіи Іспаніи. Снова приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ два народа, двѣ религіи и двѣ цивилизаціи. Сліянiя между ними, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто въ отношеніяхъ романскаго и вестготскаго населенія, не произошло, но культурная близость установилась, несмотря на упорную многовѣковую борьбу христіанъ съ мусульманами. Эта борьба, равно какъ и культурныя сношенія съ арабами, опредѣлили особенности національнаго развитія испанцевъ.

Арабы и «реконкиста».

I.

Народъ семитическаго происхожденія, дѣлившійся на племена и ведшій въ Аравіи кочевой образъ жизни, арабы подѣ влияніемъ проповѣди Магомета пріобрѣли политическое единство и въ періодъ времени отъ 697 до 708 г. завоевали всю Малую Азію, Египетъ и с. Африку. Покоренные ими народы приняли новую религію, стали называться мусульманами, магометанами или саррацинами. Жители с. Африки, берберы или мавры, принявъ исламъ, отличались отъ арабовъ религіознымъ фанатизмомъ и демократическими стремленіями. Въ завоеваніи Испаніи принимали участіе и тѣ, и другіе. Мавры явились туда подѣ предводительствомъ Тарика; арабы составляли главную часть войска Музы. Верховная власть, свѣтская и духовная, надѣ всѣми этими народами принадлежала калифу, который имѣлъ резиденцію въ Дамаскѣ, главномъ городѣ Сиріи, а покоренными провинціями управлялъ черезъ посредство губернаторовъ (wali) и ихъ помощниковъ—эмировъ. Первыми эмирами Испаніи были сынъ Музы—Абдель-Асизъ и преемникъ его—Алгоръ, довершившій покореніе полуострова.

Несмотря на то, что арабы отличались терпимостью, завоеваніе ими полуострова произвело глубокое потрясеніе всего общественнаго и государственнаго строя, сложившагося въ Испаніи въ эпоху вестготскаго владычества. Не все испано-готское населеніе подчинилось мусульманскому игу. Многіе жители полуострова, болѣею частью богатые и знатные люди, бѣжали въ горы Астуріи,

Наварры и Каталоніи, гдѣ чувствовали себя свободными и пользовались безопасностью отъ преслѣдованія арабовъ. Но большая часть населенія покорилась своей участи и осталась жить на прежнихъ мѣстахъ подъ арабскимъ господствомъ. То были аллодіальные собственники, куріалы, буццеляріи, колонны, вольноотпущенники и рабы, составлявшие почти всю совокупность населенія покоренной страны, такъ какъ мусульманъ явилось сравнительно немного, да къ тому же они были разсѣяны по всей территоріи. Христіане, подчинившіеся мусульманамъ, назывались мозарабами и въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ сохраняли независимость, управлялись своими законами и подчинялись своимъ выборнымъ графамъ, епископамъ и судьямъ.

Согласно арабскому обычаю, тѣ изъ побѣжденныхъ, которые принимали исламъ, признавались во всѣхъ отношеніяхъ равными мусульманамъ — побѣдителямъ; тѣ же изъ побѣжденныхъ, которые оставались вѣрными своей религіи, могли пользоваться покровительствомъ побѣдителей и равными съ ними правами лишь при условіи уплаты личной подати, установленной для всѣхъ не-мусульманъ и называвшейся „*ta' dul*“, что значитъ „уравненіе“. Размѣры этой подати разнообразились въ отдѣльныхъ провинціяхъ Испаніи и зависѣли главнымъ образомъ отъ большей или меньшей степени сопротивленія, оказаннаго побѣдителямъ, равно какъ и отъ личнаго усмотрѣнія того или другого калифа. Такимъ образомъ простой матеріальный расчетъ, не говоря уже о нравственныхъ побужденіяхъ, склонялъ арабскихъ правителей къ терпимой политикѣ по отношенію къ побѣжденнымъ. Тотъ же матеріальный расчетъ, желаніе избавиться отъ подати и во всемъ быть равными побѣдителямъ, при отсутствіи стойкихъ нравственныхъ принциповъ, побуждали многихъ христіанъ принимать исламъ. Число ренегатовъ постепенно увеличивалось.

Земли, завоеванныя силою оружія, конфискованныя у церкви или оставленныя магнатами, бѣжавшими въ сѣверныя части полуострова, достались арабамъ. Пятая часть этихъ земель объявлена была собственностью государства (*joms*); остальные $\frac{4}{5}$ распределены были между вождями, воинами и даже цѣлыми племенами,

принимавшими участіе въ завоеваніи Испаніи, причемъ берберамъ достались главнымъ образомъ участки на сѣверѣ и арабамъ на югѣ. Обработка и пользованіе всѣми этими землями возлагались на туземныхъ рабовъ, подъ условіемъ уплаты въ пользу собственниковъ или казны $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{5}$ части годичнаго урожая. Положеніе рабовъ, благодаря этому, а также и благодаря мягкому обращенію съ ними арабовъ улучшилось; вмѣсто латифундій вестготской эпохи стала развиваться мелкая земельная собственность.

Что касается отношенія землевладѣльцевъ, христіанъ и мусульманъ, къ государству, то они обязаны были платить въ его пользу поземельный налогъ (*jarash, shizya*) въ опредѣленномъ размѣрѣ. Особенно выиграли отъ арабскаго завоеванія евреи: тягостные для нихъ вестготскіе законы были отмѣнены; какъ союзники арабовъ, они нерѣдко стояли во главѣ администраціи испанскихъ городовъ. Съ теченіемъ времени они усвоили многіе обычаи арабовъ и даже не отличались отъ нихъ костюмомъ.

Нѣкоторыя группы христіанъ въ сѣверной части полуострова остались независимыми отъ арабскаго владычества; онѣ казались арабамъ слишкомъ ничтожными, чтобы была надобность вести съ ними борьбу. Вниманіе завоевателей обращено было по ту сторону Пиренеевъ, на Францію, и хотя одинъ изъ арабскихъ эмировъ — Абдеррахманъ — потерпѣлъ близъ Пуатье (732) пораженіе отъ Карла Мартела, они продолжали свои набѣги на Галлію. Соперничество, существовавшее между берберами и арабами, мѣшало дальнѣйшимъ завоеваніямъ ихъ и поддерживало внутреннія междоусобія среди завоевателей. Въ то время, какъ эмпромъ Испаніи былъ Юсуфъ, на востокѣ произошелъ династическій переворотъ: Омайяды были свергнуты съ престола калифовъ фамиліей Аббасидовъ. Одному изъ Омайядовъ — Абдеррахману удалось спасти жизнь бѣгствомъ сперва въ Африку, затѣмъ въ Испанію. Здѣсь онъ нашелъ союзниковъ, побѣдилъ Юсуфа и объявилъ себя независимымъ отъ дамаскаго калифа эмиромъ Испаніи, въ 758 г. Въ теченіе своего 32-лѣтняго правленія Абдеррахманъ долженъ былъ вести безпрестанную борьбу съ различными мусульманскими племенами, которыхъ поддерживали дамаскскіе калифы и которые не желали подчиниться его

власти. Изъ этой борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ. Кромѣ того, онъ воевалъ съ басками, удержавшими свою независимость, и съ франками. Карлъ Великій, въ качествѣ союзника партіи недовольныхъ Абдеррахманомъ, предпринялъ походъ въ Испанію. Походъ не удался, и Карлъ, отвлекаемый оттуда другими интересами, отступилъ. Во время отступленія франкской арміи, ея аррьергардъ подвергся нападенію со стороны басковъ въ Ронсевальской долині, гдѣ погибъ знаменитый Роландъ, ставшій впоследствии героемъ французскаго эпоса. Однако, съ тѣхъ поръ союза съ Карломъ помогаютъ различные элементы христіанскаго населенія Испаніи, и ему удастся, въ концѣ концовъ, овладѣть сѣв.-вост. частью полуострова и основать тамъ „Испанскую марку“.

При пріемникахъ Абдеррахмана I берега полуострова подвергались нападенію со стороны норманновъ, и для борьбы съ ними они должны были организовать военный флотъ. Наконецъ, то въ той, то въ другой части полуострова поднимаются возстанія подданныхъ эмира, по большей части ренегатовъ, стремившихся къ полной независимости или недовольныхъ пренебрежительнымъ къ себѣ отношеніемъ со стороны арабской аристократіи. Таковы, напр., были возстанія толедскихъ ренегатовъ, возстаніе Омара-бенъ-Гафеума, происходившаго изъ одного знатнаго готскаго рода и державшаго подъ своей властью почти всю Андалузію при пріемникахъ Абдеррахмана II.

Пытались основать самостоятельныя государства въ Испаніи и правители отдѣльных провинцій, и вожди отдѣльных племенъ. Конецъ этимъ внутреннимъ смутамъ положилъ Абдеррахманъ III, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей династіи Омайядовъ. Онъ побѣдилъ Омара († 917), смирилъ мятежную знать и ренегатовъ, восстановилъ политическое единство Испаніи и, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ—эмировъ, первый сталъ титуловаться калифомъ. Онъ же велъ войны съ развивавшимися тогда на сѣверѣ христіанскими государствами, но, потерпѣвъ пораженіе при С. Эстебанъ де Гормасъ въ 917 г., сталъ поддерживать съ ними дружественныя отношенія. Время Абдеррахмана III представляетъ полный расцвѣтъ матеріальной и уметвенной культуры арабовъ. При

его пріемникахъ монархическая власть ослабѣваетъ, главное вліяніе въ государствѣ переходитъ въ руки генерала Магомета-бенъ-Абдала, по прозванію — Альмансоръ, возобновляются междоусобія среди различныхъ претендентовъ на престолъ и, наконецъ, послѣ сверженія Гиксена III (1031), Кордовскій калифатъ послѣ 275-лѣтняго существованія расчленяется на рядъ независимыхъ мусульманскихъ королевствъ и республикъ. Въ періодъ отъ XI до XIII в. происходитъ перемѣщеніе центра политическаго значенія отъ мусульманъ къ христіанамъ.

Послѣдніе, пользуясь слабостью арабовъ, переходятъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, отвоевываютъ у нихъ большую часть территоріи и ограничиваютъ ихъ господство лишь южной частью Андалузіи. Руководящая роль въ этомъ отношеніи принадлежала двумъ, образовавшимся къ тому времени, испанскимъ государствамъ — Леоно-Кастильскому королевству и Арагоно-Каталонской федераціи, для которыхъ славный періодъ завоеваній связанъ былъ съ именами королей Фердинанда III и Іакова I.

Въ концѣ XI в. въ Испаніи насчитывалось до 23 независимыхъ арабскихъ государствъ, называвшихся по-арабски *taifa*. Важнѣйшими изъ нихъ были Кордовская республика, Севилья, гдѣ республиканскій режимъ скоро былъ замѣненъ монархическимъ, Малага, Гранада, Альмерія, Денія съ Балеарскими островами, Сарагосса, Толедо и Бадахосъ. Во главѣ большей части этихъ государствъ стояли генералы арабскаго или берберскаго происхожденія. Между ними происходила ожесточенная борьба изъ-за преобладанія, причемъ перевѣсъ на нѣкоторое время оказался на сторонѣ севильскихъ кади изъ рода Аббасидовъ, которымъ удалось воссоединить подъ своею властью большую часть арабской Испаніи. Эти раздоры были благопріятны для христіанскихъ государствъ, которые становились все опаснѣе для мусульманъ.

Не будучи въ силахъ противостоятъ имъ, андалузскіе князья обратились за помощью къ новому племени, утвердившемуся въ сѣверной Африкѣ, принявшему исламъ, отличавшемуся воинственностью и религіознымъ фанатизмомъ — къ альморавидамъ. Только крайняя необходимость побудила испанскихъ мусульманъ искать

союза у этого грубаго народа. Вождь альморавидовъ Юсуфъ, явившись съ сильнымъ войскомъ въ Испанію, нанесъ вблизи г. Бадахоса пораженіе леонскому королю Альфонсу VI въ октябрѣ 1086 г. и, оставивъ въ распоряженіи севильскаго короля Матамида войско изъ 3.000 человекъ, возвратился въ Африку.

Новыя опасности со стороны христіанъ скоро побудили андалузскихъ князей опять обратиться за помощью къ Юсуфу, имя котораго послѣ одержанной побѣды стало весьма популярно среди испанскихъ мусульманъ. Юсуфъ прибылъ весной 1090 г.; на этотъ разъ онъ рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя настроеніемъ народныхъ массъ, уставшихъ отъ междоусобій и жаждавшихъ сильнаго правительства, и объединилъ подъ своею властью къ 1111 г. все мусульманскія княжества Испаніи, за исключеніемъ Руэды.

Господство альморавидовъ, однако, оказалось непрочнымъ. Въ 1125 г. африканскія владѣнія ихъ подверглись нападенію со стороны маррокескихъ горцевъ—альмогадовъ. Противъ нихъ были высланы войска изъ Андалузій. Тогда и въ самой Испаніи поднялись возстанія противъ владычества альморавидовъ, и снова образовалось тамъ нѣсколько независимыхъ мусульманскихъ княжествъ.

Одержавши побѣду надъ альморавидами, альмогады, въ свою очередь, вторглись въ 1146 г. въ Испанію; они повторили дѣло объединенія мусульманъ подъ своею властью (1172) и воевали съ христіанскими государями полуострова, причемъ въ сраженіи вблизи Навасъ-де-Толоса (1212) потерпѣли сильное пораженіе со стороны соединенныхъ силъ Леона, Кастиліи, Наварры и Арагона; подобно альморавидамъ, они не въ состояніи были справиться съ центробѣжными силами въ своихъ испанскихъ владѣніяхъ, снова расчленившихся на рядъ самостоятельныхъ государствъ, большая часть которыхъ перешла къ кастильской коронѣ. Послѣ 1248 г. на всемъ полуостровѣ за мусульманами оставалась одна только Гранада. Здѣсь они сосредоточили все свои силы, которыхъ было достаточно, чтобы отстаивать свою независимость противъ христіанъ еще болѣе двухъ вѣковъ. Послѣдній актъ многовѣковой борьбы двухъ расъ и двухъ религій, именуемой „реконкиста“, представляетъ взятіе Гранады

католическими королями Фердинандомъ Арагонскимъ и Изабеллой Кастильской въ 1492 г.

* *
*

Такова въ немногихъ словахъ внѣшняя исторія мусульманской Іспаніи. Въ культурномъ отношеніи она можетъ быть раздѣлена на два большихъ періода: первый обнимаетъ время отъ VIII до XI в., когда господство принадлежало арабамъ; второй періодъ начинается съ вторженія альморавидовъ т.-е. съ конца XI в., и характеризуется усиленіемъ берберскаго или маврскаго элемента, значительно уступавшаго арабамъ въ культурномъ отношеніи.

Культура испанскихъ арабовъ составляетъ блестящую страницу не только въ исторіи Іспаніи, но и въ исторіи всего человѣчества. Въ нашемъ очеркѣ, посвященномъ судьбамъ испанскаго народа, можно коснуться лишь важнѣйшихъ сторонъ арабской цивилизаціи и указать, каково было вліяніе ея на христіанъ.

Съ исламомъ часто связываютъ представленіе о фанатизмѣ. Такой взглядъ требуетъ цѣлаго ряда оговорокъ и ограниченій. Если въ первоначальной исторіи Ислама и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ эпизодахъ и можно отмѣтить случаи проявленія фанатизма и нетерпимости, свойственныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ всякой догматической религіи, то не слѣдуетъ упускать изъ вида, что самъ Магометъ, несмотря на свой пророческій энтузіазмъ, былъ весьма толерантенъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ христіанству и еврейству, съ которыми имѣла много общаго созданная имъ религія. Взятая въ цѣломъ, исторія Ислама представляется мощной пропагандой свободы мысли и высокой культуры.

„Черпила ученаго столь же достойны уваженія, какъ кровь мученика“; „Рай столько же существуетъ для того, кто хорошо владѣетъ перомъ, сколько для того, кто палъ отъ меча“; „Величайшее украшеніе человѣка знаніе“,—эти изреченія калифовъ какъ нельзя лучше характеризуютъ духъ той цивилизаціи, носителями которой они были.

Власть калифа была неограниченна. Сотрудниками его по управленію государствомъ были гагибъ—первый министръ—и визири—

секретари, изъ которыхъ одинъ исключительно обязанъ былъ представлять и защищать интересы еврейскихъ и христіанскихъ подданныхъ калифа при его дворѣ. Центральная администрація развѣтвлялась на т. наз. диваны, вѣдавшіе отдѣльныя стороны государственнаго управленія—финансы, военныя дѣла и др. Въ важнѣйшихъ случаяхъ калифъ совѣщался съ представителями мусульманской аристократіи и духовенства и съ придворными чинами, составлявшими государственный совѣтъ (mexuar). Иногда калифъ лично отправлялъ правосудіе, обыкновенно же судили особыя должностныя лица, т. наз. кади. Провинціальное управленіе возлагалось на губернаторовъ, wali, соединявшихъ въ своихъ рукахъ власть военную и гражданскую. Къ занятію государственныхъ должностей доступъ былъ открытъ не только мусульманамъ, но евреямъ и христіанамъ. И тѣ, и другіе образовывали особыя общины, пользовавшіяся широкой автономіей и управлявшіяся собственными законами. Такъ, напр., жители г. Толедо, подобно другимъ мозарабамъ, судились на основаніи вестготскаго кодекса *Fuero Juzgo*.

Въ социальномъ отношеніи мусульманское общество дѣлилось на свободныхъ и несвободныхъ. Во главѣ свободныхъ стояла родовая аристократія, преимущественно арабская. Съ ослабленіемъ арабскаго элемента и усиленіемъ берберскаго мѣсто родовой аристократіи заступаетъ военное сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ можно поставить классъ купцовъ и ремесленниковъ, значеніе которыхъ возрастало по мѣрѣ торгово-промышленнаго развитія мусульманской Испаніи. Классъ несвободныхъ раздѣлялся на земледѣльцевъ и домашнихъ слугъ. Изъ группы послѣднихъ выдѣлялись по своему значенію евнухи и солдаты.

Въ эпоху калифовъ мусульманская Испанія была богатѣйшей и населеннѣйшей страной въ Европѣ: тамъ насчитывалось до 400 городовъ различнаго значенія, изъ которыхъ 80 отличались особымъ многолюдствомъ; деревушекъ же было безчисленное множество, и въ одной только области Гвадалквивира ихъ было до 12.000. Столицей калифата была Кордова, одинъ изъ величайшихъ городовъ Европы того времени: тамъ насчитывалось до 200.000 до-

мовъ, 600 мечетей, 900 общественныхъ бань; улицы были замощены; повсюду проведены были водопроводы; черезъ Гвадалквивиръ сооружены были великолѣнные мосты; дворцы калифовъ и сановниковъ поражали сказочной роскошью и утопали въ зелени чудныхъ садовъ; главная мечеть, начатая при Абдеррахманѣ I и законченная при его преемникахъ, представляла величайшее произведеніе арабскаго зодчества. Доходы казны при Абдеррахманѣ III достигали 5.408.000 денаріевъ, что соотвѣтствуетъ теперешнимъ 64.896.000 франковъ.

Внѣшній блескъ придворной и городской жизни калифата отражалъ высокую степень матеріальнаго благосостоянія, достигнуаго трудолюбивымъ населеніемъ, подъ покровительствомъ просвѣщенныхъ правителей, на поприщѣ земледѣлія, промышленности и торговли. Развитію земледѣлія и улучшенію быта земледѣльцевъ много содѣйствовало образованіе класса мелкихъ собственниковъ среди мозарабовъ. У нихъ арабы научались земледѣлію, такъ какъ первоначально сами не занимались имъ; они ввели культуру риса, сахарнаго тростника и гранатъ; для орошенія плодородныхъ долинъ Гранады, Мурсіи, Валенсіи и др. провели цѣлую сѣть каналовъ изъ рѣкъ и озеръ; кромѣ того, они разводили виноградники, хотя коранъ и запрещалъ имъ употребленіе вина, и, наконецъ, немало вниманія обращали на скотоводство, эксплуатацію золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ и т. д.

Что касается обрабатывающей промышленности, то можно сказать, что не было города въ мусульманской Испаніи, который не славился бы на всю Европу той или другой отраслью промышленной дѣятельности. Толедо, напр., извѣстенъ былъ производствомъ клинковъ, Гранада—шелковыми издѣліями, Куэнка—шерстяными, Кордова, гдѣ проживало до 13.000 ткачей,—шелковыми, шерстяными и особенно кожаными издѣліями, Альмерія—парчей и художественными издѣліями изъ стекла, желѣза и бронзы; Валенсія—пряностями и сахаромъ, Хатива—производствомъ тряпичной бумаги; впервые введеннымъ въ Европѣ арабами, и т. д.

Торговля, морская и сухопутная, сосредоточивалась въ рукахъ арабовъ и евреевъ. Они поддерживали дѣятельный торговый обмѣнъ

съ портовыми городами Африки, Италіи и Леванта, а сухопутную торговлю вели черезъ Пиренеи съ южной Франціей и Ломбардіей. Однимъ изъ важнѣйшихъ портовъ Испаніи былъ г. Севилья, откуда отпускались хлопокъ, оливки, винныя ягоды и т. д.; изъ Малаги и Хаэна вывозили шафранъ, перецъ, сахаръ, вино, фрукты, шелкъ — сырецъ, мраморъ, драгоценныя камни и т. д.; въ Альмеріи находились корабельныя верфи. Особенно дѣятельныя торговыя сношенія поддерживались съ Византіей. Торговля рабами и военноплѣнными представляла тогда особенную важность.

Не менѣе блестящіе результаты были достигнуты арабами и въ области умственной культуры. Не было той отрасли человѣческаго знанія, которая не нашла бы достойныхъ представителей среди арабскихъ и еврейскихъ ученыхъ и не встрѣтила бы покровительства со стороны просвѣщенныхъ калифовъ. Въ этомъ отношеніи испанскіе правители поддерживали тѣ традиціи, которыми характеризуется вѣкъ аббасидовъ въ Багдадѣ. Арабы, какъ извѣстно, спасли и переработали произведенія древне-греческихъ авторовъ и александрійскихъ ученыхъ и впервые познакомили средневѣковую Европу съ сокровищами греческой философіи и литературы. Списки съ этихъ произведеній хранились въ библіотекахъ, которыя учреждались въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ Испаніи и доступны были для всѣхъ. Бывали библіотеки, гдѣ насчитывалось до 400.000 томовъ. Благодаря изобрѣтенію тряпичной бумаги, писчій матеріалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и книги подешевѣли и становились доступными для все большаго и большаго круга лицъ. Переписка книгъ сдѣлалась выгоднымъ ремесломъ, которымъ занимались многія сотни лицъ. Такъ, въ одномъ только кварталѣ г. Кордовы списываніе рукописей составляло профессію 170 женщинъ.

Тогда Испанія изобиловала школами. Правительственныхъ школъ не было, а были только частныя. Преподаваніе раздѣлялось на низшее и высшее. Въ основѣ перваго лежало изученіе корана и въ связи съ нимъ — упражненія въ чтеніи и письмѣ. Высшее образованіе не имѣло опредѣленнаго плана. Профессора были вполне самостоятельны въ выборѣ предмета и способа преподаванія. Предметами высшаго преподаванія въ арабскихъ школахъ были коранъ,

философія, грамматика, діалектика, литература, юриспруденція, астрономія, физика, химія, ботаника, зоологія, медицина, географія и т. д. Школы эти доступны были для лицъ обоого пола, причемъ бѣдные обучались бесплатно.

Особенно блистательныхъ успѣховъ арабы достигли въ области математическихъ наукъ, алгебры и геометріи. При посредствѣ странствующихъ учителей знанія эти распространялись и въ сосѣднихъ странахъ. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣ замѣчательныхъ именъ, являющихся связующимъ звеномъ между арабской культурой и латинскимъ христіанствомъ, былъ знаменитый Гербертъ, впослѣдствіи папа Сильвестръ II, получившій свое образованіе въ Барселонѣ и Кордовѣ подъ руководствомъ арабскихъ профессоровъ.

Цѣлую эпоху въ исторіи европейской философской мысли образуетъ знаменитый кордовецъ XII в.—Ибнъ-Росидъ или Аверроэсъ (1126 -- 1196), „великій комментаторъ Аристотеля“, какъ называли его Данте и Петрарка, и оригинальный мыслитель, учившій о вѣчности матеріи и міровомъ интеллектѣ и оказавшій огромное вліяніе на развитіе итальянскаго ренессанса. Изъ другихъ философовъ той же эпохи назовемъ знаменитаго еврейскаго позитивиста и діалектика Маймонида (1139—1205).

Серьезныя научныя занятія не мѣшали арабамъ увлекаться поэзіей, пѣніемъ и танцами. Среди нихъ было много поэтовъ, поэтессъ и импровизаторовъ; воспѣвались военные подвиги, похожденія героевъ, любовныя приключенія, или преподносились въ стихотворной формѣ льстивые диіамбы государямъ и царицамъ. Еврейская поэзія отличалась болѣе глубокимъ содержаніемъ и большею возвышенностью.

Драматическое искусство было неизвѣстно арабамъ; скульптура и живопись имъ мало удавались, что отчасти можно объяснить толкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ корана не въ пользу занятія этими искусствами. Но зато въ области архитектуры и декоративной живописи (арабески) они оставили послѣ себя цѣлый рядъ памятниковъ, возбуждающихъ и теперь всеобщій восторгъ, каковы Альгамбра въ Гранадѣ, соборъ (бывшая мечеть) въ Кордовѣ, Хиральда (бывшая обсерваторія) въ Севильѣ и т. п.

Если справедливо, что степень распространенности языка даннаго народа служить показателемъ высоты культурнаго уровня его, то полное усвоеніе арабскаго языка испанцами IX—X вв. говорившими на немъ такъ же свободно, какъ и на родномъ, не можетъ не свидѣтельствовать о признаніи самими же испанцами высокаго значенія для нихъ арабской образованности. Они не только свободно говорили, но и писали по арабски. Такъ, епископъ Севильскій Лонгинъ перевелъ библію на арабскій языкъ; священникъ Викентій въ 1049 г. перевелъ сборникъ каноновъ испанской церкви. Латинскій языкъ мозарабовъ подвергся порчѣ подъ вліяніемъ арабскаго, и образовался особый діалектъ—*alĵama*; впрочемъ и арабскій языкъ не остался безъ вліянія латинскаго.

Взаимная близость была настолько велика, что напр., день св. Ивана и новый годъ мусульмане и мозарабы праздновали вмѣстѣ. Миротлюбивыя и даже сердечныя отношенія арабы поддерживали не только съ мозарабами, но и съ независимыми христіанами, если государи ихъ не вели между собой войны. Во время междоусобій въ христіанскихъ государствахъ арабы являлись союзниками своихъ друзей, и, наоборотъ, христіане помогали мусульманамъ въ ихъ домашнихъ распряхъ. Брачные союзы между христіанами и мусульманами были обычны, причемъ мусульманскій законъ не требовалъ, чтобы христіанка, вступающая въ бракъ съ правовѣрнымъ, непременно принимала исламъ. Тѣмъ не менѣе, случаи добровольнаго принятія ислама были весьма часты.

* *
*

Въ то время, какъ большая часть Испаніи подчинялась арабамъ, въ горахъ Астуріи и въ Пиренеяхъ образовались зародыши новыхъ христіанскихъ государствъ, которымъ суждено было въ теченіе почти восьми столѣтій вести упорную борьбу противъ мусульманъ во имя религіи и національной независимости, пока послѣдніе слѣды арабскаго владычества не были уничтожены въ 1492 г. съ паденіемъ Гранады. Чтобы понять, какъ трудна была борьба эта

и какъ продолжителенъ былъ процессъ „реконкисты“, достаточно указать хотя бы на тотъ фактъ, что для достиженія христіанскими королями береговъ Дуэро (въ 850 г.) употреблено было около 150 лѣтъ страшныхъ усилій, а расширеніе территоріи до р. Тахо (1147 г.) потребовало времени около четырехъ съ половиной вѣковъ. Медленность дѣла „реконкисты“ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что христіанскія государства вели борьбу съ мусульманами не сообща, а каждое—порознь, и, кромѣ того, враждовали между собой, вовлекая въ свои внутреннія распри арабовъ.

Нѣтъ ничего скучнѣе и запутаннѣе исторіи тѣхъ безчисленныхъ войнъ и междоусобій, которыми наполнена исторія Іспаніи въ періодъ „реконкисты“, когда, съ одной стороны, Кордовскій калифатъ распался на рядъ независимыхъ мусульманскихъ государствъ, враждовавшихъ между собой, а съ другой—возникшія на сѣверѣ полуострова христіанскія королевства, расширяя свои территоріи на югъ, вступали въ столкновенія и съ маврами, и другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе эпоха эта представляетъ огромную важность въ развитіи народовъ Пиренейскаго полуострова: тогда формировались отдѣльные государства, тогда же складывались и національный характеръ, и національныя учрежденія кастильцевъ, каталонцевъ, португальцевъ и другихъ испанскихъ народностей; тогда же, наконецъ, создавался и испанскій національный эпосъ, центральнымъ героемъ котораго служилъ Сидъ Кампеадоръ. Романсы о Сидѣ суммируютъ всѣ отличительныя черты періода „реконкисты“, и потому, вмѣсто того, чтобы слѣдить за всѣми перипетіями и подробностями этой борьбы, для которыхъ и нѣтъ мѣста въ нашемъ краткомъ очеркѣ испанской исторіи, мы ограничимся передачей лишь наиболѣе существенныхъ чертъ ея, поскольку отразились онѣ въ литературно-историческихъ памятникахъ о Сидѣ.

Такъ назывался знаменитый кастильскій рыцарь XI в. Руи (Родриго) Діасъ де Виваръ. Реальность существованія и дѣятельности его долгое время не подлежала сомнѣнію. Но испанскій историкъ Масдеу отнесся съ крайнимъ скептицизмомъ къ сохранившимся о немъ преданіямъ. Дози, на основаніи тщательнаго изученія испан-

скихъ и арабскихъ источниковъ о Сидѣ, сумѣлъ отдѣлать достовѣрные элементы отъ элементовъ поэтического вымысла и установить важнѣйшіе факты его біографіи.

Сидъ родился въ первой половинѣ XI в., въ царствованіе Фердинанда I, въ г. Бургосѣ или въ сосѣдней съ нимъ деревнѣ Виварѣ. Родителями его были Діего Лайнесъ и Тереза Родригесъ, дочь астурийскаго графа. Когда послѣ смерти Фердинанда I среди дѣтей его начались междоусобія, Сидъ принялъ сторону старшаго его сына, короля кастильскаго Санчо II, и былъ посвященъ имъ въ рыцари. Во время борьбы Санчо съ братомъ его Альфонсомъ, королемъ Леона, Сидъ помогалъ ему и дѣломъ, и совѣтомъ. Когда противники, наконецъ, согласились порѣшить свои споры судомъ Божьимъ съ тѣмъ, чтобы побѣдителю предоставить всѣ владѣнія побѣжденнаго, и когда побѣжденными оказались кастильцы съ Санчо во главѣ, а Альфонсъ, надѣясь на честное исполненіе ими договора, отказался отъ преслѣдованія ихъ, то Сидъ посовѣтовалъ своему королю нарушить договоръ и неожиданно напасть на войско брата. Совѣтъ былъ исполненъ, и леонцы потерпѣли полное пораженіе. Вскорѣ послѣ этого Санчо, при осадѣ г. Саморы, принадлежавшаго сестрѣ его Урракѣ, былъ убитъ измѣнническимъ образомъ. Подозрѣніе въ этомъ убійствѣ пало на Альфонса (VI), унаследовавшаго всѣ владѣнія брата. Нѣкоторые рыцари, въ томъ числѣ и Сидъ, раньше чѣмъ присягнуть ему въ вѣрности, потребовали отъ него клятвеннаго за вѣренія въ томъ, что онъ не принималъ участія въ этомъ убійствѣ. Клятва была принесена, и съ тѣхъ поръ король сталъ тайно злобу къ Сиду, оскорбившему его своимъ недо вѣріемъ. Хотя онъ и женилъ его на своей родственницѣ Хименѣ, дочери графа Овьедскаго, это не помѣшало ему, однако, нѣсколько времени спустя конфисковать имущество Сиды и изгнать его изъ своихъ владѣній. Тогда Сидъ поступилъ на службу къ арабскому князю Сарагоссы—Юсуфу-Аль-Мутамину и сталъ помогать арабамъ противъ короля арагонскаго и графа барселонскаго. Впрочемъ, Сидъ дѣлалъ попытки примириться съ Альфонсомъ VI, но неудачно. Такъ, въ 1092 г. онъ на время сошелся съ нимъ и принялъ даже участіе въ его походѣ противъ альморавидовъ, но скоро поссорился съ нимъ. Располагая

сильною дружиной, Сидъ воспользовался происходившими въ то время междоусобіями въ Валенсіи, объявилъ ей войну и послѣ годичной осады, въ 1094 г., взялъ приступомъ городъ. Овладевъ Валенсіей, онъ проявилъ страшную жестокость по отношенію къ побѣжденнымъ. Умеръ онъ въ своихъ владѣніяхъ въ 1099 г., оставивъ послѣ себя двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Христина, вышла замужъ за Рамона, инфанта наварскаго, а младшая, Марія, за Раймунда, графа барселонскаго. Сидъ былъ чуждъ рыцарскихъ понятій о чести, отличался чрезвычайнымъ вѣроломствомъ и жестокостью, съ дружиной своею занимался грабежомъ и разбоемъ, разорялъ и сжигалъ селенія, истреблялъ или продавалъ въ рабство жителей покоренныхъ областей, служилъ то христіанскимъ, то мусульманскимъ государямъ, смотря по тому, кто больше платилъ. Личная отвага и сильная дружина Сиды, составленная изъ всякаго сброда, изъ мусульманскихъ и христіанскихъ удалцовъ и искателей приключеній, дѣлали его грозою для всѣхъ, и арабскіе владѣтельные князья дорого ему платили за миръ или помощь: такъ, альбарасинскій князь ежегодно платилъ ему по 10.000 динаровъ, а владѣтели Мурвiedро и Сегорбіи—по 6.000. Во многихъ отношеніяхъ Сидъ напоминаетъ тѣхъ наемныхъ предводителей дружинъ, т. наз. кондотьеровъ, которыми такъ богата была Италія XIV—XV вв., и съ которыми не мало общаго имѣлъ и представитель военныхъ обычаевъ Германіи XVII в.—Валленштейнъ. Очевидно, появленіе общаго военного типа въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи вызывалось одинаковыми условіями безпрестанной борьбы между раздробленными частями одного національнаго цѣлаго.

Въ поэтическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ кастильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ и идеализаціи, соотвѣтственно перемѣнамъ, происходившимъ въ политическомъ быту, нравахъ и міросозерцаніи испанскаго народа.

* *
*

Несмотря на арабское завоеваніе, общественный строй испаноготскаго населенія не подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Вестготскій законъ продолжалъ регулировать соціальныя отношенія хри-

стіанской Испаніи еще долго спустя послѣ катастрофы 711 г. Сами испанцы не придавали этому событію рѣшающаго политическаго значенія: правовыя отношенія ихъ оставались прежними, мѣстное управленіе организовано было на старыхъ началахъ, даже самое названіе „готовъ“ въ примѣненіи къ королямъ, знати и народу сохранялось до XI в. Но подѣ вліяніемъ продолжительной и трудной борьбы съ маврами, подѣ вліяніемъ развитія новой политической жизни въ сѣверной части полуострова въ народѣ совершаются глубокія измѣненія. Возникшія изъ одного общаго эмбриона христіанскія государства подвергаются процессу дефференціаціи, обособляются въ независимые политическіе организмы, значительно отличающіеся между собой въ зависимости отъ географическихъ условій развитія, вліянія сосѣдей и степени напряженности борьбы съ маврами, которую каждое государство ведетъ вполнѣ самостоятельно и на свой страхъ. Заботясь о колонизаціи завоеванныхъ мѣстностей и желая пріохотить населеніе къ жизни среди безпрестанныхъ опасностей и борьбы, короли надѣляли его всевозможными льготами и привилегіями, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи, образуютъ новое право, такъ называемыя фуэросы, и постепенно вытѣсняють вестготское законодательство, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ народнаго быта.

Колонизація завоеванныхъ земель на льготныхъ условіяхъ была одною изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ „реконкисты“. Колонизаторами были и короли, и знать, и духовенство. Отъ нихъ жители новыхъ поселеній получали особыя права и привилегіи, изложенныя въ грамотахъ, называвшихся *cartas de poblacion*, *cartas-pueblas*, *franquezas*, *privilegios*, *libertades*, *fueros*—въ Леонѣ, Кастиліи, Наваррѣ и Арагонѣ, *foros*, *foraes*, *costumes*—въ Галисіи и Португаліи, *furs*, *us*, *priviligis*—въ Каталоніи. Изъ этихъ терминовъ для обозначенія многочисленныхъ хартій вольностей, которыя давались или вновь основаннымъ поселеніемъ или уже издавна существовавшимъ, *fueros* (или *foros*, *foraes*, *furs*) былъ наиболѣе употребительнымъ. Онъ происходитъ отъ лат. слова „forum“, что значитъ „рынокъ“, „судъ“, „право“. Первымъ испанскимъ *fuero* былъ вестготскій кодексъ „forum judicum“ или „fuero juzgo“. Какъ уже не разъ говорилось нами, онъ остался дѣйствующимъ правомъ

Испаніи и послѣ завоеванія ея арабами. Но значеніе его, какъ общенароднаго кодекса, постепенно суживалось. Когда отъ Леонскаго королевства отдѣлилось графство Кастильское, въ послѣднемъ стало дѣйствовать мѣстное фуэро Бургоса, главнаго города Кастиліи; Бургосское фуэро въ свою очередь утрачивало общее значеніе, по мѣрѣ того, какъ отдѣльные города и мѣстечки Кастиліи также приобрѣтали самостоятельные фуэросы. Насколько сузилось уже въ XIII в. первоначальное значеніе *Forum judicum*, можно видѣть въ томъ фактѣ, что король Фердинандъ Св. пожаловалъ его въ 1241 г. г. Кордовѣ и всей Андалузіи въ качествѣ муниципальнаго фуэро.

Вслѣдствіе своего богатства и разнообразія, испанскіе фуэросы не поддаются какой-либо общей характеристикѣ или опредѣленной классификаціи. Содержаніе ихъ безконечно варьируется въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Можно только сказать, что всѣ свободныя, гражданскія и политическія учрежденія средневѣковой Испаніи, отличающіяся такимъ своеобразиемъ, берутъ свое начало въ фуэросахъ равней „реконкисты“.

Первоначально въ нихъ только опредѣлялись границы принадлежавшихъ жителямъ данной мѣстности земельныхъ угодій, тѣ повинности, отъ которыхъ они освобождались, и тѣ, которыя оставлялъ за собою сеньоръ. Съ теченіемъ времени содержаніе фуэросовъ становится сложнѣе и разнообразнѣе: они уже заключаютъ въ себѣ постановленія относительно внутренняго устройства той или другой общины, ея управленія, суда, полиціи, выбора должностныхъ лицъ, независимыхъ отъ сеньеріальной власти, и т. д. Фуэросы не только опредѣляли права отдѣльныхъ общинъ, но и права цѣлыхъ сословій. Такъ, напр., рядомъ съ муниципальными фуэросами, существуетъ фуэро кастильскихъ гidalго. Далѣе, они представляли собою или вновь пожалованную привилегію тѣмъ или другимъ лицамъ той или другой корпораціи, или заключенный между ними договоръ, или, наконецъ, простую запись обычаевъ данной мѣстности и данной корпораціи.

Въ болѣе соціальномъ значеніи фуэро (по-латыни, *consuetudines, usatici*) означало подать, пошлину и штрафъ. Въ этомъ

случаѣ фуэросы раздѣлялись на „дурные“ и „хорошіе“, т.-е. на тѣ, размѣръ которыхъ строго былъ опредѣленъ обычаемъ или договоромъ, и на тѣ, которые произвольно устанавливалъ сеньеръ. Каждая запись обычаевъ данной мѣстности ограничивала сеньеріальную власть и опредѣляла права и обязанности населенія, и потому „дурными фуэросами“, открывавшими полный просторъ для всякаго рода вымогательствъ сеньоровъ, можетъ считаться по преимуществу та сфера отношеній, которая еще не нашла своего выраженія въ писанномъ правѣ. Безправный сервъ Испаніи начала „реконкисты“ становился гражданскимъ лицомъ, надѣленнымъ извѣстною суммою правъ, какъ только отношенія его къ сеньеру подвергались регламентаціи въ формѣ фуэросовъ. Последніе, поэтому, могутъ разсматриваться, какъ начало того освободительнаго движенія зависимыхъ классовъ общества, которое возникаетъ повсемѣстно въ средневѣковой Европѣ, въ однихъ странахъ раньше, въ другихъ—позже. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что Испанія въ этомъ отношеніи опередила всю Европу, такъ какъ первые ея фуэросы датируются еще началомъ IX в. Правда, это освободительное движеніе началось въ различныхъ государствахъ Пиренейскаго полуострова не одновременно и развивалось не съ одинаковою силой.

Пиренейскія государства эпохи «реконкисты».

Вновь возникшія въ сѣверной части полуострова государства могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: западную и восточную. Въ составъ первой входили королевства Астурія, Леонъ съ Галисіей и Кастилія, развивавшіяся преимущественно подъ вліяніемъ готскихъ политическихъ традицій. Въ составъ восточной группы входили Наварра, Арагонъ и Каталонія, развитіе которыхъ совершалось подъ значительнымъ вліяніемъ франкскихъ учреждений и обычаевъ. Въ первые вѣка своего существованія государства эти не имѣли твердо опредѣленныхъ границъ, и исторія каждаго изъ нихъ переплеталась съ исторіей другого.

Непосредственно послѣ завоеванія Испаніи арабами возникла Астурійская монархія. Укрывшіеся отъ ихъ преслѣдованія въ горахъ Астуріи вестготы избрали своимъ вождемъ донъ-Пелайо, родственника послѣдняго короля вестготской монархіи—донъ-Родриго. Въ 718 г. Пелайо со своими воинами разбилъ при Ковадонгѣ посланный противъ нихъ арабскій отрядъ подъ начальствомъ Алькамы и послѣ этой побѣды провозглашенъ былъ королемъ готовъ.

Побѣда эта имѣла огромное нравственное значеніе для испанскихъ христіанъ: послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ имъ мусульманами, она была первымъ успѣхомъ христіанскаго оружія и способствовала возникновенію новаго государства, которое можно считать колыбелью испанской монархіи. Съ этого момента собственно

и начинается тотъ періодъ испанской исторіи, который принято называть „реконкистой“.

Сраженіе подъ Ковадонгой окружило Пелайо ореоломъ славы. Со всѣхъ сторонъ къ нему стали стекаться христіане, не желавшіе подчиниться арабамъ. Но дальнѣйшіе военные успѣхи астурийскихъ готовъ были незначительны. Борьба носила преимущественно оборонительный характеръ. Къ наступательнымъ дѣйствіямъ они, какъ и жители другихъ центровъ сопротивленія мусульманамъ, приступаютъ только въ XI в., когда Кордовскій калифатъ распался на составныя части. При ближайшихъ преемникахъ Пелайо усилія королевской власти направлены были, главнымъ образомъ, на усмиреніе знати, противившейся ея попыткамъ установить наследственную монархію и защищавшей избирательный принципъ, на заселеніе опустошенныхъ войной мѣстностей, на постройку церквей и монастырей.

Въ 791 г. на престолъ вступилъ Альфонсъ II. Онъ утвердилъ столицу свою въ Овьедо, возстановилъ политическія и церковныя традиціи Вестготской монархіи, объявилъ кодексъ *Forum iudicium* основнымъ закономъ своего королевства. При немъ въ Галисіи найдены были, по преданію, гробница и мощи апостола св. Іакова на мѣстѣ, гдѣ возникъ потомъ городъ Сантіаго де Кампостела и куда стекалась масса пилигримовъ со всѣхъ концовъ Испаніи и католической Европы. Сынъ и преемникъ его—Рамиро I (842—850) отражалъ нападенія норманновъ на берега Астурии и Галисіи, а послѣдующіе короли значительно расширили территорію королевства на югъ въ борьбѣ съ арабами. Въ 913 г. король Ордоньо II перенесъ свою резиденцію изъ Овьедо въ Леонъ, и государство его, получившее названіе Леона и Астурии, кромѣ этихъ областей заключало въ себѣ и Галисію, а также часть баскскихъ земель, графство кастильское. Центромъ послѣдняго былъ городъ Бургосъ. Страна эта была покрыта множествомъ замковъ—*castillos*, отчего и стала называться *Castilla*. Графъ Фернанъ Гонсалесъ (930—969), возставшій противъ леонскаго короля Рамиро II, положилъ основаніе независимости графства кастильскаго, которое съ 1037 г. со времени борьбы Фердинанда, сына наварскаго короля Санчо Великаго, противъ леонскаго короля Бермудо III, становится королевствомъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ сраженія подъ Ковадонгой, около 724 г., возникли и другіе центры сопротивленія арабамъ: графство Собрарбе въ сѣверной части Арагона, гдѣ укрѣпился нѣкто Гарси-Хименесъ со своими приверженцами, и княжество Наварское, гдѣ во главѣ басковъ, всегда успѣшно отстаивавшихъ свою независимость, сталъ Иньиго Ариста. Общіе интересы борьбы противъ арабовъ, а потомъ и противъ франковъ соединяли судьбы этихъ сосѣднихъ государствъ. Графство арагонское получило вполнѣ обособленное политическое существованіе не раньше 1037 г.: доставшихъ въ этомъ году сыну наварскаго короля Санчо Великаго—Рамиро, оно стало называться королевствомъ. Графы наваррскіе стали титуловаться королями Наварры съ 860 г., со времени Гарсиа-Хименеса, сына графа Санчо. Значеніе Наварскаго королевства возрастаетъ въ концѣ X в. Санчо Великій объединяетъ тогда подъ своею властью большую часть христіанскихъ государствъ отъ Галисіи до графства Барселонскаго и расширяетъ границы своего королевства на югъ, на счетъ арабовъ. Но уже сынъ его Гарсиа владѣетъ одною только Наваррой.

Сѣверо-восточный уголъ полуострова, нынѣшняя Каталонія, была отвоевана отъ арабовъ франкскими королями въ концѣ VIII и въ началѣ IX в. Область эта получила названіе „Marca Hispanica“ и раздѣлена была на нѣсколько графствъ, которыя вскорѣ сдѣлались независимыми отъ Франкской монархіи. Изъ нихъ наибольшую важность представляло графство Барселонское. Начало независимости его датируется 874 г., когда графомъ былъ Вифредъ I, расширившій свои владѣнія въ борьбѣ съ арабами до области Таррагоны. Въ X в. преемникъ Вифреда I—Вифредъ II (или Боррель I) подвинулъ еще дальше границы своего государства, по ту сторону рѣки Лобрегата. На короткое время арабамъ удалось въ 986 и 1003 гг. возвратить себѣ Барселону и другіе каталонскіе города, но графъ Рамонъ Боррель окончательно утвердилъ тамъ господство свое и своихъ преемниковъ.

Наконецъ, чтобы закончить этотъ предварительный обзоръ возникновенія христіанскихъ государствъ на Пиренейскомъ полуостровѣ въ эпоху „реконкисты“, остается сказать еще нѣсколько

словъ объ условіяхъ образованія Португальскаго королевства. Первоначальная исторія его тѣсно связана съ исторіей Леона и особенно той его части, которая называется Галисіей. Границы ея постоянно измѣнялись по мѣрѣ того, какъ короли Леона расширяли свои владѣнія на югъ или должны были отступать передъ успѣхами мусульманскаго оружія. Будучи провинціей Леонскаго королевства, Галисія раздѣлялась на нѣсколько графствъ, находившихся подъ управленіемъ одного или нѣсколькихъ графовъ. Уже въ половинѣ IX в. существовало графство Португальское (*terraportuealensis*). Но прочное основаніе ему положено было не раньше половины XI в., когда король Фердинандъ I завоевалъ территорію на югъ отъ р. Дуэро до р. Мондего, съ гг. Брага, Порто, Коимбра и др. Послѣ смерти Фердинанда Галисія съ областью между рр. Миньо и Мондего досталась его сыну Гарсія, отъ него — кастильскому королю Санчо, а затѣмъ — леонскому королю Альфонсу VI. Послѣдній завоевалъ у арабовъ гг. Санатремъ, Синтру и Лиссабонъ и, выдавъ замужъ свою незаконную дочь донну Терезу за графа бургундскаго Генриха, далъ ей въ приданное (1095?) графство португальское, обнимавшее тогда территорію отъ р. Миньо до р. Тахо. Генрихъ, получивъ это графство въ вассальное владѣніе, обязанъ былъ оказывать королю леонскому военную и денежную помощь. Послѣ смерти Генриха (1114) вдова его присвоила себѣ титулъ королевы португальской. Но полную независимость отъ Леонскаго королевства Португалія пріобрѣла при 'сынѣ ея, Альфонсѣ-Энрикесѣ.

Такъ какъ каждое изъ вновь преобразовавшихся христіанскихъ государствъ Испаніи жило самостоятельнымъ политическою жизнью и усвоило своеобразныя общественныя формы, то мы и прослѣдимъ особо за измѣненіями во внутренней структурѣ каждаго изъ нихъ, въ связи съ виѣшней политической исторіей.

І. КАСТИЛІЯ.

Виѣшняя исторія Кастиліи съ XI до половины XIII в. наполнена частными столкновеніями съ королями Леона. Въ промежуткахъ этой борьбы оба государства ведутъ войны противъ арабовъ,

ослабленныхъ раздробленіемъ Кордовскаго калифата на цѣлый рядъ независимыхъ княжествъ, враждовавшихъ между собой. Кастилія становится королевствомъ при Фердинандѣ I (1035—1065), который присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Леонъ. Въ концѣ XI в. королю Альфонсу VI (1072—1109) удается завоевать г. Толедо. Преемники его расширяютъ границы государства присоединеніемъ къ нему отнятыхъ у арабовъ областей Новой Кастиліи и Эстремадуры. Дочь Альфонса VI, донья Уррака (1109—1126), переноситъ столицу Кастиліи изъ Леона въ Толедо. Правленіе этой женщины, развратной интригантки, сопровождалось внутренними смутами и войной съ Арагономъ, наступившей послѣ разрыва Урраки со вторымъ мужемъ ея, королемъ арагонскимъ Альфонсомъ I. Послѣдній управлялъ до того времени обоими королевствами и извѣстенъ въ исторіи Кастиліи подъ именемъ Альфонса VII. Послѣ смерти Урраки сынъ ея отъ перваго брака, Альфонсъ VIII (1126—1157), заключилъ миръ съ арагонскимъ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ открылъ войну противъ альмогадовъ, воодушевленныхъ желаніемъ возстановить исламъ въ его чистомъ видѣ. Религіозный фанатизмъ и дикая отвага альмогадовъ дѣлали борьбу съ ними крайне трудной и опасной для Кастиліи. Между тѣмъ въ это критическое время, въ силу завѣщанія Альфонса VIII, владѣнія его были раздѣлены между его сыновьями, Санчо и Фердинандомъ. Леонъ и Кастилія снова были отдѣлены другъ отъ друга, и между ними снова возникли междоусобія, продолжавшіяся почти цѣлое столѣтіе.

Ослабленная внутренними смутами, Кастилія не могла дать сильнаго отпора натиску арабовъ. 19 іюля 1195 г. въ битвѣ при Аларкосѣ Альфонсъ IX (1158—1214) потерпѣлъ страшное пораженіе отъ Якуба Альмансора, вождя альмогадовъ, и принужденъ былъ уступить ему почти всю Новую Кастилію, за исключеніемъ г. Толедо. Духовно-рыцарскіе ордена, основанные въ Испаніи, по образцу ордена тамплировъ (калатравскій—въ 1175 г., алькантарскій—въ 1176, кампостельскій—въ 1175 г.), зависѣвшіе въ духовномъ отношеніи отъ папы, а въ свѣтскомъ—отъ короля и надѣленные огромной земельной собственностью и иммунитетами,

помогли кастильскимъ королямъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Пользуясь ихъ поддержкой, равно какъ и помощью союзныхъ государствъ, Альфонсъ IX, въ битвѣ при Навасъ-де-Толоса (1212), нанесъ такой ударъ альмогадамъ, послѣ котораго они уже не могли оправиться и скоро были изгнаны испанскими арабами.

Послѣ смуть, сопровождавшихъ кратковременное царствованіе малолѣтняго сына Альфонса IX, Генриха I (1214—1217), для Кастиліи начинается эпоха внѣшняго могущества и блеска, связанная съ именемъ Фердинанда III Святого (1217—1252). Государь этотъ въ 1230 г. навсегда соединяетъ Леонъ съ Кастиліей въ одно государство и завоевываетъ у арабовъ Кордову, Севилью, Хересъ, Кадиксъ, расширяя границы Кастиліи до самаго моря. Одновременно съ этимъ арагонскій король Хаиме (Іаковъ) I завоевываетъ у арабовъ Балеарскіе острова, Валенсію и Мурсію, причеиъ послѣдняя, согласно договору, уступлена была имъ Кастиліи. Послѣ этого въ рукахъ арабовъ оставалась одна лишь Гранада, куда толпами стали переселяться жители покоренныхъ странъ, не желавшіе подчиняться игу христіанъ. Въ Кастиліи, какъ бы успокоившейся на сдѣланныхъ завоеваніяхъ, начинаются безпрестанные дворцовые перевороты и междоусобія за престолонаслѣдіе, составляющія такой же господствующій фактъ ея исторіи, какъ и борьба съ маврами. Частыя сношенія съ послѣдними, отражаясь вообще на культурѣ Кастиліи, оказывали особенное вліяніе на частную и придворную жизнь королевей, усвоившихъ страсть арабовъ къ роскоши и гаремныя привычки Востока, на которыя церковъ смотрѣла довольно снисходительно, въ виду усердія, съ какимъ короли старались доставить торжество кресту надъ полумѣсяцемъ. Такія явленія придворной жизни, какъ вмѣшательство королевскихъ любовницъ въ политику, ихъ соперничество и интриги, многочисленность незаконныхъ рожденій, а отсюда — и притязаній на наслѣдство, были вмѣстѣ и косвенными результатами арабскаго вліянія, и главными причинами безпрестанныхъ смуть въ эпоху, слѣдовавшую послѣ Фердинанда и сына его Альфонса X. Смуты эти, усиливавшіяся еще вслѣдствіе частыхъ случаевъ несовершеннолѣтія королевей, отдаляли время полнаго триумфа христіанъ надъ маврами.

Правленіе Альфонса X Мудраго (1252—1284), несмотря на свой внѣшній блескъ, было крайне бѣдственно. Содержаніе пышнаго двора, притязанія на престолъ Германской имперіи, щедрые подарки ученымъ и поэтамъ и другія затѣи короля дорого обходились народу. Для приобрѣтенія необходимыхъ средствъ Альфонсъ прибѣгалъ къ порчѣ монеты, преслѣдованію евреевъ и вымогательству у нихъ денегъ. Кромѣ того, при немъ происходили неурядицы изъ-за престолонаслѣдія. Послѣ смерти старшаго сына его, Фердинанда де ла Серда, оставившаго двухъ сыновей, наслѣдникомъ престола былъ признанъ второй сынъ Альфонса, Санчо; но мать инфантовъ де ла Серда, Бланка, дочь французскаго короля Людовика IX, вступилась за ихъ права. Кортесы, собравшіеся въ Вальядолидѣ въ 1282 г., объявили Альфонса низложеннымъ и провозгласили королемъ сына его Санчо. Отецъ и сынъ вступили въ борьбу, продолжавшуюся до самой смерти Альфонса. Царствованіе Санчо IV (1284—1295), равно какъ и двухъ его ближайшихъ преемниковъ, Фердинанда IV (1295—1312) и Альфонса XI (1312—1350), наполнено гражданскими войнами, главной причиною которыхъ являлось честолюбіе знатныхъ фамилій, а также соперничество городовъ съ дворянствомъ. Соціальныя отношенія Кастиліи въ эту эпоху уже вполнѣ опредѣлились, и мы перейдемъ теперь къ ихъ характеристикѣ.

* *
*

Большая часть земледѣльческаго населенія Кастиліи, какъ и другихъ христіанскихъ государствъ полуострова, въ началѣ „реконкисты“, находилась въ такой же зависимости, личной и матеріальной, отъ сеньеровъ, какъ и въ готскую эпоху, распредѣлялась между короной (*servi fiscales*), церковью и знатію и состояла изъ двухъ категорій лицъ—личныхъ рабовъ (*mancipia*) и крѣпостныхъ или колоновъ. Источниками рабства и крѣпостного состоянія были война, рожденіе отъ несвободныхъ родителей, долговыя обязательства и добровольное подчиненіе власти того или другого господина. Личное рабство существовало въ Леонѣ и Кастиліи до XII в. Крѣпостное состояніе, служившее переходомъ къ личной

свободѣ, прекратилось въ этой странѣ раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова. Оно характеризуется тѣмъ, что колонны не могли оставлять землю, которую обрабатывали, обязаны были за пользованіе ею выполнять различныя барщинныя работы и доставлять своимъ господамъ различныя произведенія сельскаго хозяйства. Нерѣдки были случаи, при раздѣлѣ господской земли, отдѣленія другъ отъ друга члена одной и той же крестьянской семьи, мужа отъ жены, дѣтей отъ родителей. „Древнее фуэро Кастиліи“ (*Fuero viejo de Castilla* или Фуэро Гидальго) признавало за сеньерами право на личность и имущество ихъ крестьянъ и право безапелляціоннаго суда надъ ними. Избавлялись они отъ своей тяжелой зависимости посредствомъ или отпущенія на волю, или бѣгства, или возстанія. Случаи возстанія въ Астуріи констатируются еще въ VIII в. Въ 1136 г. имѣло мѣсто крестьянское возстаніе въ Сантіаго; въ 1096 г. и 1110 гг.—во владѣніяхъ монастыря Сагагуна, бывшаго центромъ клонійскаго вліянія въ Испаніи, неблагопріятнаго для крестьянъ.

Основаніе поселеній въ мѣстностяхъ, завоеванныхъ у мавровъ, облегчало и ускоряло процессъ эмансипаціи крестьянъ. Чтобы сохранить за собой мѣстности, подверженныя нападеніямъ со стороны мавровъ, короли-конкистадоры заботились о заселеніи ихъ и привлекали туда колонистовъ, надѣляя ихъ всевозможными льготами и привилегіями. Въ новыхъ поселеніяхъ могли находить убѣжище и пріобрѣтать полную свободу рабы, бѣглецы холопы, убійцы и преступники. Но если новыя городскія или сельскія общины основывались внутри королевства, вдали отъ пограничныхъ пунктовъ, осторожность требовала не дѣлать ихъ мѣстомъ убѣжища для лицъ несвободнаго состоянія. Такъ, фуэро Леона 1020 г. предписывало возвращать бѣглыхъ рабовъ ихъ господамъ, кто бы они ни были — христіане или мусульмане. Вслѣдствіе этого эмансипація рабовъ и крѣпостныхъ совершалась быстрее въ мѣстностяхъ, завоеванныхъ у мавровъ сравнительно въ позднюю эпоху, какъ, напр., въ южной части Леона и въ Кастиліи, чѣмъ въ тѣхъ областяхъ, которыя находились въ обладаніи христіанъ уже въ раннюю эпоху „реконкисты“, какъ, напр., въ Астуріи, Галисіи, въ сѣв. Португаліи, въ старой Каталоніи.

Муниципальные фуэросы, а также и соперничество между городскими общинами и знатью немало содѣйствовали улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ. Уже въ X в. многіе изъ нихъ сперва добились сокращенія барщинныхъ работъ до одного дня въ недѣлю, а затѣмъ и низведенія ихъ на степень общественныхъ помочей, въ количествѣ 2—3 дней въ году. Съ установленіемъ опредѣленныхъ повинностей въ пользу сеньеровъ, эти крестьяне („foreros“), по-прежнему, лишены были права свободного перехода. Но уже въ XIII в., въ эпоху Альфонса X, всѣ крестьяне Кастиліи пользовались полной свободой перехода, не сопряженной съ потерей движимаго имущества. Поставленные этимъ королемъ подъ защиту закона и обязанные платить за свои земельные участки опредѣленный цензъ, они находились въ положеніи эмфитевтовъ и, какъ податной классъ, назывались „pecheros“ (отъ слова „pecha“ подать).

Крестьянскіе платежи рано стали регулироваться фуэросами. Еще въ 824 г. жителямъ мѣстечка Браносера дано было фуэро, по которому они обязаны были платить сеньеру за свои земельные участки цензъ (*infurtio*) въ томъ размѣрѣ, какой окажется для нихъ возможнымъ (*quantum poterint*), освобождались отъ караульной службы въ замкахъ и отъ повинности „*anubda*“, которую платили королевскимъ посланцамъ, созывавшимъ народъ на войну. Фуэро Сепульведы (940) освобождало мѣстное населеніе отъ права сеньера на выморочное имущество (*maneria*) и отъ той подати, какую обязаны были платить ему родственники лица, умершаго безъ наслѣдника, причемъ, въ случаѣ отсутствія ихъ, имущество должно было поступать въ распоряженіе общины для благотворительныхъ цѣлей. Фуэросы другихъ мѣстностей, кромѣ того, часто или вовсе освобождали населеніе отъ различныхъ повинностей (какъ „*fonsadega*“, состоявшей въ обязанности жителей слѣдовать на войну по первому призыву или платить выкупныя деньги, какъ „*fossataria*“ и „*facendera*“, — состоявшихъ въ обязанности жителей содержать въ порядкѣ крѣпостныя рвы и стѣны, какъ „*nuncio*“ или „*mincio*“, заключавшейся въ правѣ сеньера на лучшую штуку скота умершаго вассала, какъ „*calumnia*“

и „homicidio“, представлявшихъ штрафъ, который платили жители даннаго селенія, если въ окрестностяхъ его находили убитыхъ или раненыхъ, какъ „portazgo“, „pontazgo“ — провозныя пошлины и т. д.), или точно опредѣляли размѣры этихъ повинностей и ограничивали взиманіе ихъ извѣстными случаями (таковы, напр.: фуэросы Карденья 941, Мельгаръ де Сузо 950, Леона 1020 г., Виллависенсіо, Логроньо, Паленсуэлы, Сагагуна, Бургоса XI в., Толедо XII в., Кастрохериса XIII в. и др.).

Освобождаемые отъ различныхъ феодальныхъ повинностей, поселенцы (pobladores) организовывались въ самостоятельныя общины, права которыхъ быстро возрастали. 29 ноября 955 г. въ присутствіи графа Кастильскаго — Фернанъ-Гонсалеса собрались жители общинъ С. Садурнина, Барбелли и Барріо, мужчины и женщины, старые и молодые, богатые и бѣдные, знатные и плебеи, и совмѣстно съ графомъ обсуждали и рѣшали вопросы, касавшіеся внутренняго устройства и управленія ихъ общинъ. Хартіи нѣкоторыхъ болѣе древнихъ или болѣе важныхъ общинъ служили образцами, по которымъ основывались новыя общины. Такъ, напр., фуэро Логронье (1095) было дѣйствующимъ правомъ для селеній Ріохи и Баскскихъ провинцій. Фуэро Бургоса (1073) и Сагагуна (1084) служило образцомъ для цѣлаго ряда муниципальных фуэросовъ въ Кастиліи. Словомъ, въ муниципальномъ развитіи испанскихъ общинъ наблюдалось явленіе, аналогичное тому, какое имѣло мѣсто и въ Германіи, и во Франціи, гдѣ также существовали основные типы муниципального устройства (Страссбургъ, Кельнъ, Любекъ, Руанъ, S.-Omer, Beaumont и т. д.), по образцу которыхъ учреждались и другія общины.

Обыкновенно жители общинъ, надѣленныхъ фуэросами, пользовались важными иммунитетами, привилегіями и гарантіями гражданской неприкосновенности. Королевскіе и сеньоріальные уполномоченные — сайоны и мэрины могли имѣть доступъ въ общину только для взиманія тѣхъ повинностей, которыя утверждены были фуэросами, и лишены были права на бесплатное содержаніе (posada) у мѣстныхъ обывателей (Карденья 941 г., Нахера 1001—1038). Представители судебной и полицейской власти (мэрины, алькальды,

сайоны) должны были назначаться изъ среды мѣстныхъ обывателей (Логроньо, 1095). Фуэросы уполномочивали жителей общинъ безнаказанно убивать тѣхъ агентовъ сеньориальной власти, которые насильственно вторгались въ обывательскія жилища (Миранда де Эбро, 1099). Управление дѣлами сосредоточивалось въ общинномъ совѣтѣ—*concejo* (*Fuero de Sahagun*, 1084). Несвободные люди, *servi*, поселившись въ привилегированной общинѣ, становились свободными, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто во французскихъ „*sauvetés*“ и въ германскихъ общинахъ, гдѣ „*die Luft macht frei*“.

Одною изъ наиболѣе оригинальныхъ формъ соціального развитія Леона и Кастиліи являются вольныя крестьянскія общины такъ наз. бегетріи, жители которыхъ еще по фуэро Леона пользовались правомъ свободного перехода со всѣмъ своимъ имуществомъ. Этимологія слова „*behetria*“—спорная, но изъ всѣхъ существующихъ объясненій ея наиболѣе вѣроятнымъ представляется то, которое сближаетъ это слово съ латинскимъ „*beneficium*“ (= *benefactoria* = *bienfetria* = *bienhetria*; аналогичное словообразование представляетъ *malfetria* отъ *maleficium*).

Бегетріи были группы свободного земледѣльческаго населенія, нуждавшагося въ періодъ общественныхъ неурядицъ и слабости государственной власти въ защитѣ и покровительствѣ (*benefactoria*) какого-нибудь могущественнаго лица. Смотра по тому, какъ далеко простиралась свобода выбора крестьянскими общинами сеньора, бегетріи были двухъ родовъ: 1) „отъ моря до моря“ (*de mar á mar*) и 2) фамильныя (*de finage*; этого рода бегетріи назывались также „*divisa*“). Первые существовали только въ Кастиліи, вторыя—и въ Кастиліи, и въ Леонѣ; первыя могли избирать сеньоромъ любого гидальго, вторыя только представителя того дворянскаго рода, на землѣ котораго расположена бегетрія и по отношенію къ которому жители назывались *naturales*. Бегетрія образовывала или цѣлое селеніе, или была лишь составною его частью, гдѣ вольные земледѣльцы жили на ряду съ другими группами крестьянъ, монастырскихъ, дворянскихъ и королевскихъ. Члены бегетрій были почти полными собственниками тѣхъ земель, которыя обрабатывали, и могли свободно располагать ими. Въ случаѣ недовольства, они могли

избирать другого сеньора, и такъ „до семи разъ въ день“, по выраженію хроникера Педро де Айала.

Сеньоръ обязанъ былъ защищать членовъ бегетрій на судѣ и внѣ его и за это пользовался цѣлымъ рядомъ правъ по отношенію къ населенію бегетрій. Такъ, онъ могъ три раза въ годъ, каждый разъ по три дня, получать содержаніе отъ жителей бегетрій (*conducho, yantar*), взимать съ нихъ извѣстную подать въ день св. Мартина (*martiniega*), въ день св. Хуана (*divisa*), въ знакъ признанія своей власти надъ ними (*naturaleza*) и т. д. Повинности эти не были общими для всѣхъ бегетрій и безконечно разнообразились и выполнялись то натурой, то деньгами. Половина ихъ шла въ пользу короля. Каждый разъ выборы сеньора сопровождались беспорядками и волненіями среди членовъ бегетрій, что давало королевской власти поводъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла и, наконецъ, уничтожить ихъ въ началѣ XVI в.

Насколько широкое распространеніе получила въ Леонѣ и Кастиліи эта форма крестьянскихъ отношеній, можно судить на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ половинѣ XIV в. (въ т. наз. *libro Vesegro*) для приведенія въ извѣстность сеньориальныхъ и королевскихъ правъ на различные виды крестьянскихъ повинностей и платежей и опубликованныхъ въ 1876 г. Hernandez'омъ. Оказывается, что въ 15 округахъ (*merindados*), на которые дѣлилось Леоно-Кастильское королевство, насчитывалось до 2207 селеній, въ томъ числѣ 735 бегетрій. Такимъ образомъ, бегетріи составляли 33% общаго числа поселеній всѣхъ видовъ даже въ ту пору, когда онѣ уже приходили въ упадокъ и стали исчезать.

* *
* *

Развитіе крестьянскихъ общинъ было стѣснено и ослаблено сильнымъ ростомъ городского сословія въ Леонѣ и Кастиліи. Фуэросы служили исходнымъ пунктомъ для развитія военной организаціи и муниципальной автономіи городовъ, основанной на широкихъ демократическихъ началахъ. XII—XIII вѣка были временемъ высшаго развитія городской жизни въ Кастильской монархіи. Каждая община

(*communidad*) представляла извѣстную политическую единицу, обнимавшую главный городъ (*ciudad, villa*) и принадлежавшіе ему селенія и хутора (*aldeas, lugares*), избирала членовъ городского совѣта (*consejo*), магистратовъ и судей, самостоятельно вела свое хозяйство, содержала милицію и управлялась своими *фуэросами*. Всѣ жители городской общины признавались равными передъ закономъ; городскіе магистраты ежегодно избирались посредствомъ прямой и всеобщей подачи голосовъ изъ среды жителей, имѣвшихъ хоть одну лошадь, и были отвѣтственны передъ избирателями. Судъ производился на основаніи мѣстныхъ *фуэросовъ*. Личность и имущество были обставлены всевозможными гарантіями. Каждая изъ такихъ общинъ съ принадлежавшимъ ей округомъ являлась какъ бы независимой республикой. До половины XIV в. вліяніе короля на внутреннее управленіе общинъ было незначительно: обыкновенно тамъ ему принадлежала лишь верховная судебная власть, заключавшаяся въ правѣ принимать апелляціи на рѣшенія муниципальных судей и право на извѣстныя пошлыны (*moneda forera, fonsadera yantar*), размѣръ которыхъ опредѣлялся мѣстными *фуэросами*. Такое необычайное возвышеніе кастильскихъ городовъ совершалось въ силу причинъ совершенно иного характера, чѣмъ тѣ, которыя способствовали развитію итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ городовъ, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ преимущественно промышленно-торговому росту населенія. Среди безпрестанныхъ войнъ съ маврами кастильцы развили въ себѣ духъ воинственной отваги и религіознаго воодушевленія, но не могли посвящать слишкомъ много времени занятіямъ промышленностью и торговлей. Развитіе и мощь городскихъ общинъ Кастиліи обусловливались, главнымъ образомъ, ихъ военнымъ значеніемъ; военная организація городовъ, сохранявшаяся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, давала городскому населенію преобладаніе надъ всѣми остальными общественными элементами. Королевская власть сама помогла кастильскимъ общинамъ возвыситься до такого значенія, долгое время видя въ нихъ союзниковъ противъ сильной и безпокойной знати. Но мѣръ того, какъ увеличивалось могущество знати и церкви, короли увеличивали число и объемъ муниципальных *фуэросовъ*, распространяя

ихъ и на тѣ города, которые не пользовались ими раньше. По этотъ союзъ короля съ общинами продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока свѣтская и духовная аристократія не были достаточно ослаблены; какъ только королевская власть почувствовала себя безопасной съ этой стороны, она оставляетъ прежнихъ союзниковъ и старается при помощи собственной партіи сломить могущество городовъ, чтобы установить должное равновѣсіе между различными элементами общества. Этотъ переломъ въ королевской политикѣ вполнѣ ясно обозначается уже въ началѣ XV в., и съ этой поры городскія общины постепенно приходятъ въ упадокъ.

Городскіе союзы, или германдады, получившіе въ концѣ XIII в. сильное развитіе и широкое распространеніе, служили самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить короля уважать права народа. 1295 годъ былъ особенно плодотворенъ въ отношеніи образованія городскихъ союзовъ въ различныхъ частяхъ кастильской монархіи. Такъ, въ этомъ году образованы были германдады среди общинъ Кастиліи, Леона, Галисіи, Мурсіи, а въ слѣдующемъ 1296 г., кромѣ того, такія же германдады образовали жители г. Куэнки и баскскихъ общинъ—Сантандера, С.-Себастьяна, Виторіи и др. Главною задачей этихъ союзовъ была защита фюэросовъ общинъ отъ нарушенія ихъ со стороны короля или магнатовъ и сопротивленіе противъ незаконнаго взиманія податей. Въ статутѣ кастильской германдады послѣ перечисленія тѣхъ повинностей, которыя должны нести жители общинъ въ пользу короля (*marzadga, moneda forera, yantar, fonsadera*), читаемъ слѣдующее: „Мы всегда должны охранять наши фюэросы, обычаи, привилегіи, хартіи и вольности такимъ образомъ: въ случаѣ, если бы король Фердинандъ, нашъ сеньеръ, или другіе короли, которые будутъ слѣдовать послѣ него, или алькальды, или мэрины пожелали идти противъ нашихъ вольностей, всѣхъ или извѣстной части ихъ, какимъ бы то ни было образомъ или въ какое бы то ни было время, мы должны единодушно указать королю на обиду и потребовать удовлетворенія ея; если же удовлетворенія не послѣдуетъ, мы всѣ вмѣстѣ должны защищаться и сопротивляться противъ нарушенія вольностей, согласно привилегіи, данной намъ королемъ

Санчо". — „Если какой-нибудь человѣкъ“, — читаемъ дальше, — „принадлежащій къ союзу, представить королевскую грамоту, предписывающую взиманіе какого бы то ни было налога, вопреки фуэросамъ, онъ долженъ быть убитъ жителями той общины, куда явится, или другими членами германдады“. Въ такомъ же духѣ составлены были статуты германдадъ, образованныхъ общинами Леона, Галисіи, Мурсії и другихъ составныхъ частей кастильскаго королевства. Въ 1298 г. отдѣльныя германдады, существовавшія независимо другъ отъ друга, сливаются въ одинъ общій союзъ, и этотъ союзъ всѣхъ общинъ королевства возобновляется въ эпоху малолѣтства Альфонса XI, въ 1315 и 1317 гг., предоставляя среднему сословію могущественную охрану его вольностей и интересовъ. Но могущество германдадъ продолжалось недолго; во второй четверти XIV в., именно начиная съ 1329 г., Альфонсъ XI нанесъ имъ рядъ ударовъ, послѣ которыхъ городскіе союзы стали приходить въ упадокъ.

Муниципально-демократическіе элементы общественнаго развитія Кастиліи не исключали феодально-аристократическихъ. Изъ двухъ высшихъ сословій, духовенства и дворянства, первое, въ противоположность тому значенію, какимъ пользовалось оно въ готскую эпоху, не играло большей роли въ средневѣковой Кастиліи.

Въ первый періодъ „реконкисты“ духовенство сѣверо-западной Испаніи еще удерживало тѣ права, какими пользовалось въ вестготскую эпоху. Въ соборахъ IX и X вв., которые созывались королями Астуріи и которые по своей организаціи напоминали толедскіе, духовенство играло первенствующую роль и принимало участіе не только въ рѣшеніи церковныхъ, но и государственныхъ вопросовъ. Но въ XI—XII вв., подъ вліяніемъ борьбы за инвеституру, національнныя собранія Леона и Кастиліи съ ихъ сильной теократической окраской подверглись секуляризаціи, и духовенство утратило то преобладающее значеніе, какое принадлежало ему раньше въ политическомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ вѣдѣнію его подлежали исключительно церковныя дѣла; въ кортесахъ оно занимало второе послѣ дворянства мѣсто.

Духовенство раздѣлялось на высшее и низшее. Въ половинѣ XIII в. первое составляли архіепископы сантиагскій, толедскій и севильскій, епископы, аббаты и пріоры монастырей. Сюда же можно отнести магистровъ духовно-рыцарскихъ орденовъ Сантиаго, Алькантары, Калатравы, Уклеса, Тамплиеровъ и пріора Іоаннитовъ. Къ низшему относились клирики капитуловъ, члены различныхъ духовныхъ конгрегацій и приходское духовенство.

Высшее духовенство обладало огромными земельными богатствами. Значительная доля земель приносилась въ даръ церкви королями и частными лицами. Земли эти, равно какъ и тѣ, которыя пріобрѣтались путемъ завоеванія самими духовными лицами, образовывали домены церкви (*abadengo*). По отношенію къ населенію этихъ земель духовенство пользовалось сеньориальными правами, т.-е. взимало всякаго рода личныя и земельныя повинности и отправляло правосудіе. Съ другой стороны, епископы и аббаты обязаны были, по королевскому призыву, являться на войну въ сопровожденіи отрядовъ, набранныхъ среди сервовъ, колоновъ и вольноотпущенниковъ, подчиненныхъ ихъ власти.

Въ началѣ „реконкисты“ наиболѣе сильнымъ и вліятельнымъ элементомъ общества является сословіе „ricos hombres“, возникновеніе котораго относится еще къ вестготской эпохѣ и которое представляло скорѣе классъ крупныхъ собственниковъ, чѣмъ служилой и привилегированной аристократіи, хотя члены его, собственнымъ оружіемъ завоевывавшіе земли у мавровъ и строившіе тамъ замки, назначались правителями областей и городовъ. Можно думать, что „ricos hombres“ въ XIII в. соединяли въ себѣ признаки двухъ группъ высшей знати предшествующаго періода: крупныхъ земельных собственниковъ, обладавшихъ значительными богатствами (*richi homines*), и придворныхъ сановниковъ (*optimates aulae regis*), съ которыми король совѣщался и которымъ поручалъ командованіе войскомъ, отправленіе правосудія и сборъ податей. Въ одномъ кодексѣ XIV в. мы читаемъ, что „въ Испаніи ricos omes называются тѣ, которыхъ величаютъ въ другихъ странахъ графами и баронами“. Слѣдующій разрядъ знати составляли т. наз. „*infanzones*“, сыновья и потомки высшей знати; за

ними слѣдовало простое дворянство— „hidalgos“, подраздѣлявшееся на рыцарей (caballeros) и щитоносцевъ (escuderos). Въ концѣ XIV в. классъ „инфансоновъ“ исчезаетъ, и дворянство раздѣляется только на двѣ группы: высшее и низшее, причемъ изъ среды перваго выдѣляются маркизы, графы, герцоги, виконты, — титулы, по всей вѣроятности, заимствованные у французской феодальной аристократіи, съ которой кастильская входила въ частыя соприкосновенія въ эту эпоху, подъ влияніемъ событій Столѣтней войны. Съ конца же XIV в. для обозначенія высшей, какъ свѣтской, такъ и духовной знати, вводится новый терминъ „гранды“ (grandes). Но мы не замѣчаемъ въ Леонѣ и Кастиліи главнаго отличительнаго признака феодализма, именно отчужденія правъ суверенитета и верховой юрисдикціи въ пользу аристократіи. Кастильскія графства, подобно англійскимъ, являлись лишь административными единицами, но никогда не были, подобно французскимъ, независимыми сеньеріями. Единственное исключеніе было сдѣлано въ пользу Португальскаго графства, которое было отдано въ XI вѣкѣ, въ качествѣ лена, Генриху Бургундскому, но скоро совершенно отдѣлилось отъ Кастиліи и было признано самостоятельнымъ королевствомъ. Графы имѣли подчиненныхъ, но не имѣли подданныхъ; они получали отъ короля административную власть, гражданскую юрисдикцію и командованіе надъ войскомъ, но всегда могли лишиться своихъ полномочій. Болѣе или менѣе продолжительное совмѣщеніе въ рукахъ ricos hombres графскихъ полномочій съ ихъ патримоніальными правами и владѣніями, конечно, легко могло повести къ фактической независимости дворянства отъ короны. Но короли XIII в. гоняли грозившую опасность и своевременно приняли мѣры предосторожности, отдѣливъ отъ графской власти гражданскую и усиливъ значеніе легистовъ.

Каждый изъ ricos hombres обладалъ правомъ денатурализаціи, т.-е. могъ свободно покидать королевство, объявлять войну какъ королю, такъ и членамъ своего сословія, или вступать съ ними въ союзъ для взаимопомощи. Несмотря на индивидуальную силу каждаго изъ ricos hombres, они не обладали прочной сословной организаціей и потому не могли подчинить своему вліянію ни городское сословіе, ни королевскую власть. Если въ

борьбѣ противъ короля силы ихъ партіи оказывались недостаточными, то *ricos hombres* удалялись либо въ Арагонъ, либо къ арабамъ и тамъ возбуждали враговъ противъ родной страны. Особенно часто къ помощи арабовъ обращалась фамилія Кастро, являвшаяся одно время, вмѣстѣ съ домомъ Лара, наиболѣе могущественной соперницей королевской власти. Со времени Альфонса X родъ Кастро приходитъ въ упадокъ, а соперничество съ домомъ Лара переходитъ къ третьей знаменитой фамиліи—Гаро.

Насилія, къ которымъ прибѣгали Фердинандъ IV и Альфонсъ XI въ борьбѣ со своими политическими противниками,—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыми сопровождалось царствованіе Петра Жестокаго (1350—1366), умертвившаго жену свою Бланку Бурбонъ, мачиху — Элеонору Гусманъ, братьевъ и сестеръ и казнившаго множество дворянъ и горожанъ, у которыхъ онъ конфисковалъ имущество. Злодѣйства Петра вызвали противъ него возстаніе, во главѣ котораго сталъ его побочный братъ Генрихъ, графъ де Трастамара, вступившій въ союзъ съ Арагономъ и Португаліей и призвавшій на помощь Бертрана Дюгеклена съ кондотьерами, оставшимися безъ дѣла послѣ заключенія перемирія между Англіей и Франціей. Въ 1367 г. кортесы, собравшіеся въ Бургосѣ, признали Генриха королемъ, послѣ чего вскорѣ Петръ погибъ отъ руки брата. Такимъ образомъ, престолъ перешелъ къ династіи Трастамара. Генрихъ II (1369—1379) заслужилъ народное расположеніе мягкимъ управленіемъ и привлекъ на свою сторону дворянъ щедрой раздачей земель изъ королевскихъ доменовъ. Онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ герцогомъ ланкастерскимъ, мужемъ дочери Петра Жестокаго, Констанціи, претендовавшимъ на кастильскій престолъ. Война эта была закончена уже сыномъ Генриха — Хуаномъ I (1379—1390). Въ 1387 г. онъ заключилъ мирный договоръ въ Байоннѣ и вступилъ въ бракъ съ Катериной, дочерью Констанціи.

* *
*

При Хуанѣ I и сынъ его Генрихъ III (1390—1406) Кастилія достигаетъ высокой степени благосостоянія и вѣшняго могущества; конституція ея получаетъ полное развитіе; кортесы ея

оказываютъ огромное вліяніе на всѣ стороны государственной жизни и управленія.

Какъ и въ другихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова, кортесы возникли изъ тѣхъ элементовъ политической и соціальной организаціи Испаніи, которые частью сохранились, какъ наслѣдство отъ Вестготской монархіи, въ формѣ національных соборовъ ранняго періода „реконкисы“, частью образовались въ послѣдующее время, когда короли, нуждаясь въ совѣтѣ и помощи сословій, стали призывать ко двору, кромѣ знати и духовенства, еще и представителей городского сословія. Въ Леонѣ и Кастиліи среднее сословіе получаетъ доступъ къ участию въ представительствѣ интересовъ страны значительно раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ Пиренейскаго полуострова и всей Европы, именно въ 1188 г. (въ Каталоніи выступленіе городовъ въ этой роли датируется 1218 г., въ Португаліи—1254 г., въ Англіи—1265, въ Арагонѣ—1274, въ Валенсіи—1283, въ Наваррѣ—1300, во Франціи—1302 и т. д.). Особенно благоприятныя условія способствовали такому раннему выступленію кастильскихъ городскихъ общинъ въ кортесахъ условія непрерывной и продолжительной борьбы съ маврами, къ участию въ которой короли привлекали всѣ классы населенія, предоставляя имъ всевозможныя льготы и привилегіи, послужившія основаніемъ для быстрого и мощнаго развитія муниципальной и политической свободы леоно-кастильскихъ городовъ. Распространеніе организаціи германдадъ на всѣ общины Кастиліи въ теченіе XIII в. сообщило имъ необыкновенное могущество и дало имъ перевѣсъ надъ прочими сословіями.

Войдя въ составъ кортесовъ въ 1188 г., городскіе депутаты монополизировали учрежденіе и отодвинули на второй планъ духовенство и дворянство. Пока сохраняли свое значеніе и силу устои муниципальной жизни, пока общины обладали широкой автономіей, и пока въ составъ ихъ не вошли посторонніе элементы, враждебные этой автономіи, до тѣхъ поръ кортесы, являвшіеся выраженіемъ могущества городовъ, оказывали широкое вліяніе на управленіе и законодательство страны и служили какъ бы осью, вокругъ которой вращалась вся политическая жизнь общества.

XIII вѣкъ и значительная часть XIV были эпохой расцвѣта муниципальной жизни и высшаго могущества кортесовъ, значеніе которыхъ не уступало авторитету королевской власти. Тогда въ составъ кортесовъ входили даже представители крестьянскаго сословія, составлявшіе съ городскими депутатами одинъ чинъ. Всѣ стороны государственной жизни подлежали дѣятельному контролю сословій; даже частная жизнь королей не ускользала отъ ихъ наблюденія. Такъ, въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1258 г. было постановлено, что король и его супруга должны ежедневно „проѣдать“ не болѣе 150 мараведи, не тратить денегъ на угощеніе постороннихъ лицъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы члены королевской фамиліи соблюдали умеренность въ ѣдѣ, и т. д. Въ царствованіе Хуана I городскимъ депутатамъ удалось даже проникнуть въ королевскій совѣтъ и занять въ немъ четыре мѣста. Въ такомъ же числѣ, въ королевскомъ совѣтѣ присутствовали и представители другихъ сословій. Горожане пытались вытѣснить ихъ оттуда, но эта попытка оказалась безуспѣшной. Усиленіе городского сословія до такой степени угрожало интересамъ аристократіи и королевской власти, что между ними постепенно совершилось сближеніе. Эра упадка могущества городовъ начинается въ царствованіе сына Геприха III—Хуана II (1406—1454), когда королевскій совѣтъ утратилъ значеніе депутаціи кортесовъ. Между демократическими и аристократическими элементами населенія возникла борьба, скоро принявшая настолько значительные размѣры, что для примиренія враждующихъ сторонъ понадобилось вмѣшательство королевской власти, усиленію которой столько же способствовало удачное веденіе борьбы противъ мавровъ, сколько и утвержденіе въ сознаніи общества идей римскаго права, носителями которыхъ были легисты.

Благодаря ихъ практической дѣятельности и преподаванію римскаго права въ школахъ, идея о королевской власти, какъ источникѣ законодательства и права, приобрѣтала все больше сторонниковъ, и въ царствованіе Альфонса XI, въ 1348 г., въ кортесахъ Алькала де Энаресъ уже возможно было объявить законодательный сборникъ Альфонса X „Las siete Partidas“, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юристовъ, кодексомъ

дѣйствующаго права. Одновременно съ этимъ во внутренней организаціи общинъ происходили измѣненія, лишившія мало-по-малу кастильскія муниципіи ихъ прежней автономіи и поставившія управленіе ихъ подъ контроль назначаемыхъ королемъ чиновниковъ, т. наз. коррехадоровъ, власть и значеніе которыхъ постепенно увеличивались на счетъ муниципальных магистратовъ и достигли особенной силы въ эпоху Альваро де Луна. Послѣдній оказывалъ сильное давленіе на муниципальные выборы, подкупалъ избирателей и безъ всякаго стѣсненія указывалъ имъ лицъ для избранія въ депутаты кортесовъ. Самое избраніе депутатовъ, какъ и муниципальных магистратовъ, становилось мало-по-малу привилегіей немногихъ знатныхъ фамилій, вслѣдствіе чего городскія общины, а вмѣстѣ съ ними и національныя представительныя собранія, стали утрачивать свой прежній демократическій характеръ. Первый министръ Хуана II, Альваро де Луна, умомъ, энергіей и мужествомъ превосходилъ всѣхъ королевскихъ совѣтниковъ и придворныхъ, но, отличаясь честолюбіемъ и страстью къ наживѣ, создалъ себѣ много враговъ, которые сумѣли, наконецъ, произвести разладъ между нимъ и королемъ: Альваро де Луна былъ обвиненъ въ корыстолюбіи, подвергнутъ строгому слѣдствію и обезглавленъ. Смерть онъ встрѣтилъ такъ же мужественно, какъ и графъ Страффордъ, котораго онъ напоминаетъ многими чертами характера. Онъ пользовался разединеніемъ и антагонизмомъ сословіи, равно какъ и происшедшими къ тому времени измѣненіями въ муниципальной жизни, чтобы разрушить демократическія учрежденія Кастиліи и на развалинахъ ихъ создать королевскій абсолютизмъ.

Подобной политикѣ благопріятствовали тогдашнія условія жизни городскихъ общинъ, въ составѣ населенія которыхъ еще въ XIV в. произошло коренное измѣненіе. Дворянство не могло примириться со своею второстепенною ролью въ государствѣ. Желая воспользоваться всѣми преимуществами, связанными съ политической ролью третьяго сословія, многіе *ricos hombres* и *hidalgos* переселились въ города и, сдѣлавшись полноправными членами городскихъ общинъ, получили доступъ къ муниципальной магистратурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отказались отъ своего честолюбія и внесли въ городскія

отношенія безпокойный духъ партій. Причина упадка городовъ также заключалась въ томъ, что еще со второй половины XIV в., со времени вступленія на престолъ династіи Трастамара, корона стала отчуждать безъ всякой мѣры свои домены въ пользу церкви и дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ много общинъ, находившихся раньше въ непосредственной зависимости отъ короны и составлявшихъ часть т. наз. *realengo*, обратились во владѣнія духовныхъ и свѣтскихъ сеньоровъ (*abadengo* и *senorio*), которые одни послѣ этого могли представлять интересы ихъ въ кортесахъ.

Рядомъ съ этимъ, вслѣдствіе злоупотребленій королевской прерогативой созывать депутатовъ посредствомъ пригласительныхъ писемъ (*letras de convocacion*), число городовъ, имѣвшихъ право посылать своихъ представителей въ кортесы, постепенно сокращалось, пока, наконецъ, при преемникахъ Хуана II, представительство въ кортесахъ не сдѣлалось привилегіей всего лишь 18 городовъ. Въ силу закона, изданнаго кортесами въ Торо, въ 1480 г. число ихъ было 17. Позже право голоса получила Гранада. Чѣмъ меньше было городовъ съ голосомъ въ кортесахъ, тѣмъ болѣе цѣнилась эта привилегія. Между привилегированными и непривилегированными городами развивалось соперничество, которымъ пользовалась королевская власть въ видахъ собственнаго усиленія. Важнымъ орудіемъ для развитія ея въ ту пору являлась т. наз. „королевская аудіенція“, верховный судъ королевства, учрежденный еще при Генрихѣ II, по ордонансу, изданному въ Торо въ 1371 году. Судьи королевской аудіенціи, духовные и свѣтскіе, были высшими истолкователями законовъ и мало-по-малу присвоили себѣ то законодательное значеніе, которымъ пользовались раньше кортесы, вполне отражавшіе на себѣ всѣ тѣ измѣненія, которыя происходили въ жизни общества.

Сословная монархія неожиданно получила новую силу во второй половинѣ XIV в., съ переходомъ престола во власть новой династіи, которая, нуждаясь въ поддержкѣ сословій для защиты своихъ сомнительныхъ правъ на престолъ противъ притязаній герцога Ланкастерскаго, женатаго на Констанціи, дочери Педро Жестокаго, должна была уважать сословныя привилегіи и фюэросы и управлять страной, согласно съ волей кортесовъ. Но въ слѣдующемъ столѣтіи,

когда дѣйствіе этихъ случайныхъ причинъ ослабленія королевской власти прекратилось и положеніе новой династіи было упрочено на кастильскомъ престолѣ, процессъ разложенія началъ сословной монархіи возобновился съ новой силой, и вмѣстѣ съ тѣмъ предстательный образъ правленія все болѣе лишился, если можно такъ выразиться, питательныхъ соковъ въ окружающей средѣ. Тогда изъ состава кортесовъ постепенно исчезаютъ высшія сословія, а въ организаціи средняго сословія происходятъ измѣненія, ограничившія число общинъ съ правомъ голоса въ кортесахъ до 18 и обусловившія упадокъ избирательнаго начала въ предѣлахъ каждой общины въ отдѣльности. Отсутствие солидарности интересовъ не только между отдѣльными чинами, входившими въ составъ кортесовъ, но даже и въ средѣ городского сословія, которому принадлежало тамъ преобладающее значеніе, было самой слабой стороной парламентарнаго строя Кастиліи.

Вслѣдствіе этого кортесы утратили способность всесторонне выражать интересы и нужды націи и все болѣе подчинялись королевскому вліянію, которое было тѣмъ сильнѣе, что, пользуясь недостатками организаціи кортесовъ, отсутствіемъ регламентаціи состава ихъ, времени и мѣста собраній, короли сами назначали время и мѣсто собранія, такъ же, какъ и по своему усмотрѣнію приглашали на собраніе тѣхъ или другихъ лицъ. Права сословій въ области законодательства, вотированіе налоговъ, рѣшенія вопросовъ внутренней и внѣшней политики все чаще нарушались королевской властью, по мѣрѣ приближенія къ концу XV в. Постепенно короли присваивали себѣ тѣ функціи власти, которыя раньше должны были раздѣлять съ представителями націи.

Несмотря на непрестанныя смуты царствованія Хуана II, монархическая идея продолжала крѣпнуть, чему много способствовало образованіе королевской партіи, стоявшей независимо отъ сословныхъ интересовъ. Процессъ разложенія кастильской демократіи продолжался и при сынѣ Хуана II, Генрихѣ IV (1454—1474). Прозванный „Безсплнымъ“, онъ отличался еще бѣльшимъ ничтожествомъ, чѣмъ его отецъ; государствомъ управляла королева Хуана и ея любовникъ—Бельтранъ Куэва. Среди знати, недовольной

правительствомъ, образовалась конфедерація, во главѣ которой стали архіепископъ толедскій Каррильо, маркизъ Виллосна и др. Въ 1465 г. въ Авилѣ инсургенты провозгласили низложеніе Генриха IV и признали королемъ брата его, Альфонса, но послѣдній скоро умеръ. Въ 1469 г. Генрихъ заключилъ договоръ со своими противниками, которымъ призналъ наслѣдницею престола сестру свою Изабеллу. Когда Изабелла вступила въ нежелательный для Генриха бракъ съ Фердинандомъ Арагонскимъ, Генрихъ объявилъ договоръ нарушеннымъ и объявилъ наслѣдницей престола другую дочь свою, Иоанну, рожденіе которой приписывалось связи королевы съ Бельтраномъ Куэвой. Въ 1474 г. Генрихъ умеръ. Вопросъ о наслѣдствѣ былъ рѣшенъ, при помощи оружія, въ пользу Изабеллы, послѣ того какъ защитникъ правъ Иоанны, португальскій король, потерпѣлъ поражение подъ Торо, въ 1476 г.

Сословная монархія постепенно обращалась въ абсолютную, и кортесы утрачивали свою силу и значеніе. Ничто не могло остановить процесса разложенія средневѣковыхъ учрежденій и народненія новаго порядка вещей, и личныя свойства королей, занимавшихъ престолъ Кастиліи въ теченіе большей части XV в., именно ничтожность Хуана II и полная неспособность къ правленію Генриха IV, нисколько не помѣшали королевской власти достигнуть полного торжества надъ оппозиціонными элементами въ царствованіе „католическихъ королей“ Изабеллы и Фердинанда.

II. Арагонская федерація.

Въ то время какъ Кастилія была изолирована отъ остальной Европы многовѣковой борьбой съ маврами въ большей степени, чѣмъ другія области Испаніи — Пиренейскими горами, борьбой, заставившей народъ вращаться въ узкомъ кругу національныхъ идей и интересовъ, Арагоно-каталонская федерація развилась въ сильную морскую державу, поддерживавшую живое общеніе со всѣми цивилизованными народами бассейна Средиземнаго моря. Въ эпоху наибольшаго своего развитія территорія Арагонскаго королевства не шла дальше предѣловъ нынѣшнихъ провинцій Сарагоссы, Хуэски и

Теруэля; но владѣнія арагонскихъ королей были гораздо обширнѣе, такъ какъ въ составъ ихъ вошли, кромѣ того, Каталонія, Руссильонъ, Валенсія, Балеарскіе острова, королевство Неаполитанское, Сицилія и Сардинія.

Въ XIII в. въ составъ Арагонской федераціи входили два королевства: арагонское и валенсійское и одинъ принципатъ — каталонскій. Іаковъ I раздѣлилъ эти владѣнія между своими сыновьями. Смуты и междоусобія, явившіяся послѣдствіемъ раздѣла, побудили кортесы, созванные въ 1319 г. Іаковомъ II въ Таррагонѣ, издать постановленіе, въ силу котораго каждый король обязанъ былъ, при вступленіи на престолъ, приносить присягу въ сохраненіи единства и нераздѣльности составныхъ частей арагонской короны. Каждое изъ соединенныхъ государствъ ревниво оберегало свои вольности и фуэросы и болѣе всего опасалось смѣшенія своихъ учрежденій съ учрежденіями другихъ владѣній Арагонской короны. Отсюда тотъ интересный фактъ, что въ созывавшихся иногда общихъ кортесахъ отъ трехъ составныхъ частей арагонской федераціи представители однихъ и тѣхъ же сословій, но различныхъ государствъ, совѣщались и вотиrowали отдѣльно другъ отъ друга, такъ что общимъ между ними являлось лишь пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ каждое изъ трехъ соединенныхъ государствъ королемъ назначались особые правители, подчинявшіеся вице-королю, которымъ обыкновенно былъ наслѣдникъ престола, и судьи, обязанные судить въ строгомъ согласіи съ мѣстными фуэросами, въ соблюденіи которыхъ всякій король приносилъ торжественную присягу при вступленіи на тронъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы особо разсмотримъ ходъ и характеръ развитія каждой изъ трехъ составныхъ частей Арагонской федераціи и начнемъ прежде всего съ Арагона.

Арагонское королевство. Политическая самостоятельность Арагона начинается съ того времени, когда король Наварры Санчо Великій завѣщалъ сыну своему, Рамиро, съ королевскимъ титуломъ, небольшую территорію въ долинѣ р. Арагона, которая вскорѣ была увеличена присоединеніемъ къ ней графствъ Собрарбе и Рибаторсы, унаслѣдованныхъ Рамиро отъ брата его Гонсало. Рамиро погибъ въ

борьбѣ съ маврами, ему наследовалъ въ 1063 г. сынъ его Санчо Рамиресъ, завоевавшій у нихъ Барбастро, Монсонъ и другія укрѣпленныя мѣста, а также присоединившій къ своимъ владѣніямъ и Наварру. Сынъ его, Педро I, завоевалъ у арабовъ Хуэску (1096). Въ 1104 г. ему наследовалъ сынъ его Альфонсъ I, женившійся на кастильской королевѣ Урракѣ и расширившій свои владѣнія далеко на югъ, завоевавши у арабовъ Сарагоссу, Тарагону, Калатаюдъ, Дароку и нѣкоторыя области по ту сторону р. Эбро. Преемникомъ Альфонсу I, не оставившему послѣ себя дѣтей, арагонское дворянство избрало брата его, монаха нарбонскаго, Рамиро. Освобожденный отъ монашескаго обѣта папой, онъ женился на принцессѣ аквитанской, донѣ Инэсъ, и отъ этого брака имѣлъ дочь Петронилу, которую выдалъ замужъ за графа барселонскаго Беренгера IV (1137). Послѣ этого онъ вернулся къ монашеской жизни, а зять его объединилъ подъ своею властью Арагонъ и Каталонію.

Сынъ Петронилы и Беренгера IV—Альфонсъ (II-й, какъ король арагонскій, и I-й, какъ графъ барселонскій), уже будучи единымъ королемъ соединенныхъ государствъ, въ 1167 г. унаследовалъ герцогство Провансальское, въ 1172 г.—графство Руссильонское, въ 1187 г. былъ признанъ сюзереномъ графствъ Беарнскаго и Бигорскаго и такимъ образомъ овладѣлъ многими областями южной Франціи, гдѣ принужденъ былъ бороться изъ-за преобладанія съ графомъ Тулузскимъ. Кромѣ того, онъ велъ борьбу съ наварцами, стремившимися къ независимости, и съ маврами, у которыхъ отнялъ г. Каспе и область Альбаррасинъ, большею частью въ союзѣ съ своимъ сюзереномъ—кастильскимъ королемъ Альфонсомъ VIII. Сынъ и преемникъ Альфонса II, Педро II, еще болѣе увеличилъ владѣнія Арагонскаго королевства, присоединивши въ 1204 г. графство Монпелье, а въ 1205 г.—графство Урхель. Въ 1204 г. онъ предпринялъ путешествіе въ Римъ, гдѣ папа короновалъ его королевской короной и посвятилъ въ рыцари, взявъ чого король призналъ себя вассаломъ папы, обѣщая всегда защищать католическую вѣру, уважать вольности церкви, преслѣдовать еретиковъ и платить ежегодно въ пользу Римской куріи опредѣленную подать. Подчиненіе папской власти, вызванное, кажется, желаніемъ короля

заручиться поддержкой папы, генуэзцевъ и пизанцевъ въ задуманномъ дѣлѣ покоренія Балсарскихъ острововъ, возбудило сильное неудовольствіе со стороны дворянства и народа, принудившихъ короля отказаться отъ вассальныхъ отношеній къ Риму.

Въ то время въ южной Франціи отношенія между папой и дворянствомъ становились все болѣе натянутыми, вслѣдствіе нежеланія послѣдняго подавлять распространявшуюся тогда въ ихъ владѣніяхъ ересь альбигойскую. Наконецъ, дѣло дошло до разрыва, и папа объявилъ крестовый походъ противъ альбигойцевъ, въ частности—противъ графа Тулузскаго, тестя Педро II, и противъ виконта Безьера и Каркассона вассала арагонскаго короля (1209 г.). Предводителемъ французскихъ войскъ назначенъ былъ Симонъ Монфорскій, противъ котораго Педро II защищалъ своихъ французскихъ вассаловъ въ нѣсколькихъ случаяхъ, пока самъ не погибъ въ 1213 г., оставивъ малолѣтняго сына Хаиме I (Іакова). Послѣдній долженъ былъ скоро вступить въ борьбу съ мятежною знатью, оспаривавшей королевскія права. Водворивъ порядокъ въ государствѣ, онъ обратился къ великимъ завоевательнымъ предпріятіямъ. Въ періодъ отъ 1229 до 1266 гг. онъ, опираясь, главнымъ образомъ, на поддержку каталонскаго флота и войска, завоевалъ у арабовъ Балсарскіе острова, Валенсію и Мурсію и распредѣлил завоеванныя земли между своими воинами, а Мурсію уступилъ кастильскому королю. Великій завоеватель, положившій основаніе политическому преобладанію Арагоно-каталонскаго государства на Средиземномъ морѣ Хаиме I былъ и покровителемъ просвѣщенія въ своемъ государствѣ. Онъ предпринималъ кодификацію арагонскаго законодательства, основалъ университеты въ Леридѣ, Монпелье, Перпиньянѣ, Валенсіи и Пальмѣ и, какъ авторъ „хроники“ и „книги мудрости“, написанныхъ на каталонскомъ языкѣ, открываетъ собой блестящій періодъ въ исторіи каталонской литературы, подобно тому, какъ новую эру въ исторіи кастильскаго литературнаго развитія начинаетъ его замѣчательный современникъ и зять, кастильскій король Альфонсъ X Мудрый. Отличаясь религіозностью и мечтая объ освобожденіи Палестины отъ мусульманскаго господства, Хаиме I не поступался, однако, своими правами въ пользу папы; такъ же ревниво

онъ оберегалъ ихъ и отъ притязаній дворянства. Но передъ смертію Хаиме I сдѣлалъ важную политическую ошибку, раздѣливъ владѣнія между своими сыновьями: старшему, Педро III, достались Арагонъ, Каталонія и Валенсія, а младшему, Іакову, — Балсарскіе острова и южная Франція. Перваго онъ женилъ на Констанціи, дочери сицилійскаго короля Манфреда. Этотъ бракъ, послуживъ основаніемъ для притязаній арагонскихъ королей на итальянскія земли, являлся противовѣсомъ другому, заключенному между графиней Прованса, съ которымъ такъ тѣсно связаны были интересы Каталоніи, и Карломъ Анжуйскимъ, представителемъ французскаго королевскаго дома.

Опираясь на поддержку папы Климента IV, Карлъ Анжуйскій въ 1268 г. овладѣлъ Сициліей, уничтожилъ послѣднихъ представителей дома Гогенштауфеновъ, Манфреда и племянника его, короля сицилійскаго, Конрадина, и сталъ править островомъ, какъ деспотъ. 31 марта 1282 г. вспыхнуло народное возстаніе, извѣстное подъ названіемъ „Сицилійской Вечерни“, противъ французскаго владычества. Жители обратились за помощью противъ французовъ къ арагонскому королю Педро III, который и завоевалъ для себя Сицилію. Онъ, какъ и его преемники, Альфонсъ III и Іаковъ II, должны были за обладаніе этимъ островомъ вести войну съ Франціей.

Внѣшними политическими затрудненіями короны арагонскіе государственные чины пользовались для расширенія своихъ правъ и привилегій. Сарагосскіе кортесы 1283 г. принудили Педро III издать такъ называемую „Генеральную привилегію“, которая, подобно англійской „Великой Хартіи Вольностей“, содержитъ въ себѣ рядъ постановленій, ограждавшихъ личность и собственность арагонскихъ сословій отъ правительственнаго произвола и ставившихъ ихъ подъ твердую охрану закона. Мало того: арагонцы добились положительнаго права поддерживать свои вольности вооруженною силою, по знаменитой „Привилегіи уніи“, дарованной Альфонсомъ III дворянству въ 1287 г. и просуществовавшей до 1348 г.

Внѣшній политическій ростъ Арагонскаго королевства продолжается при Іаковѣ II, когда завоевана была Сардинія (1323—4),

а на Балканскомъ полуостровѣ основано было герцогство Аонинское выходцами изъ Каталоніи и Арагона, стоявшее въ личной зависимости отъ арагонскаго короля (1335—1387). Педро IV возсоединилъ подъ своею властью Руссильонъ и Балеарскіе острова (1344) и клятвенно обязался передъ кортесами не отчуждать составныхъ частей своего государства. При Мартинѣ I къ Арагонскому королевству присоединена была Сицилія. Въ 1410 г., со смертію этого короля, прекращается династія арагонскихъ королей, и наступаетъ періодъ междоцарствія (до 1402 г.), послѣ котораго, въ силу рѣшенія сословныхъ представителей королевства (компромиссъ де Каспе), престолъ достался члену кастильскаго королевскаго дома—Фердинанду Антекерскому. Новому королю, воспитанному въ кастильской политической атмосферѣ, гдѣ уже успѣли распространиться идеи королевскаго абсолютизма, было трудно ужиться съ свободолюбивыми подданными и подчиниться мѣстнымъ феодамъ. Послѣдніе требовали, между прочимъ, чтобы всѣ жители Барселоны, отъ послѣдняго горожанина до короля включительно, платили налоги на предметы потребленія. Фердинандъ отказался уплатить одинъ налогъ, заявивъ, что король не долженъ подчиняться законамъ своихъ подданныхъ. Но муниципальный совѣтъ Барселоны, настаивая на своемъ, отправилъ къ королю комиссію, поставившую ему на видъ необходимость подчиняться феодамъ, которые городъ во что бы то ни стало съумѣетъ защитить. Фердинандъ долженъ былъ уступить, хотя, чтобы спасти свое королевское достоинство, прибѣгнулъ къ такой уловкѣ: онъ поручилъ королевскому совѣту уплатить налогъ. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ (1416). Ему наследовалъ сынъ его Альфонсъ V Мудрый, болѣе извѣстный въ исторіи Италіи, чѣмъ въ исторіи Испаніи. Царствованіе его прошло въ безпрестанныхъ войнахъ съ Франціей изъ-за обладанія Неаполемъ, гдѣ, наконецъ (1442), онъ поселился и, окруживъ себя учеными и поэтами, прославился, какъ меценатъ. Братъ и преемникъ его—Хуанъ II (1458—1479) проявлялъ уже непомерное властолюбіе и вооружилъ противъ себя каталонцевъ, съ которыми велъ продолжительную борьбу, тщетно стараясь ограничить ихъ вольности.

Но раньше, чѣмъ говорить о Каталоніи, познакомимся съ социальнымъ и политическимъ устройствомъ Арагонскаго королевства.

* * *

Нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ одной Польши, дворянство не пользовалось такимъ безмѣрнымъ могуществомъ, какъ въ Арагонѣ. Арагонское дворянство, имѣвшее одновременно политическую и военную организацію, представляло тѣсно сплоченное сословіе, въ которомъ всѣ члены его, начиная отъ *ricos hombres* до послѣдняго гidalго, были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Въ дворянской іерархіи Арагона существовало три главные степени: *ricos hombres* — или высшая аристократія, *mesnaderos-infanzones* — среднее дворянство и *caballeros* или гidalго — низшее дворянство. *Ricos hombres*, или бароны, были прежде всего крупными земельными собственниками Арагона, обладателями широкихъ судебныхъ и полицейскихъ правъ надъ своими вассалами. Помимо этого, въ исключительномъ владѣніи *ricos hombres* находились такъ наз. *honores*, или части королевскаго домена, которыя вначалѣ они получили отъ королей въ личное владѣніе, а потомъ въ наследственное; лишиться бароній или *honores* они могли лишь въ силу приговора Верховнаго Судьи Арагона. Въ этихъ *honores* имъ принадлежала судебная и административная власть, право взиманія въ свою пользу судебныхъ штрафовъ и право устанавливать налоги. *Honores* раздѣлялись на участки, величина которыхъ опредѣлялась количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія одного рыцаря; участки эти назывались *caballerias de honor* и распредѣлялись между членами рыцарскаго сословія, обязанными за это являться на призывъ барона съ извѣстнымъ количествомъ воиновъ. Въ свою очередь, *ricos hombres*, въ силу владѣемыхъ ими бароній, обязаны были участвовать въ королевскихъ походахъ вмѣстѣ съ зависимыми отъ нихъ *caballeros*. Только среди членовъ дворянскаго сословія, по Фуэро Собрарбе въ его позднѣйшей редакціи, король долженъ былъ распредѣлять завоеванныя у арабовъ земли; низшіе же классы исключались изъ участія въ дѣлѣ за-

воеванной территоріи. Гарантіей могущественнаго положенія арагонской знати являлись ея многочисленныя и широкія привилегіи. Въ силу этихъ привилегій *ricos hombres* ни въ какомъ случаѣ не могли приеждаться къ смертной казни или тѣлесному наказанію; судебное преслѣдованіе противъ нихъ могло возбуждаться лишь королемъ или его уполномоченными, причемъ исключительнымъ судьей въ процессахъ, возникавшихъ между королемъ и *ricos hombres*, являлся такъ наз. „верховный судья“ Арагона. Они были свободны отъ всякихъ налоговъ и податей; жилище ихъ считалось неприкосновеннымъ для представителей власти; въ случаѣ нарушенія королемъ феуэросовъ, они имѣли право переходить въ подданство къ другому королю (право денатурализаціи), заключать между собою конфедераціи, объявлять войну королю, низлагать его съ престола и выбирать на мѣсто его новаго, но непремѣнно пзъ среды арагонской знати; точно также имъ не возбранялось вести войны другъ съ другомъ. Совокупность этихъ привилегій ставила арагонское дворянство въ такое исключительное положеніе, что не могло быть и рѣчи о сохраненіи какого бы то ни было равновѣсія между соціальными элементами Арагона.

Злоупотребленія дворянства своимъ могуществомъ, выражавшіяся въ тиранническомъ отношеніи къ его подданнымъ и въ частыхъ возстаніяхъ противъ королей, неизбежно должны были вызвать реакцію противъ дворянскихъ привилегій, какъ со стороны королевской власти, такъ и со стороны народа. Реакція эта, обнаружившаяся въ исходѣ среднихъ вѣковъ, привела къ пораженію дворянства въ битвѣ при Эпилѣ (1348) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ уничтоженію анархической „Привилегіи уніи“. Несмотря на это, до самаго конца XVI в. дворянство продолжало быть господствующимъ элементомъ арагонскаго общества, попрежнему имѣло двойное представительство въ кортесахъ, въ которыхъ изъ четырехъ *brazos*, или чиновъ, два принадлежали дворянству.

Положеніе остальныхъ сословій характеризуется приблизительно тѣми же чертами, что и въ другихъ государствахъ. Просвѣщенное и свободолюбивое духовенство является здѣсь великой общественной силой, составляетъ первое „*brazo*“ кортесовъ, умѣряетъ

до извѣстной степени произволъ аристократіи, но въ то же время является ревностнымъ поборникомъ вольностей и фуэросовъ Арагона. Городское сословіе, дѣлившееся на два класса, высшую буржуазію (*burgueses*) и свободныхъ ремесленниковъ (*hombres de condicion*) и опиравшееся въ своемъ развитіи на поддержку королевской власти, достигаетъ значительной свободы и самостоятельности, обезпеченной муниципальными фуэросами, и участвуетъ въ кортесахъ, гдѣ образуетъ особое *brazo*. По своему политическому значенію, впрочемъ, оно стояло гораздо ниже кастильскихъ комунеровъ. Хотя и арагонскіе города для защиты своихъ привилегій заключали германдады, но онѣ не имѣли такой важности, какъ кастильскія.

Безотраднымъ было положеніе крестьянскаго населенія (особенно, со времени постановленія кортесовъ Хуэски 1245 г.), всецѣло предоставленнаго произволу дворянства, которое обладало безапелляціоннымъ правомъ распоряжаться жизнью своихъ крестьянъ. Одинъ изъ фуэросовъ Хуэски, а также и кортесы Сарагосскіе 1381 г. санкционировали право сеньоровъ умерщвлять своихъ подданныхъ посредствомъ холода, голода или жажды, причемъ даже королю возбранялось вступаться за нихъ. Положеніе земледѣльческаго населенія въ Арагонѣ, во многихъ отношеніяхъ сходное съ положеніемъ каталонскихъ „ременсъ“, представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ соціальной исторіи не только Испаніи, но и всей средне-вѣковой Европы. Масса всевозможныхъ феодальныхъ повинностей тяготѣла надъ арагонскими крестьянами, включая сюда и возмутительное „*jus primae noctis*“, и этотъ гнетъ доводилъ ихъ до возстаній, результатомъ которыхъ, однако, не было улучшеніе отношеній между сеньорами и земледѣльцами, носившими названіе „договорныхъ“, „*villanos de parada*“ или „*vasallos signi servitii*“.

Таковы были въ средніе вѣка соціальные отношенія Арагона, отличавшіяся отъ демократическаго строя Кастиліи своимъ строго-аристократическимъ характеромъ. Если въ кастильской общественной и государственной жизни преобладающая роль принадлежала городамъ, заключавшимъ между собой союзы взаимопомощи или такъ наз. германдады, то такое же значеніе въ Арагонѣ падало

на долю дворянства, сплоченнаго между собой и въ теченіе долгаго времени пользовавшагося правомъ составлять конфедераціи, въ силу уже упомянутой нами „Привилегіи уніи“. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію политической организаціи Арагонскаго королевства, мы увидимъ, что оно выработало еще болѣе совершенныя формы конституціоннаго правленія, чѣмъ Ліонъ и Кастилія.

При вступленіи на престолъ каждый король обязанъ былъ приносить въ кортесахъ присягу въ соблюденіи фуэросовъ королевства, и только послѣ этой присяги подданные присягали ему въ вѣрности. Ни одинъ законъ не могъ быть изданъ или подвергнутъ измѣненію безъ утвержденія кортесовъ, гдѣ каждое сословіе вотировало предложеніе отдѣльно и гдѣ несогласіе одного изъ членовъ какого-нибудь *brazo* было вполне достаточно, чтобы уничтожить результатъ общаго соглашенія. Несудивительно поэтому, что каждый законъ, изданный кортесами, считался какимъ-то чудомъ. Кромѣ законодательной власти, кортесы обладали и судебными правами: они принимали жалобы на короля и его министровъ, жалобы, разборъ которыхъ поручался верховному судѣ Арагона; рѣшенія послѣдняго подвергались голосованію въ кортесахъ, и приговоръ ихъ немедленно приводился въ исполненіе. Кортесы, согласно фуэросамъ, должны были собираться каждые два года въ одномъ изъ городовъ или мѣстечекъ Арагона. Они состояли изъ четырехъ чиновъ, совѣщавшихся особо, въ отдѣльныхъ палатахъ— *estamentos*, и сносившихся между собою посредствомъ комиссаровъ—*tratadores*. Первое *brazo* представляло высшее арагонское духовенство, состоявшее изъ сарагосскаго архіепископа, всѣхъ епископовъ, аббатовъ важнѣйшихъ монастырей, пріоровъ и т. д.; всѣ они присутствовали здѣсь въ силу личнаго права, а не представительства; затѣмъ слѣдовало *brazo* высшаго дворянства, въ составъ котораго входили *ricos hombres*, одни—въ силу личнаго права, другіе—по королевскому приглашенію; третье *brazo* состояло изъ приглашаемыхъ въ кортесы членовъ средняго и низшаго дворянства, а четвертое—изъ депутатовъ отъ 10 городовъ (*ciudades*), 3 коммунъ (*comunidades*), и 18 мѣстечекъ (*villas*). Въ промежуткахъ времени отъ одной сессіи кортесовъ до другой ихъ мѣсто заступала такъ наз. депутація

королевства, засѣлавшая въ Сарагоссѣ и состоявшая изъ восьми членовъ, по два отъ cadaго brazo, избиравшихся въ кортесахъ передъ закрытіемъ сессіи; засѣданія ихъ происходили ежедневно въ Палатѣ Депутаціи, на обязанности ихъ лежала охрана фюэросовъ отъ нарушенія, контроль и управленіе финансами Арагона.

Если королевская власть, такимъ образомъ, ограничена была въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ кортесами и депутаціей, то еще болѣе ограниченій встрѣчала она въ судебномъ отношеніи, со стороны трибунала верховнаго судьи, „Justicia Mayor de Aragon“. Учрежденіе это, безпримѣрное въ исторіи европейской цивилизаціи, хотя и представляющее нѣкоторое сходство со спартанскими эфорами и римскими трибунами, получило громадное значеніе въ XIV в., со времени уничтоженія Привилегіи уніи, заключавшей въ собѣ право вооруженнаго сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ королевской власти. Взамѣнъ этого насильственнаго, такъ сказать, права, арагонское дворянство получило болѣе легальную гарантію своихъ правъ въ институтѣ „Justicia Mayor“, назначавшагося, а до 1441 г. и отрѣшавшагося отъ должности королемъ. Но со времени закона, изданнаго въ кортесахъ Алканьиса въ 1441 г., Justicia Mayor становится пожизненнымъ и неотрѣшимымъ отъ должности магистратомъ, хотя назначеніе его попрежнему принадлежить королю. Верховный Судья, со времени закона 1265 г., изданнаго кортесами въ Ezeа, назначался всегда изъ сословія caballeros, но не ricos hombres, привилегіи которыхъ дѣлали неудобнымъ занятіе ими этой отвѣтственной должности. Въ теченіе 150 лѣтъ (до 1591 г.) магистратъ находился въ рукахъ фамиліи Лануса, вслѣдствіе постояннаго назначенія королями лицъ изъ одной и той же фамиліи; это обстоятельство сообщало институту верховнаго судьи особенную устойчивость и авторитетъ. Въ составъ трибунала арагонскаго хустисіи входили пять его помощниковъ или лейтенантовъ (lugartenientes), докторовъ права, пожизненно назначавшихся королемъ изъ числа 16 кандидатовъ, представляемыхъ кортесами. Въ распоряженіи хустисіи, кромѣ того, находилась обширная канцелярія, состоявшая изъ 6 нотаріусовъ и значительнаго числа писцовъ; 8 приставовъ (alguaciles) постоянно находились при особѣ хустисіи

для немедленнаго приведенія въ исполненіе приговоровъ; двое изъ нихъ всегда шли впереди хустисін съ пучками сухихъ вѣтокъ въ рукахъ (*fascies*), на подобіе римскихъ ликторовъ. *Justicia Mayor* являлся высшимъ истолкователемъ арагонскихъ фуэросовъ, и къ нему должны были обращаться за рѣшеніями все суды въ затруднительныхъ случаяхъ. Онъ вмѣшивался въ судопроизводство королевскихъ судей всякій разъ, какъ замѣчалъ отклоненіе ихъ отъ фуэросовъ; кромѣ того, онъ имѣлъ самостоятельную гражданскую и уголовную юрисдикцію въ значительномъ числѣ случаевъ, особенно въ процессахъ, возникавшихъ между королемъ и знатію. Главными средствами вмѣшательства верховнаго судьи въ процедуру другихъ трибуналовъ были такъ наз. фирма (*firma del derecho, juris firma*) и манифестація (*manifestacion*). „*Firma del derecho*“ представляла важную гарантію не только личной свободы, но и права собственности, и заключалась въ правѣ верховнаго судьи приостанавливать и переносить по требованію заинтересованной стороны дѣло, начавшееся въ одномъ изъ королевскихъ судовъ, непосредственно на свое разсмотрѣніе. Манифестація являлась основной гарантіей личной свободы и состояла въ правѣ верховнаго судьи держать у себя подъ арестомъ лицъ, преслѣдуемыхъ административною властью, съ тѣмъ, чтобы избавить ихъ отъ насилій ея агентовъ, пока дѣло не разслѣдуется компетентнымъ трибуналомъ, пока не будетъ пропнесено имъ приговоръ и обезпечено точное исполненіе его. „Сила этого института была такъ велика, говоритъ Бланкасъ, что могла спасти человѣка, на шеѣ котораго была уже веревка“.

Ревниво оберегали арагонцы свои вольности отъ нарушеній и создали цѣлую систему тонкихъ предосторожностей противъ возможныхъ злоупотребленій верховнаго судьи своею огромною властью. Магистратъ этотъ они сдѣлали въ высшей степени отвѣтственнымъ. По закону, изданному кортесами въ Монсонѣ въ 1390 г., изъ cadaго *brazo* кортесовъ избиралось по одному лицу, по жребію, и избранныя такимъ образомъ лица, называвшіяся инквизиторами, боязаны были слѣдить за дѣйствіями трибунала хустисін и отдавать о нихъ отчетъ въ каждую сессію кортесовъ. Только передъ

кортесами могъ быть обвиненъ хустисіа въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, и только кортесы, по выслушаніи оправданій хустисіа, могли произнести надъ нимъ приговоръ. Что касается лейтенантовъ верховнаго судьи, то подчиненные, какъ и хустисіа, контролю 4 инквизиторовъ, они со времени закона, изданнаго кортесами въ Каталаяудѣ въ 1461 г., подлежали чрезвычайному безапелляціонному суду 17 присяжныхъ, избираемыхъ по жребію среди 4 brazos кортесовъ.

Изъ предложеннаго очерка видно, что конституціонныя формы Арагона въ средніе вѣка достигли замѣчательной выработки, политическія гарантіи личныхъ и имущественныхъ правъ, если не всего, то, по крайней мѣрѣ, части общества находились на высокой степени совершенства, и въ этомъ отношеніи Арагонъ стоялъ выше всѣхъ прочихъ государствъ Европы того времени, включая сюда и Англію, эту классическую страну народоправства.

Каталонскій принципатъ.—Какъ мы видѣли, Каталонія соединилась съ Арагономъ вслѣдствіе брака, заключеннаго между графомъ барселонскимъ Раймундомъ Беренгеромъ IV и Петронилой, дочерью арагонскаго короля Рамиро II. Съ тѣхъ поръ вѣшняя исторія Каталоніи, получившей при Альфонсѣ II названіе принципата Каталонскаго, сливается съ исторіей Арагона, уже рассмотрѣнной нами. Поэтому намъ предстоитъ ограничиться лишь очеркомъ внутренняго устройства принципата.

Въ Каталоніи раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ полуострова, прекратили свое дѣйствіе вестготскія учрежденія. Такъ, соборы, созывавшіеся въ періодъ отъ VIII до XI в. въ Кастиліи и Леонѣ, здѣсь вовсе не собирались. Только въ 1027 г. впервые созванъ былъ соборъ въ г. Эльнѣ, для рѣшенія церковныхъ и государственныхъ вопросовъ, представлявшій нѣкоторое сходство съ леонскими concilla. Въ теченіе XI в. соборы эти учащаются и получаютъ названіе кортесовъ. Наболѣе замѣчательными для внутренняго развитія Каталоніи были кортесы, созванные въ 1068 г. въ г. Барселонѣ Раймундомъ Беренгеромъ („el Viejo“). Дѣйствовавшее вестготское право находилось въ рѣзкомъ противорѣчій съ новыми условіями жизни общества, подвергшагося сильному вліянію

французскихъ феодальныхъ понятій и учреждений, и должно было вести упорную борьбу съ оспаривавшимъ у него авторитетъ обычнымъ правомъ. Уступая духу времени, Р. Беренгеръ рѣшился кодифицировать феодальные обычаи и дать имъ правительственную санкцію. Редактированные кортесами 1068 г., обычаи эти (такъ наз. Usajes, въ лат. пер. Usatici Barchinonenses) легли въ основу всего общественно-политическаго строя Каталоніи. Вестготское законодательство низведено было на степень дополнительнаго, а при Іаковѣ I пользованіе имъ въ трибуналахъ было формально запрещено. Дѣленіе и подраздѣленіе территоріи на мелкіе фьефы, начавшееся еще въ эпоху франкскихъ королей и достигшее полного развитія въ XI в., установило среди каталонской аристократіи феодальную іерархію, во главѣ которой стояли такъ наз. potestades или графы, которыхъ первоначально было 9 и которые въ могуществѣ своемъ нисколько не уступали арагонскимъ ricos hombres. Съ крупною земельною собственностью они соединяли и верховную юрисдикцію (*merum et mixtum imperium*) надъ своими вассалами. Изъ нихъ графъ барселонскій, какъ самый могущественный, пользовался главенствомъ надъ остальными, которые постепенно испытывали ограниченіе своихъ правъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ барселонскіе графы сдѣлались королями Арагона и установили такъ наз. конституціи гражданскаго и Божьяго мира (*Las paces u treguas*), въ силу которыхъ запрещалось веденіе частныхъ войнъ и насиліе надъ обывателями, а виновные въ нарушеніи мира подлежали суду барселонскаго графа или церкви. Принадлежавшая раньше потестадамъ юрисдикція надъ всѣми ихъ вассалами, распространялась послѣ того лишь на низшихъ (*rustici, adscriptici, servi glebae*), а юрисдикція надъ высшими перешла къ королю.

Слѣдующими за потестадами степенями каталонской аристократіи были *vizcondes, comitores* и *vasvasores*, носившіе общее названіе магнатовъ, но имѣвшіе неодинаковое количество вассаловъ. Правовое различіе между ними заключалось въ томъ, что виновный въ оскорбленіи или пораненіи кого-либо изъ членовъ высшаго класса платилъ пеню вдвое большую, чѣмъ за пораненіе или оскорбленіе лица, принадлежавшаго къ слѣдующему классу. Въ XIII вѣкѣ

подобно потестадамъ, всѣ магнаты имѣли уже *merum et mixtum imperium* надъ своими подданными и обладали правомъ денатурализации или „*deseximen*“, въ силу котораго могли освобождаться отъ присяги въ вѣрности королю и, по прошествіи извѣстнаго промежутка времени, объявлять ему войну. За *vasvasores* слѣдоваль многочисленный классъ рыцарей (*caballeros* или *milites*), а самую низшую степень феодальной аристократіи составляли такъ наз. *homens de parage* или *homines de paratge*—свободные люди, не принадлежавшіе ни къ рыцарскому, ни къ городскому сословію, но „равные“ знатымъ. Съ теченіемъ времени всѣ указанные подраздѣленія каталонской аристократіи сгладились и сохранилось дѣленіе ея лишь на 2 класса: *ricos hombres* (высшее дворянство) и *caballeros* (низшее), изъ которыхъ послѣдніе находились въ подчиненіи у первыхъ, пока имъ не удалось эмансипироваться изъ-подъ власти магнатовъ въ XIV в., при Педро IV, давшемъ имъ право заключать союзы для защиты ихъ интересовъ и подчинившемъ ихъ своей юрисдикціи. Духовенство, пользовавшееся преобладающею ролью въ вестготскомъ обществѣ, въ XI в. въ Каталоніи лишено было всякаго политическаго значенія; его старательно устранили отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Подобное отношеніе къ духовенству можетъ быть объяснено зависимостью его отъ французской церкви, въ которой оно находилось въ первые вѣка послѣ арабскаго завоеванія, когда уничтожены были религіозные центры Каталоніи, а духовнымъ главою ея слѣдался нарбонскій митрополитъ, назначавшій сюда епископовъ. Въ концѣ XI и въ XII в. въ пользу духовенства наступаетъ реакція: свѣтская власть, несмотря на свою матеріальную силу, принуждена была сознать недостаточность своихъ средствъ для дисциплинированія полуварварскаго общества; нуждаясь въ нравственно-религіозныхъ началахъ, путемъ которыхъ можно было бы сдерживать индивидуальный произволь, она обратилась за помощью къ церкви, предоставила ей значительную юрисдикцію въ дѣлахъ, касавшихся нарушенія Божьяго мира, и тѣмъ открыла ей возможность вліять на соціальный порядокъ.

Города въ Каталоніи получили политическое развитіе позже, чѣмъ, напр., въ Кастиліи. До XII в. каталонскіе города не обла-

дали муниципальною автономіей; хартіи, которыя они получали до этого времени (такъ наз. *cartas-pueblas*), предоставляли только обывателямъ пользованіе различными землями и угодьями, освобождали ихъ отъ извѣстныхъ налоговъ и опредѣляли обязанности ихъ по отношенію къ сеньорамъ. Съ XII в. города получаютъ право имѣть выборныя власти, независимыя отъ сеньоровъ, собственный судъ и администрацію. Наиболее раннею и наиболее выработанною является муниципальная организація Барселоны. Согласно постановленію 1257 г., во главѣ городского управленія стояли совѣтники (сначала 8, потомъ 5), составлявшіе постоянное совѣщательное собраніе правителя каталонскаго принципата; въ особенно важныхъ случаяхъ созывалось собраніе городскихъ гласныхъ, составлявшихъ „великій совѣтъ“. Первые совѣтники избраны были народомъ и сами уже избрали гласныхъ изъ всего населенія Барселоны, которое дѣлилось на 3 класса: 1) *тапо тауог* (крупные собственники, медики, юристы и представители другихъ свободныхъ профессій), 2) *тапо модіана* (купцы и крупные промышленники) и 3) *тапо меног* (мелкіе торговцы и ремесленники). Срокъ дѣятельности совѣтниковъ и гласныхъ былъ годичный. Выходя въ отставку, совѣтники сами назначали замѣстителей себѣ, а послѣдніе вмѣстѣ съ правителемъ принципата въ свою очередь назначали гласныхъ. Указанная система выборовъ въ 1387 г. была замѣнена выборомъ посредствомъ жребія. Въ 1452 г. число членовъ великаго совѣта было ограничено 98. При Фердинандѣ Католикѣ дворяне получили право наравнѣ съ горожанами участвовать въ муниципальных должностяхъ съ сохраненіемъ своихъ титуловъ и привилегій. Муниципальной магистратурѣ и великому совѣту Барселоны принадлежало право заключать торговые договоры съ иностранными державами, устанавливать налоги и завѣдовать всѣми дѣлами по управленію городскими финансами и общественными работами. Даже члены рыцарскаго сословія стремились вступитъ въ ряды барселонскихъ гражданъ, тогда какъ въ Арагонѣ, наоборотъ, завѣтной мечтой жителей было вступленіе въ рыцарскій классъ. Организація другихъ городовъ напоминала барселонскую; муниципальное развитіе ихъ подготовило участіе въ кортесахъ депутатовъ отъ 33 городскихъ общинъ.

Между дворянствомъ и духовенствомъ распредѣлялась на феодалныхъ началахъ большая часть земель съ населяющими ихъ крестьянами. По статистическимъ даннымъ, относящимся къ 1349 г., общее число дворовъ, принадлежавшихъ королевскимъ вассаламъ, было нѣсколько больше 25,000, тогда какъ число дворовъ, принадлежавшихъ вассаламъ „de senorio“, превышало 60,000. Для приблизительнаго опредѣленія всего количества каталонскаго народонаселенія въ ту пору надо умножить общее число дворовъ на 4. Положеніе крестьянъ въ Каталоніи было несравненно тягостнѣе, чѣмъ въ Леонѣ и Кастиліи, но лучше, чѣмъ въ Арагонѣ. Всего хуже были поставлены такъ назыв. *pageses de remensa*, которые составляли большинство и не могли покинуть землю сеньора, не откупившись предварительно, не могли отчуждать земли, на которой жили и которую обрабатывали, вступать въ бракъ безъ разрѣшенія сеньора, жаловаться королю на насилія, совершенныя надъ ними. Сеньоръ могъ мѣнять, дарить, завѣщать, продавать крестьянъ съ землей или безъ земли, но „*usajes*“ не давали ему права мучить ихъ, умерщвлять или грабить; въ этомъ отношеніи каталонское законодательство стояло выше арагонскаго. Кромѣ того, „*usajes*“ не лишали крестьянъ права владѣть и пріобрѣтать. Единственнымъ для нихъ средствомъ освобожденія являлось право убѣжища въ Барселонѣ или въ другихъ привилегированныхъ городахъ, оставаясь въ которыхъ въ теченіе одного года и одного дня, они тѣмъ самымъ становились свободными (въ силу привилегіи „*Recognoverunt proceres*“). Только во второй половинѣ XV в. въ положеніи крестьянъ произошли существенныя измѣненія.

Крѣпостное право въ Каталоніи, какъ и въ Арагонѣ, стояло въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчій съ общимъ политическимъ строемъ принципата и условіями его экономическаго развитія, съ тѣми гарантіями личной свободы и имущественной неприкосновенности, которая становилась достояніемъ все большаго круга лицъ, и тѣмъ высокимъ духомъ гражданской и политической свободы, который былъ отличительнымъ признакомъ подданныхъ арагонскаго короля. Когда супруга Альфонса III, Элеонора, упрекала его въ

томъ, что онъ не примѣнилъ къ возмущившимся жителямъ Валенсіи строгихъ мѣръ наказанія, и указывала, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на брата своего, короля кастильскаго, который поступилъ бы въ данномъ случаѣ иначе, Альфонсъ III замѣтилъ: „королева, народъ нашъ свободенъ, онъ не подчиненъ тому игу, подъ которымъ находятся кастильцы; наши подданные считаютъ насъ своимъ сеньоромъ, а мы смотримъ на нихъ, какъ на своихъ добрыхъ вассаловъ и товарищей“. Но въ этомъ отвѣтѣ не было сдѣлано важной оговорки: свобода тогда не была удѣломъ всего населенія Арагонскаго королевства и принципата Каталонскаго, а являлась лишь привилегіей трехъ высшихъ сословій.

Въ отношеніи экономическаго развитія каталонцы не имѣли соперниковъ среди остальныхъ испанцевъ. Длинная и удобная для мореходства береговая линія, духъ предпріимчивости, энергія, необыкновенное трудолюбіе жителей, о которыхъ сложилась поговорка: „каталонецъ изъ камня дѣластъ хлѣбъ“, и которые были поглощены борьбою съ маврами не такъ долго и не въ такой степени, какъ кастильцы, наконецъ, свободныя политическія учрежденія и терпимость по отношенію къ инновѣрцамъ и иноземцамъ—все это способствовало тому, что еще въ XIII в. Каталонія становится одною изъ наиболѣе промышленныхъ и богатыхъ странъ Европы. Папское запрещеніе вести торговлю съ мусульманами не мѣшало каталонцамъ находиться въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Тунисомъ, Александріей, Константинополемъ и Кипромъ, откуда они вывозили пряности, сахаръ, шелкъ и т. д., взаменъ привозимыхъ металлическихъ издѣлій, строевого лѣса, хлѣба и др. Они вели также обширную торговлю съ южной Франціей, Италіей, Сициліей, а съ XIV в.—и съ Нидерландами и Англіей. На западъ они привозили восточные товары и собственные произведенія—шерсть и льняныя ткани, кожаныя и металлическія издѣлія, корабельныя принадлежности и т. д. Для защиты интересовъ своей торговли и мореплаванія они учреждали въ важнѣйшихъ иностранныхъ портовыхъ городахъ консульства; для разбора споровъ и недоразумѣній между купцами въ Барселонѣ основаны были торговые суды. Выработанныя практикой этихъ консульствъ и судовъ пра-

вила торговли и мореплаванія собраны были въ царствованіе Іакова I (между 1258 и 1266 г.) въ одинъ кодексъ, который былъ принятъ въ торговыхъ городахъ по всеѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Въ кортесахъ депутаты отъ третьяго сословія появляются въ началѣ XIII в. Присутствіе ихъ здѣсь носило сперва случайный характеръ; постояннымъ оно становится съ 1283 г., когда постановлено было ежегодно созывать кортесы, какъ собраніе трехъ государственныхъ чиновъ: духовнаго, дворянскаго (дворянство, дѣлившееся на высшее и низшее, не имѣло здѣсь двойного представительства, подобнаго тому, какое существовало въ Арагонѣ, а составляло лишь одинъ чинъ) и городского. Это постановленіе много считать началомъ парламентарной исторіи Каталоніи, получающей съ этой поры характеръ республики съ наслѣдственнымъ президентомъ. Власть за графомъ Каталоніи, даже если бы онъ былъ уже арагонскимъ королемъ, признавалась не иначе, какъ послѣ принесенія имъ присяги въ соблюденіи каталонскихъ фюэросовъ. Законъ, изданный въ кортесахъ, могъ быть отмѣненъ только лишь въ кортесахъ.

Безъ согласія сословій не могъ быть установленъ ни одинъ налогъ. Законодательная инициатива въ равной мѣрѣ принадлежала какъ королю, такъ и членамъ кортесовъ. Сословія совѣщались и вотиrowали отдѣльно. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, но при этомъ обращалось вниманіе не на количество, а на качество голосовъ, т.-е. на относительную важность вотирующихъ. Такъ, голоса таррагонскаго архіепископа и нѣкоторыхъ епископовъ значили гораздо болѣе, чѣмъ голоса остальнаго духовенства, и т. д. Отсюда возникъ въ Каталоніи парламентскій афоризмъ: „vota non sunt numeranda, sed ponderanda“. Законы, изданные съ согласія короля, всеѣми тремя сословіями, назывались *constituciones* и для всѣхъ были равно обязательны, а изданные, съ согласія короля, однимъ лишь сословіемъ, назывались *capitulos* и были обязательны только для этого сословія. Право созыва кортесовъ принадлежало королю. Полномочія депутатовъ provѣрялись комиссіей изъ 18 членовъ, изъ коихъ 9 избирались сословіями, а 9—королемъ. Въ промежуткахъ между сессіями кортесовъ, сперва созы-

вавшихся ежегодно, а потомъ—черезъ каждые три года, дѣйствовалъ комитетъ, состоявшій изъ выбранныхъ кортесами депутатовъ отъ трехъ сословій и членовъ счетной палаты, постоянно засѣдавшей въ г. Барселонѣ и имѣвшей своихъ агентовъ по всемъ городамъ принципата, которые должны были защищать конституціонныя права націи и завѣдывать налогами.

Вольности Каталоніи, въ XIV в. достигшія своего апогея, постепенно начинаютъ испытывать ограниченія со стороны королевской власти, со времени пресѣченія Барселонской династіи и вступленія на престолъ младшей линіи кастильскихъ королей, въ лицѣ Фердинанда, сына Генриха II Трастамары и Леоноры, дочери Петра IV (1412). Соединеніе арагонской короны съ кастильской при Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ, хотя и не привело къ уничтоженію вольностей и самобытнаго существованія Каталоніи, но сильно имъ угрожало. Конституціонная свобода продержалась, однако, въ Каталоніи долше, чѣмъ, напр., въ Кастиліи и Арагонѣ.

Валенсійское королевство.—Въ составъ „короны Арагонской“, кромѣ Каталоніи, входило и королевство Валенсійское, покореніе котораго начато было Іаковомъ I въ 1238 г. и завершено было въ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія.

Въ походѣ Іакова I принимали участіе арагонскіе и каталонскіе дворяне (360 „caballeros de conquista“), между которыми и была распредѣлена завоеванная у мусульманъ территорія на феодалномъ правѣ. Далѣе, значительныя помѣстья тамъ были пожалованы духовенству и ордену тамплиеровъ. Въ новыхъ своихъ владѣніяхъ арагонское дворянство старалось удержать свои прежнія права и привилегіи, что ему до извѣстной степени и удалось, такъ какъ конституція новаго королевства во многихъ отношеніяхъ представляла копію арагонской. Но Іаковъ I, давшій Валенсію самостоятельное фюэро, не пожелалъ поступиться въ пользу дворянства нѣкоторыми прерогативами своей власти и не далъ ему „привилегіи уніи“, которой оно тщетно добивалось и у его преемниковъ, Педро III и Альфонса III. Валенсія пріобрѣла отдѣльные отъ Арагона и Каталоніи кортесы, гдѣ дворянство составляло только одинъ чинъ, причѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшались дѣла общія для всехъ

трехъ государствъ Арагонской федераціи, созывались общіе кортесы, обыкновенно въ г. Монсонѣ. Если въ Валенсіи выработались феодальные порядки, аналогичные тѣмъ, какіе существовали въ Арагонѣ и Каталоніи, то положеніе крестьянъ въ Валенсіи было несравненно лучшимъ, чѣмъ въ остальныхъ владѣніяхъ арагонскаго короля: они не были прикрѣплены къ землѣ, но при переходѣ изъ одного помѣстья въ другое лишались своего имущества въ пользу сеньора, землю котораго оставляли. Въ такихъ же условіяхъ находились и саррацины, занимавшіеся земледѣіемъ. По отношенію къ зависимому населенію сеньорамъ принадлежали нѣкоторые баналитеты и права юрисдикціи.

III. Н а в а р р а.

Расположенное въ горахъ Пиринейскихъ, лишенное доступа къ морю и окруженное со всѣхъ сторонъ сильными государствами — Кастиліей, Арагономъ и Франціей, королевство Наварское послѣ Санчо Великаго не только не имѣло возможности расширять свою территорію на счетъ мавровъ и сосѣдей, но и должно было употреблять всевозможныя усплія къ тому, чтобы отстоять отъ нихъ свою независимость. Не всегда усплія эти были успѣшны. Въ 1076 г. Наварра подчинилась власти арагонскаго королевскаго дома и только въ 1134 г. освободилась отъ нея. До 1234 г. Наваррою управляли туземные короли, съ успѣхомъ принимавшіе участіе въ борьбѣ съ маврами. Послѣ смерти Санчо Сильнаго престолъ перешелъ къ его зятю, графу шампанскому, Теобальду I. Съ тѣхъ поръ Наварра подчиняется политическому вліянію Франціи: династію графовъ Шампанскихъ въ 1285 г. смѣнила французская, королевская, въ лицѣ Филиппа IV Красиваго, а съ прекращеніемъ дома Капетинговъ, Наварскій престолъ перешелъ къ графамъ Эвре. Съ 1425 г., когда мужемъ королевы Бланки сталъ инфантъ арагонской, сдѣлавшійся потомъ королемъ подъ именемъ Хуана II, начинается періодъ продолжительныхъ смутъ въ жизни этого маленькаго королевства: честолюбивый арагононецъ желалъ овладѣть имъ, въ ущербъ правамъ

своего сына Карла, принца Віанскаго, послѣ смерти матери его Бланки (1441). Все населеніе Наварры тогда раздѣлилось на двѣ партіи; изъ нихъ одна поддерживала права Карла, другая — притязанія Хуана. Въ 1461 г. Карлъ умеръ, но борьба продолжалась, такъ какъ сторонники его подозрѣвали вторую жену Хуана въ отравленіи пасынка и желали отомстить ему и ей. Послѣ смерти Хуана II (1479), Наварра перешла къ его дочери, бывшей замужемъ за Гастономъ IV, графомъ де Фуа, а затѣмъ, съ пресѣченіемъ мужской линіи этой династіи,—въ руки графа д'Альбре, при которомъ южная часть Наварры была завоевана арагонскимъ королемъ Фердинандомъ (1512), а сѣверная все болѣе сближалась съ Франціей.

Страна бѣдная, населенная частью басками, частью выходцами изъ Кастиліи, Арагона и Франціи, Наварра не играла важной роли въ общихъ судьбахъ Пиренейскаго полуострова. Во внутреннемъ развитіи наварскаго народа, численность котораго въ XV в. едва ли превышала 100.000, можно подмѣтить рядъ чертъ, общихъ съ тѣми, какія наблюдаются въ развитіи сосѣднихъ народовъ, особенно кастильцевъ. Главную массу населенія составляли земледѣльцы—*labradores*, *pecheros*, долгое время находившіеся въ крѣпостной зависимости отъ сеньоровъ и, смотря по тому, на чьихъ земляхъ жили, раздѣлявшіеся, какъ и въ Кастиліи, на *realengos*, *abadengos* и *solariegos*. Въ пользу сеньоровъ они обязаны были отправлять различныя натуральныя повинности и барщинныя службы, имѣвшія характеръ общественныхъ помочей. Одни крестьяне несли барщину (*lavor*) въ пользу сеньора, другіе—въ пользу короля, третьи—въ пользу того и другого. Размѣры и условія этихъ повинностей опредѣлялись обычаями и фуэросами. Обыкновенно барщина отнимала у крестьянъ 5 дней въ году, изъ нихъ 2 или 3 дня шли въ пользу короля, а остальные—въ пользу сеньора. Впрочемъ, были и такіе крестьяне, которые обязаны были въ пользу короля работать по одному дню въ недѣлю. За работами наблюдали „сайоны“. Болѣе зажиточные крестьяне являлись на барщинную пашню съ плугомъ и съ парой воловъ, бѣдные—съ одной сохой: работы продолжались отъ восхода

до захода солнца; пищу, въ видѣ хлѣба, вина и похлебки, доставлялъ земледѣльцамъ самъ сеньоръ. Честь, жизнь и имущество крестьянъ находились подъ охраной закона, ограничивавшаго права сеньориальной юрисдикціи надъ ними. Число крѣпостныхъ къ XV в. постепенно сокращалось, благодаря привилегіямъ королей и сеньоровъ, желавшихъ поднять доходность своихъ земель и сдѣлать земледѣльческій трудъ болѣе производительнымъ. Кромѣ того, въ Наваррѣ, какъ и вездѣ въ западной Европѣ, пребываніе крестьянъ въ привилегированныхъ городахъ въ теченіе одного года и одного дня дѣлало ихъ свободными. Особенно много крѣпостныхъ было освобождено въ концѣ XIV в. королемъ Карломъ III Благороднымъ, снижавшимъ большую популярность среди крестьянъ. Тѣмъ не менѣе еще во второй половинѣ XV в. не всѣ они пользовались свободой; положеніе нѣкоторыхъ изъ земледѣльческихъ группъ было настолько тяжело, что они подымали возстанія и покидали земли своихъ сеньоровъ.

Большихъ городовъ въ Наваррѣ не было. Буржуазія (*vecindad*) здѣсь не обладала большими богатствами, но пользовалась самоуправленіемъ и представительствомъ въ кортесахъ. Городской классъ дѣлился на двѣ группы: *vecinos*—домовладѣльцевъ, имѣвшихъ лавочки, выходившія на улицу, и *francos*—иностранцевъ, пользовавшихся королевскимъ покровительствомъ, платившихъ въ казну небольшую подать и имѣвшихъ своихъ собственныхъ магистратовъ. Высшими, привилегированными сословіями были, какъ и вездѣ, духовенство и дворянство. Но и эти сословія не обладали большимъ политическимъ значеніемъ и богатствами въ странѣ фугеросовъ и мелкаго землевладѣнія, какою была Наварра. Главою наваррскаго духовенства былъ епископъ Пампелунскій, суффраганъ архіепископа Бургосскаго; затѣмъ слѣдовали, по степени вліянія, капитулъ соборной церкви Туделы, аббатства св. Сальвадора де Лепре и др. Изъятіе отъ податей, право интердикта, право дарованія убожища въ церкви и предствительство въ кортесахъ—таковы были важнѣйшія привилегіи наваррскаго духовенства, глава котораго, епископъ Пампелунскій, однако, связанъ былъ съ короной феодальною повинностью, состоявшею въ томъ, что въ случаѣ войны онъ обязанъ былъ сопровождать короля съ 10 рыцарями.

Дворянство было здѣсь наиболѣе вліятельнымъ сословіемъ. Большую его часть составляли гидальго (fidalgos или *ynganzones*), мелкіе аллодіальные собственники, пользовавшіеся иммунитетомъ въ своихъ владѣніяхъ, но обязанные за полученныя отъ короля земли и права ленною присягою и службой по отношенію къ нему; болѣе зажиточные гидальго назывались *caballeros*, а самые богатые и вліятельные среди нихъ составляли небольшую группу „*richombres*“; они держали въ зависимости отъ себя цѣлую толпу вассаловъ, пользовались правами юрисдикціи, получали отъ королей помѣстья (*honores*) и составляли королевскій совѣтъ (*los doce sabios de la tierra*, первоначально ихъ было только 12). Подъ вліяніемъ французскихъ феодальныхъ порядковъ въ XIV в. въ Наваррѣ введены были титулы графовъ, бароновъ и т. д. и учреждены были наслѣдственные должности коннетабля и маршала, доставшіеся двумъ наиболѣе вліятельнымъ родамъ Наварры, послѣ чего они приобрѣли политическое значеніе. Подобно буржуазіи и духовенству, дворянство представляло особый чинъ въ кортесахъ.

Главою государства въ судебномъ, административномъ и военномъ отношеніяхъ былъ король, власть котораго сдѣлалась наслѣдственной еще въ X в. Но безъ согласія представителей трехъ сословій, собиравшихся въ кортесахъ съ начала XIV в., по правилу, черезъ каждые 2—3 года, онъ не могъ издавать новыхъ законовъ, требовать субсидій (*сuarteles*), объявлять войну. Только во второй половинѣ XV в. авторитетъ королевской власти увеличивается на счетъ кортесовъ, благодаря учрежденію королевскаго постоянного совѣта (*Corte Mayor*) и счетной палаты, по образцу французской. Въ административномъ отношеніи королевство раздѣлялось на нѣсколько округовъ (*merindades*), начальники которыхъ назывались мэринами (помощники ихъ—*байла*), соединяли въ своихъ рукахъ власть судебную, административную, а иногда и военную, и назначались королемъ на срокъ. Кутюмы Навары были редактированы еще въ XIII в. въ формѣ такъ наз. „*Fuero General de Navarra*“, но кодексъ этотъ не упразднилъ дѣйствія мѣстныхъ *фуэросовъ*.

IV. П О Р Т У Г А Л І Я.

Начало Португальской монархіи традиція связываетъ съ блестящей побѣдой, одержанной графомъ Альфонсомъ-Эрикесомъ надъ пятью маврскими князьями въ битвѣ при Орикэ въ 1139 г послѣ чего войско тутъ же признало его своимъ королемъ.

„dizendo em alta voz: „Real, Real,
Por Alonso, alto rei de Portugal“ *).

Традиція, однимъ изъ выразителей которой является гениальный авторъ поэмы „Лузіады“ — Камоэнсъ, представляетъ событіе это въ разукрашенномъ видѣ и сильно преувеличиваетъ его значеніе. Національное самолюбіе португальцевъ, совмѣстно съ богато развитымъ воображеніемъ, создало легенду о битвѣ, въ которой погибло до 400.000 мавровъ, какъ о краеугольномъ камнѣ ихъ политической независимости. Но повѣйшій португальскій историкъ — Эркуляно, соединившій съ огромной эрудиціей и замѣчательное безпристрастіе, доказалъ, что дѣло было много проще. Сраженіе при Орикэ, по своимъ размѣрамъ и характеру, мало чѣмъ отличалось отъ обычныхъ набѣговъ, которые совершали каждую весну христіанскіе короли въ мусульманскія владѣнія, и которые назывались „fossados“. Независимость отъ Леонскаго королевства подготавливалась задолго до этой битвы, въ силу причинъ этнографическихъ, политическихъ и географическихъ, и была окончательно достигнута португальцами только нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событія 1139 г. Последнее имѣло исключительно моральное значеніе: это было первое сраженіе, которое дали португальцы маврамъ по ту сторону р. Тахо, на южной окраинѣ будущаго королевства; успѣхъ предпріятія внушилъ имъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и поднялъ ихъ престижъ въ глазахъ мусульманъ и леонцевъ. И съ тѣмъ, и съ другими они боролись и до, и послѣ 1139 г., всегда находя достаточно поводовъ для военныхъ столкновеній съ сосѣдями.

*) Восклицая: «Да здравствуетъ Альфонсъ, король высокій Португальскій!» (Camões, os Lusíadas, III, 46).

Титуль королевскій Альфонсъ Энрикесъ принялъ окончательно въ 1140 г.; до этого времени онъ величался то принцемъ, то инфантомъ, то королемъ. Впервые этотъ титуль вводится въ употребленіе въ Португаліи еще при основателѣ португальской династіи—графѣ бургундскомъ Генрихѣ: именно жену его, донью Терезу, народъ называлъ королевой; оставшись вдовой, она уже сама такъ себя величала въ грамотахъ. Но принятіе королевскаго титула Альфонсомъ—Энрикесомъ еще не знаменовало прекращенія его вассальной зависимости отъ леонскаго короля. Въ 1143 г. имѣло мѣсто въ г. Саморѣ совѣщаніе между Альфонсомъ VII, королемъ Леона, и Альфонсомъ—Энрикесомъ, королемъ Португаліи, по вопросу о заключеніи мира съ маврами; на это совѣщаніе приглашенъ былъ папскій легатъ, кардиналъ Гвидо, который долженъ былъ обнародовать постановленія второго Латеранскаго собора, касавшіяся всей Испаніи. Здѣсь Альфонсъ VII, титуловавшійся „императоромъ всея Испаніи“, призналъ за Альфонсомъ—Энрикесомъ королевскій титуль и далъ ему въ ленъ сенъорію Асторгскую, въ силу чего португальскій король продолжалъ состоять въ вассальной зависимости отъ леонскаго.

Такимъ образомъ, фактически Португалія отдѣлилась отъ Леона. Но учрежденія монархіи, въ составъ которой дотолѣ входила Португалія, не допускали полного и окончательнаго отдѣленія ея отъ Леона. Народъ, во главѣ котораго стоялъ Альфонсъ I (Энрикесъ *), не имѣлъ отличнаго отъ леонцевъ самостоятельнаго государственнаго права: и португальцы, и леонцы управлялись одними и тѣми же вестготскими законами, запрещавшими расчлененіе монархіи на составныя части. Чтобы устранить это препятствіе, необходимо было прибѣгнуть къ высшему въ то время авторитету, именно къ папской власти. Такъ и поступилъ Альфонсъ, поставивши свое молодое государство подъ покрови-

*) Alfonso Henriques; окончаніе собственныхъ именъ испавскихъ на *es*, а португальскихъ на *es* соотвѣтствуетъ русскому патронимическому *овичъ*, *ичъ*: такъ что приведенное выше имя въ русской передачѣ было бы—Альфонсъ Генриховичъ. Подобнымъ же образомъ Fernandez собственно значить сынъ Фердинанда, Nunez—сынъ Нуньо и т. д.

тельство Рима и признавъ себя вассаломъ папы, которому обязался уплачивать ежегодно цензъ въ размѣрѣ четырехъ унцій золота.

Заботясь о расширеніи границъ своего королевства, Альфонсъ I сосредоточилъ все вниманіе на завоеваніи территоріи, расположенной на югъ отъ р. Тахо и принадлежавшей саррацинамъ. Въ короткое время онъ завоевалъ гг. Сантаремъ и Лиссабонъ съ сосѣдними областями. Менѣе удачны были походы его противъ христіанскихъ государствъ полуострова. Замѣчательный „конкистадоръ“, проведеній большую часть жизни на полѣ брани, онъ стяжалъ у потомства не только славу основателя португальскаго королевства, но и былъ окруженъ ореоломъ святого.

Съ тѣхъ поръ на западномъ побережьи Пиренейскаго полуострова стала развиваться самостоятельная политическая жизнь маленькаго народа, который въ лучшую пору своего историческаго существованія насчитывалъ не болѣе трехъ милліоновъ населенія и тѣмъ не менѣе сыгралъ великую роль при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, сорвавши, вмѣстѣ съ испанцами, завѣсу, скрывавшую отъ взоровъ Европы половину земного шара.

Политическое и социальное развитіе Португаліи представляло много сходства съ развитіемъ кастильскихъ учреждений, и это вполне понятно, если вспомнить, что оба королевства возникли изъ одного общаго эмбриона—Леонской монархіи, удержавшей законы и политическія традиціи вестготовъ, и долгое время находились въ одинаковыхъ условіяхъ борьбы съ мусульманами.

Въ Португаліи, какъ и въ Кастиліи, каждый клочекъ завоеванной у мавровъ земли надо было закрѣплять за новыми обладателями путемъ колонизаціи, возведенія укрѣпленій, тщательной организаціи сторожевой и военной службы. Такую дѣятельность обнаруживали сперва короли леонскіе, а когда графство Португальское пріобрѣло независимость отъ нихъ, ее продолжали короли португальскіе—Альфонсъ I, сынъ его Санчо I, прозванный „Колонизаторомъ“, „O povoador“ (1185--1211), и др. Сотрудниками ихъ въ этомъ отношеніи были прелаты и магнаты, которые, получая свою долю завоеванной совместно съ ними территоріи, съ

своей стороны должны были заботиться о заселеніи ея и защищать ее отъ нападенія мавровъ.

Успѣху борьбы съ ними не только въ Португаліи, но и въ другихъ Пиренейскихъ государствахъ, начиная съ XII в., много способствовали духовно-рыцарскіе ордена, соединявшіе военную дисциплину съ релігіознымъ воодушевленіемъ и являвшіеся, такъ сказать, профессиональными бойцами за вѣру. Пиренейскій полуостровъ представлялъ для нихъ не менѣе благодарное поприще дѣятельности, чѣмъ Св. Земля, такъ какъ и здѣсь совершался непрерывный крестовый походъ противъ мусульманъ, въ которомъ принимало участіе все христіанское населеніе. Іоанниты и тампліеры, а затѣмъ рыцари кастильскихъ ордеповъ—Калатравы и Сантіаго де Компостелла водворились въ Португаліи, получили отъ королей земельныя владѣнія и различныя привилегіи и стали дѣятельными участниками „реконквисты“. Съ этими рыцарями португальскіе короли завоевали земли, расположенныя по ту сторону р. Тахо—Алемтѣхо и Альгарвию (Alharb), съ ними же они совершали походы и на андалузскихъ мавровъ, перенеся восточныя границы королевства по ту сторону р. Гвадіаны. Уже Санчо I титуловалъ себя королемъ Португаліи и Альгарви, хотя эта область завоевана была только въ 1249 г., послѣ того какъ Альфонсъ III взялъ у Мавровъ г. Санта Марія де Фаро. Тогда территоріальное образованіе Португаліи было вполне закончено. Расширенію границъ ея по ту сторону р. Гвадіаны помѣшало завоеваніе Андалузіи кастильскимъ королемъ Фердинандомъ Св. Сѣверныя области Португаліи были завоеваны и колонизованы раньше и пользовались болѣею безопасностью, чѣмъ южныя, поэтому и заселены были лучше. Особенно густо было въ эпоху „реконквисты“ населеніе области, расположенной между рр. Дуэро и Минью. Степень плотности населенія, при господствѣ натурального хозяйства, обуславливала тоже и развитыя формы личныхъ и земельныхъ отношеній жителей сѣвера и юга. Наличность массы незанятыхъ и по воздѣланнымъ землямъ на югѣ Португаліи, отсутствіе необходимой для земледѣлія безопасности, рѣдкость населенія заставляли владѣльцевъ латифундій, каковыми обыкновенно были король и духовно-рыцарскіе ордена,

очень дорожить земледѣльцами, привлекать ихъ къ обработкѣ земель путемъ предоставленія имъ такихъ льготъ и привилегій, выгоды которыхъ по крайней мѣрѣ уравнивали бы трудность существованія въ странѣ, подверженной постояннымъ нападеніямъ врага. Оттого юридическое положеніе массы земледѣльческаго населенія юга оказалось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ положеніе крестьянъ сѣверной Португаліи, находившихся подъ игомъ крѣпостного права. Такія же различія въ положеніи земледѣльческаго населенія сѣвера и юга мы констатировали и на противоположномъ концѣ полуострова, въ Каталоніи.

Общественный строй Португаліи, возникши изъ тѣхъ элементовъ соціальной организаціи, которые выработаны были въ вестготскую эпоху, въ первый періодъ своего развитія, до XIII в., характеризуется чертами, общими съ тѣми, какія наблюдаются въ жизни Леона и Кастиліи. Высшими слоями общества были привилегированныя сословія—духовенство и дворянство; остальную массу общества составляли не привилегированные классы—вилланы и рабы. За этими общими дѣленіями скрывались частичныя: и высшіе, и низшіе классы подраздѣлялись еще на нѣсколько группъ, причемъ съ теченіемъ времени дробленіе общества увеличивалось по признакамъ большей или меньшей матеріальной и юридической обезпеченности и независимости составныхъ его элементовъ.

Внизу общественной лѣстницы стояли рабы (*servos*), сохранившіеся отъ вестготской эпохи; число ихъ увеличивали плѣнные сарадины. Въ воззрѣніи на рабовъ, какъ на вещь, унаслѣдованномъ отъ римлянъ и вестготовъ, въ эпоху „реконкисты“ происходили измѣненія: за рабами-христіанами признавались извѣстные личныя права, чтобы отличить ихъ отъ рабовъ-мусульманъ, и они обращались въ классъ крѣпостныхъ людей (*homens de creação, adscriptos*).

Выше крѣпостныхъ стояли свободные колоны (*juniore, peões*), жившіе на чужой землѣ и обязанные за пользованіе ею нести опредѣленныя повинности въ пользу собственниковъ: льготныя условія земельныхъ держаній приближали *peões* къ положенію эфитевтовъ. Слѣдующую ступень общественной іерархіи занимали сво-

бодные собственники незнатнаго происхожденія, обязанные нести конную военную службу (*fossado*) и принимать участіе въ починкѣ и сооруженіи укрѣпленій (*anúduva*). Они назывались *herdadores* или *cavaleiros villãos*, находились въ положеніи, аналогичномъ тому, въ какомъ стояли римскіе „*possessores*“ и готскіе „*privati*“, съ которыми находились въ генетической связи. Въ такомъ положеніи оказалась большая часть такъ наз. мосарабовъ, т. е. испаноготовъ, подчиненныхъ арабамъ, но сохранившихъ христіанскую вѣру и затѣмъ возвращенныхъ подъ власть христіанскихъ королей.

Португальское дворянство — *fidalgua* — возвышалось надъ разсмотрѣнными общественными группами по своимъ земельнымъ богатствамъ, знатности происхожденія, военному и политическому значенію. Оно обладало различными правами и привилегіями и, соотвѣтственно этому, дѣлился на нѣсколько разрядовъ. Самыми знатными были *ricos homens* — крупные земельные собственники, въ зависимости отъ которыхъ стояла многочисленная группа кліентовъ и изъ среды которыхъ, до половины XIV в., короли назначали правителей военно-административныхъ округовъ королевства, т. наз. „*terras*“. За ними слѣдовало среднее (*infanções*) и низшее (*cavalleiros, escudeiros*) дворянство, пользовавшееся, подобно вышнему, изъятіемъ отъ платежа налоговъ и различными гарантіями личной и имущественной неприкосновенности. Дворянскія земли, находившіяся въ наслѣдственномъ владѣніи или держаніи извѣстныхъ родовъ, назывались „*solares*“, „*honras*“ или „*coutos*“, пользовались иммунитетомъ въ финансовомъ, военномъ и, отчасти, въ судебномъ отношеніяхъ, но не имѣли характера феодаловъ.

За военную и гражданскую службу короли вознаграждали дворянъ, если не хватало наличныхъ денегъ, предоставленіемъ имъ на извѣстный срокъ намістничества въ той или другой области (*tenencias*), въ томъ или другомъ городѣ или замкѣ (*alcaidarias*), а также права взимать въ свою пользу подати съ жителей данной мѣстности (*prestamos, prestimonios*). Землевладѣніе въ Португаліи не было связано съ отправленіемъ государственныхъ функцій власти, и потому здѣсь не выработалось феодалной аристократіи въ истинномъ смыслѣ. Свое вліяніе королевская власть

простирали въ большей или меньшей степени и на земли дворянства, раздѣливъ всю страну на судебные округа (*judicata*), во главѣ которыхъ стояли королевскіе судьи (*judices*), рѣшавшіе одни дѣла въ первой инстанціи, другіе—въ апелляціонной.

Если дворянство обладало большими богатствами и политическимъ значеніемъ, ограничивавшимъ королевскую власть, то еще важнѣе и вліятельнѣе было положеніе духовенства въ Португаліи послѣ признанія королемъ Альфонсомъ Энрикесомъ вассальной зависимости отъ Рима. Въ теченіе долгаго времени корона находилась подъ тягостной опекой представителей клира, борьба съ которымъ составляла главное содержаніе внутренней исторіи Португаліи въ XII, XIII и XIV вв. Въ то время какъ прелаты для защиты старыхъ и пріобрѣтенія новыхъ привилегій всегда находили дѣятельную поддержку со стороны папы, который не только претендовалъ на право низлагать королей и возводить ихъ на тронъ, но иногда и осуществлялъ его, короли старались противопоставить вліянію привилегированныхъ сословій народъ и содѣйствовали возвышенію городского класса.

Альфонсъ Энрикесъ, поставившій свое королевство въ ленную зависимость отъ Рима, оказывалъ покровительство духовенству, надѣлялъ его землями и привилегіями, освободилъ церковныя помѣстья отъ налоговъ и даже согласился на увеличеніе ежегодной дани въ пользу папы до 2 фунтовъ золота. Уже сынъ его Санчо I пытался избавиться отъ этой унижительной дани, но папа Иннокентій III отстоялъ свои права и заставилъ его уплатить 820 мараведи долга. Епископы Порто и Коимбры вмѣшивались въ частную жизнь короля, жаловались въ Римъ на него и его агентовъ, посягавшихъ на церковныя земли и права, и добились отлученія его отъ церкви, отъ котораго онъ былъ освобожденъ незадолго до смерти. Когда преемникъ его Альфонсъ II (1211—1223) пожелалъ привлечь духовенство къ участію въ расходахъ на веденіе войны съ маврами, то этимъ навлекъ на себя гнѣвъ папы и интердиктъ на все королевство. При слабомъ преемникѣ его Санчо II (1223—1245) вліяніе духовенства на государственную жизнь достигло небывалыхъ размѣровъ. Жалобы прелатовъ на дурное управленіе королевствомъ,

на нарушение членами свѣтской знати и королевской администраціи церковныхъ правъ и привилегій побудили папу отлучить отъ церкви Санчо II и передать королевство брату его, графу Бульонскому. Попытка низложеннаго короля вернуть престолъ при помощи кастильцевъ окончилась неудачно, и государствомъ сталъ править графъ Бульонскій, подъ именемъ Альфонса III (1245—1279).

То было послѣднее торжество духовной власти надъ свѣтской въ Португаліи, такъ какъ уже Альфонсъ III, несмотря на то, что былъ обязанъ возведеніемъ на тронъ папѣ и обѣщалъ соблюдать вольности церкви, провозгласилъ вскорѣ свою независимость отъ Рима. Отлученіе отъ церкви, котораго не избѣгъ и этотъ король, уже перестало быть грознымъ оружіемъ въ рукахъ духовенства въ ту пору, когда происходила „порча церкви въ главѣ и членахъ“, и когда престижъ папы сталъ падать во всей католической Европѣ. При Денисъ I (1279—1325), основавшемъ въ 1291 г. университетъ въ Лиссабонѣ (потомъ переведенный въ Коимбру), гдѣ было введено преподаваніе римскаго права съ цѣлью подготовить вѣрныхъ слугителей монархической власти въ лицѣ легистовъ, боровшемся противъ привилегій знати и прозванномъ за покровительство народу „отцомъ отечества“, духовенство лишается права увеличивать свои земельныя владѣнія новыми приобрѣтеніями.

Наслѣдникъ его Альфонсъ IV (1325—1357), запятнавшій себя убійствомъ Иньесъ де Кастро, любовницы сына, нанесъ новый ударъ духовенству, поручивъ своимъ комиссарамъ провѣрить права церкви на владѣмыя ею земли. Петръ I Справедливый (1357—1367) еще болѣе сократилъ права духовенства и дворянства, опираясь на поддержку легистовъ и народа, а при Хуанѣ I (1385—1433), выкупившемъ за 300.000 ливровъ у епископа Оporto право владѣть этимъ городомъ (1406), королевская власть достигла уже полнаго торжества надъ церковью.

Условія возникновенія и развитія городскихъ общинъ (*concelhos*) въ Португаліи были тѣ же, что и въ Кастиліи. Внутреннія отношенія ихъ регулировались или на основаніи учредительныхъ хартій (*cartas de povoação*), или на основаніи договорныхъ грамотъ (*foraes*). По степени развитія муниципальной автономіи го-

рода Португаліи могутъ быть раздѣлены на 3 группы: 1) рудиментарные, т.-е. тѣ, въ которыхъ выборныя власти вѣдали только незначительный кругъ вопросовъ администраціи, а главное значеніе принадлежало королевскимъ или сеньориальнымъ агентамъ—майордомамъ (примѣромъ этого рода общинъ, большею частью—сельскихъ, можетъ служить Сангинедо); 2) несовершеннолетніе—тѣ, которые обладали правами самостоятельной юрисдикціи, при ограниченіи административной автономіи сеньориальной властью (образцомъ этого рода муниципій служить Коимбра, бывшая столицей королевства до конца XIII в.), и 3) совершенные, гдѣ муниципальная магистратура напоминала своею выработанностью римскую и была представлена альгвазилами (отъ араб. „al wasir“), алькальдами (отъ араб. „al khadi“) и судьями, гдѣ народъ, дѣлившійся на двѣ большія группы—„cavalleiros villãos“ и „peões“, до извѣстной степени соотвѣтствовавшія римскимъ „curiales“ и „plebs“, принималъ непосредственное или посредственное участіе въ администраціи и судѣ (boni homines) общины и гдѣ, наконецъ, центральная власть въ административномъ, военномъ и судебномъ отношеніяхъ представлена была въ лицѣ т. наз. алькальда-майора (типъ совершеннаго городского устройства представлялъ городъ Сантаремъ).

Городская жизнь въ Португаліи развивалась по мѣрѣ того, какъ увеличивалось населеніе, оживлялась торгово-промышленная дѣятельность, совершался переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному. Страна, вначалѣ земледѣльческая, Португалія рано воспользовалась выгодами своего приморскаго положенія и въ періодъ отъ второй четверти XIII в. до конца XIV успѣла завязать торговыя сношенія съ Франціей, Фландріей, Англіей и со всѣми побережьями Средиземнаго моря, куда отпускала излишекъ своего хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Король Денисъ I покровительствовалъ земледѣлію, разработкѣ мѣстныхъ желѣзныхъ и золотыхъ рудниковъ, кораблестроенію и морской торговлѣ. Онъ выписывалъ изъ Генуи мастеровъ, научившихъ португальцевъ искусству кораблестроенія, и заботился о разведеніи на пустопорожнихъ мѣстахъ лѣсовъ, которые черезъ 100 лѣтъ дали прекрасный матеріалъ для сооруженія сильнаго португальскаго флота.

Благодаря укрѣпленіямъ и королевской политикѣ, городскія поселенія еще со времени Альфонса I стали пользоваться безопасностью и различными привилегіями, привлекавшими туда население изъ окрестныхъ и отдаленныхъ мѣстностей. Приобрѣтеніемъ самоуправленія города въ значительной степени обязаны были экономическимъ причинамъ, именно увеличенію монетнаго обращенія. При помощи сосредоточивавшейся въ городскихъ центрахъ монеты горожане были въ состояніи откупиться отъ различныхъ стѣснительныхъ натуральныхъ повинностей, перевести многія изъ нихъ въ опредѣленную денежную ренту, приобрести себѣ извѣстныя права и гарантіи. При Альфонсѣ III города уже настолько усилились, что король этотъ, созвавъ въ 1254 г. кортесы въ г. Леприи, счелъ необходимымъ пригласить туда и городскихъ депутатовъ, которые съ этого времени, въ качествѣ особаго чина (*braso do povo*), стали принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, вмѣстѣ съ королемъ и двумя высшими сословіями.

Кортесы, созданныя въ 1261 г. въ Коимбрѣ, установили основной конституціонный принципъ монархіи, по которому обложеніе страны податями признавалось не королевской прерогативой, а поставлено было въ зависимость отъ согласія населенія.

Королевская власть въ Португаліи была наследственной; сомнительные вопросы престолонаслѣдія рѣшались кортесами, которые, какъ и въ Кастиліи, контролировали и ограничивали дѣйствія монархической власти, вотировали налоги и простирали свое вліяніе на различныя стороны законодательства, администраціи и внѣшней политики. Король былъ верховнымъ главой военной, судебной и административной власти. По ученію, унаслѣдованному еще отъ вестготскихъ временъ и господствовавшему въ средневѣковой Португаліи, король черпалъ свою власть непосредственно отъ Бога. Ученіе это поддерживала церковь и формулировала его въ слѣдующей присягѣ, которую должны были давать короли при коронаціи.

— „Желашь ли ты охранять святую католическую вѣру и соблюдать ее справедливыми дѣяніями?—ставился вопросъ, на который король отвѣчалъ:

— „Желаю“.

— „Желашь ли ты быть попечителемъ и охранителемъ св. Церкви и ея служителей?“

— „Желаю“.

— „Желашь ли ты управлять королевствомъ, Богомъ тебѣ даннымъ, согласно справедливымъ обычаямъ твоихъ предковъ?“

— „Желаю“.

Несмотря на полноту суверенной власти португальскихъ королей, признававшуюся въ теоріи, фактически, до половины XIII в., они должны были вести упорную борьбу за преобладаніе съ духовенствомъ и, отчасти, съ дворянствомъ. Царствованіе Альфонса III можно разсматривать, какъ поворотный моментъ въ исторіи социальныхъ отношеній и политическихъ учрежденій португальскаго королевства. Тогда оно достигаетъ своихъ естественныхъ границъ. Вассальная зависимость его отъ Рима и притязанія Леона на супрематію надъ нимъ окончательно прекращаются; политическое значеніе духовенства и дворянства приходитъ въ упадокъ; какъ новый факторъ социально-политическаго развитія страны выступаетъ городское сословіе. Въѣстъ съ тѣмъ получаетъ самостоятельное литературное развитіе и языкъ португальскій; составлявшій до того времени одно цѣлое съ галисійскимъ языкомъ, на которомъ слагали свои кансоны трубадуры при дворѣ леонскихъ королей, но который скоро низведенъ былъ въ сосѣднемъ королевствѣ на степень провинціального діалекта.

Королевская власть въ Португаліи развивалась подъ сильнымъ вліяніемъ кастильскаго законодательства, именно кодекса Альфонса X— „Las siete partidas“. Профессора римскаго права коимбрскаго университета, подобно саламанкскимъ юристамъ, старались и въ жизни, и въ теоріи проводить начала королевскаго абсолютизма, которыя уже сильно сказываются въ законодательныхъ сводахъ португальскихъ королей XIV и XV вв. (Альфонса IV, Хуана I и Эдуарда I).

Хотя въ половинѣ XIII в. португальская „реконкиста“ была закончена, борьба съ маврами продолжалась, такъ какъ португальцы неоднократно подвергались ихъ нападеніямъ со сто-

роны Африки и сами по временамъ принимали участіе въ общихъ предпріятіяхъ христіанскихъ королей полуострова противъ мусульманъ (напр., въ сраженіяхъ при Навасъ де Толоса въ 1212 г., Саладо въ 1340 г. и т. д.).

Когда со смертію Фердинанда I (1383) прекратилась бургундская королевская династія Португаліи, давшая ей десять государей, Хуанъ I Кастильскій, какъ мужъ его дочери Беатрисы, явился претендентомъ на португальскій тронъ. Португальцы, понимая, что признаніе его своимъ королемъ было бы равносильно подчиненію ихъ кастильскому игу, поспѣшили провозгласить королемъ Португаліи Іоанна, великаго магистра ордена Ависскаго (1385—1443), который и упрочилъ за собою власть, одержавши возлѣ Альхубароты, въ 1385 г., побѣду надъ кастильскимъ войскомъ. Съ этого времени начинается самый славный періодъ португальской исторіи: государство достигаетъ, подъ управленіемъ Ависской династіи, и внѣшняго могущества, и внутренняго благосостоянія, основывается, благодаря великимъ открытіямъ португальскихъ мореплавателей, колоніи въ трехъ частяхъ свѣта и становится во главѣ міровой торговли. Первымъ заморскимъ владѣніемъ португальцевъ была крѣпость Сеута, завоеванная у африканскихъ мавровъ въ 1415 г. войскомъ, находившимся подъ начальствомъ трехъ сыновей Іоанна I. Она и послужила исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ португальскихъ открытій и завоеваній вдоль африканскаго побережья. Поставленные лицомъ къ лицу съ безбрежнымъ океаномъ, они раньше другихъ европейцевъ вступили въ невѣдомыя страны Африки, куда неудержимо влекло ихъ сперва желаніе отомстить своимъ врагамъ—мусульманамъ за дерзкіе набѣги и за вѣковое порабоженіе ихъ родины, а потомъ—жажда обогащенія. Конечной цѣлью ихъ стремленій было открытіе морского пути въ Индію, послѣ того какъ сухопутныя торговыя сношенія съ ней были затруднены установленіемъ турецкаго владычества на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря.

Сынъ Іоанна I—Генрихъ, герцогъ де Визеу, далъ сильный импульсъ предпріимчивости своихъ соотечественниковъ, основавъ морскую коллегію въ городкѣ Сагресѣ, на мысѣ св. Викентія, куда

стали стекаться со всѣхъ концовъ Европы географы и путешественники для усовершенствованія въ искусствѣ мореплаванія и расширенія своихъ географическихъ познаній.

Открытіе Сарко и его спутниками острововъ Порто-Санто и Мадейры въ 1418 г. послужило началомъ длиннаго ряда великихъ морскихъ предпріятій португальцевъ, достигшихъ въ 1472 г. экватора, а въ 1486 г. мыса Доброй Надежды, открытій, которыя блестящимъ образомъ завершилъ „мужественный капитанъ, отличавшійся возвышеннымъ и непреклоннымъ характеромъ“ *), знаменитый Васко да Гама, обогнувшій мысъ Доброй Надежды и приплывшій на трехъ каравеллахъ въ Калькутту 22 мая 1498 г. Папа Александръ VI еще буллою 4 мая 1494 г. призналъ за португальцами право на владѣніе всѣми новооткрытыми землями, расположенными къ востоку отъ меридіана, проведеннаго черезъ Азорскіе острова, тогда какъ испанцамъ предоставлены были всѣ земли на западъ отъ него.

* *
*

При переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, когда происходила концентрація Пиренейскихъ государствъ вокругъ Кастильскаго королевства, Португалія сохранила свою политическую индивидуальность и осталась въ сторонѣ отъ Арагоно-Кастильской уніи, вызванной бракомъ Фердинанда и Изабеллы Католическихъ. Не случись этого брака, весьма возможной была бы другая комбинація политическихъ силъ полуострова. Альфонсъ V, король португальскій (1438—1481), женатъ былъ на дочери кастильскаго короля Генриха IV. Когда послѣдній умеръ, не оставивъ, кромѣ нея, другихъ дѣтей, то претендентомъ на престолъ Кастиліи выступилъ Альфонсъ Португальскій. Но кастильцы провозгласили своей королевой сестру Генриха IV, Изабеллу, вступившую въ бракъ съ Фердинандомъ Арагонскимъ, и возлѣ г. Торо нанесли рѣшительное пораженіе португальцамъ въ 1476 г., послѣ чего король ихъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній. Такимъ образомъ, Кастилія соединилась не съ Португаліей, а съ Арагоно-

*) «Vasco da Gama, o forte capitão,
«De suberbo e de altivo coração». Camões, I, 44.

Каталонской федераціей, которая, подобно Португаліи, обладала длинной береговой линіей, но съ противоположной стороны полуострова, и открывала Испанской монархіи широкій доступъ къ морю.

ГЛАВА IV.

Начало испанской монархіи.

Средневѣковая исторія составныхъ частей Пиренейскаго полуострова, жившихъ самостоятельно и богатою содержаніемъ жизнью, выработала въ нихъ такое разнообразіе политическихъ и общественныхъ формъ, что даже и теперь, несмотря на централизаціонную работу послѣднихъ столѣтій, между отдѣльными частями Испанской монархіи существуютъ поразительные контрасты, и не только въ бытовомъ и юридическомъ отношеніяхъ, но и въ языкѣ.

Было бы, однако, ошибочно думать, что эти контрасты исключали существованіе сходныхъ явленій въ развитіи государствъ и народовъ Пиренейскаго полуострова.

Все предшествующее наше изложеніе дало достаточно матеріала для установленія извѣстныхъ аналогій и параллелизма въ исторіи изучаемыхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, политическая свобода въ большей или меньшей степени являлась достояніемъ каждаго изъ нихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени. Вездѣ существовали народныя вольности, т. наз. фуэросы, и сословно-представительныя учрежденія, т. наз. кортесы, ограничивавшіе королевскую власть и открывавшіе обществу возможность черезъ своихъ представителей вліять на управленіе, законодательство и внѣшнюю политику. Вездѣ сословія пользовались извѣстными гарантіями для защиты своихъ правъ и привилегій противъ незаконныхъ дѣйствій королевской власти, противъ того, что называлось „contra fuero“, причемъ эти гарантіи въ извѣстныхъ случаяхъ превращались въ право вооруженнаго сопротивленія въ формѣ кастильскихъ германдадъ, арагонской уніи и каталонскаго соматена. Равновѣсіе въ относителномъ положеніи и вліяніи различныхъ политическихъ элементовъ Пиренейскихъ монархій было фактомъ исключительнымъ и

обыкновенно нарушалось въ пользу одного какого-нибудь сословія, вслѣдствіе чего сословно-представительныя учрежденія въ Кастиліи получили демократическій оттѣнокъ, въ Каталоніи—буржуазный, въ Арагонѣ—аристократическій, а въ Португаліи—теократическій. Сословный антагонизмъ, съ одной стороны, вліяніе идей римскаго права—съ другой, повсюду содѣйствовали возвышенію авторитета монархической власти, начиная съ конца XIII в.

Однако, значеніе ея еще долго уравнивалось вліяніемъ и правами сословій. Только въ теченіе XV в. корона, опираясь на преданную ей партію, составлявшую королевскій совѣтъ, почувствовала себя настолько сильной, что могла расширить кругъ своей компетенціи и рѣшать многіе вопросы „*proprio motu*“, безъ участія кортесовъ. Раньше всего монархическая власть окрѣпла въ Кастиліи и Португаліи, гдѣ феодализмъ, въ противоположность Арагоно-Каталонской группѣ государствъ, не получилъ большого развитія и гдѣ никогда не прекращалась непосредственная связь между короной и народною массою.

Рѣшительный поворотъ въ сторону установленія королевскаго абсолютизма и политическаго объединенія государствъ Пиренейскаго полуострова начинается со времени Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонскаго. Эта царственная чета совмѣстными усиліями разрѣшила цѣлый рядъ задачъ, завѣщанныхъ испанскимъ средне-вѣковьемъ новому времени.

* * *

Какъ было упомянуто раньше, кастильскій король Генрихъ IV, послѣдній представитель дома Трастамара, въ своемъ завѣщаніи призналъ наслѣдницей престола дочь свою Іоанну. Приписывая рожденіе ея тайной связи жены Генриха, португальской принцессы Іоанны, съ герцогомъ альбукеркскимъ Бельтраномъ де Куэва, кастильскіе гранды отказались признать права ея на престолъ и послѣ борьбы заставили короля назначить своей преемницей сестру его Изабеллу. Но заключенный послѣднею, вопреки его волѣ, бракъ съ инфантомъ арагонскимъ Фердинандомъ (1469) побудилъ Генриха IV предпочесть сестрѣ дочь. Несмотря на это, послѣ смерти короля (1474), кортесы, со-

бравшіеся въ Сеговіи, въ началѣ 1475 г., провозгласили королевой Изабеллу. Они постановили, что управленіе государствомъ должно исключительно принадлежать Изабеллѣ, какъ и распоряженіе военными силами и финансами королевства. Впрочемъ, Фердинанду предоставлено было право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ, какъ уполномоченному Изабеллы. Вмѣстѣ съ нею онъ могъ ставить свое имя на актахъ о назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ на государственныхъ должности; судебные приговоры должны были произноситься отъ имени обоихъ супруговъ, и имя ихъ обоихъ должно было чеканиться на монетахъ.

Властолюбивый Фердинандъ былъ недоволенъ этими постановленіями и хотѣлъ было удалиться въ Арагонъ, но его удержали въ Кастиліи нѣжность и почтительное отношеніе къ нему Изабеллы. Будучи годомъ старше мужа, она соединила съ замѣчательной красотой большой умъ, энергію, возвышенный и непреклонный характеръ. Не уступая Фердинанду въ честолюбіи и умѣя сохранять за собою всю полноту королевскихъ правъ, она, въ противоположность ему, отличалась искренностью и скромностью, не любила полумѣръ и гнушалась безнравственныхъ средствъ при осуществленіи поставленныхъ задачъ. Такія свойства характера сдѣлали ее кумиромъ своего народа. Поэты прославляли и прославляютъ ее, какъ олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей женщины и королевы *).

Вся жизнь ея свидѣтельствовала о неутомимой энергіи. Она проводила время то въ походахъ, гдѣ, развѣзжая на конѣ, сама нерѣдко командовала отрядами, то въ кабинетѣ, гдѣ вмѣстѣ со своими секретарями занималась государственными дѣлами. За этими занятіями она засиживалась иногда по цѣлымъ ночамъ. Въ то же время она отличалась бережливостью и сама чинила одесду мужу. Несмотря на рѣзкія различія въ характерахъ, между супругами установилось полное согласіе, благодаря сходству политическихъ стремленій каждаго изъ нихъ.

*) Fue la Reina más gran de la tierra,
Diligente en la paz, sabia en la guerra,
Dió al bueno premio, al infeliz consuelo,
Y de damas y Reinas fue modelo. (Zorrilla, Granada, V, 4).

Во всѣхъ политическихъ предпріятіяхъ они оказывали другъ другу самую дѣятельную поддержку. Прежде всего имъ предстояло подавить продолжавшіяся гражданскія междоусобія изъ-за престолонаслѣдія, которыя усложнялись вторженіемъ въ Кастилію португальскаго короля Альфонса V, поддерживавшаго права своей племянницы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣсты, Іоанны („Бельтранехи“); но, какъ мы уже видѣли, онъ потерпѣлъ пораженіе. Незадолго передъ тѣмъ Фердинандъ сталъ королемъ арагонскимъ, и такимъ образомъ два государства соединились подъ общою властью королей-супруговъ, съ сохраненіемъ, однако, за каждымъ королевствомъ особыхъ фуэросовъ и учрежденій.

При своемъ вступленіи на престолъ Изабелла I застала государство въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Смуты, происходившія въ царствованіе Генриха IV, оставили послѣ себя глубокіе слѣды. Насилія, грабежи и убійства совершались открыто и безнаказанно. Авторитетъ королевскихъ судовъ палъ, королевскіе агенты были безсильны въ борьбѣ со зломъ. Дворянство своевольничало и притѣняло народъ. Торговля находилась въ полномъ упадкѣ; вслѣдствіе порчи и недостатка монетъ, вмѣсто денежныхъ торговыхъ сдѣлокъ стали прибѣгать, какъ въ былыя времена, къ мѣновой торговлѣ. Матеріальные ресурсы короны были истощены до послѣдней степени, благодаря тому, что при Генрихѣ IV придворные расхищали казну, а коронныя земли и доходы отчуждались въ пользу дворянства безъ всякой мѣры. Ежегодный доходъ государства тогда не превышалъ 30.000 дукатовъ, и были магнаты, которые получали со своихъ помѣстій не меньшую ренту. Положеніе молодой королевы, такимъ образомъ, было крайне затруднительно, но изъ него она вышла съ полнымъ торжествомъ.

Прежде всего она постаралась водворить общественное спокойствіе въ странѣ и поставить дѣло правосудія на должную высоту. Для этого она воспользовалась популярнымъ кастильскимъ учрежденіемъ—германдадами, не разъ служившими народу оружіемъ противъ незаконныхъ дѣйствій королевской власти, и поручила имъ дѣло общественной безопасности и порядка. Преобразованное учрежденіе, т. наз. св. германдада, пришлось не по вкусу кастильскому дво-

рянству, но признано было кортесами въ Мадригалѣ въ 1476 г. Дѣятельность св. германдады распространялась по всему королевству; ея трибуналамъ подсудны были уголовныя дѣла; правосудіе совершалось съ замѣчательной быстротой; наказанія, устанавливавшіеся ею, отличались неимовѣрной жестокостью; смертная казнь практиковалась ими очень часто. Апеллировать на рѣшенія низшихъ судовъ св. германдады (состоявшихъ изъ 2 алькальдовъ въ каждомъ селеніи, гдѣ было не менѣе 30 жителей) можно было въ извѣстныхъ случаяхъ въ „верховный совѣтъ“ германдады. Преслѣдованіе преступниковъ, пытавшихся ускользнуть изъ рукъ правосудія, равно какъ и приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, возлагалось на т. наз. *cuadrilleros*, военные отряды, которые получали содержаніе и вооруженіе на счетъ мѣстнаго населенія и общая численность которыхъ достигала 2.000 человекъ. Такимъ образомъ, благодаря учрежденію св. германдады, королевская власть стала располагать постоянной военной силой. Съ помощью ея въ короткое время удалось водворить порядокъ въ странѣ. Грозная дѣятельность св. германдады заставляла трепетать всѣхъ при одномъ упоминаніи ея имени. Содержаніе ея обходилось дорого населенію, но вскорѣ оказалось возможнымъ упростить ея организацію и низвести ея на степень органа обыкновенной полиціи, въ каковомъ видѣ она и просуществовала до XIX в.

Далѣе, пользуясь поддержкой городскихъ депутатовъ и услугами своихъ приближенныхъ, кардинала Мендосы и духовника Фернандо де Талавера, Изабелла возстановила порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, отмѣнивъ, согласно постановленію кортесовъ 1480 г., всѣ земельныя пожалованія, сдѣланныя въ пользу дворянства въ царствованіе ея брата. Мѣра эта сразу же увеличила ежегодный доходъ короны на 30 милліоновъ мараведи. Предоставивъ мужу своему, съ согласія папы, званіе великаго магистра трехъ духовно-рыцарскихъ орденовъ Кастиліи и связанные съ нимъ огромные доходы, Изабелла еще болѣе увеличила матеріальные ресурсы и могущество короны. Параллельно этому падало значеніе дворянства, которому Изабелла нанесла сильный ударъ, запретивъ возводить новые замки и предписавъ не подновлять старыхъ. Благодаря установленію безопасности, а также улучшенію путей сообщ-

шенія, торговля оживилась въ Кастиліи, и внутренняя, и ви́шняя. Предметами вывоза служили земледѣльческіе продукты, вино, масло, лошади, кожа, шерсть, шелковыя, стеклянныя и металлическія издѣлія и т. д.

Въ судебнo-административномъ отношеніи эта эпоха характеризуется усиленіемъ органовъ центральной власти.

Королевская „аудиенція“, высшее судебное учрежденіе Кастиліи, отчасти напоминавшее Французскій парламентъ, получила при Изабеллѣ I постоянное мѣстопробываніе въ Вальядолидѣ (1485). Впослѣдствіи основана была и другая „аудиенція“ въ Гранадѣ (1505). Рѣка Тахо служила границей сферы дѣятельности этихъ трибуналовъ, на рѣшенія которыхъ по гражданскимъ дѣламъ можно было апеллировать въ королевскій совѣтъ. Изъ послѣдняго, по мѣрѣ усложненія государственнаго механизма, были выдѣлены другіе совѣты, служившіе болѣе спеціальными органами центрального управленія и напоминавшие московскіе приказы: таковы были, напр., совѣты инквизиціи, духовно-рыцарскихъ орденовъ, Арагона, Индіи, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ. Желая объединить и примирить между собой разнообразныя и противорѣчивыя постановленія кортесовъ и королевскія распоряженія, Изабелла поручила члену своего Совѣта, доктору Алонсо Діасъ де Монтальво, составить кодексъ кастильскихъ законовъ. Порученіе это онъ исполнилъ въ 1484 г., составивъ кодексъ подъ названіемъ „Ordenanzas Reales de Castilla“, дѣйствовавшій до времени Филиппа II, пока не былъ замѣненъ новымъ законодательнымъ сводомъ „Nueva Recopilación“. Трудъ Монтальво отражалъ на себѣ характерныя для всѣхъ легистовъ тенденціи въ пользу установленія абсолютизма королевской власти. Въ его кодексѣ, напр., были опущены постановленія кортесовъ о депутатскихъ иммунитетахъ, какъ несовмѣстимыя съ принципами неограниченной монархіи.

Большую часть вопросовъ международной политики „католическіе короли“ разрѣшали или самолично, или съ согласія членовъ своего совѣта. Въ промежутокъ времени отъ 1480 до 1498 г. они ни разу не созывали кортесовъ въ Кастиліи, между тѣмъ какъ въ это самое время ими была предпринята война съ Гранадой

(1481), закончившаяся покореніемъ послѣдняго арабскаго владѣнія на полуостровѣ (1492). Популярность этой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ политическаго значенія кортесовъ дѣлали для „католическихъ королей“ излишнимъ обращаться за согласіемъ представителей націи на дѣло, составлявшее многовѣковую задачу исторіи Испаніи. Однако, нарушеніе принципа, въ силу котораго война не могла объявляться безъ согласія представителей націи, создавало пагубныя для ея интересовъ прецеденты. Итальянскія войны Фердинанда Католика, являвшіяся прологомъ общеевропейскихъ войнъ Карла V и Филиппа II, разрушившихъ благосостояніе Испаніи, также были предприняты безъ согласія кортесовъ. Лишь въ 1515 г., въ кортесахъ, созванныхъ въ Бургосѣ, Фердинандъ счелъ нужнымъ познакомить депутатовъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, которыя предпринялъ онъ въ защиту интересовъ папы противъ французскаго короля „послѣ предварительнаго совѣщанія съ членами своего совѣта и главными юрисконсультами королевства“.

Грандіозныя предпріятія и реформы царствованія Изабеллы I и Фердинанда V требовали огромныхъ денежныхъ средствъ, и эти средства добывались, главнымъ образомъ, изъ Кастиліи безъ всякаго согласія и посредничества представителей націи. Но королева сознавала незаконность увеличенія раньше существовавшихъ или установленія новыхъ налоговъ безъ согласія кортесовъ, и въ своемъ завѣщаніи рекомендовала своимъ преемникамъ изслѣдовать происхожденіе и свойство различныхъ королевскихъ рентъ, опредѣлить, какія изъ нихъ взымались на законномъ основаніи, т.-е. съ согласія кортесовъ, какія нѣтъ, и попросить у кортесовъ дозволенія продолжать сборъ тѣхъ налоговъ, которые ими еще не были разрѣшены. Подобнымъ распоряженіемъ добродѣтельная королева, очевидно, хотѣла передъ смертію успокоить свою совѣсть, укору которой не особенно давали себя чувствовать при жизни. Однако, память этой королевы настолько высоко чтилась въ Кастиліи, что въ послѣдующія времена эпоха Изабеллы представлялась, какъ одна изъ счастливѣйшихъ, а управленіе ея ставилось въ образецъ для подражанія ея преемникамъ.

Въ Арагоно-Каталонской федераціи, подчиненной Фердинанду, сословно-представительныя учрежденія и средневѣковые феуэросы продолжали сохранять свою силу, и успѣхи монархической власти здѣсь не были такъ значительны, какъ въ Кастиліи. Самымъ выдающимся фактомъ внутренней исторіи этой части Испанской монархіи въ царствованіе Фердинанда Католика было уничтоженіе крѣпостного права въ Каталоніи. Въ этой странѣ, какъ уже было объяснено, господствовали феодальныя формы общежитія, на подобіе существовавшихъ въ сосѣдней Франціи и въ отличіе отъ демократическаго строя отношеній, выработавшихся въ Кастиліи, съ ея бегетріями. Но и въ предѣлахъ самой Каталоніи отношенія далеко не были однородны. Рѣка Лобрегать, раздѣляющая у г. Барселоны Каталонію на двѣ части, сѣверную и южную (иначе старую и новую), служила также границей двухъ различныхъ типовъ земельныхъ отношеній: земледѣльческое населеніе южной Каталоніи, не особенно многочисленное и долго находившееся въ опасномъ сосѣдствѣ съ маврами, получило отъ барселонскихъ графовъ и арагонскихъ королей большія льготы, чѣмъ удаленные отъ этого сосѣдства жители сѣверной Каталоніи (епископства Виское, Херонское и часть Барселонскаго), служившей точкой опоры для борьбы съ маврами и колонизаціи отвоеванныхъ у нихъ земель. Въ противоположность колонистамъ Новой Каталоніи, пользовавшимся личной свободой и владѣвшимъ землей на основаніи эмфитевтическаго контракта, крестьяне сѣв. Каталоніи, т. наз. *payeses de remensa*, были прикрѣплены къ землѣ и находились подъ полнымъ произволомъ помѣщичьей власти. Обычай, въ силу которыхъ крестьяне прикрѣплялись къ землѣ сеньора и подчинялись ихъ юрисдикціи, назывались „дурными“ и уже въ XIII в. получили санкцію закона или признаны были юридической практикой судовъ.

„Ременсы“ (такъ назывались эти крестьяне) существовали какъ на королевскихъ доменахъ, такъ и на земляхъ церковныхъ, дворянскихъ и городскихъ. Подъ вліяніемъ развитія денежнаго хозяйства крѣпостное право стало падать въ нѣкоторыхъ областяхъ Каталоніи, тогда какъ въ другихъ, экономически менѣ развитыхъ, наоборотъ, оно усиливалось, и въ XIV в. „ременсы“ составляли

еще весьма многочисленный классъ каталонскаго населенія. Король Хуанъ I въ письмѣ къ папѣ Бенедикту XIII въ 1395 г. опредѣлялъ количество дворовъ крестьянъ—ремень цифрой отъ 15 до 20 тысячъ, тогда какъ общее число всѣхъ дворовъ каталонскаго принципата, по даннымъ 1359 г., доходило приблизительно до 85.000.

Вслѣдствіе того, что арагонскіе короли, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ для своихъ внѣшнихъ предпріятій, закладывали или продавали церкви и дворянству свои домены съ принадлежавшею имъ высшею юрисдикціей надъ населеніемъ, и вслѣдствіе того, что многіе сеньоры, духовные и свѣтскіе, желая обезпечить себѣ земельную ренту и воспользоваться выгодами крѣпостного права, обращались ко всякаго рода репрессаліямъ по отношенію къ крестьянамъ, положеніе ихъ во второй половинѣ XIV и въ XV в. настолько ухудшилось, что они стали подымать возстанія противъ своихъ притѣснителей. Соціальная борьба заставила королевскую власть вмѣшаться въ отношенія между крестьянами и ихъ сеньорами и принять мѣры для освобожденія первыхъ изъ-подъ власти послѣднихъ путемъ выкупа. Но мѣры эти не удались. Пользуясь правомъ сходовъ, полученнымъ отъ королей для осуществленія выкупной операціи, крестьяне, усвоивъ себѣ военную организацію, подняли возстаніе въ то время, когда между чинами принципата и Хуаномъ II возникъ конфликтъ на почвѣ конституціонныхъ вопросовъ и когда королевская власть старалась привлечь на свою сторону крестьянъ въ борьбѣ противъ антироялистской партіи (1462 г.). Возстаніе началось съ отказа платить сеньорамъ обычныя земельныя повинности. Къ ременсамъ тогда примкнули и лично свободные крестьяне, обязанные платить сеньорамъ за свои земельные участки опредѣленные цензы и выполнять различныя повинности, и малоземельные крестьяне, и поденщики, и батраки, и весь земледѣльческій пролетаріатъ... „Адамъ, говорили они, умеръ, не оставивъ завѣщанія; слѣдовательно, земля должна быть раздѣлена на равныя участки между всѣми людьми—его дѣтьми, такъ какъ несправедливо, чтобы одни владѣли ею, а другіе оставались безъ земли“. Возставшіе нападали съ оружіемъ въ рукахъ на монастыри, замки и города, вступили въ открытую борьбу съ сеньорами, встрѣчая тайную под-

держку со стороны королевской власти. Главными вождами возстанія 1462 г. были Вернтальятъ и Серроли, являвшіеся послушными орудіями Хуана II и способствовавшіе тому, что крестьянское движеніе измѣнило своему первоначальному характеру и, вмѣсто соціальныхъ задачъ, стало преслѣдовать политическія. Первое крестьянское возстаніе и послѣдовавшая за нимъ междоусобная война окончились побѣдой королевской власти надъ чинами принципата. Но обязанный своимъ торжествомъ крестьянамъ Хуанъ II не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. Мало того: противъ освобожденія крестьянъ наступила реакція, выразившаяся въ возстановленіи всѣхъ тѣхъ феодалныхъ повинностей и обычаевъ, которые временно были отмѣнены Альфонсомъ IV. Это вызвало новое возстаніе, вспыхнувшее въ концѣ 1484 г., подъ начальствомъ ременсы Пере Сала, и побудившее сеньоровъ признать короля Фердинанда Католика третейскимъ судьей для рѣшенія всѣхъ происходившихъ между ними и крестьянами споровъ и тяжбъ.

Какъ третейскій судья, король обнародовалъ 21 апрѣля 1486 г. въ монастырѣ св. Маріи де Гвадалупе сентенцію, признававшую ременсовъ лично свободными, удерживавшую за ними право на земельные участки, по уплатѣ выкупа „дурныхъ обычаевъ“ въ размѣрѣ 60 солидовъ единовременнаго взноса или 3 солидовъ ежегодной ренты, уничтожавшую уголовную юрисдикцію сеньоровъ надъ крестьянами и ставившую ихъ въ непосредственную зависимость отъ королевской власти. Такъ было уничтожено крѣпостное право въ Каталоніи.

Около того же времени возстали и крестьяне острова Майорки (forenses), которые давно уже безуспѣшно боролись противъ своихъ притѣснителей—горожанъ, стремившихся обезземелить ихъ и замѣнить крѣпостной трудъ рабскимъ. Достиженіе личной свободы крестьянами о-ва Майорки сопровождалось обезземеленіемъ ихъ.

* * *

Въ религіозныхъ дѣлахъ „католическіе короли“ стремились ограничить зависимость испанской церкви отъ римской куріи и еще болѣе подчинить ее королевскому авторитету. Уступая вліянію своего духовника—Томаса Тарквемады, они усилили въ своихъ владѣніяхъ

дѣятельность того страшнаго учрежденія, которое было самымъ мрачнымъ пятномъ этого царствованія и надолго покрыло позоромъ послѣдующую жизнь испанскаго народа. Такимъ учрежденіемъ была св. инквизиція, нашедшая въ Испаніи весьма удобную почву для своего развитія.

Многовѣковая борьба съ маврами способствовала развитію въ народѣ религіознаго фанатизма, которымъ съ успѣхомъ воспользовались водворившіеся здѣсь доминиканцы въ своемъ преслѣдованіи сомнительныхъ христіанъ. Евреевъ и мавровъ было много въ мѣстностяхъ, отвоеванныхъ у мавровъ христіанскими королями Пиренейскаго полуострова. Мавры и усвоившіе ихъ образованность евреи являлись наиболѣе просвѣщенными, производительными и зажиточными элементами населенія. Богатство ихъ внушало зависть народу и представляло соблазнъ для правительства. Уже въ концѣ XIV в. масса евреевъ и мавровъ силою вынуждены были принять христіанство, но многіе и послѣ того продолжали тайно исповѣдывать религію отцовъ. Систематическое преслѣдованіе этихъ подозрительныхъ христіанъ инквизиціей начинается со времени Изабеллы и Фердинанда, желавшихъ воспользоваться услугами инквизиціи не столько изъ религіознаго фанатизма, сколько для упроченія государственнаго единства Испаніи и увеличенія государственныхъ доходовъ, путемъ конфискаціи имущества осужденныхъ. Душою инквизиціи въ Испаніи былъ духовникъ Изабеллы, доминиканецъ Торквемада. Въ 1478 г. была получена булла отъ Сикста IV, разрѣшавшая „католическимъ королямъ“ установленіе новой инквизиціи, а въ 1480 г. былъ учрежденъ въ Севильѣ первый трибуналъ ея; дѣятельность свою онъ открылъ въ началѣ слѣдующаго года, а къ концу его уже могъ похвалиться преданіемъ казни 298 еретиковъ. Результатомъ этого была всеобщая паника и дѣльный рядъ жалобъ на дѣйствія трибунала, обращенныхъ къ папѣ, главнымъ образомъ, со стороны епископовъ. Въ отвѣтъ на эти жалобы Сикстъ IV въ 1483 г. предписалъ инквизиторамъ придерживаться той же строгости по отношенію къ еретикамъ, а рассмотрѣніе апелляцій на дѣйствія св. трибунала поручилъ севильскому архіепископу Иньиго Манрикесу. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ назначилъ великимъ генераль-

инквизиторомъ Кастиліи и Арагона Торквемаду, который и завершилъ дѣло преобразованія испанской инквизиціи. Инквизиціонный трибуналъ сперва состоялъ изъ предсѣдателя, 2 юристовъ-ассесоровъ и 3 королевскихъ совѣтниковъ. Эта организація оказалась вскорѣ неудовлетворительной и взамѣнъ ея создана была цѣлая система инквизиціонныхъ учреждений: центральный инквизиціонный совѣтъ (такъ наз. Consejo de la suprema) и 4 мѣстныхъ трибунала, число которыхъ потомъ было увеличено до 10. Имущества, конфискованныя у еретиковъ, составляли фондъ, изъ котораго черпались средства для содержанія инквизиціонныхъ трибуналовъ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ источникомъ обогащенія папской и королевской казны. Въ 1484 г. Торквемада назначилъ въ Севильѣ общій сѣздъ всѣхъ членовъ испанскихъ инквизиціонныхъ трибуналовъ и здѣсь былъ выработанъ кодексъ, регулировавшій инквизиціонный процессъ.

Съ тѣхъ поръ дѣло очищенія Іспаніи отъ еретиковъ и нехристіанъ стало быстро подвигаться впередъ, особенно послѣ 1492 г., когда Торквемадѣ удалось добиться у „католическихъ королей“ изгнанія изъ Іспаніи всѣхъ евреевъ. Результаты истребительной дѣятельности испанской инквизиціи при Торквемадѣ, въ періодъ отъ 1481 г. до 1498 г., выражаются слѣдующими цифрами: около 8800 чел. было сожжено на кострѣ; 90000 чел. подверглось конфискаціи имущества и церковнымъ наказаніямъ; кромѣ того, были сожжены изображенія, въ видѣ чучель или портретовъ, 6500 чел., спасшихся отъ казни посредствомъ бѣгства или смерти. Въ Кастиліи инквизиція пользовалась популярностью среди фанатичной толпы, съ удовольствіемъ сбѣгавшейся на аутода-фе, а Торквемада до самой смерти встрѣчалъ всеобщій почетъ. Но въ Арагонѣ дѣйствія ея неоднократно вызывали взрывы народнаго негодованія; во время одного изъ нихъ Педро Арбуэсъ, предсѣдатель инквизиціоннаго суда въ Сарагоссѣ, не уступавшій въ жестокости Торквемадѣ, былъ убитъ въ церкви, въ 1485 г.

Преемники Торквемады, Діэго Десса и особенно Хименесъ, архіепископъ толедскій и духовникъ Изабеллы, закончили дѣло религіознаго объединенія Іспаніи. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ за-

воеванія Гранады, мавры подверглись гоненіямъ за вѣру, несмотря на обезпеченіе за ними релігіозной свободы условіями капитуляціоннаго договора 1492 г. Въ 1502 г. имъ было предписано либо креститься, либо оставить Іспанію. Часть мавровъ покинула родину, большинство крестилось; однако, крестившіеся мавры (мориски) не избавились отъ преслѣдованій, какъ увидимъ, и въ послѣдующее время. Изгнаніе евреевъ, мавровъ и морисковъ, составлявшихъ болѣе 3 милліоновъ населенія, и притомъ самага образованнаго, трудолюбиваго и богатаго, повлекло за собою неисчислимыя потери для испанскаго земледѣлія, промышленности и торговли. Въ теченіе 70 лѣтъ цифра испанскаго населенія упала съ 10 мил. *) до 6. Но современники „католическихъ королей“, даже такіе просвѣщенные люди, какъ Макіавелли, одобряли подобныя мѣры: „онъ (Фердинандъ) тотчасъ по завоєваніи Гранады, подъ предлогомъ интересовъ релігій, прибѣгнулъ къ релігіозной нетерпимости и жестокости, преслѣдуя мавровъ и изгнавъ ихъ изъ своего королевства: мысль чрезвычайно счастливая, мѣра мудрая, достойная удивленія“. Такую оцѣнку даетъ Макіавелли въ своемъ „Государѣ“ ужасному проявленію релігіознаго фанатизма. Инквизиція введена была во всѣ колоніи и мѣстности, зависѣвшія отъ Іспаніи; во всѣхъ портовыхъ городахъ установлены были отдѣленія ея, служившія какъ бы карантинномъ противъ занесенія ереси и гибельно отражавшіяся на испанской торговлѣ. Испанская инквизиція проникла въ Нидерланды (1522), въ Португалію (1536) и ея колоніи и послужила образцомъ для итальянскихъ и французскихъ инквизиторовъ.

Дѣйствія инквизиціоннаго трибунала облекались строгою таинственностью. Щѣлая система шпіонства и доносовъ опутывала всѣхъ страшною сѣтью. Какъ только обвиненный или заподозрѣнный привлекался къ суду инквизиціи, начинался предварительный допросъ, результаты котораго представлялись трибуналу. Если послѣдній находилъ дѣло подлежащимъ своей юрисдикціи,—что обыкновенно и случалось,—то доносчики и свидѣтели снова допрашивались, и ихъ

*) Въ 1492 г. въ одной только Кастиліи насчитывалось 6.750.000 жителей, не считая населенія Гранады, Наварры и Арагонскихъ владѣній (въ собственномъ Арагонѣ насчитывалось 50.390 дворовъ).

показанія, вмѣстѣ со всѣми уликами, передавались на усмотрѣніе доминиканскихъ богослововъ, такъ наз. квалификаторовъ св. инквизиціи; если квалификаторы высказывались противъ обвиняемаго, его тотчасъ же отводили въ секретную тюрьму, послѣ чего между узникомъ и внѣшнимъ міромъ прекращались всякія сношенія. Затѣмъ слѣдовали три первыя аудіенціи, во время которыхъ инквизиторы, не объявляя подсудимому пунктовъ обвиненія, старались путемъ вопросовъ запутать его въ отвѣтахъ и хитростью исторгнуть у него сознание во взводимыхъ на него преступленіяхъ. Въ случаѣ признанія, онъ ставился въ разрядъ „раскаивающихся“ и могъ рассчитывать на снисхожденіе суда; въ случаѣ упорнаго отрицанія вины, обвиняемаго, по требованію прокурора, вводили въ камеру пытокъ, и здѣсь вымогалось у него сознание посредствомъ цѣлаго ряда ужасныхъ мукъ, свидѣтельствовавшихъ о необычной жестокости и изобрѣтательности инквизиторовъ. Послѣ пытки измученную жертву снова вводили въ аудіенцъ-залу и только тогда знакомили ее съ пунктами обвиненія, на которые требовали отвѣта. Обвиняемаго спрашивали, желаетъ ли онъ защищаться или нѣтъ и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, предлагали ему выбрать себѣ защитника изъ списка лицъ, составленнаго его же обвинителями. Понятно, что защита, при такихъ условіяхъ, была не болѣе, какъ грубымъ издѣвательствомъ надъ жертвой трибунала. По окончаніи процесса, продолжавшагося нерѣдко нѣсколько мѣсяцевъ, снова приглашались квалификаторы и давали свое окончательное мнѣніе по данному дѣлу, почти всегда — не въ пользу подсудимаго. Затѣмъ слѣдовалъ приговоръ, на который можно было апеллировать къ верховному инквизиціонному трибуналу или къ папѣ; но апеллировать къ „супремъ“ было бесполезно, такъ какъ она не отмѣняла приговоровъ инквизиціонныхъ судовъ, а для успѣха апелляціи въ Римъ необходимо было заступничество богатыхъ друзей, такъ какъ осужденный, ограбленный инквизиціей, значительными денежными суммами уже не располагалъ. Если приговоръ отмѣнялся, узника освобождали, но безъ всякаго вознагражденія за испытанныя муки, униженія и убытки; въ противномъ случаѣ его ожидали санбенито и ауто-да-фе. Кромѣ религіознаго фанатизма и корыстолюбія, мотивомъ преслѣдованія являлась нерѣдко и личная

мѣсть отдѣльныхъ членовъ трибунала. Разъ намѣченная жертва уже не могла ускользнуть изъ рукъ св. трибунала, ее не могли спасти ни высокое положеніе въ церкви или государствѣ, ни слава ученаго или художника, ни безупречно-нравственная жизнь. Передъ инквизиціей трепетали даже государи.

* * *

Но послѣдствія дѣятельности инквизиціи сказались не сразу, и, какъ ни странно на первый взглядъ, время „католическихъ королей“ характеризуется значительнымъ прогрессомъ испанскаго общества въ дѣлѣ научно-литературнаго развитія, совершавшагося подъ вліяніемъ итальянскаго „возрожденія“. Еще начиная съ царствованія Хуана II, Кастилія въ лицѣ такихъ писателей, какъ маркизь де Виллена, маркизь де Сантильяна, Хуанъ де Мена, усваиваетъ идеи и литературныя формы итальянскихъ поэтовъ и гуманистовъ. Въ отличіе отъ послѣднихъ испанскіе гуманисты интересовались не только классическими авторами, но также арабскими и еврейскими писателями. Стремленіе къ изученію античной литературы все болѣе охватывало высшіе классы общества, отчасти подъ вліяніемъ примѣра самой королевы Изабеллы, изучавшей латинскій языкъ подъ руководствомъ Беатрисы де Галиндо. Научное образованіе распространялось тогда въ сильной степени среди женщинъ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ арабской цивилизаціи, ставившей женщинъ въ умственномъ отношеніи рядомъ съ мужчинами. Среди испанокъ того времени немало было такихъ, которыя занимались высшимъ преподаваніемъ, какъ, напр., Лусіо де Медрако, комментировавшая латинскихъ классиковъ въ Саламанкскомъ университетѣ, гдѣ насчитывалось до 7.000 студентовъ разныхъ націй, Франсиска де Лебриха, занимавшая кафедру реторики въ университетѣ въ Алькала де Энаресъ, и др. Въ то время Испанія была одной изъ наиболѣе просвѣщенныхъ странъ Европы. „Классическія штудіи въ Испаніи, говоритъ Эразмъ Роттердамскій, въ короткое время достигли такого цвѣтущаго состоянія, что должны не только возбуждать удивленіе, но и служить образцомъ для наиболѣе просвѣщенныхъ націй Европы“.

Книгопечатаніе введено было въ Іспаніи въ 1474 г. Въ Валенсіи въ этомъ году напечатанъ былъ сборникъ стихотвореній на лимузенскомъ языкѣ. Къ несчастію, одновременно почти съ введеніемъ книгопечатанія установлена была и цензура книгъ, находившаяся въ вѣдѣніи духовенства. Впрочемъ, пагубное вліяніе ея для духовнаго развитія націи сказалось значительно позже.

Пытливый духъ изслѣдованія, приведшій въ эпоху Возрожденія къ великимъ завоеваніямъ въ области мысли и знанія, нашель свое выраженіе въ геніальномъ генуэзскомъ морякѣ, Христофорѣ Колумбѣ, судьба котораго тѣсно связана съ царствованіемъ „католическихъ королей“. Стремясь открыть кратчайшій морской путь къ восточнымъ берегамъ Азіи, онъ могъ осуществить свой планъ лишь при поддержкѣ Изабеллы. Для нея перспектива открытія новыхъ богатыхъ странъ, населенныхъ язычниками, и обращенія послѣднихъ въ христіанство дѣлала этотъ планъ въ высшей степени заманчивымъ. Несмотря на то, что все вниманіе ея тогда (1492) было поглощено войной съ гранадскими маврами, она доставила Колумбу необходимыя средства для снаряженія морской экспедиціи. „Я беру, говорила она, это предпріятіе на счетъ моей кастильской короны, и если средствъ казначейства окажется недостаточно для покрытія расходовъ, то я готова заложить собственные брилліанты“. Судьба экспедицій Колумба извѣстна: самъ не подозрѣвая того, онъ открылъ новую часть свѣта и подарилъ ее Кастиліи:

„A Castilla y á Leon
Nuevo mundo dió Colon“—

„Кастиліи и Леону новый міръ подарилъ Колумбъ“, — такова была надпись на мавзолеѣ, который, по распоряженію Фердинанда Арагонскаго, былъ воздвигнутъ въ честь Колумба въ Севильѣ въ 1506 г. Каково было значеніе этого открытія для Іспаніи, будетъ изложено въ слѣдующей главѣ.

Во внѣшней политикѣ долготѣнная дѣятельность „католическихъ королей“ была не менѣе успѣшна, чѣмъ во внутренней. Они закончили дѣло „реконкисты“, послѣ того какъ завоевана была ими Гранада — послѣдній оплотъ мавровъ на Пиренейскомъ полу-

островѣ. Завоеваніе Гранадскаго царства стоило имъ 10 лѣтъ упорной войны, которою они лично руководили, пользуясь услугами своего замѣчательнаго полководца Гонсало Кордовскаго. Междоусобія, происходившія между гранадскимъ царемъ Мулей-Гассаномъ и сыномъ его Боабдиломъ, помогли имъ справиться съ трудной задачей и 2-го января 1492 г. они принудили Боабдила къ сдачѣ столицы его царства, которое было инкорпорировано къ коронѣ кастильской и получило кастильскія учрежденія.

Въ 1512 г. Фердинандъ Католикъ завоевалъ Верхнюю Наварру, но сохранилъ за нею самостоятельное внутреннее устройство. Нижняя Наварра, расположенная по ту сторону Пиренеевъ, досталась Жану д'Альбре. Для полнаго объединенія полуострова подъ властью Испаніи недоставало только Португаліи. Но это королевство въ вѣкъ Хуана II и Эммануила Великаго было могущественнымъ государствомъ, получало изъ Индіи золото въ огромномъ количествѣ и содержало сильный флотъ и войско. О завоеваніи Португаліи „католическіе короли“ не смѣли и мечтать. Но они рассчитывали породниться съ португальскимъ королевскимъ домомъ, чтобы такимъ образомъ связать двѣ монархіи въ одно цѣлое. Однако, мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться. За то королевской четѣ удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ Неаполитанское королевство, что было результатомъ итальянскихъ войнъ Фердинанда.

ГЛАВА V.

Испанія и Португалія въ XVI и XVII вв.

Послѣ смерти Изабеллы Кастильской престолъ перешелъ къ дочери ея Іоаннѣ, страдавшей душевной болѣзнью. Мужъ ея Филиппъ Красивый стремился создать въ странѣ партію, чтобы при помощи ея и подъ предлогомъ душевной болѣзни королевы получить самостоятельное управленіе государствомъ. Въ этихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ Филиппъ столкнулся съ интересами Фердинанда, которому, по смыслу завѣщанія Изабеллы, принадлежали извѣстныя права на

управленіе Кастильской короной. Въ странѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна поддерживала стремленія Филиппа, а другая стояла на сторонѣ правъ и интересовъ Фердинанда. Но преждевременная смерть перваго рѣшила споръ въ пользу послѣдняго, и Фердинандъ былъ призванъ управлять страной по случаю болѣзни Іоанны. Однако, чувство непріязни Фердинанда къ покойному зятю не прекратилось и было перенесено съ послѣдняго на его сына, инфанта Карла, воспитывавшагося тогда въ Нидерландахъ. Старый король хотѣлъ лишить его наслѣдованія, если не кастильской короны, что было внѣ его власти, то по крайней мѣрѣ—арагонской, и съ этой цѣлью вступилъ во второй бракъ, выбравъ женой Жерменъ де Фуа, но единственный сынъ, родившійся отъ этого брака, скоро умеръ, и желаніе Фердинанда устранить Карла отъ наслѣдованія арагонской короны вслѣдствіе этого не могло осуществиться.

23-го января 1516 г. Фердинандъ умеръ, и, согласно его предсмертной волѣ, управленіе страной перешло въ руки кардинала Хименеса Сиснероса. Послѣдній въ теченіе своего кратковременнаго регентства старался установить добрыя отношенія между наслѣдникомъ престола, находившимся во Фландріи, и кастильскимъ народомъ; но задача эта оказалась невыполнимою вслѣдствіе деспотическихъ наклонностей инфанта: преждевременнымъ принятіемъ королевскаго титула, при жизни матери и безъ согласія на то кортесовъ, Карлъ ясно показалъ, что не намѣренъ соблюдать національныхъ правъ и обычаевъ Кастиліи. Совѣтамъ Сиснероса онъ предпочиталъ внушенія своихъ фламандскихъ любимцевъ, безцеремонно торговавшихъ общественными и церковными должностями въ интересахъ собственнаго обогащенія.

Когда 19 сентября 1517 г. Карлъ прибылъ въ Астурію, противъ него уже существовало сильное неудовольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ со смертью Сиснероса (8 октября того же года) національные интересы кастильскаго народа лишились послѣдняго оплота. Фламандскіе пришельцы, пользовавшіеся покровительствомъ Карла, хищнически стали хозяйничать въ странѣ, на каждомъ шагѣ оскорбляя самолюбіе кастильцевъ незнаніемъ или неуваженіемъ ихъ правъ и обычаевъ. Послѣдующія событія должны были еще болѣе усилить народное неудовольствіе. Рѣшеніе Карла отправиться въ Германію

для занятія императорскаго трона, освободившагося послѣ смерти Максимилиана, и требованіе отъ націи денежной субсидіи въ размѣрѣ 300 т. мараведи на связанные съ этимъ путешествіемъ расходы, хотя трехлѣтній срокъ предшествующей субсидіи, разрѣшенной Вальядолидскими кортесами 1518 г., еще не истекъ, вызвало энергическій протестъ со стороны депутатовъ кортесовъ, созданныхъ въ апрѣлѣ 1520 г. въ Сантіаго и вскорѣ перенесшихъ свои засѣданія въ Корунью. Депутаты просили Карла отказаться отъ проектируемаго путешествія, ссылаясь на законы, запрещавшіе королю оставлять управляемую имъ страну, и не желали разрѣшить субсидію раньше полученія отвѣта на представленныя петиціи. Но королю и его министрамъ удалось сломить оппозицію путемъ подкуповъ, угрозъ и насилій (толедскіе и саламанкскіе депутаты насильственно были удалены изъ засѣданія кортесовъ). Большинство, вопреки своимъ полномочіямъ, разрѣшило требуемую сумму, послѣ чего король, не отвѣтивъ на петиціи, распустилъ кортесы и, поручивъ управление кардиналу Адріану и членамъ совѣта, въ половинѣ мая 1520 г. отправился въ путь.

Поведеніе Карла рѣзко отличалось отъ образа дѣйствій природныхъ кастильскихъ королей: онъ не только нарушилъ права и вольности народа, но и оскорблялъ его самолюбіе, оказывая предпочтеніе иностранцамъ и не скрывая своего пренебреженія къ національнымъ обычаямъ и языку. Къ злоупотребленіямъ королевской властью кастильцы привыкли уже давно: предшествовавшія царствованія представляли рядъ примѣровъ пассивнаго отношенія народа къ нарушенію его вольностей, и въ этомъ смыслѣ Карла нельзя признать новаторомъ; но они не привыкли къ господству чужеземцевъ, къ оскорбленію своей національной гордости, которая особенно велика была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ успѣховъ, достигнутыхъ въ блестящее царствованіе Изабеллы.

Приобрѣтеніе Карломъ императорскаго престола въ Германіи не предвѣщало ничего хорошаго для кастильскаго общества, отлично понимавшаго, что въ этомъ случаѣ кастильская корона должна была служить не болѣе, какъ однимъ изъ орудій честолюбивыхъ стремленій Карла къ міровому господству, и что національные интересы

Кастиліи будуть принесены въ жертву антинаціональной политикѣ короля. Когда усилія представителей городовъ заставитъ Карла отказаться отъ задуманнаго предпріятія не привели къ желательнымъ результатамъ, долго сдерживаемое негодованіе народа наконецъ вырвалось наружу и выразилось въ возстаніи, девизомъ котораго было „Viva el Rey y mueran los malos ministros“, „Да здравствуетъ король и смерть дурнымъ министрамъ“. Только въ рѣдкихъ случаяхъ раздавались голоса въ пользу полной эмансипаціи отъ королевской власти и установленія республиканскаго режима по образцу того, который существовалъ въ итальянскихъ республикахъ, Флоренціи, Генуѣ, Венеціи и т. д. Въ общемъ движеніе не имѣло анти-роялистическаго характера, такъ какъ вызвано было главнымъ образомъ раздраженіемъ противъ фламандскихъ министровъ Карла V, совѣтамъ которыхъ приписывались всѣ беззаконія короля. Въ половинѣ іюня 1520 г. движеніе охватывало уже большую часть кастильскихъ городовъ и выражалось то въ экзекуціяхъ депутатовъ, превысившихъ свои полномочія въ Сантіаго-Корунскихъ кортесахъ, то въ бунтахъ противъ непопулярныхъ коррехидоровъ. Репрессалии, употребленныя противъ возставшихъ агентами королевской власти, только усилили возстаніе, дали поводъ отдѣльнымъ городамъ соединиться въ интересахъ взаимопомощи, выработать общую организацію и планъ движенія. 29 іюля 1520 г. въ Авилѣ представители возставшихъ городовъ, а также многіе члены духовенства организовали хунту, названную ими „святой“ въ знакъ святости защищаемаго дѣла, предсѣдателемъ которой избранъ былъ толедскій депутатъ Педро Ласо де-ла Вега. Вскорѣ въ распоряженіи хунты оказалось войско, составленное изъ отрядовъ, присланныхъ отдѣльными городами, и предводителемъ этого войска избранъ былъ толедскій депутатъ Хуанъ де Падилья, одна изъ благороднѣйшихъ личностей той эпохи. Отъ королевы Іоанны, находившейся въ Тордесильясѣ, комунеры добились принятія подѣ ея покровительство защищаемаго ими дѣла, воспользовавшись періодомъ проясненія ея сознанія, и перенесли въ Тордесильясѣ засѣданія своей хунты. Возстаніе, получившее организацію, становилось грознымъ. Дворянство, однако, не стало на сторону городовъ и занимало нейтральное

положеніе, выжидая дальнѣйшихъ событій, которыя должны были опредѣлить его поведеніе. Положеніе императорскаго правительства, лишеннаго всякой поддержки въ странѣ, становилось отчаяннымъ, и кардиналъ Адріанъ въ своихъ письмахъ къ Карлу V сознавался въ безсиліи подавить революцію.

Обстоятельства, повидимому, какъ нельзя болѣе благопріятствовали осуществленію того святого дѣла, во имя котораго возникло и окрѣпло возстаніе. „Святое дѣло“ заключалось, во-первыхъ, въ огражденіи народа отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершены были министрами Карла V и изложены въ отвергнутыхъ Карломъ петиціяхъ Сантіаго-Корунскихъ кортесовъ 1520 г.; по смыслу этихъ петицій, король не долженъ былъ раздавать иностранцамъ никакихъ должностей въ Кастиліи и грамотъ натурализаціи, уравнивавшихъ иноземцевъ съ природными жителями страны; во-вторыхъ, въ поправкахъ тѣхъ сторонъ кастильской конституціи, недостатки или неопредѣленность которыхъ давали просторъ королевскому произволу въ ущербъ народнымъ вольностямъ, именно комунеры хотѣли, чтобы престолонаслѣдіе совершалось только по мужской линіи съ исключеніемъ отъ права наслѣдованія короны лицъ, рожденныхъ внѣ Кастиліи, чтобы въ парламентскомъ представительствѣ непремѣнно принимали участіе представители всѣхъ трехъ сословій (*e que sin todos estos no se puedan hacer cortes*), чтобы депутаты не пользовались никакими милостями и вознагражденіями со стороны королевской власти и, наконецъ, чтобы кортесы созывались каждые три года и не распускались раньше полученія депутатами королевскаго отвѣта на свои петиціи. Одни изъ этихъ *desiderata* комунеровъ продиктованы были воспоминаніемъ о недавнихъ обидахъ и злоупотребленіяхъ королевскихъ министровъ, другія — являлись результатомъ болѣе глубокаго анализа причинъ, обусловившихъ упадокъ народныхъ вольностей, и сознательнаго желанія устранить эти причины, поскольку онѣ заключались въ недостаткахъ организаціи народнаго представительства. Такимъ образомъ, комунеры не только защищали свои старинныя вольности, но желали также внести извѣстныя поправки въ парламентарный строй Кастиліи въ интересахъ сохраненія этихъ вольностей въ будущемъ.

Но тотъ способъ дѣйствія, которому слѣдовала кастильская демократія для осуществленія своихъ стремленій, ясно свидѣтельствовалъ, что она не въ состояніи была справиться, сама по себѣ, съ поставленными задачами. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться преимуществами положенія и обезпечить будущность своего дѣла обладаніемъ важнѣйшими стратегическими пунктами въ странѣ, Хуанъ де Падилья въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ предавался пагубному бездѣйствію, а „святая хунта“, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ и правотѣ своего дѣла, отправила въ Германію къ Карлу своихъ делегатовъ съ просьбой удовлетворить тѣ петиціи, которыя онъ уже отвергъ въ кортесахъ 1520 г. Одинъ изъ пословъ былъ посаженъ, по приказу Карла V, въ Вормскую тюрьму; другой, не выполнивъ порученія, долженъ былъ бѣжать изъ опасенія быть повѣшеннымъ. Признавая движеніе серьезнымъ и опаснымъ для своей власти, Карлъ V счелъ необходимымъ привлечь на свою сторону дворянство, продолжавшее сохранять нейтралитетъ, и предложилъ двумъ вліятельнѣйшимъ представителямъ кастильской аристократіи, коннетаблю Иньиго де Веласко и адмиралу Фадрике Энрикесъ, раздѣлить съ Адріаномъ заботы по управленію королевствомъ и усмиренію возстанія. Предложеніе было принято, и вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство вышло изъ нейтральнаго положенія, рѣшивъ слѣдовать за своими вождями. Вся Кастилія тогда раздѣлилась на двѣ партіи, народную и аристократическую; девизомъ одной было „Santiago y libertad“, девизомъ другой — „Santa Maria y Carlos“; каждая, по существу, стремилась спасти свои старинныя вольности, но, не соединившись другъ съ другомъ, обѣ проиграли свое дѣло, одна раньше, другая позже. Первая очередь была за народной, которая имѣла много храбрыхъ солдатъ, но ни одного выдающагося вождя. Рѣшительная битва между комунерами и императорскими войсками произошла при Вильяларѣ 23 апрѣля 1521 г. и окончилась полнымъ пораженіемъ первыхъ. Хуанъ де Падилья, Хуанъ де Браво и Мальдонадо, стоявшіе во главѣ комунеровъ и взятые въ плѣнъ, были преданы казни, послѣ чего всѣ города постепенно были приведены въ прежнее подчиненіе королю. Только Толедо, благодаря героизму вдовы Хуана де Падилья, Маріи Пачеко, въ со-

стояніи былъ оказывать сопротивленіе императорскимъ войскамъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Послѣ сдачи Толедо (25 октября 1521 г.) возстаніе комунеровъ было окончательно подавлено, а важнѣйшіе руководители его были казнены послѣ возвращенія Карла въ Испанію въ іюлѣ 1522 г.

Такъ закончилось возстаніе 1520—1521 г. Оно вызвано было случайными причинами, и послѣдствія его стояли въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, къ чему стремились комунеры: они хотѣли возродить вольности кастильскаго народа, но своей неудачей лишь ускорили ихъ паденіе. Карлъ V не уничтожилъ кортесовъ, да и не было основательныхъ причинъ для уничтоженія ихъ: послѣ пораженія комунеровъ при Вильяларѣ, національное собраніе утратило способность сдерживать произволъ королевской власти. Карлъ ограничился лишь одной мѣрой, лишившей кортесы навсегда характера сословно-представительнаго собранія, именно издалъ въ 1538 г. указъ о томъ, чтобы впредь члены аристократіи не появлялись на собраніяхъ кортесовъ. Съ такимъ характеромъ кортесы просуществовали до 1789 г., когда въ послѣдній разъ созваны были въ Мадридѣ въ своей старинной формѣ.

* *
* *

Занятый борьбою съ Францискомъ I въ Италіи, подавленіемъ реформаціи въ Германіи, войнами съ турками, Карлъ I большей частью находился въ отсутствіи изъ Испаніи и являлся туда, главнымъ образомъ, для полученія согласія у кортесовъ на новыя денежныя субсидіи, въ которыхъ всегда нуждался. Внутреннее состояніе Испаніи, управленіе которою, послѣ Адріана, возлагалось то на жену Карла, то на его сына, Филиппа, и совѣтниковъ, кардинала Талаверу и герцога Альбу, далеко не отличалось спокойствіемъ. Въ различныхъ частяхъ королевства происходили разныя смуты: такъ, въ Валенсіи населеніе поднялось противъ своихъ угнетателей-дворянъ; мавры Валенсіи, Гранады и Арагона, подвергавшіеся жестокимъ религіознымъ гоненіямъ, также возстали. Подавленіе этихъ возстаній требовало большого напряженія силъ. Кастилія лишена была политической свободы и находилась въ полномъ экономическомъ

упадкѣ. Кортесы, созванные Карломъ I въ Вальядолидѣ въ 1527 г., почтительно отказали королю въ требуемыхъ субсидіяхъ, за невозможностью для народа уплатить ихъ; арагонскіе кортесы, въ 1528 г. согласились удовлетворить требованія короля лишь подѣ условіемъ важныхъ административныхъ и законодательныхъ реформъ. Жалобы на бѣдственное положеніе народа раздавались и въ кортесахъ послѣдующаго времени.

Стремленіе Карла къ установленію всемірной монархіи обошлось испанскому народу слишкомъ дорого, какъ и вообще вся та блестящая міровая роль, которая выпала на долю его послѣ окончанія борьбы съ „полумѣсяцемъ“. Ни пышный титулъ главы св. римской имперіи, пріобрѣтенный Карломъ V, ни лавры побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ французами и турками, ни завоеваніе Мексики (Фернандо Кортесомъ въ 1521 г.) и Перу (Франсиско Пизарро въ 1531 г.)—ничто не могло вознаградить испанцевъ за тѣ обиды, которыя нанесъ Карлъ ихъ самолюбію своимъ предпочтеніемъ иностранцевъ, и за тѣ безчисленныя матеріальныя жертвы, которыя должны были приносить они честолюбію своего монарха. Богатства Новаго Свѣта также не послужили въ прокъ испанскому народу. Наоборотъ, обладаніе ими привело Испанію къ полному разоренію и банкротству при преемникахъ Карла I.

Меркантильная политика послѣдняго, доведенная до крайности, ставила себѣ задачей обезпечить за Испаніей исключительное обладаніе всеми благородными металлами, добывавшимися въ Америкѣ. Колоніи интересовали правительство лишь постольку, поскольку могли снабжать его золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Стремленіе къ быстрой наживѣ, охватившее правительство и общество, вмѣстѣ съ возрастающимъ отвращеніемъ населенія къ труду, исключало возможность разумной эксплуатаціи богатствъ колоній. Земледѣліе и промышленность поставлены были на задній планъ. Торговля подверглась цѣлому ряду ограниченій, одинаково вредныхъ какъ для колоній, такъ и для метрополіи. Цѣны на предметы потребленія, вслѣдствіе обилія денегъ въ странѣ и сокращенія производства сельской и городской промышленности, страшно поднялись, между тѣмъ какъ доходъ и заработокъ земледѣльца и ремесленника оста-

вались почти на прежнемъ уровнѣ. Положеніе трудящихся классовъ общества становилось еще тѣмъ печальнѣе, что тяжесть налоговъ не уменьшалась, а увеличивалась. Какъ ни старалось правительство путемъ мелочной регламентаціи ввоза и вывоза удержать въ странѣ золотую и серебряную монету, она быстро ускользала за границу. Да и иначе быть не могло, разъ Испанія сократила производство самыхъ необходимыхъ предметовъ и, испытывая даже нужду въ хлѣбѣ, принуждена была обращаться за помощью къ иностранной промышленности и торговлѣ. Число производительныхъ элементовъ общества также постепенно сокращалось; трудъ земледѣльческій и ремесленный не только не обезпечивалъ благосостоянія за населеніемъ, но и разсматривался, какъ унижительный. За то ряды солдатъ и монаховъ постепенно расширялись и грозили охватить собою всю націю, избавлявшуюся такимъ образомъ отъ податного бремени и униженій. И вотъ скоро оказалось, что государство, обладавшее богатѣйшими въ мірѣ серебряными и золотыми рудниками, не только не было въ состояніи доходами съ нихъ покрывать свои расходы, но и принуждено было для удовлетворенія своихъ растущихъ нуждъ заключать внутренніе и внѣшніе займы, устанавливать новые обременительные для народа налоги, прибѣгать къ фальсификаціи монетъ, чеканить въ изобиліи мѣдную монету и заставлять народъ принимать ее по курсу серебряной.

Подорванное въ своихъ основаніяхъ, народное благосостояніе и государственное хозяйство, съ одной стороны, съ другой—политическая гегемонія надъ Европой—таково было наслѣдство, доставшееся, вмѣстѣ съ испанской короной, сыну Карла, Филиппу въ 1556 г. Престарѣлый король, утомленный лихорадочной дѣятельностью своего продолжительнаго царствованія и неудачами въ борьбѣ съ нѣмецкой реформаціей, отрекся въ этомъ году отъ испанскаго престола и удалился въ монастырь св. Хуста въ Эстремадурѣ, гдѣ и закончилъ свою жизнь въ полномъ уединеніи.

*
*
*

Новый король, въ противоположность отцу, считалъ себя природнымъ испанцемъ, постоянно жилъ въ Испаніи, раздѣлялъ

идеи и чувства испанцевъ и, потому, несмотря на свой мрачный и жестокій характеръ, пользовался необыкновенной популярностью. Государственная польза, понимаемая въ смыслѣ установленія монархическаго абсолютизма—вотъ тотъ принципъ, который составлялъ основу политической дѣятельности Филиппа II, и который не могли поколебать ни личныя симпатіи, ни кровныя узы его, какъ это показываетъ трагическая исторія сына его донъ-Карлоса.

Завоевавъ въ 1580 г. Португалію, Филиппъ II впервые соединилъ подъ своею властью всѣ государства Пиренейскаго полуострова. Его владѣнія охватывали, кромѣ того, Фландрію, значительную часть Италіи и земли Новаго Свѣта. Но лишеныя какого бы то ни было внутренняго политическаго единства, связанные между собою только особою короля, они представляли сложную и пеструю амальгаму разнородныхъ политическихъ элементовъ, сохранившихъ свою особенную фizioномію, характеръ и стремленія. Государства Пиренейскаго полуострова: Кастилія, Арагонъ, Каталонія, Валенсія, Португалія, Наварра, соединенныя подъ скипетромъ испанскаго короля, жили самобытною жизнью, имѣли самостоятельное управленіе, особые обычаи и учрежденія и являлись столь же чуждыми по отношенію другъ къ другу, какъ и по отношенію къ другимъ составнымъ частямъ испанской короны—Фландріи, Милану, Неаполю.

До Филиппа II монархія эта не имѣла опредѣленнаго центра, дворъ королевскій не имѣлъ постоянной резиденціи. Со времени же этого государя внутри Кастиліи создается центръ управленія, въ Мадридѣ сосредоточиваются всѣ нити администраціи отдѣльныхъ частей монархіи; Филиппъ II задается цѣлью поставить центральную власть на такую высоту, чтобы координировать и подчинить себѣ разнородные элементы монархіи, устранить существующее между ними соперничество и дать имъ внутреннее единство. Въ этомъ отношеніи онъ продолжалъ дѣятельность Изабеллы и Фердинанда „Католическихъ“. Главнымъ орудіемъ для осуществленія этихъ широкихъ задачъ были такъ называемые Верховные Совѣты для каждой изъ составныхъ частей монархіи, образованные при королевскомъ дворѣ въ Мадридѣ и состоявшіе изъ министровъ, основа-

только знакомыхъ съ мѣстными законами и обычаями той или иной страны. Главою каждаго такого совѣта былъ король, представлявшій въ идеѣ монарха того именно государства, дѣлами котораго завѣдывалъ данный совѣтъ. Дѣла здѣсь рѣшались согласно спеціальнымъ фуэросамъ и законамъ каждаго инкорпорированнаго государства; исполненіе сдѣланныхъ въ совѣтѣ постановленій возлагалось на обыкновенныхъ магистратовъ. Повидимому, все различіе новой системы управленія въ сравненіи съ прежней состояло лишь въ перенесеніи Верховныхъ Совѣтовъ изъ прежнихъ нѣсколькихъ центровъ въ одинъ, общій для всѣхъ—въ Мадридъ. Это измѣненіе не встрѣтило никакой оппозиціи со стороны подчиненныхъ Филиппу II государствъ: напротивъ, съ точки зрѣнія послѣднихъ, оно являлось какъ бы подтвержденіемъ и гарантіей ихъ самостоятельнаго и отдѣльнаго управленія. Таковы были реорганизованные или вновь учрежденные Филиппомъ II Верховные Совѣты Італіи, Фландріи, Арагона, Португаліи, Индіи, не считая древняго Совѣта Кастиліи. Существованіе этихъ Совѣтовъ, однако, не мѣшало королю въ пѣкоторыхъ случаяхъ рѣшать вопросы, входящіе въ кругъ ихъ компетенціи, безъ участія совѣтовъ и вступать въ непосредственныя сношенія съ вице-королями и другими уполномоченными въ подчиненныхъ ему областяхъ.

Наряду съ этими Верховными Совѣтами существовали другіе, съ совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ первые. Если первые сосредоточивали въ себѣ всѣ нити общаго управленія отдѣльныхъ частей монархіи, то другіе завѣдывали лишь одною какою-нибудь опредѣленною отраслью общей администраціи, и если первые являлись выраженіемъ историческаго дѣленія и самобытнаго существованія различныхъ частей монархіи, то вторые возвыщали будущее единство и централизацію ихъ. Къ этому роду совѣтовъ относились Государственный Совѣтъ, Военный, Финансовый, Инквизиціонный и др. Въ каждомъ изъ нихъ рѣшались вопросы, соответственныя ихъ компетенціи, по отношенію ко всей монархіи, и къ нимъ мало-по-малу переходили дѣла, относившіяся раньше къ компетенціи Совѣтовъ отдѣльныхъ государствъ, значеніе которыхъ съ каждымъ днемъ падало.

Политическая сила Филиппа II, его преданность интересамъ католической религіи, широкіе замыслы и вліяніе позволяютъ считать его главою того движенія, которое называется контръ-реформаціей или католической реакціей. Онъ не только стремился сохранить между своими разрозненными владѣніями политическое и религіозное единство, но и предотвратить возможность нарушенія этого единства путемъ подавленія реформаціоннаго движенія въ другихъ странахъ. Таковъ былъ истинный смыслъ внутренней и внѣшней политической дѣятельности этого государя, для котораго цензура книгъ, инквизиція, дипломатическія интриги и военная сила являлись обычными средствами для достиженія поставленныхъ задачъ. Въ своихъ владѣніяхъ онъ часто дѣйствовалъ, какъ тиранъ. Онъ ввелъ систему абсолютнаго монархическаго правленія тамъ, гдѣ народъ привыкъ къ строго конституціонному правленію, какъ то было въ Арагонѣ. Онъ установилъ инквизиціонный терроръ для преслѣдованія еретиковъ и сторонниковъ народовластія въ такой странѣ, какъ Нидерланды, гдѣ населеніе отличалось преданностью стариннымъ вольностямъ и независимостью въ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Мало того: онъ вмѣшивался во внутреннія дѣла другихъ государствъ, вездѣ оказывая поддержку католической партіи противъ реформаціонной. Во Франціи онъ поддерживалъ партію Гизовъ въ ихъ борьбѣ противъ гугенотовъ, въ Англіи онъ возбуждалъ католиковъ противъ правительства Елизаветы и послѣ казни Маріи Стюартъ послалъ туда „непобѣдимую армаду“, чтобы покорить себѣ эту страну и отомстить за смерть католической королевы Шотландіи... Но ни одно изъ его грандіозныхъ предпріятій не увѣнчалось успѣхомъ. Онъ пролилъ много крови, но боролся изъ-за призраковъ. Онъ шелъ противъ могучаго теченія новаго времени, но оно побѣдоносно снесло все препятствія, какія онъ ставилъ ему. Печальное исключеніе представлялъ только исходъ борьбы его съ вольностями народа арагонскаго. Не считая возможнымъ и умѣстнымъ излагать здѣсь подробности обще-европейской политики Филиппа II, мы изложимъ обстоятельства борьбы его съ арагонцами, такъ какъ она представляется намъ особенно характерной

для исторіи абсолютной монархіи въ Испаніи вообще и царствованія Филиппа II въ частности.

* *
*

24 мая 1590 г. древняя столица арагонскихъ королей—Сарагосса была охвачена грознымъ возстаніемъ народа, поднявшагося въ защиту своихъ фуэросовъ. По общему убѣжденію, они были нарушены мѣстными министрами Филиппа II. Народныя массы двинулись къ замку Aljaferia, резиденція инквизиціоннаго трибунала, въ руки котораго незаконнымъ образомъ былъ переданъ Антоніо Пересъ. Нѣкогда всемогущій министръ и фаворитъ Филиппа II, онъ, вѣлѣдствіе романическихъ обстоятельствъ, подвергся опалѣ, содержался въ теченіе многихъ лѣтъ въ тюрьмѣ и, наконецъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, но бѣжалъ отъ нея въ Арагонъ, подъ защиту его фуэросовъ. Верховный Судья Арагона принялъ его подъ свою охрану и далъ возможность ему воспользоваться правомъ манифестаціи. Бѣгство изъ мадридской тюрьмы Переса, бывшаго секретаря Филиппа II и посвященнаго во всѣ тайны его политики, вызвало сильное безпокойство и негодованіе короля: онъ опасался возможнаго раскрытія имъ государственныхъ тайнъ. Всѣ старанія свои онъ употребилъ на то, чтобы вернуть бѣглеца въ свои руки, но встрѣтилъ непреодолимые препятствія въ учрежденіяхъ Арагона, не допускавшихъ выдачи манифестованнаго лица даже королю. Деспотическому Филиппу II пришлось подчиниться либеральнымъ законамъ страны и преслѣдовать Переса на конституціонной почвѣ, при посредствѣ своихъ агентовъ въ Сарагоссѣ, передъ трибуналомъ Верховнаго Судьи. Начавшійся знаменитый процессъ разоблачилъ, съ одной стороны, рядъ такихъ дѣйствій Филиппа II, которыя сильно компрометировали его королевское достоинство, а съ другой—установилъ фактъ невиновности Переса во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Предвидя неблагопріятный для себя исходъ процесса, Филиппъ II остановилъ его, прежде чѣмъ Пересъ могъ быть оправданъ передъ судомъ Хустисіи, перенесъ дѣло его въ экстренную слѣдственную комиссію, образованную изъ королевскихъ судей въ Сарагоссѣ, и обвинилъ передъ нею Переса въ государственной измѣнѣ. Бывшій секретарь Филиппа, основательно знакомый съ законами

Арагона, предвѣля пристрастное себѣ отношеніе комиссіи, обратился тогда къ Хустисиі за *firma del derecho*, получилъ ее и, въ силу этого акта, былъ освобожденъ отъ суда комиссіи. Чтобы не дать возможности ускользнуть изъ своихъ рукъ Пересу, продолжавшему содержаться въ тюрьмѣ манифестованныхъ, Филиппъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству, къ инквизиціонному суду. Изъ этого учрежденія, несмотря на то, что компетенція его ограничивалась только дѣлами вѣры, испанскіе короли счумѣли сдѣлать повсемѣстно въ своихъ владѣніяхъ послушное орудіе своихъ политическихъ интересовъ, стараясь при помощи его парализовать дѣйствіе другихъ, болѣе независимыхъ отъ королевской власти, трибуналовъ, такихъ, напримѣръ, какъ *Justicia Mayor*. Чрезвычайный королевскій уполномоченный въ Сарагоссѣ, маркизъ Альменара, по соглашенію съ членами Верховнаго Совѣта Арагоны и Верховнаго Совѣта Инквизиціи въ Мадридѣ, возбудилъ вопросъ о возможности преслѣдованія Переса на почвѣ вѣры и передачи его такимъ путемъ изъ рукъ Верховнаго Судьи въ руки инквизиторовъ Сарагоссы, откуда онъ уже легко могъ быть препровожденъ въ Кастилію. Планъ этотъ встрѣтилъ полное одобреніе со стороны Филиппа II. Изобрѣтательность его клеветовъ помогла имъ выставить рядъ нелѣпыхъ, но вполнѣ достаточныхъ для преслѣдуемой цѣли обвиненій Переса въ ереси, подкрѣпленныхъ ложными показаніями подкупленныхъ свидѣтелей, послѣ чего инквизиціонный трибуналъ отправилъ делегата къ Верховному Судѣ съ требованіемъ выдачи ереса изъ тюрьмы манифестованныхъ, по обвиненію его въ ереси, въ руки инквизиторовъ. Формальнаго заявленія о такого рода обвиненіи было достаточно, чтобы Верховный Судья отступился отъ манифестованнаго, такъ какъ на дѣло вѣры не простиралась его компетенція, и могущественное покровительство его было безсильно по отношенію къ обвиненному въ ереси. Пересъ былъ переданъ въ руки инквизиціи.

Возникновеніе этого процесса въ Сарагоссѣ совпадало со временемъ общаго броженія среди арагонскаго общества, недовольнаго актами мадридскаго правительства, явно клонившимися къ ограниченію вольностей Арагона. Въ числѣ такихъ мѣръ особенное вни-

маніе общества обращалъ на себя обсуждавшійся въ то время въ Мадридѣ проектъ, о назначеніи иноземныхъ лицъ на постъ арагонскаго вице-короля, проектъ, противорѣчившій основнымъ конституціоннымъ началамъ страны, въ силу которыхъ иностранцы не могли занимать въ ней ни одной общественной должности. Кромѣ того, арагонское дворянство сильно было возбуждено непріязненнымъ отношеніемъ къ себѣ перваго министра Филиппа II, графа Чинчона, имѣвшаго личные счеты со многими знатными фаміліями Арагона. Результатомъ такого рода настроенія было то, что мѣстное дворянство, въ рядахъ котораго Пересъ имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ и друзей, приняло сторону Переса въ спорѣ его съ Филиппомъ и въ защитѣ интересовъ Переса видѣло въ то же время и защиту своихъ вольностей и привилегій. Пересъ воспользовался благопріятнымъ для себя настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ собственныхъ интересахъ и немедленно извѣстилъ своихъ друзей о своемъ пребываніи въ инквизиціонной тюрьмѣ. Извѣстіе это произвело сильное волненіе въ Сарагоссѣ, которое, подъ вліяніемъ агитаціи донъ Діого Эредіа и другихъ сторонниковъ Переса, скоро перешло въ открытый народный бунтъ. Бунтъ этотъ сопровождался насиліями надъ королевскими агентами, способствовавшими заключенію Переса въ инквизиціонную тюрьму, такими, какъ маркизъ Альменара, который отъ полученныхъ ранъ вскорѣ умеръ, и завершился насильственнымъ освобожденіемъ изъ рукъ инквизиціи Переса, который послѣ этого снова былъ препровожденъ въ тюрьму манифестованныхъ. Сарагосскія событія 24 мая заставили мадридское правительство призадуматься. Вопросъ о Пересѣ отходилъ уже на второй планъ въ виду цѣлаго ряда важныхъ проступковъ, совершенныхъ сарагосскимъ населеніемъ по отношенію къ королевскимъ агентамъ и членамъ инквизиціоннаго трибунала. Для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для восстановленія порядка, наказанія виновныхъ въ бунтѣ и возвращенія Переса въ тюрьму инквизиціи, въ Мадридѣ составлена была экстренная хунта, въ составъ которой вошли члены большей части мадридскихъ административныхъ и судебныхъ совѣтовъ. Всѣ члены хунты были согласны относительно необходимости прибѣгнуть немедленно къ помощи военной

силы; но по вопросу о томъ, какъ распорядиться этой силой, мнѣнія сильно расходились, и хунта распалась на двѣ партіи: одна изъ нихъ, болѣе умѣренная, называвшаяся арагонскою, предлагала отправить, подъ предлогомъ похода во Францію, армію къ границамъ Арагона, съ тѣмъ, чтобы косвеннымъ образомъ оказывать давленіе на бунтовщиковъ и сообщить больше энергіи и увѣренности дѣятельности королевскихъ агентовъ въ Сарагосѣ, направленной къ установленію порядка; другая, болѣе крайняя, настаивала на немедленномъ выступленіи кастильской арміи въ предѣлы Арагона и подавленіи безпорядковъ вооруженной силой. Понимая, что вступленіе кастильскаго войска на территорію Арагона будетъ признано населеніемъ за вопіющее нарушеніе конституціонныхъ основъ королевства, Филиппъ II послѣ долгихъ совѣщаній и колебаній рѣшился, наконецъ, принять сторону болѣе умѣренной партіи, во избѣжаніе возможнаго конфликта, опаснаго для него въ то время въ виду враждебныхъ отношеній его къ сосѣдней съ Арагономъ Франціи. Вслѣдъ за тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ выступленіи арміи, которая и расположилась на четырехдневномъ разстояніи отъ Сарагоссы. Однако, мѣра эта подѣйствовала еще болѣе возбуждающимъ образомъ на общественное мнѣніе. Въ Сарагосѣ появилась цѣлая литература пасквилей и памфлетовъ, подвергавшихъ жестокому осмѣянію не только министровъ и агентовъ Филиппа II, но и особу самого короля, цѣлый рядъ летучихъ листовъ, призывавшихъ народъ къ защитѣ фуэросовъ, панегириковъ, прославлявшихъ Переса, и т. д. Несмотря, однако, на подобное состояніе общественнаго мнѣнія, депутаты королевства, гласные сарагосскаго муниципалитета и агенты Филиппа II рѣшили снова привести въ исполненіе приговоръ Верховнаго Судьи относительно выдачи Переса въ руки инквизиторовъ. Были приняты всѣ мѣры предосторожности для безпрепятственнаго препровожденія его изъ одной тюрьмы въ другую, и 24 сентября подъ сильнымъ конвоемъ Пересъ отправленъ былъ въ инквизиціонную тюрьму; но въ тотъ моментъ, когда карета съ арестованнымъ уже приближалась въ Aljaferia, сторонники Переса ударили въ набатъ, раздались крики: „viva la libertad! vivan los fueros!“. Вооруженныя толпы гидальго и горо-

жанъ бросились на конвоирующій отрядъ и снова освободили Переса... Повторились кровавыя сцены 24 мая. Событія все болѣе и болѣе осложнялись и вывели, наконецъ, Филиппа II изъ состоянія нерѣшительности. Онъ принялъ твердое рѣшеніе подавить возстаніе вооруженной силой и въ концѣ октября отдалъ приказъ генералу донъ Алонсо Варгасу стать во главѣ кастильской арміи и съ нею вступить въ Арагонъ для усмиренія возставшихъ.

Извѣстіе объ этомъ смѣломъ рѣшеніи, нарушавшемъ основные государственныя законы Арагона, поразило всѣхъ, даже наиболѣе умѣренныхъ арагонцевъ. Въ виду важности момента депутаты королевства и другія народныя власти Арагона собрались въ чрезвычайномъ засѣданіи, на которое были приглашены 11 лучшихъ знатоковъ мѣстнаго права для рѣшенія вопроса о легальности королевскихъ дѣйствій. Всѣ согласились, что дѣйствія эти незаконны, „*contrafuero*“, и что, слѣдовательно, арагонцы вправѣ оказать имъ вооруженное сопротивленіе. Такой же отвѣтъ на поставленный вопросъ далъ и Верховный Судья, постъ котораго занималъ въ то время Хуанъ де Лануса V, двадцатисемилѣтній молодой человѣкъ. Беззавѣтно преданный дѣлу сохраненія старинныхъ вольностей Арагона, весь проникнутый сознаніемъ важности своихъ обязанностей, которыя въ теченіе 150 лѣтъ непрерывно выполнялись его предками и сдѣлались какъ бы наслѣственными въ родѣ, Хуанъ де Лануса издалъ торжественную декларацію о незаконности королевскихъ дѣйствій и съ юношескимъ жаромъ принялся за организацію сопротивленія королевской арміи. Пользуясь огромною популярностью за свои прекрасныя личныя свойства, отличаясь смѣлымъ и открытымъ характеромъ, привѣтливостью обращенія, благородною внѣшностью, онъ способенъ былъ поддерживать и направлять всеобщее воодушевленіе сарагосскаго населенія къ опредѣленной цѣли, къ защитѣ родныхъ фуэросовъ. Съ рѣдкимъ единодушіемъ Сарагосса стала готовиться къ войнѣ. Организованъ былъ военный совѣтъ, въ составъ котораго вошли представители высшаго и низшаго арагонскаго дворянства, какъ герцогъ Вилла-Эрмоза, графъ Аранда, донъ Діего Эредія и др. Во всѣ города и мѣстечки были сдѣланы воззванія о сопротивленіи кастильской арміи. Въ Каталонію и Вален-

сію были отправлены послы съ просьбой о помощи, разсчитывали также на поддержку изъ Франціи.

7-го ноября генераль Варгасъ находился уже въ предѣлахъ Арагона во главѣ 14-тысячной арміи. Противъ него выступали Верховный Судья, Хуанъ де Лануса, депутатъ королевства, Хуанъ де Луна, и гласный Сарагоссы, Хуанъ де Метели, во главѣ сарагосской милиціи, съ которою должны были по пути соединиться милиціонеры другихъ городовъ и отряды арагонскихъ дворянъ. Общая численность сарагосскаго ополченія доходила до двухъ тысячъ. Между тѣмъ ожидаемой помощи не послѣдовало. Выступить съ такими ничтожными силами противъ Варгаса Хустисія не рѣшился и повернулъ къ г. Эпилъ съ тѣмъ, чтобы собрать болѣе значительное войско. Путь къ Сарагоссѣ теперь былъ совершенно открытъ, и къ ней то двинулся Варгасъ, не встрѣчая по пути никакого сопротивленія. Населеніе Сарагоссы, видя себя беззащитнымъ и изолированнымъ отъ всего Арагона, упало духомъ. Всѣ, кто имѣлъ какое-нибудь основаніе опасаться мести Филиппа, спѣшили покинуть Сарагоссу, въ томъ числѣ бѣжалъ и Пересъ. Безсильныя власти продолжали оставаться на своихъ постахъ, когда 12 ноября генераль Варгасъ безпрепятственно вошелъ съ войскомъ въ Сарагоссу.

Донъ Хуанъ де Лануса и донъ Хуанъ де Луна напрасно обращались къ арагонскому народу съ воззваніемъ о защитѣ фуэросовъ: народъ оставался глухъ къ этимъ воззваніямъ; онъ не желалъ участвовать въ борьбѣ Сарагоссы съ королемъ, считая происшедшее возстаніе лишь дѣломъ партіи Переса и нѣсколькихъ *ricos hombres*, интересы которыхъ ему были такъ чужды! Отчаявшись въ возможности поднять народъ на защиту фуэросовъ, Верховный Судья возвратился въ Сарагоссу для отправленія обычныхъ обязанностей, несмотря на присутствіе въ ней кастильской арміи. Генераль Варгасъ и прибывшій сюда незадолго передъ тѣмъ королевскій уполномоченный, маркизъ Ламбе, дѣйствовали самымъ умѣреннымъ образомъ, опираясь на поддержку депутатовъ и гласныхъ Сарагоссы. Но мадридская хунта, въ которой теперь получила преобладаніе партія крайнихъ, была недовольна подобнымъ образомъ дѣйствій,

настаивала на тяжкихъ репрессаліяхъ, на примѣрномъ наказаніи виновниковъ возстанія и, чтобы на этомъ пути не встрѣчать никакихъ помѣхъ со стороны арагонскихъ властей, требовала отмены изданной Верховнымъ Судьею деклараціи противъ входа кастильской арміи и временнаго пріостановленія дѣйствія фуэросовъ. Напрасно старались противодѣйствовать этимъ требованіямъ власти Арагона: сила находилась не на ихъ сторонѣ, а Филиппъ былъ непреклоненъ. Часть трагической развязки приближался.

18 декабря генераль Варгасъ получилъ письмо, написанное собственноручно королемъ, въ которомъ предписывалось ему немедленно приступить къ энергическимъ мѣрамъ для наказанія виновныхъ въ мятежѣ. „По полученіи этого письма“, говорилъ король, „приказываю вамъ арестовать донъ Хуана де Лунаса, и я долженъ узнать о его смерти одновременно съ извѣстіемъ о его арестѣ. Немедленно велите отсѣчь ему голову, причѣмъ глашатай долженъ кричать: таково правосудіе, которое приказалъ нашъ государь совершить надъ этимъ рыцаремъ за то, что возмутилъ королевство и поднялъ знамя противъ своего короля. Всякій, кто поступитъ такъ, будетъ наказанъ подобнымъ же образомъ“. Варгасъ немедленно принялъ необходимыя мѣры для исполненія королевскаго приказа.

На слѣдующій день утромъ, когда пробило 11 часовъ, Верховный Судья спускался съ лѣстницы дворца депутаціи, въ сопровожденіи своихъ лейтенантовъ, направляясь съ ними въ церковь св. Іоанна, гдѣ ежедневно выслушивалъ мессу передъ началомъ аудіенціи. Къ нему навстрѣчу приблизился капитанъ Хуанъ де Веласко, поджидавшій его здѣсь съ отрядомъ солдатъ, и отдалъ ему приказъ сдаться. Хуанъ де Лунаса на мгновеніе смутился при такой неожиданности, но, скоро оправившись отъ смущенія, съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Верховный Судья Арагона можетъ быть арестованъ только въ силу совмѣстнаго повелѣнія кортесовъ и короля!“ и, чтобы найти поддержку своимъ словамъ, обратился въ сторону своихъ лейтенантовъ, но тѣ молчали, онѣмѣвши отъ ужаса. Лишь у одного изъ нихъ хватило смѣлости сказать: „Король все можетъ!“ Немедленно затѣмъ Хустисія былъ окруженъ стоявшими наготовѣ солдатами и, по требованію Веласко, отдалъ ему свою шпагу, въ знакъ лишенія свободы.

Тяжелое чувство испытывали въ то время арагонцы при видѣ арестованнаго Хустисіа. „Я видѣлъ, говоритъ современный арагонскій писатель—Мурильо, какъ его арестовали, и этотъ арестъ глупо поразилъ меня такъ же, какъ и все общество, ибо былъ законъ, по которому Хустисіа не могъ быть арестованъ иначе, какъ по приказу кортесовъ, на которыхъ присутствовалъ бы и король. Всѣмъ казалось, что наступило время поруганія всѣхъ законовъ, такъ какъ не соблюдалось фуэро даже въ отношеніи къ Верховному Суду“.

На слѣдующее утро (20 декабря 1591 г.) на торговой площади стоялъ уже воздвигнутый за ночь эшафотъ, весь покрытый черной матеріей. По всѣмъ главнымъ улицамъ и площадямъ разставлены были солдаты; дула пушекъ были обращены въ сторону домовъ, откуда можно было ожидать сопротивленія. Въ городѣ воцарилось гробовое молчаніе. Всѣ жители замкнулись въ своихъ домахъ. Никто не хотѣлъ быть свидѣтелемъ кровавой трагедіи, и Сарагосса имѣла видъ всѣми покинутаго, опустѣлаго города, занятаго непріятельской арміей. Въ 7 часовъ утра совершилась казнь. Верховному Суду Арагона была отсѣчена голова...

То было начало мщенія Филиппа. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Арагонѣ царилъ терроръ. Не было числа совершившимся казнямъ, изгнаніямъ, конфискаціямъ имущества лицъ, обвиненныхъ въ мятежѣ. Когда же, наконецъ, метительность Филиппа была удовлетворена, когда на эшафотахъ и въ тюрьмахъ подъ пытками уничтоженъ былъ цвѣтъ арагонскаго дворянства и когда, наконецъ, такимъ образомъ были устраниены всѣ наиболѣе оппозиціонные элементы общества, Филиппъ милостиво объявилъ всеобщую амнистію и рѣшилъ созвать кортесы для окончательнаго умиротворенія Арагона.

Кортесы собрались въ Тарасонѣ въ 1592 г. Не встрѣчая нигдѣ больше оппозиціи, Филиппъ могъ теперь произвести при ихъ посредствѣ существенныя измѣненія въ конституціонномъ строѣ Арагона, въ смыслѣ большаго подчиненія его своей абсолютной власти. Не требовалось больше единогласія для постановленій кортесовъ; отнынѣ дѣла должны были рѣшаться здѣсь большин-

ствомъ голосовъ. Власть депутаціи низведена была до minimum'a: принадлежавшее ей раньше финансовое и полицейское управленіе въ странѣ теперь возложено было на министровъ Филиппа.

Въ трибуналѣ Верховнаго Судьи произведены были радикальныя измѣненія, низводившія какъ Верховнаго Судью, такъ и его лейтенантовъ на степень обыкновенныхъ королевскихъ чиновниковъ, назначеніе и смѣщеніе которыхъ поставлено было въ полную зависимость отъ королевской воли. Лишившись главнаго условія своей независимости, именно пожизненности назначенія и отвѣтственности передъ кортесами, институтъ Justicia Mayor, этотъ вѣнецъ вольностей Арагона, обращенъ былъ въ простое орудіе королевской власти.

Таково было существенное значеніе постановленій кортесовъ 1592 г. Конституція Арагона потерпѣла полное крушеніе; отъ нея остались лишь жалкіе обломки, но зато принципъ неограниченной монархической власти получилъ и здѣсь полное торжество.

Паденіе средневѣковыхъ свободныхъ учрежденій и установленіе деспотическаго режима въ государствахъ Пиренейскаго полуострова сопровождалось такого рода явленіями, которыя обрекли страну на продолжительное состояніе умственного и экономическаго упадка. Введеніе цензуры книгъ и инквизиціи, налагавшихъ оковы на свободное развитіе мысли и заставлявшихъ ее цѣпенѣть въ тѣсномъ кругѣ схоластическихъ и католическихъ доктринъ, изгнаніе евреевъ и мавровъ, поддерживавшихъ въ странѣ благосостояніе и жажду знанія, усиленіе папскаго авторитета, благодаря дѣятельности ордена іезуитовъ, основаннаго испанцемъ Игн. Лойолой, антинаціональная политика Карла V, вовлекшаго Іспанію въ гибельныя для нея европейскія войны, религіозный фанатизмъ Филиппа II и, наконецъ, открытіе богатствъ въ Новомъ Свѣтѣ, развившихъ въ народѣ наклонность къ праздности,—были роковыми фактами въ жизни испанскаго народа. Послѣ блестящаго, но кратковременнаго періода славы, побѣдъ и мірового значенія наступила пора продолжительнаго застоя и мрака. Іспанія замкнулась въ тѣсные предѣлы національной жизни, гдѣ безраздѣльное господство принадлежало фанатическому

духовенству, и долгое время Пиренеи представляли могущественную преграду для проникновенія въ Испанію лучей знанія и свободы, продолжавшихъ между тѣмъ развиваться въ Европѣ.

По мѣрѣ того, какъ политическая и религіозная свобода въ Испаніи искоренялась, инквизиція находила для своей дѣятельности все больше простора. Начиная съ Карла I, жертвами ея становились испанскіе послѣдователи Лютерова ученія. Еретикамъ не давали пощады и Филиппъ II. Мрачное зарево костровъ инквизиціи, уничтожавшей всякое проявленіе независимой религіозной мысли, озаряло весь полуостровъ и фанатизировало народныя массы, все болѣе погружавшіяся въ нищету и невѣжество. Подвергались преслѣдованіямъ, самымъ жестокимъ и бессмысленнымъ, не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя народности. Насильственно обращенные въ христіанство мавры Гранады, т. наз. мориски, отличавшіеся трудолюбіемъ, раздражали испанцевъ своимъ благосостояніемъ и возбуждали въ духовенствѣ подозрѣніе въ своемъ правовѣріи. Нестерпимый гнетъ, которому подвергъ ихъ Филиппъ II, вызвалъ, наконецъ, среди нихъ отчаянное возстаніе, которое было подавлено въ потокахъ крови (1566) незаконнорожденнымъ братомъ короля—донъ Хуаномъ Австрійскимъ, прославившимся потомъ блестящей побѣдой надъ турками при Лепанто (1570).

Стараясь все нивелировать и подчинить своей абсолютной власти, Филиппъ II не терпѣлъ возлѣ себя независимыхъ и выдающихся дѣятелей. Самъ вникалъ онъ во всѣ мелочи государственнаго управленія и обходился безъ первыхъ министровъ. Его нельзя было упрекнуть въ недостатокѣ ума и трудолюбія, но онъ лишенъ былъ творческаго генія, который утилизировалъ бы силы народа для общаго блага и прогресса. Напротивъ, онъ какъ бы воплощалъ въ себѣ разрушительныя и темныя силы общества, и время его было началомъ глубокаго экономическаго, духовнаго и политическаго упадка Испаніи, который обнаружился со всею очевидностью при его бездарныхъ преемникахъ, въ теченіе XVII вѣка.

Грустное чувство испытываешь при изученіи исторіи испанскаго общества въ этотъ періодъ. Страна все болѣе нищала и въ матеріальномъ, и въ духовномъ смыслѣ; народъ погрузился какъ бы

въ продолжительный лстаргическій сонъ, и только безсмертныя творенія Сервантеса, Лопе де Вега и Кальдерона, служившія отголоскомъ былого величія и нѣсколько запоздалымъ выраженіемъ полного расцвѣта духовныхъ силъ испанскаго народа, свидѣтельствовали, что онъ еще не умеръ и таить въ себѣ силы для лучшаго будущаго...

Нѣтъ нужды останавливаться здѣсь на подробномъ изложеніи событій и явленій этого печальнаго періода, охватывающаго царствованія Филиппа II, Филиппа III, Филиппа IV и Карла II, съ которымъ угасла габсбургская династія въ Испаніи, чтобы убѣдиться въ фактѣ глубокаго внутренняго упадка и разложенія испанскаго общества какъ-разъ въ то время, когда Испанія, покоривъ Португалію съ колоніями, находилась на вершинѣ своего внѣшняго политическаго могущества.

Съ гордымъ презрѣніемъ относились тогда испанцы къ труду. Почти третья часть года заполнена была у нихъ праздниками. Изъ всѣхъ свѣтскихъ профессій общественнымъ почетомъ пользовалось только военное дѣло. Среди всеобщей нищеты больше всего благоденствовало духовенство, въ обладаніи котораго находилась почти четвертая часть всей испанской территоріи. Значительныя земельныя богатства, благодаря майоратамъ, сосредоточились въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій. Но крупныя земельныя собственники не производили никакихъ хозяйственныхъ улучшеній въ своихъ владѣніяхъ. Земля, вслѣдствіе этого, давала имъ самый ничтожный доходъ и не могла, несмотря на свое плодородіе, избавить населеніе отъ частыхъ голодовокъ и отъ необходимости покупать иностранный хлѣбъ. Городская промышленность и торговля подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ и находились не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ земледѣліе, особенно благодаря увеличенію до 140% чудовищнаго по своимъ послѣдствіямъ налога — „алькабалы“, установленнаго еще въ эпоху „реконкисты“ для военныхъ цѣлей и взимавшагося при каждой куплѣ-продажѣ.

Безчисленные и разнообразныя налоги разоряли народъ, не улучшая государственныхъ финансовъ. Управление ими было самое безалаберное и хищническое. Правительство не давало себѣ отчета

во взаимномъ отношеніи между доходами и расходами, дѣйствовало какъ бы въ потемкахъ и впадало въ неоплатные долги.

Съ каждымъ царствованіемъ источники народнаго благосостоянія изсякали, населеніе уменьшалось, наиболѣе трудолюбивые и зажиточные элементы его подвергались во имя религіи преслѣдованіямъ и при Филиппѣ III мориски безжалостно были изгнаны изъ страны (1609—1610). Доходы государственные, достигши въ половинѣ XVII в. колоссальной цифры 95 мил. дукатовъ, стали падать и всегда стояли гораздо ниже общей суммы ежегодныхъ расходовъ. Огромныя суммы тратились на войны, дипломатію и содержаніе двора. Масса денегъ изъ государственнаго казначейства расхищалась королевскими министрами (*validos*) и придворными. Займы, заключавшіеся подъ обезпеченіе государственныхъ доменовъ и доходовъ, продажа должностей и грамотъ на дворянство—таковы были чрезвычайныя средства, къ которымъ часто прибѣгало правительство для удовлетворенія своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ нуждъ, когда не хватало обычныхъ ресурсовъ казны.

Значительная часть обыкновенныхъ доходовъ шла на уплату процентовъ по государственному долгу, постоянно прогрессировавшему. Въ 1563 г. общая сумма долга составляла приблизительно отъ 25 до 30 милліоновъ дукатовъ, по которому ежегодно приходилось уплачивать болѣе 2 милл. процентовъ, а къ началу XVII в. сумма эта уже превышала 140 милл. Положеніе испанскихъ финансовъ становилось съ каждымъ царствованіемъ все отчаяннѣе и отчаяннѣе. Приблизительно черезъ каждыя двадцать лѣтъ короли объявляли государственное банкротство (1557, 1575, 1596, 1607, 1627 и 1647 гг.), пользуясь услугами богослововъ, охотно освобождавшихъ ихъ отъ принятыхъ долговыхъ обязательствъ, и разоряли своихъ кредиторовъ, изъ которыхъ главными были генуэзцы и знаменитый аугсбургскій банкирскій домъ Фугтеровъ. Упадокъ финансовъ отражался самымъ пагубнымъ образомъ на состояніи арміи и флота, на колоніальныхъ и международныхъ отношеніяхъ Испаніи. Золото и серебро, добывавшіеся въ богатыхъ рудникахъ Новаго Свѣта, ускользало изъ рукъ испанцевъ и доставалось иностранцамъ. Дѣло дошло до того, что въ 1700 г., когда

умеръ Карлъ II, въ казначействѣ не оказалось достаточно денегъ, чтобы покрыть издержки по устройству королевскихъ похоронъ!

Не вся, впрочемъ, Испанія находилась въ состояніи внутренняго упадка. Тѣ области, которыя, какъ Каталонія, Наварра и Баскскія провинціи, сохраняли еще старинныя вольности и фюэросы, обезпечивавшіе за ними широкое самоуправленіе, избѣжали общей участи разоренія и пользовались относительно высокою степенью благосостоянія. Но испанскіе правители находили такой порядокъ вещей ненормальнымъ, и министръ Филиппа IV, герцога Оливаресъ, стараясь повсемѣстно установить однообразные законы и учрежденія Кастиліи, посягнулъ на вольности Каталоніи. Это вызвало ожесточенное сопротивленіе каталонцевъ, которые возстали и провозгласили своимъ государемъ французскаго короля (1640). Послѣ 12-лѣтней войны съ Франціей Филиппу IV удалось возстановить свою власть надъ Каталоніей, но подъ условіемъ сохраненія ея фюэросовъ и уступки Франціи, по Пиренейскому миру (1653), Руссильона и Серданы.

Примѣру каталонцевъ послѣдовали и португальцы, также возставшіе противъ испанскаго владычества. Они провозгласили своимъ королемъ Іоанна Браганцкаго и въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ съ кастильцами отстаивали свою независимость.

Такимъ образомъ, Испанская монархія разлагалась. Еще въ 1579 г. отъ нея отдѣлились Нидерландскія провинціи, и всѣ попытки испанцевъ снова подчинить ихъ своей власти были неудачны. Политическая слабость Испаніи возбуждала аппетиты въ союзныхъ государствахъ, и когда приближалась смерть бездѣтнаго короля Карла II, возникъ щекотливый вопросъ о дѣлѣжъ испанскаго наслѣдства. На послѣднее предъявили притязанія французскій король Людовикъ XIV и германскій императоръ Леопольдъ I, основываясь на родствѣ съ династіей испанскихъ Габсбурговъ. Оба они были женаты на дочеряхъ Филиппа IV, отца Карла II: первый—на Маріи Терезіи, второй—на Маргаритѣ, хотя младшей, но не отрешившейся, какъ Марія Терезія, отъ правъ на испанское наслѣдство; первый хлопоталъ въ пользу внука своего—Филиппа Анжуйскаго, послѣдній—въ пользу второго сына своего—эрцгерцога Карла.

13 марта 1700 г. оба претендента тайно согласились между собой раздѣлить испанское наслѣдство. Вѣсть объ этомъ вызвала въ Мадридѣ общее негодованіе. Желая сохранить цѣлость своихъ владѣній, Карлъ II, подъ вліяніемъ французской партіи, составилъ завѣщаніе въ пользу Филиппа Анжуйскаго, ставшее извѣстнымъ послѣ смерти Карла II 1 ноября 1700 г. Въ началѣ слѣдующаго года новый король, Филиппъ V, прибылъ въ Испанію, и съ тѣхъ поръ ею стала править новая королевская династія—Бурбоновъ. Съ этимъ фактомъ, а особенно съ признаніемъ Людовикомъ XIV наслѣдственныхъ правъ на французскую корону за внукомъ своимъ, грозившимъ нарушить европейское равновѣсіе въ пользу Франціи, не могли примириться ни Австрія, ни Англія, ни другія державы. Возникла грандіозная общеевропейская борьба, извѣстная подъ названіемъ войны за испанское наслѣдство, затрогивавшая и политическіе, и коммерческіе интересы различныхъ націй и окончавшаяся для Испаніи (въ силу Утрехтскаго трактата 1713 г. и Раштадскаго—1714 г.) потерей Гибралтара и о-ва Минорки, доставшихся Англіи, утратой Бельгіи и итальянскихъ провинцій, доставшихся Австріи, и отреченіемъ Филиппа V отъ правъ на французскій престоль. Такимъ образомъ, испанское наслѣдство, перешедшее отъ Габсбурговъ къ Бурбонамъ, оказалось сильно урѣзаннымъ.

* *
* *

Раньше чѣмъ слѣдить за дальнѣйшей судьбой испанскаго общества и государства, посмотримъ, что происходило въ жизни Португальскаго королевства отъ конца XV до начала XVIII в.—Въ теченіе шестидесятилѣтняго періода (1580—1640) Португалія находилась подъ испанскимъ владычествомъ. Какъ до, такъ и послѣ этого общественно-политическое развитіе Португаліи, ея колоніальныя и международныя отношенія служили какъ бы повтореніемъ того, что происходило въ сосѣднемъ государствѣ. То же быстрое возвышеніе до степени первоклассной морской и колоніальной державы, то же усиленіе монархическаго абсолютизма до полного подавленія старинныхъ народныхъ вольностей, то же безграничное господство като-

лицизма надъ общественной и умственной жизнью народа наблюдаемъ одновременно и въ Испаніи, и въ Португаліи.

Іоаннъ II и Эммануилъ Счастливый (періодъ 1481—1521 гг.) придерживались въ Португаліи той же политики, какой слѣдовали въ Испаніи „католическіе короли“. Первый, подобно Фердинанду Католику, соединилъ съ королевскимъ титуломъ званіе великаго магистра мѣстныхъ духовно-рыцарскихъ орденовъ Христа, Ависа и св. Іакова, въ кортесахъ, создавшихъ въ г. Эворѣ, лишилъ дворянство важныхъ правъ и привилегій, какъ, напр., правъ присуждать своихъ вассаловъ къ смертной казни, непокорныхъ дворянъ, какъ, напр., герцога Визеу и др., собственноручно убивалъ и вообще поставилъ королевскую власть на небывалую дотолѣ высоту. Преемникъ его Эммануилъ привелъ города въ такую же отъ себя зависимость, въ какую уже поставлено было дворянство, ни разу не созывалъ кортесовъ и объединилъ португальскіе законы въ кодексъ, получившій его имя.

Время Эммануила считается золотымъ вѣкомъ Португальской исторіи. При немъ португальское мореплаваніе и колоніальное могущество достигли высшаго развитія. Въ началѣ XVI в. Альбукерке овладѣлъ Гоа и всѣмъ Малабарскимъ побережьемъ Индостана; вскорѣ португальцамъ подчинились Молуккскіе и Зондскіе острова и полуостровъ Малакка; потомъ проникли они и въ Китай, и въ Японію. Въ теченіе полувѣка они основали факторіи на пространствѣ 15 градусовъ, отъ острова Мадейры до Японіи. Во время второй экспедиціи Васко да Гама основалъ факторіи на восточномъ побережьи Африки. Около того же времени Кабраль открылъ берега Бразиліи, гдѣ тоже возникли португальскія факторіи. Наконецъ, въ 1520 г. португальскій мореплаватель Магелланъ, находившійся на испанской службѣ, обогнулъ южную Америку черезъ проливъ, получившій его имя.

Тотъ отважный и предприимчивый духъ, который отличалъ португальцевъ, какъ и испанцевъ, въ борьбѣ съ маврами, теперь, по окончаніи „реконкисты“, увлекалъ ихъ въ невѣдомыя раньше страны и сдѣлалъ ихъ повелителями морей.

Неисчислимыя богатства стали стекаться въ Португалію изъ

ея обширныхъ колоній, расположенныхъ въ трехъ частяхъ свѣта. Вся система колоніальнаго управленія была построена такъ, чтобы обезпечить за метрополіей исключительное обладаніе всѣми сокровищами подвластныхъ ей земель. Всѣ товары Остѣ-Индіи должны были доставляться на португальскихъ корабляхъ въ Лиссабонъ и уже оттуда могли распродаваться иностраннымъ купцамъ. Всѣ колоніи были раздѣлены на 4 вице-королевства или губернаторства: 1-е, включавшее въ себя Индію, простиралось отъ мыса Гвардафуя до острова Цейлона; 2-е, охватывавшее берега Африки, называлось вице-королевствомъ Мономотапа; 3-е заключало въ себѣ Малакку и земли до Китая и, наконецъ, 4-е—Бразилію. Но правители колоній, назначавшіеся королемъ на короткій срокъ, стремились къ наживѣ и позволяли себѣ по отношенію къ туземцамъ всякаго рода вымогательства. Администрація колоній и военная охрана ихъ обходились правительству очень дорого и поглощали значительную часть получавшихся оттуда доходовъ.

Лиссабонъ, какъ средоточіе міровой торговли, сдѣлался однимъ изъ самыхъ многочисленныхъ и богатыхъ городовъ Европы. Его оживленію и благосостоянію много способствовали евреи и мавры, изгнанные изъ Іспаніи и нашедшіе себѣ пріютъ въ Португаліи, пока и Эммануиль Счастливый не подвергъ ихъ преслѣдованію. При его преемникѣ, Іоаннѣ III (1521—1557), въ Португалію и ея колоніи проникли іезуиты. Въ качествѣ миссіонеровъ, они распространяли христіанство среди покоренныхъ языческихъ народовъ и составляли весьма цѣнные труды по этнографіи и языку ихъ. Изъ іезуитовъ тогда особенно прославился своими подвигами соотечественникъ и сотрудникъ Лойолы—Францискъ Ксавье. Основавъ коллегію въ Коимбрѣ, іезуиты мало-по-малу захватили въ свои руки все дѣло воспитанія и подчинили своему вліянію короля и высшіе классы общества. Вскорѣ въ Португаліи и ея колоніяхъ начала свою истребительную дѣятельность инквизиція.

Другимъ бичемъ португальскаго народа было невольничество, оказавшее въ высшей степени пагубное вліяніе на его экономическое положеніе. Въ половинѣ XVI в. привозилось въ Португалію изъ Судана до 12,000 невольниковъ, на которыхъ возла-

гались всё полевые и домашніе работы. Португальцы мало извлекли выгодъ изъ своихъ колоній: площадь невоздѣланныхъ земель увеличивалась, занятіе земледѣліемъ становилось все менѣе привлекательнымъ, всё старались разбогатѣть болѣе легкимъ способомъ. «Завоеванія въ Индіи, говоритъ одинъ историкъ, не доставили намъ ни полей для посѣвовъ, ни луговъ для скота».

Переходъ отъ высшаго могущества къ полному упадку совершился въ Португаліи чрезвычайно быстро. Въ 1557 г. Іоанну III наследовалъ его малолѣтній внукъ Себастьянъ; государствомъ правили мать его Катерина и дядя его, кардиналъ Генрихъ, находившіеся подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ. Подъ тѣмъ же вліяніемъ росъ и король. По достиженіи совершеннолѣтія онъ предпринялъ крестовый походъ противъ африканскихъ мавровъ. Камоэнсъ предсказывалъ ему блестящую побѣду. Но въ битвѣ при Алькасарквивирѣ въ 1578 г. король потерпѣлъ пораженіе и погибъ. Этого позора не пережилъ величайшій поэтъ Португаліи: смерть его совпала съ началомъ несчастій его родины. Королемъ сдѣлался дядя Себастьяна, Генрихъ, но ненадолго: въ 1580 г. онъ умеръ. Ависская королевская династія прекратилась. Претендентами на престолъ явились два дальнихъ родственника португальскаго короля—Антоніу, пріоръ Мальтійскаго ордена въ Крато, и Филиппъ II, король испанскій. Сочувствіе народа было на сторонѣ перваго; духовенство и дворянство, путемъ интригъ и подкуповъ, было расположено въ пользу Филиппа II. Противъ своего соперника онъ выслалъ 22-тысячное войско подъ начальствомъ герцога Альбы, который и нанесъ пріору Антоніу пораженіе въ битвѣ возлѣ Алкантары, послѣ чего испанцы завладѣли Лиссабономъ, а кортесы, созванные въ 1581 г. въ Томарѣ, признали Филиппа II своимъ королемъ, потребовавши отъ него обѣщанія соблюдать права португальскаго народа. Обѣщаніе это, какъ уже извѣстно, не соблюдалось ни Филиппомъ, ни его преемниками. Испанское правительство дѣлало все, чтобы убить жизненную энергію подвластной націи и сдѣлать для нея невозможнымъ стремленіе къ прежней независимости. Въ своемъ паденіи, экономическомъ и политическомъ, Испанія увлекла и Португалію. Морскія и сухопутныя силы послѣдней раз-

дѣлили печальную участь испанскихъ; государственные домены отчуждались, народъ обременялся непосильными налогами, много португальцевъ было казнено или заключено въ тюрьму. Но всему есть мѣра. Когда въ 1634 г. министръ Филиппа IV, герцога Оливаресъ, потребовалъ у португальскихъ кортесовъ субсидію въ размѣрѣ 50,000 золотыхъ крусадъ, ему въ этомъ было отказано. Несмотря на отказъ, онъ предписалъ, на основаніи королевскаго эдикта, взиманіе этого налога въ 1637 г. Такой поступокъ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія португальцевъ. Среди нихъ началось революціонное движеніе, завершившееся въ 1640 г. отпаденіемъ ихъ отъ Испаніи и провозглашеніемъ Іоанна, герцога Браганцскаго, королемъ Португаліи. Разумѣется, Испанія не желала примириться съ фактомъ потери Португаліи и въ теченіе дѣлаго ряда лѣтъ (до 1668 г.) вела съ нею борьбу, оказавшуюся безуспѣшной.

Ослабленная и униженная вернулась Португалія къ своему прежнему независимому политическому существованію. Ея колониальное могущество было подорвано конкуренціей съ голландцами, французами и англичанами, захватившими въ свои руки міровую торговлю. Какъ и Испанія, Португалія находилась подъ нестерпимымъ гнетомъ духовенства; при Іоаннѣ IV, тщетно старавшемся ограничить клерикальное вліяніе, и при ничтожномъ Альфонсѣ VI (1683) Португалія нищала и становилась въ тяжелую экономическую зависимость отъ иностранцевъ, главнымъ образомъ, англичанъ, съ которыми въ 1703 г. Педро II заключилъ договоръ (т. н. „трактатъ сэра Метуэна“), отдававшій торговлю португальцевъ въ руки англичанъ.

Стараясь отомстить своимъ заклятымъ врагамъ, испанцамъ, за недавнія униженія, Португалія вмѣшалась въ войну за испанское наслѣдство, въ качествѣ союзницы Англіи, но не только не извлекала изъ нея никакихъ выгодъ, но даже потеряла крѣпость Сеуту, доставшуюся Испаніи взамѣнъ Гибралтара, и еще болѣе подчинилась экономическому вліянію Англіи.

Г Л А В А IV.

Испанія и Португалія въ XVIII и XIX в.в.

I. Испанія.

Говорятъ, что Людовикъ XIV, отправляя въ Испанію своего внука Филиппа Анжуйскаго, далъ ему такое наставленіе: „Отнынѣ вы должны быть добрымъ испанцемъ, но не забывать, что вы по рожденію французъ. Отнынѣ не будетъ больше Пиренеевъ“. И дѣйствительно, со времени вступленія на испанскій престолъ французской династіи Бурбоновъ въ лицѣ Филиппа V начали мало-по-малу разрушаться искусственныя преграды, отдѣлявшія Испанію отъ цивилизованнаго міра, такія, напр., какъ законъ Филиппа II, запрещающій испанцамъ воспитывать своихъ сыновей за границей. Число европейски образованныхъ лицъ послѣ этого стало замѣтно увеличиваться; идеи просвѣщенія стали находить въ Испаніи все больше и больше сторонниковъ; въ то же время вводились важныя общественныя реформы, и дѣло народнаго просвѣщенія ускользало изъ рукъ духовенства. Но на первыхъ же порахъ внуку Людовика XIV, привыкшему во Франціи къ началамъ строгой государственной централизаціи, пришлось столкнуться съ противоположнымъ принципомъ мѣстной автономіи и феодальности, которые удержали отъ среднихъ вѣковъ Каталонія, Наварра, Баскскія провинціи и отчасти Арагонъ. Во время войны за испанское наслѣдство только Кастилія признала королемъ Филиппа Анжуйскаго. Каталонія и восточныя части Испанской монархіи энергически поддерживали права его соперника — Карла, эрцгерцога австрійскаго. Послѣ заключенія мира между Франціей и Австріей въ 1714 г. австрійскія войска, съ которыми заодно дѣйствовали каталонцы, оставили Каталонію, а на мѣсто ихъ явился уполномоченный отъ Филиппа, маршалъ Бервикъ, и потребовалъ отъ населенія изъясленія покорности и принятія кастильской конституціи. Требованіе это было отвергнуто. Покинутые союзниками, каталонцы отчаянно сопротивлялись превосходнымъ силамъ французско-кастильской арміи.

Барселона въ теченіе почти цѣлаго года мужественно выдерживала осаду, пока, наконецъ, не была взята приступомъ 11 сентября 1714 г. Не желая подчиняться игу ненавистныхъ кастильцевъ, жители сами поджигали свои дома и бросались въ пламя. Когда важнѣйшіе города восточно-испанскихъ областей были взяты, а вожди возстанія погибли на эшафотахъ, продолжать борьбу было невозможно. Каталонія, вмѣстѣ съ Арагономъ и Валенсіей, окончательно утратила свои свободныя учрежденія. Декретомъ 16 января 1716 г. каталонская депутація кортесовъ была уничтожена; въ города вводились назначенные короной правители и судьи, и кортесы съ тѣхъ поръ уже больше не созывались. Такимъ образомъ, Филиппъ V завершилъ дѣло Карла IV и Филиппа II, уничтожившихъ вольности Кастиліи и Арагона, но не рѣшавшихся посягнуть на каталонскіе фюэросы изъ опасенія отчаяннаго сопротивленія со стороны Каталоніи, которую всегда готова была поддержать Франція. Только Наварра и Баскскія провинціи, оставшіеся вѣрными Филиппу V, сохранили свои фюэросы.

Желая упрочить испанскій престолъ за своей династіей, онъ издалъ такъ наз. Салическій законъ, исключавшій женщинъ изъ престолонаслѣдія и стоявшій въ противорѣчіи съ традиціями и законами Кастиліи.

Вступивъ во второй бракъ съ итальянкой Изабеллой Фарнезе, онъ подчинился ея вліянію и назначилъ первымъ министромъ аббата Альберони. Вмѣстѣ съ нимъ онъ сталъ работать надъ возвращеніемъ Испаніи итальянскихъ провинцій, утраченныхъ по Утрехтскому трактату, но потерпѣлъ неудачу и далъ отставку своему министру. И самъ онъ, страдая меланхоліей, скоро отрекся отъ престола въ пользу сына своего Луиса I (1723), но не надолго: черезъ 8 мѣсяцевъ сынъ его умеръ, и онъ снова вернулся къ власти.

Международное положеніе Испаніи въ это время было далеко незавиднымъ. Соперничество съ Австріей, недавнимъ врагомъ, продолжалось и послѣ войны за испанское наслѣдство. Мысль о возвращеніи отъ Англіи Гибралтара никогда не покидала Филиппа V, и онъ придумывалъ различныя политическія комбинаціи, чтобы осуществить ее. Онъ задумалъ возвести на англійскій престолъ Іакова III

Стюарта, надѣясь получить отъ него Гибралтаръ, какъ плату за услугу.

Осуществить же эту задачу онъ рассчитывалъ при помощи Россіи, которая при Петрѣ Вел. впервые вступила въ дипломатическія сношенія съ Испаніей, если не считать случайнаго посольства въ Испанію стольника Потемкина при Алексѣѣ Михайловичѣ. Предполагая возможность установленія торговыхъ сношеній съ Испаніей, Петръ I отправилъ консуломъ въ Кадиксъ князя Щербатова. Кромѣ того, нѣсколько позже (въ 1723 г.), уже въ качествѣ легационскаго рата, онъ послалъ въ Мадридъ князя Сергѣя Голицына, котораго замѣтилъ, послѣ смерти Петра I, князь Щербатовъ съ титуломъ коммерціи-совѣтника (въ 1726 г.). Вскорѣ послѣ этого и Испанія получила своего представителя при рускомъ дворѣ въ лицѣ герцога Лирійскаго, сына маршала Бервика и побочнаго внука короля англійскаго Іоанна II. Назначая герцога Лирійскаго своимъ представителемъ въ Россіи, Филиппъ V былъ увѣренъ, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, сумѣетъ привлечь Россію на сторону тогдашняго претендента на англійскій престолъ, Іакова III Стюарта, приходившагося ему дядей, и склонить ее къ заключенію союза съ Испаніей.

Но дипломатическая дѣятельность герцога Лирійскаго не увѣнчалась успѣхомъ по многимъ причинамъ, изъ которыхъ соперничество съ Австріей играло не послѣднюю роль. Испаніи не удалось пріобрѣсти въ лицѣ Россіи союзницу и возратить, при ея косвенномъ содѣйствіи, Гибралтаръ. Единственный положительный результатъ этой миссіи—интересный дневникъ герцога о его пребываніи въ Россіи (1727—1730).

Заговоривъ о международныхъ отношеніяхъ Испаніи со времени воцаренія Бурбоновъ, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь нѣкотораго сходства во внутреннемъ положеніи двухъ народовъ XVIII в., жившихъ на противоположныхъ концахъ Европы и остававшихся почти неизвѣстными другъ другу. Какъ Россія при Петрѣ Великомъ, такъ Испанія при первыхъ Бурбонахъ вступила на путь преобразованій и культурныхъ заимствованій у Европы. Обѣ страны въ силу различныхъ причинъ, одна раньше, другая позже, отстали въ своемъ

розвитіи отъ прочихъ государствъ зап. Європы, и число європейски-образованныхъ людей въ XVII и въ началѣ XVIII в. было незначительно и здѣсь, и тамъ. Государственныя потребности, самыя насущныя, не могли быть удовлетворены, вслѣдствіе бѣдности и невѣжества населенія сравниваемыхъ странъ и вслѣдствіе соотвѣтственнаго недостатка государственныхъ ресурсовъ. Слабыя стороны общественной и финансовой организаціи обоихъ государствъ были вскрыты военными столкновеніями Іспаніи и Россіи съ болѣе цивилизованными народами въ теченіе XVIII в. Чувство самосохраненія заставляло правительства обѣихъ странъ учиться у сосѣдей, заботиться о подъемѣ культурнаго уровня своихъ подданныхъ, и для осуществленія необходимыхъ для этого военныхъ, финансовыхъ и административныхъ реформъ обращаться за содѣйствіемъ, по большей части, къ иностранцамъ, а для развитія земледѣлія и ремеселъ выписывать изъ за границы колонистовъ и мастеровъ.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ піонерамъ європейскаго просвѣщенія приходилось вести упорную борьбу съ народными массами, относившимися враждебно ко всякаго рода новшествамъ и находившимися подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства, ревниво оберегавшаго древнее благочестіе отъ иноземныхъ вѣяній.

Филиппъ V старался ограничить права и льготы самаго могущественнаго въ Іспаніи сословія—духовенства. Онъ даже помышлялъ объ уничтоженіи инквизиціи, но скоро понялъ, что время для этого еще не наступило. Заботясь о развитіи свѣтскаго образованія въ обществѣ, онъ основалъ въ Мадридѣ королевскую бібліотеку (потомъ получившую названіе національной), академію исторіи, медицины и т. д.

Сынъ его—Фердинандъ VI (1746—1759), придерживаясь мирной политики, далъ возможность странѣ оправиться нѣсколько отъ бѣдствій и ударовъ предшествующаго времени, и самъ содѣйствовалъ подъему ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ заботливымъ отношеніемъ къ интересамъ земледѣлія, промышленности, торговли и просвѣщенія. Давно уже государственныя финансы не находились въ такомъ сравнительно удовлетворительномъ состояніи, какъ въ это царствованіе, благодаря расчетливости и бережливости короля.

Подобно отцу, онъ старался ограничить сферу вліянія духовенства и обуздать дѣятельность инквизиціи, но, несмотря на это, она продолжала свирѣпствовать, и одной изъ ея жертвъ въ то время сдѣлался ученый бенедиктинецъ Фейхоо.

Фердинанду VI наслѣдовалъ братъ его, Карлъ III, бывшій до того времени королемъ неаполитанскимъ. Находясь подъ вліяніемъ идей французской литературы XVIII в. и своего министра Тануччи, онъ предпринялъ въ Неаполѣ цѣлый рядъ благотѣльныхъ реформъ, доставившихъ ему большую популярность.

Сдѣлавшись испанскимъ королемъ, онъ вступилъ на путь широкихъ общественныхъ преобразованій во вкусѣ просвѣщенія XVIII в., съ блескомъ продолжая начатое его предшественниками дѣло обновленіе экономической и духовной жизни народа. Возрожденію его много содѣйствовали талантливые и широко образованные министры Карла III—Аранда, Флоридабланка, Кампоманесъ и др. Первый изъ нихъ, горячій поклонникъ Вольтера, добился отъ короля указа объ изгнаніи изъ Испаніи всѣхъ іезуитовъ (1767), съ угрозой смертной казни тѣмъ, кто рѣшился бы вступить въ ихъ защиту. Онъ пытался также уничтожить инквизицію, но добился только исключенія изъ ея компетенціи дѣлъ, касавшихся мірянъ, и сильнаго ограниченія инквизиціонныхъ процессовъ. Если въ періодъ отъ 1746 до 1781 г. погибло на кострахъ 14 человекъ, то послѣ 1781 г. уже не было случая казни еретиковъ. Свобода мысли и слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, становилась мало по малу достояніемъ испанскаго общества.

Флоридабланка, такой же противникъ клерикализма, какъ и графъ Аранда, сосредоточилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на вопросахъ внутренняго благоустройства королевства, на улучшеніи путей сообщенія, на охранѣ безопасности населенія, на освобожденіи торговли отъ ненужныхъ стѣсненій и т. д. По словамъ русскаго посланника въ Мадридѣ, Зиновьева, прожившаго въ Мадридѣ 20 лѣтъ (1774—1794), онъ только и думалъ, что о полезныхъ учрежденіяхъ для процвѣтанія Испаніи да объ освобожденіи ея торговли отъ вѣчнаго гнета. Но еще болѣе замѣчательнымъ министромъ Карла III былъ графъ Кампоманесъ, являвшійся самымъ

крупнымъ и самостоятельнымъ представителемъ школы физиократовъ въ Испаніи.

Плодотворная дѣятельность Кампоманеса, направленная къ экономическому развитію страны, во многихъ отношеніяхъ сближаетъ его съ современнымъ ему французскимъ министромъ—Тюрго. Усилія сотрудниковъ Карла III увѣнчались должнымъ успѣхомъ. Въ области администраціи, суда, народнаго хозяйства и просвѣщенія произведены были многія важныя преобразованія; осуществленіе ихъ сдѣлалось возможнымъ, благодаря разумному финансовому управленію, развивавшемуся при первыхъ испанскихъ Бурбонахъ. Удивительная вещь! Съ тѣхъ поръ, какъ Испанія потеряла Нидерланды и итальянскія владѣнія, въ ея финансахъ произошли замѣтныя улучшения: дефицитъ исчезъ и въ государственномъ казначействѣ оказывались даже значительныя сбереженія. Сокращеніе владѣній, очевидно, избавило Испанію отъ непосильныхъ расходовъ и дорого стоящихъ войнъ. Правительство не только не вводило новыхъ налоговъ, но даже отмѣнило рядъ прежнихъ, особенно тягостныхъ.

Торговля хлѣбомъ была признана свободной. Земледѣльческая культура охватила обширные районы неводѣланныхъ земель, какъ, напр., Сьерры Морены, гдѣ устроены были поселенія голландскихъ и фламандскихъ колонистовъ. Изданы были законы противъ нищенства и бродяжничества. Запрещено было ношеніе оружія въ городахъ. Улицы предписано было мостить и освѣщать фонарями, устраивались водопроводы, воздвигались великолѣпныя общественныя зданія и т. д. Производительность страны дѣлала все новые успѣхи; число населенія возросло на 4 милліона, увеличивались и торговые обороты, причемъ размѣры вывоза испанскихъ товаровъ стали превышать размѣры иностраннаго ввоза. Доходы государства увеличились втрое. Армія и флотъ представляли тогда серьезную силу и въ количественномъ, и въ качественномъ смыслѣ. Но всѣ улучшенія и реформы производились, главнымъ образомъ, при содѣйствіи иностранцевъ. Даровитая испанская нація еще продолжала испытывать вліяніе невѣжественнаго духовенства и неспособна была сразу понять и поддержать правительство и его благія начинанія. Необходимо было распространить свѣтское образованіе во

всѣхъ слояхъ общества, и правительство не жалѣло средствъ для основанія многочисленныхъ элементарныхъ и профессиональныхъ школъ, коллегій, военныхъ училищъ, семинарій и академій. Улучшено было и университетское преподаваніе. „Воспитаніе юношества есть самая важная вѣтвь государственнаго управленія“ — такъ формулировалъ Карль III въ 1771 г. задачу своей внутренней правительственной дѣятельности. Заботясь о матеріальныхъ интересахъ народа, Кампоманесь учредилъ цѣлый рядъ экономическихъ обществъ, сдѣлавшихся скоро настолько популярными, что въ составъ ихъ вступали и многія представительницы испанской аристократіи. Вопросы политической экономіи сдѣлались излюбленными темами бесѣдъ въ модныхъ салонахъ Мадрида. Очевидно, общество спохватилось и усиленно стало заниматься тѣми сторонами народной жизни, которыя такъ долго находились въ полномъ пренебреженіи! Въ то же время развивался интересъ къ изученію отечественной старины, и стали издавать весьма цѣнные матеріалы и труды по испанской исторіи.

Во внѣшней политикѣ Карль III придерживался союза съ Франціей и въ 1761 г. подписалъ т. наз. „фамилійный договоръ“, по которому Бурбоны Франціи, Испаніи и Италіи заключили между собой оборонительную и наступательную лигу. Испанія послѣ этого, оставивъ систему нейтралитета, вела неудачную войну съ Англіей и Португаліей и по Парижскому миру 1763 г. уступила Англіи Флориду и земли на востокъ и юго-востокъ отъ Миссисиппи. Во время войны Англіи съ сѣверо-американскими колоніями Испанія съ Франціей поддерживала американцевъ и по Версальскому миру (1783 г.) получила обратно Флориду и островъ Минорку.

Эпоха Карла III, несомнѣнно, одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи Испаніи. Народъ достигъ тогда значительныхъ успѣховъ на поприщѣ экономическаго и умственнаго развитія. Наука въ лицѣ историка Масдеу, экономиста Кампоманеса и др., искусство въ лицѣ живописца Гойа и т. д. пріобрѣли себѣ достойныхъ представителей. Но за каждый успѣхъ испанцы должны были дорого расплачиваться. Преобразованія и нововведенія Карла III уже сами по себѣ требовали огромныхъ денежныхъ тратъ, а затѣянные имъ

войны окончательно нарушили рѣдкое въ исторіи Испаніи равновѣсіе въ финансахъ. Государство снова впало въ долги, которые не только не уменьшались, но вслѣдствіе виѣшнихъ войнъ и внутреннихъ смуть XIX в. постоянно возрастали.

Не успѣли еще идеи просвѣщенія XVIII в. укорениться въ сознаніи общества, не успѣли еще испанцы почувствовать благодѣянія произведенныхъ реформъ, какъ со смертію Карла III (1788) въ короткое время общество окутало непроглядный мракъ реакціи.

* * *

На престолъ вступилъ Карлъ IV, одна изъ бездарнѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ личностей, которыхъ когда-либо видѣла Испанія. Правленіе перешло въ руки презрѣнной „камарильи“, состоявшей изъ королевы Маріи Луизы, чувственной интриганки, безраздѣльно господствовавшей надъ своимъ безхарактернымъ мужемъ, изъ духовника короля и изъ любовника королевы—принца Годоя. Невѣжественный честолюбецъ, онъ, благодаря Маріи Луизѣ, изъ положенія гвардейскаго офицера возвысился до высшихъ государственныхъ почестей и сдѣлался первымъ министромъ Испаніи.

Духовенство снова подняло голову; инквизиція возобновила свою дѣятельность; сотрудники Карла III, какъ Флоридабланка, Аранда, Ховельяносъ, Кабаррусъ, подверглись изгнанію или тюремному заключенію; свобода изслѣдованія исчезла; занятія философіей были запрещены. „Его Величество, говорили тогда, нуждается не въ философахъ, а въ хорошихъ и послушныхъ подданныхъ“. Въ-мѣсто преподаванія философіи учреждались каѳедры „тавромахіи“; вмѣсто школъ основывались новые монастыри. Грозный призракъ разразившейся тогда во Франціи революціи стоялъ у всѣхъ передъ глазами. Эмигранты французскіе поддерживали въ испанскомъ обществѣ духъ реакціи, и въ 1793 г. между монархической Испаніей и республиканскою Франціей возникла война. Испанцы понесли рядъ тяжкихъ пораженій и съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія войны. Наконецъ, 22 іюля 1795 г. въ Базелѣ заключенъ былъ миръ, по которому Испанія должна была уступить Франціи свою часть острова С. Доминго. Въ награду за это Годой получилъ тогда пышный титулъ „князя мира“! Вскорѣ послѣ этого онъ заключилъ

съ Франціей оборонительный и наступательный союзъ (въ S. Ildefonso), связывавшій два сосѣднія государства еще болѣе тѣснымъ образомъ, чѣмъ пресловутый „семейный договоръ Бурбоновъ“. На этотъ шагъ Англія отвѣчала открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Испаніи. Началась война съ Англіей, приведшая къ гибели испанскаго флота въ морскомъ сраженіи возлѣ мыса Трафальгара (20 окт. 1805 г.).

Для Испаніи тогда наступила пора тяжелыхъ испытаній и всевозможныхъ униженій. Наполеонъ, уже сдѣлавшійся императоромъ Франціи, склонилъ Годоя къ заключенію новаго договора съ нею, въ Фонтенбло (въ октябрѣ 1807 г.), о раздѣлѣ Португаліи. Безсиліе и покорность испанскаго правительства дали новую пищу честолюбивымъ замысламъ Наполеона. Онъ задумалъ захватить въ свои руки и Испанію. Осуществленію этого плана помогли раздоры, происходившіе при Мадридскомъ дворѣ. Тамъ боролись двѣ партіи. Во главѣ одной изъ нихъ стояли королева и Годой, во главѣ другой, расположенной въ пользу Англіи,—наслѣдникъ престола, Фердинандъ, и жена его, Марія-Антуанетта. Со смертію Маріи-Антуанетты (1806 г.) отношенія партій измѣнились: Фердинандъ задумалъ вступить въ бракъ съ французской принцессой и сталъ искать сближенія съ Наполеономъ, тогда какъ Годой сталъ склоняться на сторону враговъ Франціи. Симпатіи массы были на сторонѣ Фердинанда, котораго изъ ненависти къ Годой народъ желалъ видѣть на престолѣ. Анонимное извѣстіе о какихъ-то замыслахъ наслѣдника противъ Карла побудило послѣдняго дать приказъ объ его арестѣ (20 октября 1807 г.) и преданіи суду. Карлъ намѣренъ былъ лишить его трона въ пользу другого сына, Карлоса, но предварительно счелъ нужнымъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе Наполеона. Это послужило предлогомъ къ французскому вмѣшательству въ испанскія дѣла, хотя велѣдъ затѣмъ и состоялось примиреніе между Карломъ и Фердинандомъ. Приближеніе къ Мадриду французской арміи, которую Годой передъ тѣмъ позволялъ ввести въ Португалію, и вѣсть о намѣреніи Карла IV бѣжать въ Мексику вызвали народный бунтъ въ Аранхуэсѣ, послѣдствіемъ котораго было паденіе Годоя, отреченіе Карла отъ престола и про-

возглашеніе королемъ Фердинанда (18 марта 1808 г.). Однако черезъ нѣсколько дней Карлъ спохватился: подъ давленіемъ французскаго генерала Мюрата, онъ объявилъ свое отреченіе вынужденнымъ и обратился съ жалобой на сына къ Наполеону. Послѣдній поспѣшилъ принять на себя роль третейскаго судьи, съумѣлъ завлечь къ себѣ въ Байонну и сына, и отца, склонилъ Фердинанда возвратить корону Карлу, а послѣдній отрекся отъ нея въ пользу Наполеона, причемъ эта сдѣлка была облечена въ форму договора, подписаннаго Годоемъ. Такъ разыгрался въ Байоннѣ небывалый еще политическій фарсъ! Въ довершеніе всего Наполеонъ объявилъ испанскимъ королемъ брата своего Іосифа...

* *
*

За фарсомъ слѣдовала героическая эпопея. Европа, трепетавшая передъ всемогуществомъ непобѣдимаго Наполеона, вдругъ сдѣлалась свидѣтельницей удивительныхъ событій. Покинутая своими королями на произволъ судьбы, испанская нація, какъ одинъ человѣкъ, поднялась противъ иноземнаго владычества и представила Наполеону такую задачу, передъ разрѣшеніемъ которой долженъ былъ отступить его геній. Подобно Людовику XIV, онъ надѣялся преодолѣть естественныя преграды, отдѣлявшія Іспанію отъ Франціи, и включить ее въ составъ своей имперіи. Онъ думалъ передѣлать заново обветшалый строй Испанской монархіи и облагодѣтельствовать несчастный народъ разумнымъ управленіемъ и реформами. Но испанцы, за исключеніемъ небольшой группы дѣятелей, проникнутыхъ уваженіемъ къ французской цивилизаціи, отказались принять благодѣянія изъ рукъ побѣдителя и предпочитали смерть ненавистному игу.

Незабвенный для испанскихъ патріотовъ день 2 мая 1808 г. открываетъ длинный рядъ подвиговъ безпримѣрнаго мужества и самоотверженія, выказанныхъ славными защитниками національной независимости Іспаніи противъ наполеоновскихъ войскъ. Вступивъ туда подъ предлогомъ похода въ Португалію, они овладѣли важными укрѣпленными пунктами Іспаніи и своимъ высокомѣрнымъ поведеніемъ возбуждали противъ себя народную ненависть. Мюратъ,

расположившійся со своими отрядами въ Мадридѣ, ежедневными смотрами раздражалъ населеніе. Тревожныя извѣстія изъ Байонны усиливали смятеніе. Гроза разразилась, когда Мюратъ противъ желанія правительственной хунты, управлявшей государствомъ по случаю отсутствія короля, готовился выслать въ Байонну оставшихся еще въ Мадридѣ членовъ королевскаго семейства. 1 мая, когда Мюратъ проходилъ, во главѣ войска, черезъ Пуэрта дель Соль, главную площадь Мадрида, толпа встрѣтила его свистками. На разсвѣтъ слѣдующаго дня народъ устремился къ королевскому дворцу, гдѣ у подъѣзда уже были приготовлены три кареты, въ которыхъ должны были отправиться во Францію инфанты подъ конвоемъ. „Пусть не увозятъ ихъ!“ закричала одна женщина, и то же повторили сотни голосовъ изъ толпы, бросившейся тутъ же распрягать лошадей и твердо рѣшившейся воспрепятствовать увозу инфантовъ, которые были дороги народу, какъ представители его національной независимости. Въ это время раздался ружейный залпъ французскаго батальона, посланнаго Мюратомъ для обузданія толпы, и площадь мгновенно обагрилась потокомъ крови убитыхъ и раненыхъ. Жажда мщенія охватила тогда сердца мадридскихъ жителей. — *Viva Fernando VII! Viva España! Guerra à los traidores!* — Да здравствуетъ Фердинандъ VII! Да здравствуетъ Испанія! Война измѣнникамъ! — Такъ восклицала безоружная толпа, готовясь вступить въ борьбу съ французами не на жизнь, а на смерть. Уличный шумъ и смятеніе услышалъ изъ своей мастерской артиллерійскій капитанъ Педро Веларде и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ: „Надо умереть за родину!“ Соединившись съ другимъ капитаномъ, Луисомъ Даоисъ, и имѣя въ своемъ распоряженіи артиллерійскій паркъ и небольшую группу обывателей, онъ быстро организовалъ сопротивление колоннѣ генерала Лефранка. Завязался отчаянный бой. Герои, одинъ за другимъ, падали мертвыми; женщины замѣняли мужчинъ возлѣ орудій, но превосходныя силы непріятеля одержали верхъ. Возмущеніе было подавлено и, чтобы успокоить народъ, Мюратъ объявлялъ амнистію. Но слова своего онъ не сдержалъ. На слѣдующій день онъ объявилъ осадное положеніе и предписалъ разстрѣливать всѣхъ, у кого въ рукахъ окажется оружіе, кто прим-

кнеть къ группѣ, состоящей болѣе чѣмъ изъ шести человѣкъ, сжигать селенія, гдѣ окажется убитымъ. хотъ одинъ французъ. На основаніи этой прокламаціи солдаты его дали волю своей мстительности и безжалостно убивали каждаго испанца, заподозрѣннаго въ ношеніи оружія.

Не было уголка въ Испаніи, куда не проникли бы отголоски Мадридской бойни 2 мая, гдѣ народъ не испытывалъ бы страстнаго желанія отмстить французамъ. Событіе 2 мая послужило сигналомъ къ народной войнѣ. Астурійскіе горцы первые подали примѣръ организаціи національной обороны. Въ Овьедо, гдѣ засѣдала генеральная хунта астурійскихъ депутатовъ, загудѣлъ набатъ, призывавшій окрестныхъ крестьянъ къ оружію. Маленькая область, съ населеніемъ около 348 тысячъ, выставила 18 тысячъ войска и объявила войну Наполеону. За Астуріей послѣдовали Галисія, Леонъ, Андалузія, Валенсія и т. д. Вездѣ происходило вооруженіе, въ которомъ принимали участіе старые и молодые, знатные и незнатные, монахи и женщины; словомъ, подымался весь народъ. Французамъ не давали пощады.

Наполеоновскіе отряды, дотолѣ считавшіеся непобѣдимыми, стали терпѣть неудачи. Сарагосцы проявили чудеса храбрости, отразивши нападенія войскъ генераловъ Лефеввра и Вердье, и память о славной защитѣ Сарагоссы до сихъ поръ свѣжа среди арагонцевъ, воспѣвающихъ въ своихъ героическихъ пѣсняхъ, т. наз. „хотахъ“, свою патронессу — Мадонну Пилярскую (*La Virgen del Pilar*); которая „не пожелала перейти на сторону французовъ и предпочла остаться предводительницей арагонскаго войска“. Каталонскіе „соматены“ дважды заставили французское войско отступить черезъ ущелье Брукъ (*Bruch*). Въ Байленѣ андалузцы принудили къ сдачѣ корпусъ генерала Дюпона, и т. д. Мы не можемъ здѣсь останавливаться подробнѣе на изложеніи событій войны за независимость. Отдѣльные эпизоды ея нашли художественное выраженіе въ произведеніяхъ извѣстнаго современнаго испанскаго писателя Переса Гальдоса

Иосифъ Бонапартъ, вызванный Наполеономъ изъ Неаполя, гдѣ онъ былъ королемъ, въ Байонну, долженъ былъ принять присягу отъ

собравшихся тамъ испанскихъ депутатовъ въ вѣрности себѣ, какъ королю ихъ, и въ соблюденіи начертанной Наполеономъ испанской конституціи. По принятіи присяги, онъ вступилъ на престолъ неохотно и при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ. Окруженный врагами со всѣхъ сторонъ, Іосифъ пробылъ въ Мадридѣ около двухъ недѣль и принужденъ былъ 31 іюля 1808 г. удалиться оттуда съ французскими войсками на сѣверъ.

Извѣстія о неудачахъ французскаго оружія въ Іспаніи, о томъ, что на помощь ей прибыло англійское войско, побудило Наполеона лично поспѣшить на полуостровъ. „Я найду,—писалъ онъ брату,—въ Іспаніи Геркулесовы столбы, но не предѣлы моего могущества“. Въ 70 дней Наполеонъ поправилъ дѣла французамъ, нанесъ пораженіе англичанамъ, взялъ Мадридъ, куда снова торжественно въѣхалъ король Іосифъ (22 января 1809 г.), и быстро вернулся въ Парижъ, куда вызывали его неотложныя дѣла. Вскорѣ послѣ этого Сарагосса снова подверглась осадѣ и на этотъ разъ, послѣ отчаянной обороны, въ которой принимало участіе рѣшительно все населеніе подъ начальствомъ Паладокса, 20 февраля 1809 г. принуждена была къ сдачѣ: изъ собравшихся въ ней 100 тыс. человѣкъ въ живыхъ осталось только 46 тысячъ.

Іспаніей Іосифъ управлялъ, опираясь на небольшую группу своихъ приверженцевъ, такъ наз. *afrancesados* („офранцузившихся“). Въ числѣ его мѣропріятій, направленныхъ къ уничтоженію стараго порядка въ Іспаніи, было уничтоженіе инквизиціи, въ силу декрета отъ 4 декабря 1808 г. За все время своего существованія въ этой странѣ (отъ 1481), инквизиція, по вычисленію *Llorente*, подвергла сожженію 341.021 человѣка (изъ нихъ 17.659 были сожжены *in effigie*) и 291.450 — тюремному заключенію и другимъ наказаніямъ.

Но патріоты не могли примириться съ французскимъ владычествомъ. Противъ французамъ они вели партизанскую войну. Вся страна была покрыта небольшими отрядами такъ наз. „герильерось“ (*guerrilleros*), постоянно тревожившихъ непріятеля. Англійскія войска, подъ начальствомъ лорда Веллингтона, продолжали оказывать серьезную помощь дѣлу испанскихъ патріотовъ, мечтавшихъ о

возстановленіи на престолѣ ихъ „боготворимаго“ короля Фердинанда VII, жившаго тогда въ Валансѣ на пенсію, предложенную ему Наполеономъ. Дѣйствіями ихъ руководила центральная хунта, засѣдавшая въ Севильѣ и замѣнившая собой провинціальныя хунты, возникшія при самомъ началѣ войны за независимость. Хунта состояла изъ престарѣлыхъ или неспособныхъ людей и отличалась реакціоннымъ характеромъ. Англичанамъ, помогавшимъ испанцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, безтолковая дѣятельность хунты казалась одинаково вредной для интересовъ и Англіи, и Іспаніи, и они настаивали на организаціи совѣта регентства изъ 5 лицъ, который управлялъ бы страной до созванія кортесовъ. На этомъ же настаивали и глава испанской либеральной партіи Ховельяносъ, и молодой поэтъ и публицистъ—Хосѣ Кинтана, авторъ „Біографіи знаменитыхъ испанцевъ“. Въ своемъ манифестѣ о созваніи кортесовъ, написанномъ въ маѣ 1809 г., Кинтана доказывалъ, что Іспаніи необходима конституція, которая поддерживала бы хорошее правительство и обуздывала бы дурное и безъ которой народы напоминаютъ стада рабовъ, подчиненныя произволу одного человѣка.

Вліяніе либераловъ усиливалось. Паденіе хунты и рѣшеніе созвать кортесы ускорило движеніе французовъ изъ Мадрида въ Андалузію въ началѣ 1810 г. Хунта бѣжала въ Кадиксъ, между тѣмъ какъ Севилья занята была французскими войсками. Въ Кадиксѣ организованъ былъ совѣтъ регентства изъ 5 членовъ, замѣнившихъ собой хунту, но по своему духу и составу мало отличавшійся отъ нея. Находящійся по сосѣдству съ Кадиксомъ Львиный островъ, гдѣ сосредоточилось до 80.000 жителей, былъ укрѣпленъ генераломъ Кастаньосъ въ виду возможнаго нападенія французовъ. Последніе попрежнему должны были вести безуспѣшную борьбу съ испанскими „геррильеросъ“, и энергія ихъ постепенно ослабѣвала. Между тѣмъ Кадиксъ, постоянно поддерживавшій общеніе съ передовыми націями Европы, сдѣлался очагомъ испанскаго либерализма и освободительнаго движенія. Здѣсь настойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо, требовали созванія кортесовъ, и, наконецъ, они созваны были на августъ 1810 г. Депутаты въ эти кортесы избирались не по сословіямъ, какъ въ средніе вѣка, а по числу населенія: на каж-

дья пятьдесятъ тысячъ населенія избирался одинъ депутатъ, причемъ правомъ избранія пользовались правоспособные испанцы, достигшіе 25-лѣтняго возраста. Въ этомъ отношеніи новые кортесы глубоко отличались отъ древнихъ сословно-представительныхъ собраній Испаніи. Такъ какъ центральныя ея провинціи, отличавшіяся консерватизмомъ, были заняты французами, то въ выборахъ приняли участіе, главнымъ образомъ, жители приморскихъ областей, проникнутые болѣе демократическими стремленіями и менѣе приверженные къ формамъ абсолютной монархіи.

При громкихъ возгласахъ народа: „Да здравствуетъ нація, да здравствуютъ кортесы“, 24 сентября 1810 г. произошло торжественное открытіе кортесовъ въ помѣщеніи театра. Депутаты размѣстились въ партерѣ, а въ ложахъ — публика; на сценѣ — поставлены были подъ балдахиномъ тронъ и портретъ Фердинанда VII. Президентомъ кортесовъ избранъ былъ каталонскій депутатъ Ласаро де Доу. Первую рѣчь произнесъ бывшій ректоръ Саламанкеаго университета Торреро, доказывавшій, что суверенитетъ принадлежитъ народу, органомъ котораго служатъ кортесы и что отреченіе Фердинанда VII отъ власти въ пользу Наполеона незаконно и недѣйствительно, такъ какъ народъ на это не далъ своего согласія.

По предложенію Торреро кортесы были признаны высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ страны; лица, служившія органами исполнительной власти, признавались отвѣтственными передъ народомъ; за депутатами кортесовъ обезпечивалась личная неприкосновенность.

Постановленія эти были обнародованы въ день открытія Кадикескихъ кортесовъ и служатъ началомъ новѣйшей конституціонной исторіи Испаніи. Уже на первыхъ же засѣданіяхъ кортесовъ обнаружилось, сколько даровитыхъ, краснорѣчивыхъ и глубокомысленныхъ дѣятелей могла выставить Испанія, въ качествѣ своихъ депутатовъ, для обновленія ея духовной, соціальной и политической жизни. „Уже теперь ясно, — говорилъ лордъ Веллингтонъ, — что въ кортесахъ больше талантливыхъ, энергичныхъ и свѣдущихъ людей, чѣмъ ожидали отъ Испаніи“.

Съ замѣчательной энергіей отнеслись депутаты къ своей трудной задачѣ. Засѣданія происходили не только днемъ, но и ночью.

Подобно французскому учредительному собранію 1789 г., они вотиrowали упраздненіе „старого порядка“ въ Испаніи. По предложенію Аргуэльеса, собраніе провозгласило свободу печати, а въ августъ 1811 г. издало аграрный законъ, которымъ отмѣнялись различныя помѣщичьи права (*señorio*), ставившія крестьянъ въ тяжелую экономическую зависимость отъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньоровъ и обрекавшія земледѣльцевъ самыхъ плодородныхъ провинцій Испаніи на нищенское существованіе, не доставляя большихъ выгодъ и самимъ землевладѣльцамъ. Либераламъ приходилось по каждому вопросу вести упорную борьбу съ защитниками старины, съ такъ наз. *serviles*, но изъ этой борьбы они выходили всегда побѣдителями. Составленная изъ среды депутатовъ коммисія для выработки проекта испанской конституціи представила въ августъ 1811 г. на разсмотрѣніе кортесовъ свои труды. Послѣ продолжительныхъ преній и совѣщаній 23 января 1812 г. кортесы издали основной государственный законъ, по которому законодательная власть раздѣлялась между кортесами и королемъ; исполнительная же всецѣло принадлежала королю, колоніи уравнивались въ правахъ съ метрополіей и получали представительство въ кортесахъ. По конституціи 1812 г. кортесы состояли изъ одной палаты; депутаты избирались косвенной всеобщей подачей голосовъ на два года и не могли быть избраны вторично; все испанцы были объявлены равными передъ закономъ; католическая религія признана была обязательной для всехъ испанцевъ; инквизиція, отмѣненная Іосифомъ Бонапартомъ, не была восстановлена кортесами. Наконецъ, изданъ былъ цѣлый рядъ постановленій, крайне затруднявшихъ какія бы то ни было измѣненія въ Кадикской конституціи и дѣлавшихъ ее мало подвижной и гибкой.

Конституція эта, явившаяся дѣломъ либераловъ, восторжествовавшихъ надъ защитниками старого порядка, побудила испанскихъ публицистовъ и ученыхъ заняться изученіемъ вопроса, насколько она имѣетъ за собою авторитетъ и основанія историческаго права, насколько она представляетъ органическое явленіе въ исторіи конституціоннаго развитія Испаніи, а не продуктъ французской политической мысли, перенесенный на испанскую почву. Тогда же для

разрѣшенія этого вопроса ученые принялись за изученіе исторіи средневѣковыхъ представительныхъ учреждений. Восторженный патриотъ и поклонникъ Кадикской конституціи, Мартинесъ Марина, авторъ капитальнаго сочиненія по исторіи кортесовъ, наиболѣе потрудился въ этомъ направленіи, стараясь доказать, что конституція 1812 г. представляетъ возрожденіе парламентарныхъ началъ, дѣйствовавшихъ въ средневѣковой Кастиліи. Его взглядъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ патриотическому энтузіазму испанскихъ либераловъ, желавшихъ видѣть въ конституціи 1812 г. дѣло вполне національное. Для нихъ она надолго стала политическимъ символомъ вѣры.

19 марта 1812 г. происходило въ Кадиксѣ торжественное обнародованіе новой конституціи... при пушечной пальбѣ: какъ разъ въ этотъ день французы съ ожесточеніемъ стали бомбардировать городъ. Но французскому владычеству уже приходилъ конецъ. Вытѣсненные войсками Веллингтона изъ центральныхъ областей, французы двигались на югъ. Іосифъ долженъ былъ покинуть Мадридъ и удалиться въ Валенсію. Часть его войскъ подвинулась еще южнѣе и осадила Кадиксъ. Дальнѣйшія побѣды Веллингтона заставили скоро французовъ оставить осаду Кадикса. Пребываніе въ опустошенной странѣ, постоянныя нападенія со стороны партизанскихъ отрядовъ, недостатокъ въ припасахъ дѣлали положеніе ихъ аналогичнымъ тому, въ какомъ очутились другія французскія войска, увлеченныя завоевательными планами Наполеона на противоположный конецъ Европы, въ Россію. Неудачи Наполеона въ этой странѣ помогли испанцамъ избавиться отъ французскаго ига. Наполеонъ готовъ былъ отдать Фердинанду Испанію, за исключеніемъ областей, расположенныхъ между р. Эбро и Пиренеями, которыя онъ хотѣлъ оставить за собой. Тамъ сосредоточены были всѣ военныя силы Іосифа. Но и этотъ планъ не удался Наполеону. 21 іюня 1813 г. соединенныя силы испанцевъ и англичанъ подъ начальствомъ Веллингтона нанесли рѣшительное пораженіе французамъ въ сраженіи подъ Виторіей. Вмѣстѣ съ господствомъ французскихъ войскъ въ Испаніи прекращалось и господство либеральной партіи, такъ какъ

побѣдитель ихъ лордъ Веллингтонъ поддерживалъ реакціонную партію „раболѣнныхъ“ (serviles).

* *
*

Фердинандъ VII между тѣмъ оставался въ полномъ невѣдѣніи относительно испанскихъ событій и въ декабрѣ 1813 г. заключилъ въ Валансѣ предложенный ему Наполеономъ договоръ, по которому получилъ обратно испанскій тронъ съ обязательствомъ не дѣлать никакихъ территоріальныхъ уступокъ въ пользу англичанъ и подъ условіемъ торговой конвенціи съ Франціей. Вѣсть объ этомъ договорѣ, навязанномъ королю врагомъ, уже утратившимъ свое могущество, вызвала въ Испаніи справедливое негодованіе.

Въ мартѣ 1814 г. Фердинандъ VII со своей свитой уже вступилъ въ Испанію. Народъ встрѣчалъ его съ безумною радостью. По предписанію кортесовъ, всюду въ честь короля устраивались молебствія и иллюминаціи. Раздавались восторженные крики: „Да здравствуетъ неограниченный король! Смерть измѣнникамъ!“

„Раболѣнные“ торжествовали. Для либеральной партіи наступила печальная пора. Съ возстановленіемъ Бурбона на престолѣ былъ возстановленъ въ странѣ старый порядокъ. Король отмѣнилъ Кадикескую конституцію, возстановилъ камарилью, инквизицію и орденъ іезуитовъ и сталъ править, какъ неограниченный монархъ. Выдающіеся борцы за свободу и дѣятели 1812 г. подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ. Но либеральная партія не исчезла: вся страна покрылась цѣлою сѣтью тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ, гдѣ поддерживались либеральныя идеи и лучшія традиціи прошлаго.

Правительство Фердинанда VII испытывало большія затрудненія по вопросамъ финансоваго и колоніальнаго управленія. Министръ финансовъ Гарей, въ виду возрастанія государственнаго долга и дефицита, предложилъ привлечь духовенство и высшее чиновничество къ несенію налоговъ, но потерпѣлъ неудачу.

Колоніи испанскія, возставшія вмѣстѣ съ метрополіей противъ наполеоновскаго владычества, продолжали волноваться и послѣ реставраціи и не желали признавать королемъ Фердинанда VII. Для подавленія возмущенія въ колоніяхъ необходимо было послать

туда войска, но у Іспаніи уже не было флота, тогда русскій императоръ Александръ I отправилъ въ Кадиксъ флотъ, предоставивъ его въ распоряженіе Фердинанда (1818 г.), но русскіе корабли оказались негодными для плаванія по океану. Пришлось отложить экспедицію, а войска, предназначенныя къ отплытію въ Буэносъ-Айресь, оставались въ Кадиксъ до 1820 г. въ полномъ бездѣйствіи.

* *
*

Вліяніе Англіи на испанскую политику тогда прекратилось и перешло въ руки Россіи. Интересы ея въ Мадридѣ съ 1814 по 1820 г. представлялъ Татищевъ. Сближеніе двухъ государствъ было естественнымъ послѣдствіемъ той національной борьбы противъ французовъ, которая велась одинаково какъ въ Іспаніи, такъ и въ Россіи и освободила Европу отъ наполеоновскаго ига.

Начала легитимизма, которыя поддерживали въ Европѣ „священный союзъ“, не предотвратилъ революціонныхъ движеній. Въ 1820 г. въ Іспаніи вспыхнула революція, которой предшествовали частые заговоры и мятежи. Возстаніе началось въ Кадиксъ, гдѣ сосредоточены были войска, отправлявшіяся въ испанскую Америку для подавленія возмущенія колоній противъ метрополіи. Неисправная плата жалованья поддерживала недовольство правительствомъ Фердинанда VII среди голодныхъ и оборванныхъ солдатъ. Полковникъ Ріего, опираясь на войско, 1 января 1820 г. провозгласилъ Кадикскую конституцію и освободилъ изъ заточенія своего единомышленника, генерала Кирогу, ставшаго во главѣ революціоннаго движенія. Очагомъ его сдѣлалась Галисія. Въ Коруньѣ была организована революціонная хунта, провозгласившая конституцію 1812 г. Возстаніе вспыхнуло и въ Мадридѣ, послѣ чего Фердинандъ VII принужденъ былъ признать эту конституцію. Парламентарный режимъ былъ восстановленъ.

Тогда началась ожесточенная борьба между политическими партіями восторженныхъ (*exaltados*) и умѣренныхъ (*moderados*), и это было на руку партіи „раболовныхъ“, стремившихся восстановить абсолютизмъ. Страна испытывала большія финансовыя затруд-

ненія, съ которыми не могъ справиться министръ финансовъ Канга Аргуэльесъ. Какъ и во времена Габсбурговъ, испанское правительство XIX в. должно было обращаться за помощью къ иностраннымъ капиталистамъ. Роль Фуггеровъ въ этомъ смыслѣ стали играть по большей части Ротшильды: у нихъ то правительство занимало крупныя суммы подъ залогъ государственныхъ доходовъ и подъ условіемъ предоставленія имъ права эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны, напр., ртутныхъ рудниковъ Альмадена. Предваряя событія, замѣтимъ, что какъ въ XVI—VII вв., такъ и въ XIX в. государство, не будучи въ состояніи выпутаться изъ долговыхъ обязательствъ, приблизительно черезъ каждыя 20 лѣтъ (1820, 1837, 1851, 1873 гг.) объявляло себя банкротомъ...

Конституціонное правленіе, установленное въ 1820 г., продолжалось слишкомъ недолго, всего 3 года, чтобы имѣть возможность поднять народное и государственное хозяйство. Противъ конституціи былъ самъ король, дѣйствовавшій противъ нея изъ-за угла и тайно просившій у священнаго союза содѣйствія для подавленія революціи. Веронскій конгрессъ въ 1822 г. рѣшилъ прійти на помощь Фердинанду VII. По порученію конгресса, 95-тысячное французское войско, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, явилось весной слѣдующаго года въ Испанію, подавило революцію и возвратило королю неограниченную власть. Тогда же Испанія лишилась большей части своихъ американскихъ колоній, за исключеніемъ Кубы и Пуэрто-Рико, и вступила въ кругъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ.

Съ 1823 г. снова наступила въ жизни Испаніи реакція и снова либералы стали подвергаться всевозможнымъ гоненіямъ. Въ 1830 г. Фердинандъ VII отмѣнилъ Салическій законъ о престолонаслѣдіи и издалъ такъ называемую прагматическую санкцію, въ силу которой наслѣдницей престола провозглашалась дочь его Изабелла, а братъ его, донъ-Карлосъ, устранялся отъ престолонаслѣдія.

Въ 1833 г. Фердинандъ VII умеръ. По случаю несовершеннолѣтія королевы Изабеллы II регентшей назначена была мать ея Марія Христина. Чтобы привлечь на свою сторону либераловъ противъ сторонниковъ донъ-Карлоса, оспаривавшихъ тронъ въ его пользу, она издала въ 1834 г. такъ называемый „органическій статутъ“, т.-е. конституціонную хартію, на подобіе той, которая пожалована была Людовикомъ XVIII французскому народу, и той, которая позже дана была Пьемонту Карломъ-Альбертомъ. Вся Испанія раздѣлилась тогда на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна, поддерживавшая права донъ-Карлоса и его наслѣдниковъ, получила названіе „карлистовъ“, а другая, стоявшая на сторонѣ Изабеллы и ея матери,—„христиносовъ“. На сторонѣ донъ-Карлоса стояли преимущественно низшіе классы населенія, руководимые фанатическимъ духовенствомъ, и горцы сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ провинцій, надѣявшіеся при помощи донъ-Карлоса отстоять свою мѣстную независимость и свои феодосы, тогда какъ Марія-Христина и ея дочь находили поддержку въ либеральной партіи, въ населеніи Мадрида и юго-восточныхъ провинцій, главнымъ образомъ, въ городскомъ и военномъ сословіи. Борьба этихъ двухъ партій привлекла вниманіе всѣхъ европейскихъ правительствъ, причемъ Россія, Австрія, Пруссія и итальянскіе дворы склонились на сторону карлистовъ, а Англія съ Франціей—на сторону христиносовъ. Возстаніе карлистовъ началось въ Баскскихъ провинціяхъ въ октябрѣ 1833 г.: донъ-Карлосъ былъ провозглашенъ королемъ Испаніи, подъ именемъ Карла V. Возстаніе быстро охватило Баскскія провинціи, Наварру и Старую Кастилію. Положеніе правительства сдѣлалось особенно труднымъ съ того времени, когда во главѣ инсургентовъ сталъ народный герой Сумалакареги, обладавшій организаторскими способностями и сѣмѣвшій создать изъ нестройныхъ отрядовъ дисциплинированную армію, численность которой безпрестанно увеличивалась. Христиноскіе генералы большей частью терпѣли пораженія.

Донъ-Карлосъ, изгнанный изъ Испаніи еще при жизни брата за сопротивленіе прагматической санкціи и нашедшій пріютъ въ Португаліи у своего родственника, донъ-Мигуэля, вернулся на родину и сталъ во главѣ своей партіи. Онъ обѣщалъ отдѣльнымъ провинціямъ раз-

личные льготы и автономію, сообразуясь съ особыми стремленіями каждой изъ нихъ; благодаря этому, движеніе распространилось и въ Арагонѣ, и въ Каталоніи. Почти вся Испанія до р. Эбро находилась въ рукахъ карлистовъ. Успѣхи ихъ продолжались и послѣ смерти Сумалакареги, чему много способствовали раздоры среди самихъ христіаносовъ по поводу изданія новой конституціи.

Дѣла приняли иной оборотъ въ 1837 г., когда во главѣ христіаносовъ стали энергичные вожди—Эспартеро и Нарваэсъ. Донъ-Карлоса, двинушагося къ Мадриду, Эспартеро заставилъ отступить; затѣмъ онъ самъ началъ наступательныя дѣйствія, нанесъ карлистамъ рядъ поражений, оттѣснилъ ихъ въ Пиренеи и усмирилъ большую часть сѣверныхъ провинцій. Въ средѣ карлистовъ, между тѣмъ, начались кровавые раздоры, послѣдствіемъ которыхъ было заключеніе главнокомандующимъ арміи карлистовъ, Марото, договора (31 августа 1839 г., въ Вергарѣ) съ Эспартеро и признаніе королевою Изабеллы. Примѣру его послѣдовали и другіе генералы карлистовъ, и съ тѣхъ поръ дѣло ихъ можно было считать проиграннымъ. Но партія карлистовъ послѣ этого не исчезла, какъ не исчезли въ обществѣ клерикально-абсолютистическія тенденціи и тѣ источники, изъ которыхъ карлисты черпали свои силы: невѣжество народныхъ массъ, глубокое вліяніе на нихъ фанатическаго духовенства, традиціонныя стремленія отдѣльныхъ провинцій къ партикуляризму и поддержанію старинныхъ вольностей.

Въ послѣдующее время карлисты то ослабѣвали, то усиливались, смотря по тому, насколько великъ былъ престижъ правительственной власти, и продолжали видѣть въ наслѣдникахъ донъ-Карлоса своихъ истинныхъ монарховъ. Претендентомъ на испанскій престолъ въ концѣ 50-хъ годовъ явился графъ Монтемолинъ, сынъ донъ-Карлоса, принявшій имя Карла VI; но попытка его высадиться въ Испаніи была отражена О'Доннелемъ.

* * *

Парламентарное развитіе Испаніи послѣ окончанія первой карлистской войны въ 1839 г. характеризуется борьбой партій прогрессистовъ и консерваторовъ. Важнѣйшими представителями

первой были Аргуэльсъ, Мартинесъ де ла Роса, Эспартеро и Нарваесъ, а вождями второй — Сеа Бермудесъ, Монъ, Пидаль и др.

Между этими партіями происходила непрерывно борьба изъ-за власти, сопровождавшаяся придворными интригами, военными бунтами, измѣненіями въ конституціи. Въ 1854 г. прогрессисты начинали сильную оппозицію противъ консерваторовъ, стоявшихъ у власти и злоупотреблявшихъ ею, а генераль О'Доннель произвелъ „pronunciamiento“, послѣдствіемъ котораго былъ переходъ министерства въ руки прогрессистовъ. Въ короткій промежутокъ времени они провели законы о желѣзныхъ дорогахъ, продажѣ церковныхъ имуществъ и пытались провести идею о національномъ суверенитетѣ, но на этомъ пунктѣ потерпѣли пораженіе, и власть снова перешла къ консерваторамъ.

Въ это время эволюція партій вступаетъ въ новую фазу. Послѣ потери прогрессистами власти „правая“ этой партіи соединяется съ „лѣвой“ консервативной, образуется новая и, подъ названіемъ „либеральной уніи“, занимаетъ промежуточное мѣсто между двумя первыми. Вождемъ ея былъ О'Доннель. Въ 1858 г. ему удается овладѣть министерствомъ и удержать его въ рукахъ своей партіи въ теченіе четырехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ: фактъ небывалый дотолѣ. Въ 1863 г. министерство О'Доннеля падаетъ, слѣдуетъ затѣмъ частая смѣна кабинетовъ уніонистскаго или консервативнаго характера, пока реакціонная политика Изабеллы II не разрѣшается революціей 1868 г.

Переворотъ, извѣстный подъ именемъ сентябрьской революціи, былъ дѣломъ трехъ партій: „прогрессистовъ“, работавшихъ съ увлеченіемъ въ пользу установленія принципа народнаго суверенитета, „уніонистовъ“, опиравшихся на армію, и партіи „демократовъ“, постепенно выдѣлившихся изъ экзальтированныхъ прогрессистовъ „лѣвой“ и исповѣдовавшихъ республиканско-демократическія идеи. Органомъ „демократовъ“ служилъ уже въ 1839 г. журналъ „El Hurasan“, издававшійся поэтомъ Эспронседа, котораго называютъ испанскимъ Байрономъ. Вождемъ этой партіи сдѣлался знаменитый ораторъ Эмиліо Кастеляръ. Ростъ ея былъ настолько быстръ, что уже въ кортесахъ 1855 г. 20 демократическихъ депутатовъ вотировали противъ

монархіи. Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ партія постепенно увеличивала свои ряды и вліяніе, между тѣмъ какъ политика Изабеллы II становилась все болѣе непопулярной. 5-го ноября 1865 г. демократы имѣли митингъ въ театрѣ Лисео, гдѣ избрали изъ своей среды комитетъ, которому поручено было организовать сопротивленіе реакціонному правительству. Военное возстаніе генерала Прима и безпорядки въ Мадридѣ въ 1866 г. были первыми предвѣстниками приближавшейся грозы. Чтобы предупредить ее, Изабелла принуждена была призвать къ власти генерала Нарваэса, но смерть его 23 апрѣля 1868 г. такъ же, какъ и предшествовавшая ей смерть О'Доннеля (6 ноября 1867 г.), лишила тронъ необходимой поддержки со стороны популярныхъ вождей партіи, а изгнаніе изъ королевства герцога Монпансье, многихъ генераловъ и нѣкоторыхъ членовъ оппозиціонной партіи рѣшило участь монархіи Изабеллы II. 17 сентября 1868 г. въ Кадиксѣ вспыхнула революція, во главѣ которой стали адмиралъ Топете, вожди оппозиціонной партіи Сагаста и Сорилья, а на слѣдующій день генераль Примъ издалъ манифестъ о низложеніи Изабеллы. Оставшіеся вѣрными ей военные отряды разсѣяны были революціонными войсками при Альколеа, послѣ чего Изабелла должна была искать убѣжища во Франціи.

Предводители возстанія организовали временное правительство и въ 1869 г. созвали учредительные кортесы для пересмотра конституціи. Депутаты въ кортесы избраны были посредствомъ всеобщаго голосованія. Большинство составляли демократы, рѣшившіе произвести измѣненія въ конституціи въ демократическомъ духѣ, съ сохраненіемъ, однако, королевской власти; республиканскихъ депутатовъ было только 71. Демократы провели законъ о конституціи 1869 г. и временно поручили регентство генералу Серрано, рѣшивъ возстановить королевскую власть. Среди большинства обнаружились разногласія по вопросу о томъ, кто долженъ быть избранъ королемъ, сынъ ли Изабеллы II, Альфонсъ, мужъ ли ея сестры-герцогъ Монпансье, португальскій ли король—въ интересахъ объединенія полуострова, или герцогъ мадридскій, внукъ Донъ-Карлоса? Генераль Примъ, пользовавшійся тогда огромнымъ вліяніемъ, противившійся возстановленію Бурбоновъ, не вѣрившій въ возможность

установленія республики и желавшій спасти дѣло революціи путемъ предоставленія короны иноземному принцу, предложилъ кандидатуру принца Леопольда Гогенцоллерна, но ей воспротивился Наполеонъ III, что и послужило непосредственнымъ поводомъ для франко-прусской войны 1870 г. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, 16 ноября 1870 года большинство 191 голоса противъ 101 приняло предложенную тѣмъ же генераломъ Примомъ кандидатуру второго сына Виктора-Эммануила, Амедея Савойскаго, который и былъ провозглашенъ королемъ. Это большинство (такъ назыв. „амедейство“) составляли нѣкоторые изъ членовъ „либеральной уніи“ („правая“), тѣ изъ демократовъ, которые объявили себя сторонниками монархіи („лѣвая“) и, наконецъ, всѣ прогрессисты („центр“).

Прибытіе новаго короля (2 янв. 1871 г.) сопровождалось печальнымъ для него предзнаменованіемъ. Генераль Примъ, болѣе всѣхъ способствовавшій возведенію его на тронъ, проѣзжая въ каретѣ по одной изъ улицъ Мадрида среди бѣлаго дня былъ убитъ шайкою убійцъ, которыхъ даже не пытались разыскивать (27 дек. 1870 года).

„Центръ“ и „лѣвая“ амедейство соединились тогда между собой и образовали партію „прогрессистовъ-демократовъ“, но, благодаря несогласіямъ вождей ея, Сагасты и Руиса Сориля, въ ней скоро обнаружился расколъ: Сагаста склонялся къ сближенію съ уніонистами, тогда какъ Руисъ Сориля былъ сторонникомъ супрематіи демократовъ. Образовались двѣ новыя партіи: радикальная, состоявшая изъ бывшихъ демократовъ и большинства прогрессистовъ и признававшая своимъ вождемъ Руиса Сорилю, и консервативная, въ составъ которой вошли нѣкоторые прогрессисты и всѣ уніонисты, признавъ своими вождями Торре и Сагасту. Партіи эти ожесточенно боролись между собой; въ короткое время смѣнилось нѣсколько министровъ. Амедей проявлялъ много такта и терпимости по отношенію ко всѣмъ партіямъ, но, несмотря на свой либерализмъ, какъ иностранецъ, не пользовался популярностью и 11 февраля 1873 г. счелъ себя вынужденнымъ отречься отъ престола. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ въ кортесахъ поднятъ былъ вопросъ объ установленіи

республики. 319 сенаторовъ и депутатовъ высказались въ пользу республики противъ 32 альфонистовъ-унионистовъ, и республика была провозглашена.

Республика, провозглашенная на федеративномъ началѣ, существовала всего лишь 11 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ успѣли перемѣниться четыре министерства—Фигуэраса, Пи-и-Маргала, Кастеляра и Сальмерона. Ни одному изъ нихъ не удалось справиться съ трудностями, которыя создавало договорное начало новой конституціи. Признаніе республики на федеративномъ началѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ кантональное движеніе въ колоніяхъ и провинціяхъ, возстаніе на Кубѣ и вторую карлистскую войну.

2 января 1874 г., въ тотъ день, когда кортесы избрали президентомъ республики Сальмерона на мѣсто Кастеляра, генераль Павія произвелъ государственный переворотъ, разсѣялъ собраніе, а Серрано провозглашенъ былъ диктаторомъ. Это было триумфомъ военной партіи, упорно боровшейся противъ карлистовъ и нуждавшейся для успѣшности борьбы въ болѣе твердомъ правительствѣ.

Карлисты особенно усилились въ періодъ правленія Амедія и кратковременнаго существованія Испанской республики. Во главѣ ихъ сталъ новый претендентъ, тоже донъ-Карлосъ, принявшій имя Карла VII. 3 іюля 1873 г. онъ появился въ сѣв. провинціяхъ Испаніи и въ короткое время организовалъ 12-тысячную армію изъ своихъ приверженцевъ въ Наваррѣ, Бискайѣ, Арагонѣ и Каталоніи. Отъ клерикаловъ и монархистовъ сосѣднихъ странъ, особенно Франціи, онъ получалъ помощь въ видѣ денегъ, оружія и боевыхъ припасовъ. Въ борьбѣ съ республиканской Испаніей карлисты проявили дикую жестокость и варварство, разрушали желѣзныя дороги, нападали на желѣзнодорожные поѣзда, истребляя селенія и ихъ жителей огнемъ и мечемъ. Попытки генераловъ республиканской арміи, напр., Маріонеса, остановить движеніе карлистовъ большей частью были неудачны. Лѣтомъ 1875 года соединенныя арміи генераловъ Мартинеса Кампоса и Ховельяра нанесли рядъ пораженій карлистамъ, отняли у нихъ крѣпость Кантавьеху, вынудили ихъ очистить Каталонію и Валенсію; наконецъ, генералы Кесадо и Маріонесъ взятіемъ Викторіи, Сео де-Урхель и Эстельи

окончили карлистскую войну. 28 февраля 1876 г. донъ Карлосъ принужденъ былъ покинуть Испанію и удался во Францію. Послѣдствія карлистской войны для Испаніи были самыя тягостныя и выразились въ разстройствѣ финансовъ, упадкѣ кредита, ослабленіи авторитета правительственной власти и огрубеніи народныхъ нравовъ. Баскскія провинціи и Наварра, служившія главнымъ очагомъ карлистскаго возстанія, были наказаны отмѣной мѣстныхъ фуэросовъ и привилегій.

Диктатура Серрано продолжалась до 29 декабря 1874 г., когда произошло новое *pronunciamiento*, произведенное въ пользу Альфонса XII генераломъ Мартинесомъ Кампосомъ, стоявшимъ во главѣ войска въ Сагунтѣ, къ которому присоединился и Серрано, находившійся въ Мадридѣ. Извѣщенный обо всемъ происшедшемъ, Альфонсъ немедленно поручилъ власть до своего прибытія совѣту регентства, во главѣ котораго сталъ Сагаста. Скоро, въ сопровожденіи Мартинеса Кампоса, въ Мадридъ явился и самъ король.

Реставрацію произвели, главнымъ образомъ, „альфонсисты“, находившіеся подъ руководствомъ Кановаса дель Кастильо; вскорѣ къ этой партіи примкнули „умѣренные“ времени Изабеллы II (Карденасъ и др.) и нѣкоторые „унионисты“. Образовалась т. наз. „либерально-консервативная“ партія, вождемъ которой сталъ Кановасъ.

Остальные элементы конституціонной партіи соединились съ нѣкоторыми радикалами и образовали либеральную партію реставраціи („либерально - династическую“), раздѣляющуюся на „правую“, „центр“ и „лѣвую“. Вождемъ этой партіи является Сагаста. Такая группировка партій, въ своихъ существенныхъ чертахъ, продолжается и въ данный моментъ. Политическія партіи въ Испаніи, какъ и повсюду, развивались по мѣрѣ того, какъ на очередь ставились новые вопросы политическаго, экономическаго или соціальнаго порядка. Безконечное дробленіе на отдѣльныя фракціи обусловливались не только различіемъ руководящихъ принциповъ, но такъ же и различіемъ въ выборѣ средствъ для осуществленія поставленныхъ членами той или другой партіи задачъ. Личное самолюбіе отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей нерѣдко являлось исключительнымъ мотивомъ для образованія самостоятельныхъ партій.

Организаторскій талантъ Кановаса такъ же, какъ и Сагасты, помогъ этимъ двумъ дѣятелямъ создать изъ различныхъ элементовъ двѣ большія партіи, съ помощью которыхъ они и управляли поочередно страной въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія.

Опираясь на консервативную партію, Кановасъ удерживалъ непрерывно въ своихъ рукахъ власть въ періодѣ отъ 1876 до 1881 г. Въ теченіе этого промежутка времени онъ способствовалъ окончанію карлистской войны, подавленію кубанскаго возстанія и отдѣльныхъ бунтовъ на полуостровѣ, являвшихся отголосками предшествовавшей революціонной эпохи, и издалъ 30 іюня 1876 г. конституцію, дѣйствующую и въ настоящее время.

Въ теченіе XIX вѣка Испанія мѣняла семь разъ свой конституціонный строй: въ 1812, 1834, 1837, 1845, 1855 (въ проектѣ), 1869 и 1876 гг. Изъ этихъ конституцій самое продолжительное существованіе имѣетъ послѣдняя. Она пожалована была королемъ въ кортесахъ и, въ отличіе отъ конституціи 1812, 1837, 1855 и 1869 гг., отвергаетъ принципъ народнаго суверенитета: Альфонсъ XII. принялъ титулъ „*Rey constitucional de Espana*“ (конституціонный король Испаніи), но съ прибавленіемъ „*por la gracia de Dios*“ (милостью Божьей). По этой конституціи, законодательная власть принадлежитъ королю и кортесамъ, состоящимъ изъ 2 палатъ: сената и палаты (или „конгресса“) депутатовъ; сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ, засѣдающихъ въ парламентѣ въ силу собственнаго права (сыновья короля, гранды Испаніи, генералы и адмиралъ), изъ членовъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ и, наконецъ, избираемыхъ отдѣльными корпораціями государства. Избраніе депутатовъ въ конгрессъ до введенія всеобщаго голосованія ограничивалось опредѣленнымъ цензомъ, въ настоящее же время избираются они посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, по одному депутату на каждыя 50,000 человѣкъ, на 5 лѣтъ. Кортесы созываются ежегодно; власть короля—наслѣдственная; ему принадлежитъ право приводить въ исполненіе законы и назначать министровъ; министры — отвѣтственны. Конституція 1876 г. опредѣляетъ основныя гражданскія права испанцевъ такимъ образомъ: никто не обязанъ платить налоговъ, разъ они не

вотированы кортесами или компетентными корпораціями; никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ случаяхъ и въ формѣ, предписанныхъ закономъ; каждый арестованный долженъ быть освобожденъ или представленъ въ распоряженіе судебной власти не позже 24 часовъ съ момента ареста; ни одинъ испанецъ не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ рѣшенія компетентнаго судьи; никто не можетъ войти въ домъ испанца или иностранца, пребывающаго въ Испаніи, безъ его согласія, за исключеніемъ случаевъ и въ формѣ, предусмотрѣнныхъ законами; частная почтовая корреспонденція не можетъ быть задержана или вскрыта представителями власти; римско-католическая религія признается государственной, но это не исключаетъ свободы религіозной совѣсти и права свободного исповѣдованія за другими культами. Наконецъ, конституція 1876 года провозглашаетъ полную свободу мысли, слова, печати, частныхъ сходовъ, ассоціацій, личныхъ или коллективныхъ петицій, адресуемыхъ королю, кортесамъ и другимъ властямъ.

Такова въ наиболѣе существенныхъ чертахъ современная конституція Испаніи, которую редактировалъ Кановасъ въ сотрудничествѣ съ консерваторами и членами другихъ партій, вступившими съ ними въ компромисъ.

Въ 1881 г. Кановасъ вышелъ въ отставку, а Сагаста сформировалъ либеральный кабинетъ, пытавшійся провести законъ о всеобщемъ голосованіи, но безуспѣшно, вслѣдствіе оппозиціи Кановаса и его сторонниковъ. 18 января 1884 г. Кановасъ снова овладѣлъ министерствомъ, назначилъ новые выборы въ кортесы, которые дали благопріятные для монархіи результаты. Въ слѣдующемъ году возникъ конфликтъ съ Германіей по вопросу о Каролинскихъ островахъ, который удачно былъ разрѣшенъ Кановасомъ; въ то же время ему пришлось принять энергичныя мѣры для облегченія участи народа, испытывавшаго въ 1885 г. цѣлый рядъ бѣдствій, вслѣдствіе наводненій, землетрясеній и холеры. 25 января Альфонсъ XII умеръ, оставивъ 2 дочерей и беременную жену, Марію-Христину, которая и объявлена была регентшей.

Въ тотъ же день Кановасъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, давая такимъ образомъ регентшѣ полную свободу дѣйствій, предостав-

ленную коронѣ конституціей, и Сагастѣ на другой день поручено было сформировать новый кабинетъ. Кановасъ же избралъ былъ президентомъ палаты 222 голосами противъ 112, выпавшихъ въ пользу Ромеро Робледо, занимавшаго постъ министра юстиціи въ кабинетѣ Кановаса. Въ апрѣлѣ 1886 г. Сагаста назначилъ новые выборы въ кортесы. Избрано было много республиканцевъ, но большинство были монархисты. Положеніе монархіи было упрочено, когда 17 мая 1886 г. королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который и былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Альфонса XIII.

Министерство Сагасты ознаменовано было рядомъ новыхъ успѣховъ либеральной партіи: ей удалось, несмотря на оппозицію Кановаса, провести законы о всеобщемъ голосованіи, судѣ присяжныхъ, гражданскомъ бракѣ и т. д.

Сагаста оставался у власти до 1890 г., когда его снова замѣнилъ Кановасъ. Кризисъ произошелъ на почвѣ таможенной политики: Сагаста склонялся на сторону свободной конкуренціи, тогда какъ Кановасъ былъ сторонникомъ протекціонизма. Министерство Кановаса продолжалось до 1894 г. Его снова замѣнилъ Сагаста, въ министерство котораго вспыхнуло новое кубанское возстаніе. Не будучи въ состояніи справиться съ нимъ, Сагаста въ концѣ 1895 г. уступилъ власть Кановасу. Но ему не удалось подавить это возстаніе, такъ же, какъ и новое сепараціонное движеніе, возникшее на Филиппинскихъ островахъ. Положеніе дѣлъ постоянно ухудшалось. Вопросъ о Кубѣ поглощалъ все вниманіе и правительства и общества. Среди такихъ обстоятельствъ, лѣтомъ 1897 г. Кановасъ былъ убитъ однимъ изъ анархистовъ. Въ качествѣ главы консервативной партіи его замѣнилъ Франсиско-Сильвела.

Война въ колоніяхъ продолжалась безуспѣшно, поглощая массу жизней и денегъ. Несмотря на то, что Кубъ дарована была автономія и главнокомандующій испанскихъ войскъ, генералъ Вейлеръ, былъ отозванъ оттуда по требованію президента Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ-Кинлея, Испаніи не удалось сохранить подъ своею властью „перла“ Антильскихъ острововъ. Объявивъ Испаніи войну въ 1897 г.,

американцы уничтожили ея флотъ въ сраженіяхъ у Кавите и Сантіаго и заставили ее въ 1898 г. отказаться отъ заморскихъ владѣній. Парижскій договоръ 1899 г. подтвердилъ условія прелиминарнаго мира, лишившаго Испанію Антильскихъ и Филиппинскихъ острововъ. Такимъ образомъ, нѣкогда могущественнѣйшая въ мірѣ колоніальная держава, Испанія наканунѣ XX вѣка утратила почти всѣ свои колоніи.

* *
* *

Но не только колоніи тяготились испанскимъ владычествомъ: имъ тяготея и отдѣльныя провинціи полуострова. Еще и теперь карлизмъ не утратилъ своей силы. Испанскимъ политикамъ приходится считаться съ нимъ, поскольку съ этимъ движеніемъ связаны децентрализационныя стремленія отдѣльных провинцій, имѣвшихъ богатое историческое прошлое, пользовавшихся широкой автономіей и благосостояніемъ до тѣхъ поръ, пока не утратили своихъ фюэросовъ, однѣ раньше, другія — позже, въ зависимости отъ централизационной политики Кастиліи. Эти децентрализационныя стремленія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „рехіонализма“, особеннс сильны въ Баскскихъ провинціяхъ, въ Наваррѣ, Каталоніи и Валенсіи, т. е. въ тѣхъ частяхъ монархіи, которыя дольше другихъ сохраняли свои фюэросы и до сихъ поръ еще не утратили воспоминаній о вольностяхъ лучшей поры своего историческаго существованія. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и традицій, „рехіонализмъ“ въ различныхъ областяхъ имѣетъ различную окраску, но нигдѣ онъ не проявляется въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ въ промышленной и трудолюбивой Каталоніи.

Образованіе каталонскаго рехіонализма, какъ особой доктрины, датируется пятидесятыми годами текущаго столѣтія и связано съ организаціей такъ назыв. „празднества цвѣтовъ“ (Jochs florals), во время котораго устраивались и устраиваются литературно-артистическія состязанія каталонскихъ поэтовъ. Тогда-то образовалась группа такъ наз. „каталонистовъ“, въ составъ которой вошли представители различныхъ свободныхъ профессій, какъ адвокаты, медики, поэты, художники, учителя, профессора и т. д., задавшіеся цѣлью

воскресить забытыя традиціи Каталоніи и дать имъ подобающее мѣсто въ современной литературѣ, искусствѣ и общественной жизни.

Въ „каталонизмѣ“ надо различать двѣ стороны: литературную и политическую; представители первой заботятся, главнымъ образомъ о признаніи за каталонскимъ языкомъ и литературой правъ на самостоятельное существованіе, тогда какъ представители каталонизма съ политическимъ оттѣнкомъ стремятся къ восстановленію древней независимости Каталоніи.

Важнѣйшія положенія доктрины каталонистовъ утверждены постоянной комиссіей каталонской уніи и изложены въ формѣ катехизиса. Въ пользу установленія автономіи приводятся историческія соображенія въ такой формѣ:

В. Какъ должно смотрѣть на Каталонію?

О. Какъ на длинный рядъ поколѣній, связанныхъ между собою каталонскимъ языкомъ и традиціями и смѣняющихъ другъ друга на территоріи, которую мы занимаемъ въ настоящее время.

В. Что такое каталонская рѣчь: языкъ или діалектъ?

О. Языкъ. Діалектомъ ее называютъ одни—по невѣжеству, другіе—по злобѣ, разсматривая ее, какъ испорченный офиціальный языкъ, именуемый кастильскимъ.

Далѣе указывается на то, что каталонскій языкъ древнѣе кастильскаго, что онъ отличается точностью, ясностью и простотой выраженій и мелодичностью звуковъ, и, наконецъ, слѣдуетъ вопросъ:

Справедливо ли, что каталонскій языкъ годится только для литературныхъ цѣлей?

О. Нѣтъ. Это былъ первый изъ нео-латинскихъ языковъ, который сталъ употребляться въ философіи; онъ обладаетъ богатой и полной юридической терминологіей, служившей для изученія права; законы о мореплаваніи, принятые многими народами, написаны были на каталонскомъ языкѣ; этимъ же языкомъ пользовались и въ кортесахъ каталонно-арагонской конфедераціи въ ту эпоху, когда она являлась первой морской державой. Итакъ, годность каталонскаго языка для политическихъ цѣлей не подлежитъ сомнѣнію.

Другимъ аргументомъ въ пользу притязаній каталонистовъ

служать экономическіе мотивы. Каталонисты указываютъ на полное несоотвѣтствіе между тѣми матеріальными жертвами, какія несетъ Каталонія въ пользу Испанскаго королевства, и тѣми „благами“, какія получаетъ взамѣнъ. Будучи самой промышленной и торговой частью полуострова, Каталонія уплачиваетъ ежегодно $\frac{1}{5}$ часть всѣхъ тѣхъ доходовъ, какіе государство получаетъ съ торгово-промышленныхъ предпріятій въ Испаніи, между тѣмъ какъ количество населенія Каталоніи по отношенію къ общему числу населенія всей Испаніи составляетъ только 10,5%. Весьма любопытно и то отношеніе, какое существуетъ между цифрами населенія гг. Мадрида и Барселонны съ ихъ провинціями: Барселонская провинція заключаетъ въ себѣ 1.034.538 жителей, тогда какъ Мадридская—всего лишь 737.444 (населеніе г. Барселонны составляетъ 509.589 человѣкъ, т. е. почти столько же, сколько и въ Мадридѣ, гдѣ насчитывается всего 512.150 жителей).

Разорительныя и окончившіяся полной неудачей войны Испаніи съ ея колоніями и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, особенно гибельно отразившіяся на благосостояніи Каталоніи, въ сильной мѣрѣ способствовали усиленію каталонистскаго движенія, въ которомъ самостоятельность языка и литературы становится все болѣе знаменемъ политической автономіи.

Если къ сказанному прибавимъ, что въ Испаніи, какъ и въ Португаліи и Франціи, въ послѣднее время усиливается антиклерикальное движеніе, выражающееся и въ столкновеніи народа съ духовенствомъ, и въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ограниченію мірскихъ правъ церкви, что значеніе социалистической партіи постепенно возрастаетъ и что въ маѣ 1902 г. исполнилось совершеннолѣтіе короля Альфонса XIII, послѣ чего королева-мать Марія Христина сложила съ себя полномочія регентши, то этимъ исчерпаемъ вкратцѣ важнѣйшіе факты общественной и политической жизни Испаніи за послѣдніе годы.

II.

П о р т у г а л і я .

Послѣ договора, заключеннаго въ 1703 г. англійскимъ посланникомъ, сэромъ Метуэномъ, съ Португаліей, послѣдняя стала въ унизительное положеніе данницы Великобританіи. Поставленные этимъ договоромъ внѣ торговой конкуренціи съ другими націями, англичане скупали по низкой цѣнѣ хозяйственныя произведенія Португаліи, главнымъ образомъ — вино, и находили тамъ весьма выгодный сбытъ для предметовъ собственной промышленности. Послѣдствія англійской торговой монополіи были самыя губительныя для земледѣлія и промышленности Португаліи. Политическія условія, въ которыхъ находилась она въ первой половинѣ XVIII в., еще болѣе способствовали ея экономическому упадку. Педро II (1683—1706), управлявшій государствомъ, сперва какъ регентъ, потомъ какъ король, находился подъ сильнымъ вліяніемъ инквизиціи и іезуитовъ, преслѣдовалъ евреевъ, обладавшихъ огромными денежными капиталами, и заставлялъ ихъ выселяться изъ страны. Заботясь, главнымъ образомъ, объ упроченіи королевскаго абсолютизма, Педро II, какъ и его преемникъ, Іоаннъ V (1706—1750), тратили огромныя суммы на содержаніе двора, обременяли народъ непосильными налогами, которые взымали безъ согласія кортесовъ, и разоряли страну войнами съ Іспаніей. Неспособный правитель, Іоаннъ V, къ тому же, отличался дикимъ фанатизмомъ, неизмѣнно присутствовалъ на „ауто-да-фе“, не щадилъ денегъ на устройство монастырей, истратилъ не менѣе 45 милліоновъ крусадъ на постройку въ Мафрѣ, рядомъ съ королевскимъ дворцомъ, по своимъ размѣрамъ и архитектурѣ эскуриаль, и, наконецъ, учредилъ при своемъ дворцѣ должность патриарха, который поставленъ былъ выше примаса Португальской церкви, архіепископа Браги. Можно сказать, что въ это царствованіе страна, обнищавшая и матеріально, и духовно, нахо-

дилась на краю полного паденія. Но со вступленіемъ на престолъ Іосифа-Эммануила I (1750—1777) для нея наступила пора внутренняго обновленія и реформъ въ духѣ просвѣщенія XVIII в., подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и въ жизни испанскаго народа въ царствованіе Карла III.

Не отличаясь дарованіями государственнаго человѣка, суетѣрный и слабохарактерный король, Іосифъ всецѣло подчинился вліянію своего перваго министра—Помбала. Для Португаліи было важнымъ событіемъ назначеніе на этотъ постъ энергичнаго, мужественнаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ оказался Себастьянь Карвальо, ставшій титуловаться потомъ (съ 1770 г.) маркизомъ де Помбаль. Раньше онъ состоялъ секретаремъ португальскаго посольства въ Лондонѣ и Вѣнѣ (1739—1745); тамъ онъ проникся идеями просвѣщенія XVIII в., тамъ онъ усвоилъ начала бережливаго и разумнаго государственнаго управленія. Сдѣлавшись первымъ министромъ Португаліи въ 1750 г., онъ до своей отставки въ 1777 г. былъ рѣшительнымъ и неутомимымъ противникомъ „стараго порядка“ и клерикализма въ родной странѣ. Онъ поднималъ ея престижъ въ международныхъ отношеніяхъ, возстановивъ финансы, флотъ и армію. Онъ далъ хлѣбъ своему народу, въ буквальномъ смыслѣ слова, обративъ $\frac{2}{3}$ виноградниковъ въ нивы и избавивъ страну отъ печальной необходимости быть поставщицей вина для англійскихъ купцовъ и покупать заграничный хлѣбъ. Онъ заботился о насажденіи различныхъ отраслей промышленности въ Португаліи и выписывалъ иностранныхъ мастеровъ. Онъ старался усовершенствовать механизмъ государственнаго управленія, улучшить законодательство, уничтожить привилегіи дворянства, поднять правосудіе, народное благосостояніе и просвѣщеніе. Онъ понималъ, что главный соперникъ государства—могущественная въ Португаліи церковь, и что главный тормазъ для умственнаго и матеріальнаго прогресса страны представляетъ духовенство, и съ нимъ онъ вступилъ въ борьбу. Такъ какъ народное невѣжество и суетѣрія создавали благопріятную почву для преобладанія клира надъ свѣтскимъ обществомъ, то Помбаль въ интересахъ государства и народа учредилъ цѣлый рядъ начальныхъ училищъ, гдѣ могли бесплатно обучаться мальчики и дѣвочки,

преобразоваль преподаваніе въ среднихъ школахъ, сдѣлавъ его вполне свѣтскимъ, приглашалъ опытныхъ преподавателей изъ Італіи и такимъ образомъ вырвалъ дѣло народнаго просвѣщенія изъ рукъ невѣжественнаго и эгоистическаго духовенства. Полная реорганизація университетскаго преподаванія въ Коимбрѣ служила завершеніемъ жѣлопріятій Помбаля, съ помощью которыхъ онъ надѣялся поднять отсталую страну до уровня передовыхъ націй Европы. Онъ ограничилъ дѣятельность инквизиціи, уменьшилъ число священниковъ и монаховъ и даже рѣшилъ умѣрить вліяніе Римской куріи, съузиль кругъ юрисдикціи папскаго нунція въ Португаліи.

Какъ разъ среди кипучей преобразовательной дѣятельности Помбаля на Португалію обрушилось страшное несчастье: въ 1755 г. произошло сильное землетрясеніе, разрушившее значительную часть зданій Лиссабона, подъ развалинами которыхъ погибло до 30.000 человекъ. Бѣдствія этимъ не ограничились: воды р. Тахо вышли изъ береговъ и затопили окрестныя мѣстности; среди всеобщаго разрушенія появились шайки разбойниковъ и поджигателей, которые стали грабить обезумѣвшее отъ ужаса населеніе. И въ этотъ критическій моментъ Помбаль явился добрымъ геніемъ для своихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Среди всеобщаго смятенія онъ не потерялъ головы и успѣшилъ прійти на помощь пострадавшему населенію. Онъ принялъ немедленно же мѣры къ охранѣ жизни и имущества горожанъ, беспощадно расправлялся съ грабителями, вызвалъ войска для охраны порядка, доставлялъ продовольствіе голодному населенію и т. д. Вслѣдъ затѣмъ началась созидательная дѣятельность Помбаля. Изъ развалинъ Лиссабона стали вырастать грандіозныя зданія и сооруженія, своимъ великолѣпіемъ затмившія старый Лиссабонъ.

Стараясь подорвать авторитетъ министра въ глазахъ суевѣрнаго короля и положить конецъ его преобразованіямъ, іезуиты доказывали королю, что землетрясеніе явилось, какъ Божье наказаніе за нечестивыя дѣянія Помбаля, но напрасно: никогда еще министръ не былъ столь могущественнымъ, какъ Помбаль въ тѣ годы. Этимъ могуществомъ онъ воспользовался для того, чтобы искоренить главное зло, отъ котораго страдала его родина,— орденъ іезуи-

товъ, захватившихъ въ свои руки не только дѣло воспитанія, но и торговлю, интриговавшихъ при дворѣ и поддерживавшихъ въ странѣ безпрестанныя смуты. Обвиненіе въ покушеніи на жизнь короля дало Помбалу поводъ изгнать ихъ въ 1759 г. не только изъ Португаліи, но также изъ Южной Америки, и въ 1768 г., главнымъ образомъ, подъ его вліяніемъ, папа вовсе уничтожилъ орденъ іезуитовъ.

Такимъ образомъ, страна, гдѣ духовенство пользовалось бѣльшимъ могуществомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, первая подала примѣръ изгнанія іезуитовъ. Реакція противъ чрезмѣрнаго вліянія церкви въ Португаліи отличалась замѣчательной силой. Помбаль дѣйствовалъ черезчуръ круто, прибѣгалъ часто къ насиліямъ, желая привить въ народѣ новыя идеи, потребности и привычки, и нажилъ себѣ много враговъ. Появилась цѣлая литература памфлетовъ и пасквилей, осуждавшихъ и осмѣивавшихъ дѣятельность смѣлаго и честолюбиваго министра.

Въ 1762—1763 гг. мирная политика Помбала нарушена была военнымъ столкновеніемъ съ Испаніей, служившимъ отголоскомъ событій 7-лѣтней войны и послѣдствіемъ союзныхъ отношеній между Англіей и Португаліей, но окончившимся благополучно для послѣдней.

Въ 1777 г. король Іосифъ умеръ, оставивъ престолъ дочери своей Маріи (1777—1816), Помбаль немедленно получилъ отставку, подвергся суду по обвиненію въ злоупотребленіи властью, былъ обвиненъ и осужденъ на смерть, но Марія смягчила приговоръ суда, даровавъ Помбалу жизнь. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ (1782). Наступила реакція противъ реформаторскихъ начинаній Помбала. Духовенство мало-по-малу вернуло себѣ утраченное значеніе.

Въ 1788 г. Марія сошла съ ума. Государствомъ сталъ править, какъ регентъ, сынъ ея Іоаннъ, поддерживавшій союзъ съ Англіей и Испаніей противъ революціонной Франціи. Но Испанія, по Базельскому миру 1795 г., оставила коалицію и соединилась съ Франціей. Между Португаліей и Испаніей возникла война, окончившаяся для первой, несмотря на помощь со стороны Англіи, неудачно: португальскія земли по ту сторону р. Гвадіаны отошли къ Испа-

ніи, а англійскимъ кораблямъ запрещень былъ доступъ въ порты Португаліи. Континентальная политика Наполеона дѣлала для него крайне нежелательнымъ союзъ Португаліи съ Англіей, и, чтобы расторгнуть его, онъ рѣшилъ изгнать Браганцскую королевскую династію. Въ 1807 г. онъ и заключилъ въ Фонтенебло съ Іспаніей договоръ о совмѣстномъ завоеваніи Португаліи и раздѣленіи ея на 3 части: Лиссабонъ и центральныя провинціи должны были достаться Франціи, часть сѣверной Португаліи предназначалась королю Этрурии, а южная Португалія должна была образовать независимое владѣніе подъ управленіемъ Годоя; рѣшеніе судьбы остальныхъ португальскихъ провинцій откладывалось до завоеванія всей страны... Уже французская армія приближалась къ Лиссабону, а регентъ и все королевское семейство пребывали въ полной безпечности и невѣдѣніи объ угрожавшей имъ опасности и неминуемо сдѣлались бы добычей французовъ, если бы какъ разъ въ это время Іоанну VI не попалъ въ руки доставленный англійскимъ крейсеромъ нумеръ „Монитѣра“, въ которомъ Наполеонъ преждевременно объявлялъ Браганцскій домъ низложеннымъ... Тогда Іоаннъ VI съ семействомъ поспѣшно удалился въ Бразилію. Французскій генералъ Жюно овладѣлъ Лиссабономъ и учредилъ временное правительство, принявшее рядъ преобразованій во внутреннемъ строѣ Португаліи. вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Наполеона получено было предписаніе собрать огромную денежную сумму съ населенія. Это требованіе совпало съ началомъ національной борьбы противъ французскаго владычества въ Іспаніи и побудило также и португальцевъ взяться за оружіе. Началась народная война противъ французовъ и въ Португаліи. Португальцамъ помогли англичане съ Веллингтономъ во главѣ. Генералъ Жюно вскорѣ долженъ былъ оставить страну. Недолго продержались здѣсь и смѣнившіе его генералы Сулътъ и Массена. Съ удаленіемъ французовъ установленъ былъ совѣтъ регентства въ 1811 году. На самомъ же дѣлѣ Португаліей сталъ управлять англійскій лордъ Бирсфордъ.

Несмотря на удаленіе французовъ и наступившій миръ, королевскій домъ продолжалъ оставаться въ Ріо-Жанейро, возложивъ управленіе Португаліей на правительственную хунту. Произошло

перемѣщеніе ролей: Португалія какъ бы превратилась въ колонію, а Бразилія—въ метрополию. Такой порядокъ вещей не могъ нравиться португальцамъ. Деспотическій образъ дѣйствій Бирсфорда, презрительное обращеніе его съ членами португальской аристократіи, полный застой въ торговой и промышленной дѣятельности страны общественное мнѣніе ставило въ связь съ переселеніемъ въ Бразилію королевской семьи и настоятельно требовало возвращенія ея на родину.

Но Іоаннъ VI (1816—1826), ставшій королемъ послѣ смерти матери своей Маріи, предпочиталъ оставаться въ Америкѣ и приглашалъ даже переселиться къ нему выдающихся представителей португальской аристократіи и буржуазіи. Недовольство въ странѣ отъ этого только росло. Развивалась вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность тайныхъ обществъ, несмотря на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергало ихъ правительство.

Особенно много недовольныхъ было въ рядахъ войска. Оно роптало на неисправную выдачу жалованья и на необходимость подчиняться англичанамъ. Кромѣ того, португальскіе офицеры, постоянно поддерживавшіе сношенія съ иностранцами, были проникнуты либеральными идеями и желали установленія конституціоннаго правленія. Въ 1817 году открытъ былъ военный заговоръ, направленный противъ англичанъ. Участники его были преданы смертной казни. Положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становилось серьезнѣе, и лордъ Бирсфордъ отправился въ Бразилію для личныхъ переговоровъ съ королемъ. Между тѣмъ въ 1820 году вспыхнула революція въ Испаніи, а вслѣдъ затѣмъ и въ Португаліи: г. Оporto сталъ очагомъ революціоннаго движенія, которое охватило Коймбру, Лиссабонъ и другія части королевства. Въ Лиссабонѣ организовано было временное правительство, упразднившее регентство лорда Бирсфорда, приглашавшее короля вернуться на родину. Въ то же время отъ имени короля созданы были въ Лиссабонѣ учредительные кортесы, выработавшіе для португальцевъ демократическую конституцію, на подобіе Испанской 1812 года. Іоаннъ VI, оставивъ вице-королемъ Бразиліи своего старшаго сына, донъ Педро, прибылъ съ остальными членами семейства въ Европу

и въ 1822 г., несмотря на протесты жены своей Карлотты, принесть въ кортесахъ присягу соблюдать новую конституцію.

Эмансипаціонное движеніе, начавшееся въ испанской Америкѣ, распространилось въ двадцатыхъ годахъ и на Бразилію, тяготившуюся своей зависимостью отъ Португаліи. Поводомъ къ отдѣленію Бразиліи отъ метрополіи послужило то обстоятельство, что депутаты ея устранины были отъ участія въ составленіи Португальской конституціи 1822 г. Принцъ — регентъ Бразиліи, донъ Педро, примкнулъ къ національному движенію колоніи и принялъ титулъ „постояннаго защитника Бразиліи“, а 12 октября 1822 г. провозглашенъ былъ „конституціоннымъ императоромъ“. Іоаннъ VI, послѣ неудачной экспедиціи португальскаго военнаго флота къ берегамъ Бразиліи, долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ и признать независимость Бразильской имперіи (1825).

Между тѣмъ въ Португаліи готовилась контръ-революція. Какъ и въ Испаніи, здѣсь образовались двѣ политическія партіи — либеральная (конституціонисты) и реакціонная (абсолютисты). Во главѣ послѣдней стояли жена Іоанна VI, Карлотта, и второй сынъ его, Мигуэль. Переворотъ, произведенный въ Испаніи при содѣйствіи французскаго войска герцога Ангулемскаго въ пользу абсолютизма, ободрилъ реакціонную партію Португаліи; Мигуэль, во главѣ лиссабонскаго гарнизона возсталъ противъ отца, взялъ его въ плѣнъ и добился отмены конституціи 1822 г. Но англичане помогли королю освободиться изъ плѣна. Іоаннъ VI выслалъ тогда своего мятежнаго сына въ Вѣну и вскорѣ затѣмъ умеръ. Старшій сынъ его, донъ Педро, бразильскій императоръ, не имѣя права соединять подъ своею властью два государства, отрекся отъ португальскаго престола въ пользу своей малолѣтней дочери Маріи да Глоріа, назначивъ регентомъ дону Мигуэля, который долженъ былъ жениться на своей племянницѣ по достиженіи ею совершеннолѣтія. Въ то же время (въ 1826 г.) онъ издалъ для Португаліи новую конституцію, на подобіе конституціонной хартіи Людовика XVIII представлявшую законодательную власть кортесамъ, состоявшимъ изъ 2 палатъ (палаты пэровъ и палаты депутатовъ), а исполнительную — королю. До прибытія Мигуэля регентшей коро-

левства оставалась сестра его, Изабелла-Марія. Мигуэль принялъ предложенныя ему условія и въ февралѣ 1828 года прибылъ въ Лиссабонъ.

Несмотря на принесенную имъ присягу соблюдать конституцію, Мигуэль не замедлилъ нарушить ее. Опираясь на поддержку „абсолютистовъ“, вождями которыхъ были Амаранте и Абрантесъ, и на сочувствіе испанской реакціонной партіи „апостоликовъ“, Мигуэль рѣшилъ присвоить себѣ корону, вопреки правамъ своей племянницы. Онъ созвалъ кортесы изъ трехъ сословій, какъ созывались они въ средніе вѣка, и заставилъ ихъ признать себя королемъ (въ іюлѣ 1828 г.). Такимъ образомъ, произведенная Мигуэлемъ узурпація короны получила санкцію народнаго согласія. Но иностранные послы (французскій, англійскій, прусскій и русскій) отказались признать этотъ переворотъ и оставили Лиссабонъ. Это не смутило узурпатора. Онъ сталъ править, какъ неограниченный монархъ, подвергая либераловъ жестокимъ преслѣдованіямъ и нарушая права англійскихъ и французскихъ подданныхъ, жившихъ въ Португаліи.

Конституціонная партія, съ генераломъ Сольданы и др. во главѣ, опираясь на поддержку англійскаго и французскаго флота, рѣшила тогда наказать узурпатора и отнять отъ него корону. Съ своей стороны и донъ Педро, бразильскій императоръ, рѣшилъ вступить за права своей дочери. Не получивъ поддержки отъ своихъ подданныхъ для осуществленія задуманнаго плана, онъ отрекся отъ Бразильскаго престола въ пользу малолѣтняго сына своего, дона Педро II, и отправился въ Европу.

Одинъ изъ Азорскихъ острововъ, Терсейра, оставшійся вѣрнымъ Маріи, сдѣлался сборнымъ пунктомъ для всѣхъ ея приверженцевъ. Донъ Педро сталъ во главѣ 12.000 войска, овладѣлъ лѣтомъ 1832 г. Оporto, главнымъ средоточіемъ португальскихъ либераловъ и въ теченіе двухъ лѣтъ, при помощи англійскаго войска, велъ упорную борьбу съ донъ-Мигуэлемъ, которому помогалъ претендентъ на испанскій престолъ донъ-Карлосъ. Союзъ этихъ двухъ претендентовъ являлся естественнымъ послѣдствіемъ сходства ихъ положенія и политическихъ стремленій. Когда умеръ Фердинандъ VII и регентшей Испаніи сдѣлалась Марія Христина,

она послала свои войска въ Португалію, чтобы помочь донъ-Педро въ его борьбѣ противъ соединенныхъ силъ донъ-Мигуэля и донъ-Карлоса. Наконецъ, въ 1834 году оба они были изгнаны изъ королевства, конституція 1826 г. была восстановлена и королева Марія вернула себѣ корону. Тогда же произведенъ былъ рядъ либеральныхъ реформъ, изъ которыхъ уничтоженіе монастырей было важнѣйшей. Королева вступила въ бракъ съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, но скоро овдовѣла и вторично вышла замужъ за Фердинанда, герцога Кобургъ-Готскаго (1836). Правленіе Маріи продолжалось до смерти ея въ 1853 г., когда престолъ перешелъ къ ея старшему сыну, Педро V.

Съ отреченіемъ донъ Мигуэля отъ власти конституціонное движеніе Португаліи характеризуется утратой политической роли абсолютистовъ и раздѣленіемъ партіи либеральной на двѣ фракціи: хартистовъ, поддерживавшихъ конституцію 1826 г., и сентябристовъ, стремившихся къ восстановленію конституціи 1822 г., а съ нею — и народнаго суверенитета. Свое названіе сентябристы получили отъ того, что произвели въ сентябрѣ 1836 г. революцію, приведшую къ выработкѣ новой конституціи (въ 1838 г.), которая отличалась отъ хартіи 1822 г. учрежденіемъ двухъ палатъ кортесовъ (*samara dos pares* и *samara dos deputados*) и предоставленіемъ коронѣ неограниченнаго «*veto*».

Какъ и въ Испаніи, борьба политическихъ партій сопровождалась здѣсь интригами честолюбивыхъ вождей, стремившихся къ власти и часто обращавшихся къ помощи военныхъ „*pronunciamento*“ для достиженія своихъ цѣлей. Оппозиціонная правительству партія имѣла наибольшее число своихъ приверженцевъ въ многочисленныхъ городскихъ центрахъ королевства, въ Оporto, Лиссабонѣ и Коимбрѣ. Въ 1842 году сентябристы потерпѣли пораженіе, и власть перешла къ хартистамъ, вождемъ которыхъ сталъ Коста Кабраль (графъ де Thomar). Господство ихъ продолжалось до 1852 г., когда произошла революція, отдавшая власть партіи „возрожденія“ (*regenerator*), возникшей изъ партіи „сентябристовъ“ и „лѣвой“ хартистовъ. Вождемъ партіи „возрожденія“ сдѣлался маршалъ Сальданы. Господство ея отмѣчено измѣненіями конституціи въ демо-

кратическомъ направленіи: имущественный цензъ избирателей депутатовъ въ кортесы былъ значительно пониженъ.

Партія возрожденія въ послѣдующее время подверглась ряду внутреннихъ измѣненій; изъ состава ея выдѣлилась т. наз. „историческая лѣвая“, вождемъ которой сталъ маркизъ Луле, и партія реформистовъ. Обѣ онѣ въ 1877 г. слились въ одну, получившую названіе прогрессивной. Вождемъ ея сталъ Фонтесъ Перейра. Эти измѣненія произошли въ царствованіе короля Луиса I (1861—1889). Время это отмѣчено изданіемъ новаго гражданскаго кодекса, уничтоженіемъ майоратовъ, наследственнаго прѣства, смертной казни, расширеніемъ избирательнаго права, желѣзнодорожной сѣти, развитіемъ земельного кредита и т. д. Публицисты и ученые принимали горячее участіе въ политическихъ и общественныхъ преобразованіяхъ Португаліи, которая съ каждымъ поколѣніемъ достигала все большихъ успѣховъ на пути умственнаго и матеріальнаго развитія. Но ей не удалось до сихъ поръ избавиться отъ огромнаго государственнаго долга, сдѣланнаго Мигуэлемъ. Несмотря на всѣ усилія правительства поправить финансы королевства, государственный долгъ продолжаетъ возрастать. Въ періодъ отъ 1853 до 1900 г. онъ увеличился съ 39 милліоновъ милрейсовъ до 584.

Въ 80 годахъ XIX в. въ Португаліи стала развиваться республиканская партія, значеніе которой особенно усилилось со времени паденія монархическаго строя въ Бразиліи, что совпало приблизительно со вступленіемъ на португальскій престолъ короля Карла I (1889 г.). Португальскіе республиканцы, въ отличіе отъ испанскихъ, не сочувствуютъ идеѣ т. наз. иберійскій уніи, которая зародилась въ половинѣ XIX в. и ставитъ задачей политическое объединеніе Пиренейскихъ государствъ, т. е. Испаніи и Португаліи, на началахъ федераціи. Португальцы опасаются, даже въ случаѣ установленія федеративной уніи, поглощенія своего государства сосѣднимъ королевствомъ и ревниво оберегаютъ свою политическую и національную самобытность. Они не могутъ забыть позора шестидесятилѣтняго владычества Испаніи надъ Португаліей, когда въ своемъ паденіи Испанія увлекла за собою и свою сосѣдку, истощивъ всѣ ея матеріальныя и духовныя силы. Воспоминаніе

объ этомъ времени не исчезло, и ненависть португальцевъ къ сосѣдямъ составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ ихъ.

Кромѣ того, португальцы сохраняютъ и другія черты характера, отличающія ихъ отъ наружно спокойныхъ и сосредоточенныхъ въ самихъ себѣ кастильцевъ: именно чрезмѣрную впечатлительность и болѣзненно развитое самолюбіе. Какъ и кастилецъ, португалецъ сильно дорожитъ традиціями славнаго прошлаго и не всегда сознаетъ, какой глубокой существуетъ контрастъ между героическими временами Васко де Гамы и грустнымъ современнымъ положеніемъ страны, поставленной въ экономическую зависимость отъ Англіи. Масштабъ международнаго и торговаго значенія маленькаго государства сильно сократился въ періодъ отъ XVI до XX в., но, несмотря на это, португалецъ продолжаетъ смотрѣть на настоящее глазами прошлаго, и это создаетъ комическія стороны народнаго характера португальцевъ, склонныхъ, въ массѣ, къ сильнымъ преувеличеніямъ, громкимъ эпитетамъ въ примѣненіи къ лицамъ и предметамъ, совсѣмъ маловажнымъ (такъ небольшому суденышку они даютъ названіе „Terror dos mares“ „ужасъ морей“; въ основу монетнаго счета кладутъ неимовѣрно малую, воображаемую величину—рейсъ, вслѣдствіе чего самый скромный платежъ исчисляется десятками тысячъ рейсовъ; число войска опредѣляютъ количествомъ ногъ людей и лошадей! и т. д.).

Но, подобно испанцамъ, они сохранили и героическія стороны характера, образовавшіяся въ эпоху борьбы съ маврами, когда они, наряду съ кастильцами, совершали подвиги во имя религіи и національной независимости. Когда борьба эта была закончена, идеалы національнаго единства были осуществлены, церковь христіанская восторжествовала надъ „полумѣсяцемъ“, португальцы, какъ и испанцы, стали искать арены для совершенія новыхъ подвиговъ за предѣлами отечества, въ невѣдомыхъ заморскихъ странахъ, стали основывать колоніи и насаждать тамъ христіанство. Когда съ переходомъ къ новому времени въ жизни европейскаго общества стали дѣйствовать новые факторы развитія въ видѣ крупной промышленности и торговли, разрушившіе мало-по-малу средневѣковые устои жизни и идеалы, португальцы подобно испанцамъ, слабо

пристали къ новому движенію и, за отсутствіемъ новыхъ идеаловъ, стали искать удовлетворенія своей жажды совершать подвиги въ „ауто-да-фе“ и въ „бояхъ быковъ“ —явленіяхъ одного и того же порядка, служившихъ выраженіемъ вѣкового варварства и невѣжества. Только въ XVIII в. Пиренейскіе народы снова стали сближаться въ культурномъ отношеніи съ Европой, а въ теченіе XIX в. рѣзкія различія между ними и ихъ сосѣдями мало-по-малу исчезли.

Однако, идеи новаго времени съ большимъ трудомъ проникали въ сознаніе народныхъ массъ полуострова. Съ тѣхъ поръ, какъ древніе фуэросы были уничтожены, послѣднія находятся, такъ сказать, въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Если вѣра во всемогущество закона обманываетъ ихъ, если онѣ перестаютъ вѣрить въ возможность достиженія своихъ политическихъ идеаловъ парламентарными средствами, то обращаются къ оружію, къ пронунсіаміенто или къ гражданскимъ войнамъ, которыя составляютъ главное содержаніе политической исторіи Пиренейскаго полуострова за послѣднее столѣтіе.

Краткій бібліографическій указатель.

Altamira, Historia de España y de la civilización española, Barcelona, t. I, 1900, t. II, 1902 (не окончено еме).

Amador de los Rios, Hist. critica de la literatura española. Madrid, 1861—1867.

Barros (da Gama), Historia da administração publica em Portugal nos seculos XII a XV. Lisboa, t. I, 1885, t. II, 1896.

Barros Cunha, Historia da liberdade em Portugal, 1869.

Bofarull y Broca, Historia critica, civil y eclesiastic de Cataluña, Barcelona, 9 v, 1876—1879.

Bonn, Spaniens wirtschaftlicher Niedergang im 16 Jahrh., München.

Breuil (comte Jean du Hamel), Pombal (Rev. Hist. LIX—LX, 1895—1896).

Burke, A history of Spain from the earliest times to the death of Ferdinand the Catholic, London, 2 v. 1895.

Cánovas del Castillo (подъ редакціей его), *Historia general de España* (208 выпусковъ). Madrid, 1890—1894.

Cárdenas, *Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España*, Madrid, 2 t. 1873.

Colmeiro, *Historia de la economia politica en España*, Madrid, 1863.

Danvila y Collado, *Las libertades de Aragon*, Madrid, 1881.

Dozy, *Histoire des Musulmans d'Espagne*, Leyde, 4 v. 1861.

Häbler, *Die wirtschaft. Blüte Spaniens im 16 Jahrh. und ihr Verfall* (*Deutsche Ztschr. für Geschichtswiss.*, XI). Berlin, 1887.

Heeren, Ukert, Giesebrecht und Lamprecht, *Gesch. d. europ. Staaten*: 1) *Geschichte von Spanien*, von Lembke (B. I, Hamburg, 1831), von Schäfer (BB. II, III, Gotha, 1844—1861), von Schirrmacher (BB. IV, V, VI, Gotha, 1881, 1890, 1893) продолженіе этого труда (отъ 1492 г.); взялъ на себя Häbler; 2) *Geschichte von Portugal*, von Schäfer, 5 v., 1836—1854.

Herculano, *Historia de Portugal desde o começo da monarchia até o fim do reinado de Affonso III*, Lisboa, t. I—IV, 1876—1887 (4-е и 5-е изд.).

Hinojosa, *Historia general del derecho español*, Madrid, t. I, 1887.

Hubbard, *Histoire contemporaine de l'Espagne*, Paris, 6 v., 1869—1883.

Lafuente, *Historia general de España* (continuada por J. Valera), Barcelona, 25 v., 1877—1888 (новое изданіе).

Lauser, *Gesch. Spaniens von Sturze Isabellas bis zur Thronbesteigung Alfons*, Leipzig, 1877.

Laonardon, Prim, Paris, 1901.

Marichalar y Manrique, *Historia da la legislacion... de España*, Madrid, 7 v. 1861—1863.

Menendez Pelayo, Historia de los heterodoxos españoles. Mad., 3 v. 1883.

Morel-Fatio, L'Espagne au XVI et au XVII siècle, Heilbr., 1878 (документы и комментарий).

Perez Pujol, Historia da las instituciones sociales de España Goda, Valencia, 1896.

Prescott, History of Ferdinand and Isabella, Boston, 1838,—of Philipp. II of Spain, 1855—1858.

Тикноръ, Исторія литературы. Переводъ подъ ред. проф. Н. И. Стороженко.

Zarate, De la instruccion publica en España, Madrid, 1855.

Изъ русскихъ работъ по испанской исторіи и литературѣ назовемъ: Боткинъ, Письма объ Испаніи; Грановскій, Испанскій эпосъ; Лучицкій, Поземельная община въ Пиренеяхъ, Бегетри; Петровъ, Очерки бытового театра Лопе де Вега; Пискорскій, Кастильскіе кортесы, Вопросъ о значеніи и происхожденіи шести „дурныхъ обычаевъ“ въ Каталоніи, Крѣпостное право въ Каталоніи и рядъ статей (Испанскіе университеты, Д. Антоніо Кановасъ дель Кастильо и др.), посвященныхъ различнымъ вопросамъ исторіи и современной жизни Испаніи (нѣкоторые отдѣлы нашей „Исторіи Испаніи и Португаліи“ представляютъ сводъ или переработку того, что нами раньше было напечатано по частнымъ вопросамъ исторіи Пиренейскихъ государствъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ и статьяхъ). Трачевскій, Исторія Испаніи въ XIX в. Шепелевичъ, Сервантесъ (еще не окончено).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Очеркъ развитія Испаніи отъ Утрехтскаго мира до начала войны за независимость (1713—1808).

Территориальный составъ испанскаго королевства послѣ Утрехтскаго мира.—Характеръ внѣшней политики Испаніи подѣ влияніемъ «семейныхъ договоровъ» Бурбоновъ.—Начало возрожденіи Испаніи.—Ростъ населенія.—Распределеніе земельной собственности.—Положеніе земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ классовъ въ XVIII в. въ отдѣльныхъ областяхъ Испаніи: крестьяне, дворянство и духовенство.—Правительственныя мѣры къ поднятію земледѣлія.—Организація промышленности.—Развитіе торговли и торгово-промышленныхъ классовъ.—Упадокъ привилегированныхъ сословій.—Королевскій дворъ, центральное и провинціальное управленіе.—Отношенія между церковью и государствомъ.—Новый кодексъ «*Novísima Recopilación*».

Хотя держава послѣдняго испанскаго Габсбурга, Карла II, была нѣсколько меньше по объему и значенію сравнительно съ наслѣдствомъ перваго Габсбурга на испанскомъ тронѣ, Карла I (отпали Голландія, Руссильонъ и Серданья), но все-таки здѣсь по-прежнему „солнце никогда не заходило“. Испанскимъ наслѣдствомъ, послѣ упорной борьбы съ другими претендентами, завладѣлъ внукъ Людовика XIV—Филиппъ V Бурбонъ, но въ урѣзанномъ видѣ: были утрачены не только итальянскія и нидерландскія владѣнія Испаніи (Бельгія, Миланъ, тосканскія крѣпости, Неаполь, Сардинія достались австрійскимъ Габсбургамъ, а Сицилія—Савойскому дому, обмѣнявшему ее въ 1720 г. на Сардинію), но и Гибралтаръ и портъ Магонъ на островѣ Миноркѣ, доставшіеся англичанамъ. Кромѣ того, Филиппъ V долженъ былъ отказаться отъ наслѣдственныхъ правъ на французскій престолъ. Таковы были условія Утрехтскаго мира 1713 г. Они оставались въ силѣ до 1808 г., когда началась война Испаніи за независимость противъ Франціи.

Съ переходомъ испанскаго престола отъ Габсбурговъ къ династіи Бурбоновъ, вражда между Испаніей и Франціей, длившаяся въ теченіе XVI и XVII вв., уступила мѣсто дружественнымъ отношеніямъ. Между испанской и французской вѣтвями Бурбоновъ даже былъ заключенъ въ 1733 г. въ Эскуріалѣ семейный договоръ, надъ чѣмъ особенно хлопотала вторая жена Филиппа V, Изабелла Фарнезе, надѣявшаяся при помощи такого союза обезпечить за своими сыновьями обладаніе тронами Неаполя и Пармы. По достиженіи этой цѣли, династическая солидарность трехъ вѣтвей дома Бурбоновъ, испанской, французской и итальянской, подтверждена была договорами 1743 и 1761 гг. Заклячая между собою союзы, Бурбоны какъ бы стремились создать для своего дома такое положеніе въ нео-латинской Европѣ, какое въ средней занимали Габсбурги, а въ восточной—Романовы.

Какъ слѣдствіе Эскуріальскаго договора, были совмѣстныя дѣйствія Испаніи и Франціи въ войнахъ за польское и австрійское наслѣдство противъ Габсбурговъ. Результаты этихъ войнъ не доставили полного удовлетворенія Изабеллѣ Фарнезе. Правда, въ 1733 г. сынъ ея Карлъ овладѣлъ неаполитанскимъ трономъ, но Тоскана досталась не ея дѣтямъ, а мужу Маріи-Терезіи Габсбургской, Франциску Лотарингскому, взявъ Лотарингіи, отданной Станиславу Лещинскому въ силу особаго соглашенія, заключеннаго съ Австріей кардиналомъ Флери, вопреки Эскуріальскому договору. По Ахенскому миру 1748 г. Испанія вернула себѣ въ Италіи лишь небольшую часть того, что принадлежало ей раньше, до злополучнаго туринскаго сраженія 1706 г., именно Парму, Пьяченцу и Гвасталлу.

Несмотря на фамилные договоры, Бурбоны не вернули Испаніи прежнихъ владѣній и значенія въ Европѣ. Даже колониальное могущество ея въ XVIII в. клонилось къ упадку. „Мы потеряли Фландрію,—съ горечью говорилъ министръ Карла III, знаменитый Кампоманесь,—мы потеряли и Италію. Почему мы не можемъ потерять и Мексики и Перу. И въ такомъ случаѣ, какую роль мы будемъ играть въ мірѣ“?

Предчувствія Кампоманеса впоследствии сбылись, и Испанія

мало-по-малу лишилась почти всѣхъ своихъ колоній. Но зато по мѣрѣ того, какъ сокращались территоріальныя владѣнія Іспаніи, населеніе ея возросло; во всѣхъ сторонахъ экономической и духовной жизни испанскаго народа замѣчался сильный прогрессъ.

О ростѣ населенія ^{Италіи} ~~Италіи~~ въ теченіе XVIII в. свидѣлствуютъ слѣдующія цифры:

въ концѣ царствованія Карла II оно спустилось до цифры				5.700.000	человѣкъ.
въ 1726 г.	поднялось до	.	.	.	6.025.000
„ 1768 „	„	„	.	.	9.301.728
„ 1787 „	„	„	.	.	10.409.879
„ 1797 „	„	„	.	.	10.541.000

т.-е. за 100 лѣтъ населеніе Іспаніи почти удвоилось и достигло той цифры, на которой находилось въ первые годы XVI в.

Испанскія колоніи около 1800 г., по вычисленію А. Гумбольдта, имѣли до 19 милліоновъ населенія, а общее число населенія метрополіи и колоній достигало цифры 29 милліоновъ. Главной причиною роста населенія были наступившій съ воцареніемъ Бурбоновъ продолжительный миръ и внутреннія реформы, улучшившія бытъ населенія.

Бурбоны внесли новую струю въ жизнь испанскаго народа: они олицетворяли собой французскую культуру XVIII в., вліяніе которой широкой волною стало распространяться по всему полуострову, способствуя возрожденію и матеріальныхъ, и духовныхъ силъ Іспаніи.

Всѣ сильныя и слабыя стороны Франціи „старого порядка“ нашли тогда отраженіе въ жизни испанскаго народа и въ политическомъ, и въ экономическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ.

Стройная система административной централизаціи, подчиненіе органовъ провинціальной администраціи дѣятельному контролю центральнаго правительства, разграниченіе функцій послѣдняго между спеціальными министерствами, всеобъемлющая роль государства въ формѣ абсолютной монархіи—таковъ былъ тотъ политическій идеалъ, къ которому стремились испанскіе Бурбоны XVIII в.

Въ области экономической политики система протекціонизма,

выработанная Кольберомъ, имѣла широкое примѣненіе въ Іспаніи первой половины XVIII в., тогда какъ во второй—стали получать все большее значеніе на практикѣ идеи французскихъ фізіократовъ о свободѣ труда и торговли, имѣвшія и самостоятельныхъ теоретиковъ въ Іспаніи въ лицѣ Кампоманеса и др.

Хозяйственная жизнь Іспаніи XVIII в., какъ страны земледѣльской по преимуществу, выражалась, главнымъ образомъ, въ производствѣ хлѣба. Въ 1797 г. общій урожай хлѣба выражался цифрою 68.641.772 фанегъ (фанега = 55 литрамъ). На каждого жителя въ среднемъ приходилось $6\frac{2}{3}$ фанеги или 36,6 литровъ хлѣба, т.-е. больше, чѣмъ во Франціи въ ту же эпоху. Чистый доходъ отъ земледѣлія въ концѣ XVIII в. въ Іспаніи достигалъ 3—5 милліардовъ реаловъ.

Положеніе земледѣльческаго населенія Іспаніи, степень его матеріальнаго благосостоянія и обеспеченности опредѣлялись, главнымъ образомъ, распредѣленіемъ земельной собственности и строемъ земельныхъ отношеній.

Въ XVIII в. площадь обрабатываемой земли была еще менѣе значительной, чѣмъ теперь, когда обрабатывается лишь третья часть всей поверхности Іспаніи. По описи 1787 г., ее воздѣлывали отъ 4 до 5 милліоновъ крестьянъ; изъ нихъ 907.197 человекъ были мелкіе собственники и арендаторы, а 964.571—поденщики; остальную часть земледѣльческаго населенія представляли женщины и дѣти. Церкви принадлежало 9.093.400 арпановъ земли, дворянству—28.306.700, низшимъ классамъ—17.599.000 арпановъ.

Самымъ обеспеченнымъ было положеніе крестьянъ въ тѣхъ частяхъ Іспаніи, гдѣ существовала мелкая крестьянская собственность или приближающаяся къ ней долгосрочная или наслѣдственная аренда на чиншевыхъ началахъ, какъ это было въ баскскихъ провинціяхъ, въ Астуріи, Наваррѣ, Каталоніи и Валенсіи.

Эти области были наиболѣе густо заселенными. Здѣсь земля была хорошо обработана, и крестьяне жили въ достаткѣ, чувствуя себя хозяевами той земли, которую обрабатывали. Особеннымъ благосостояніемъ пользовались баскскія провинціи, гдѣ не было сеньоровъ, и гдѣ всѣ чувствовали себя гидальго подъ защитой мѣст-

ныхъ либеральныхъ фуэросовъ. Плодородная и прекрасно орошенная Валенсія разбита была на тысячи мелкихъ участковъ, приблизительно по 2 арпана каждый (участокъ въ 10 арпановъ казался уже большимъ имѣніемъ), владѣльцы которыхъ собирали нѣсколько урожаевъ въ годъ, не истощая почвы. Глиняныя жилища, выбѣленные известкой и покрытыя соломенною крышею, и по внѣшнему веселому виду, и по внутреннему убранству свидѣтельствовали о довольствѣ ихъ обитателей. Въ Арагонѣ одинъ собственникъ приходился на 13 жителей, но тамъ обрабатывались только плодоносныя долины Эбро и Халона, тогда какъ остальные $\frac{2}{3}$ земель были заброшены. Чѣмъ далѣе отодвигаемся мы отъ сѣвера къ центру, гдѣ господствовало половничество, тѣмъ рѣже становится населеніе; оно становится гуще въ Андалузіи, гдѣ преобладала плантаціонная система хозяйства.

Чѣмъ южнѣе была область, тѣмъ менѣе выгоднымъ было для крестьянъ распределеніе земельной собственности. Въ 1797 г. въ Новой Кастиліи сенъеріальныя земли составляли 1.541.688 арпановъ, а крестьянскія — 657.660 арп., въ Эстрамадурѣ знати принадлежало 2.149.898 арп., а крестьянамъ только 741.610 арп.; въ Ла-Манчѣ было 1.914.132 арп. дворянской земли, 853.276 арп. церковной и только 17.060 арп. крестьянской. Наиболѣе бѣдственнымъ было положеніе крестьянъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ собственность сосредоточивалась въ немногихъ рукахъ, и гдѣ крестьяне являлись или кратковременными сѣмщиками чужой земли на условіяхъ половничества и уплаты разныхъ государственныхъ и феодальныхъ повинностей, какъ это имѣло мѣсто въ Кастиліи, или безземельными батраками (*braceros*), обрабатывавшими поля богатыхъ собственниковъ подъ наблюденіемъ ихъ управляющихъ, какъ это имѣло мѣсто въ Андалузіи, гдѣ крестьяне послѣ періодовъ посѣва и жатвы, сбора оливокъ и винограда, продолжавшихся каждый разъ по 2 или по $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, оставались безъ дѣла и въ нищетѣ, а заработная плата ихъ въ размѣрѣ $3\frac{1}{2}$ реаловъ въ день уходила частью на уплату долговъ изъ 20%, частью пропивалась. Земледѣльческій пролетаріатъ Андалузіи увеличивали еще 40.000 цыганъ. Ихъ не принимали въ армію, имъ

не позволяли пріобрѣтать недвижимаго имущества; они занимались воровствомъ и обманомъ.

Въ гористыхъ мѣстностяхъ развито было скотоводство. Пастухи, дважды въ годъ перекочевывавшіе со своими стадами черезъ Кастилію въ Эстремадуру и Арагонъ, ежедневно получали по 2 ливра хлѣба; максимумъ ихъ заработной платы едва достигалъ 160 реаловъ въ годъ. Лишенные средствъ существованія, многіе горцы Испаніи занимались контрабандой и разбоемъ. Неустрашимые бандиты, часто оказывавшіе помощь обездоленному населенію, пользовались широкой популярностью какъ народные герои.

Главная масса земель сосредоточивалась въ рукахъ знати и церкви. Дворянство пользовалось рядомъ важныхъ привилегій и вольностей. Личность и имущество гидальго были неприкосновенны; даже при неуплатѣ долговъ они не могли быть лишены свободы; ихъ дома, кони, мулы и оружіе не могли быть проданы; гидальго свободны были отъ службы въ милиціи, дома ихъ—отъ военного постоя.

Какъ землевладѣльцы, дворяне пользовались многочисленными и разнообразными доходами съ зависимаго населенія; послѣднее обязано было уплачивать имъ чинши, часть урожая (отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{20}$), десять процентовъ стоимости съ каждой имущественной сдѣлки, заключавшейся съ разрѣшенія сеньора (*laudemio*). Дворянамъ принадлежали также исключительныя права охоты, рыбной ловли, рубки лѣса въ горахъ, монополіи помола, пекарни, продажи мяса и др.

Сеньоры взимали съ крестьянъ, кромѣ того, различные денежные платежи взаменъ прежнихъ натуральныхъ повинностей по сбору жатвы, винограда, перевозкѣ и молотбѣ сноповъ и т. д., а также пошлины со скота, проходившаго черезъ ихъ владѣнія.

Наконецъ, источникомъ сеньориальныхъ доходовъ являлись права юрисдикціи, принадлежавшія дворянству въ нѣсколькихъ городахъ и множествѣ мѣстечекъ и селеній и восходившія не къ среднимъ вѣкамъ, а къ эпохѣ королей австрійской династіи, которые продавали, кому хотѣли, и права юрисдикціи, и муниципальныя должности, и общинные доходы. У воротъ нѣкоторыхъ селеній даже

ставилась висѣлица съ мечомъ, какъ эмблема правъ высшей юрисдикціи, принадлежавшихъ дворянамъ. Въ своихъ деревняхъ сеньоры назначали судей (*corregidores*), управляющихъ (*bayles*) и старость (*regidores*). Назначаемые безъ всякаго разбора, плохо контролируемые и оплачиваемые, эти чиновники совершали всевозможныя злоупотребленія, противъ которыхъ правительство было безсильно. Чтобы отнять отъ дворянъ права юрисдикціи, надо было вернуть имъ тѣ суммы, которыя уплатили ихъ предки въ королевское казначейство за эти права, а такихъ средствъ у короля не было, и только революція могла уничтожить устарѣлыя привилегіи.

Карль III ограничился тѣмъ, что препятствовалъ попыткамъ къ дальнѣйшимъ захватамъ, регулируя юридическое положеніе сеньориальныхъ мѣстечекъ (*de señorio*) и содѣйствуя переходу ихъ въ королевскій доменъ (*realengo*). Именно, король требовалъ отъ сеньоровъ доказательства ихъ правъ на юрисдикцію раньше, чѣмъ они допускались къ осуществленію ихъ; судьи, назначавшіеся сеньорами, подлежали правительственному утвержденію; въ мѣстностяхъ, принадлежавшихъ сеньорамъ, король присвоилъ себѣ право назначать муниципальных чиновниковъ, такъ назыв. прокуроровъ-синдиковъ, и, наконецъ, обставилъ продажу правъ юрисдикціи такими формальностями, которыя способствовали возвращенію коронѣ утраченныхъ нѣкогда ею правъ.

Столь же вредной для общественныхъ интересовъ, какъ право сеньоровъ на юрисдикцію, представлялась другая привилегія ихъ—право майората. Оно заключалось въ томъ, что часть дворянскаго имущества объявлялась неотчуждаемой и, какъ таковая, переходила изъ рукъ въ руки слѣдующихъ другъ за другомъ представителей даннаго рода *in infinitum*. Они лишены были права распоряжаться майоратомъ, продавать и закладывать его, а могли только пользоваться имъ. Майораты въ XVI—XVII вв. учреждались съ тѣмъ, чтобы обезпечить за дворянскими семьями ихъ благосостояніе, сдѣлать невозможнымъ для нихъ разореніе. Вся Испанія къ XVIII в. была покрыта майоратами, причемъ право это распространялось иногда даже и на движимое имущество.

Освободить имущество отъ стѣсненій, налагаемыхъ майоратами,

можно было лишь въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго королевскаго разрѣшенія и послѣ предварительнаго разслѣдованія обстоятельствъ, требовавшихъ уничтоженія майоратовъ. Оковы майората приносили обществу огромный вредъ: ими изъята была изъ гражданскаго оборота масса земель; подавляя личную предприимчивость и кредитоспособность, они дѣлали невозможными какія-либо хозяйственныя улучшенія въ майоратныхъ имѣніяхъ.

Ховельяносъ возставалъ противъ этого института, какъ одной изъ причинъ экономическаго упадка Испаніи, и только 14 мая 1789 г., по настоянію Флоридабланки, изданъ былъ королевскій декретъ, запрещающій образованіе новыхъ майоратовъ безъ особаго королевскаго разрѣшенія.

Церковь также обладала большими богатствами. Ей принадлежала значительная часть обрабатываемыхъ земель, приносившихъ дохода до 360 милліоновъ реаловъ въ годъ. Духовенство свободно было отъ большей части налоговъ, падавшихъ на остальное населеніе, и пользовалось многочисленными доходами отъ десятинъ, частныхъ пожертвованій, платы за требы и т. д.

Испанія, въ отличіе отъ Италіи, въ цѣломъ далеко не представляется цвѣтущимъ садомъ, земнымъ эдемомъ. Здѣсь много земель (45⁰/о) вовсе не поддается земледѣльческой культурѣ. Для большей части остальныхъ—плодородіе тѣсно связано съ искусственнымъ орошеніемъ, а послѣднее, въ свою очередь, съ разведеніемъ лѣсовъ. Ирригаціонныя работы, предпринятыя правительствомъ безъ опредѣленнаго плана и метода, дали весьма жалкіе результаты. Мѣры, относившіяся къ разведенію и поддержанію лѣсовъ, встрѣчали противодѣйствіе со стороны крестьянъ, такъ какъ лѣсъ имъ казался источникомъ различныхъ бѣдствій: отсюда распространялись сырость и болѣзни, тамъ находили убѣжище птицы, уничтожавшія посѣвы, и т. д. Площадь лѣсовъ вслѣдствіе этого не увеличивалась, а сокращалась, и климатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, становился все болѣе сухимъ и неровнымъ. Другимъ тормазомъ для поднятія земледѣлія являлся недостатокъ населенія въ цѣлыхъ областяхъ, напр., въ Сіерра-Моренѣ, въ провинціи Сіудадъ-Родриго и т. д. Для заселенія ихъ правительство предписывало испанцамъ,

эмигрировавшимъ за границу безъ королевскаго разрѣшенія, немедленно вернуться на родину и, кромѣ того, привлекало иностранныхъ колонистовъ, напр., грековъ изъ Аяччо, къ поселенію въ Іспаніи, предоставляя имъ различныя льготы. Въ этомъ отношеніи Карлъ III слѣдовалъ политикѣ сѣверныхъ государей—Фридриха II и Екатерины II.

Но успѣшности подобныхъ начинаній правительства мѣшали патріоты и инквизиція, косо смотрѣвшіе на проникновеніе въ католическую Іспанію еретиковъ и ехизматиковъ. Да и крестьяне враждебно относились къ иностранной колонизаціи, ибо съ ней связывался раздѣлъ общинныхъ земель.

Если для поднятія земледѣлія вызывались иностранные колонисты, то для оживленія промышленности привлекались въ города иностранные мастера, которыхъ надѣляли всевозможными льготами, привилегіями, монополіями, преміями и т. д.

Стараясь поднять значеніе труда въ глазахъ своихъ подданныхъ, испанскіе Бурбоны преслѣдовали нелегкую задачу, если принять во вниманіе продолжительное деморализующее вліяніе, какое оказали на Іспанію богатства Новаго Свѣта, приучившія испанцевъ къ праздной жизни и мысли, что другіе народы должны работать на нихъ. Надо было внушить населенію правильныя воззрѣнія на хозяйственную дѣятельность, обратить вниманіе общества на нужды земледѣлія, промышленности и торговли, и съ этой цѣлью основывались различныя просвѣтительныя учрежденія и „экономическія общества друзей страны“.

Еще въ XVIII в. господствующей формой промышленной дѣятельности въ Іспаніи являлись цехи (*gremios*). Испанскіе цехи, представляя смѣшеніе началъ профессиональных ассоціацій и религіозно-благотворительныхъ братствъ, основывались на той же іерархіи учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ и на той же взаимной солидарности, что и въ остальной Европѣ.

Періодъ ученичества продолжался отъ 3 до 6 лѣтъ, по истеченіи которыхъ ученикъ превращался въ подмастерье (*mansebo*). Не имѣя права работать за свой счетъ, подмастерье могъ наниматься поденнымъ (*jornalero*) или годовымъ (*añero*) рабочимъ,

странствовать изъ города въ городъ для усовершенствованія въ ремеслѣ и только по истеченіи 2—4 лѣтъ допускался къ испытанію на званіе мастера и представленію образцовой работы. Чтобы стать мастеромъ, подмастерье долженъ былъ доказать, кромѣ своей подготовленности къ ремеслу, и то, что родители его—католики, а также сдѣлать взносъ въ кассу цеха въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, въ зависимости отъ того, сынъ ли онъ мастера, женатъ ли на его дочери, вдовѣ, или нѣтъ. Мастеръ не имѣлъ права имѣть болѣе одной мастерской, но число учениковъ и подмастерьевъ въ цехѣ не было ограничено. Поденная плата варіировалась по мѣстностямъ и ремесламъ: въ Барселонѣ въ 1786 г. подмастерье получалъ 8 реаловъ въ день, а въ Севильѣ— $4\frac{1}{2}$ реала; поденная плата иногда возвышалась до 15 реаловъ; для уясненія величины этой платы надо принять въ расчетъ, что $2\frac{1}{2}$ ливра хлѣба стоили тогда 1 реаль 18 мараведи, а 1 ливръ говядины—1 реаль 2 мараведи. Стачки подмастерьевъ запрещались.

Замкнутость, кумовство, отсутствіе личной инициативы и изобрѣтательности, хищенія общественныхъ суммъ—все подобныя недостатки цеховой организаціи въ періодъ ея разложенія хорошо были извѣстны испанцамъ, какъ и прочимъ европейцамъ.

Еще въ 1703 г. Филиппъ V обязалъ каждого негоціанта записаться въ ту или иную корпорацію. Но впоследствии противъ корпорацій раздавались все сильнѣе голоса, пока, подъ вліяніемъ Кампоманеса и Ховельяноса, въ 1790 г. не были отмѣнены испытанія на званіе мастера, и пока каждому рабочему не предоставлено было право открывать собственную мастерскую.

Для поднятія промышленности въ Испаніи Бурбоны прибѣгали къ тѣмъ средствамъ и приѣмамъ экономической политики, которыя составляли сущность кольтеризма: учреждались торговыя компаніи, куда допускались владѣльцы состоянія не менѣе 45.000 реаловъ; поощрялся ввозъ сырья и запрещался вывозъ его; облегчалась внутренняя торговля, объединялись тарифы; улучшались пути сообщенія; устраивалось между главными городами правильное дилижансовое сообщеніе; вызывались искусные иностранные мастера; основывались королевскія мануфактуры для изготовленія пред-

метовъ роскоши; обращалось вниманіе не только на добываніе драгоцѣнныхъ металловъ, но и на разработку желѣзныхъ, мѣдныхъ, свинцовыхъ и др. рудниковъ; устраивались оружейныя мастерскія, фабрикавались земледѣльческія орудія и т. д. Въ Гвадалахарѣ и Сеговіи выдѣлывались тонкія сукна; шелковое и бархатное производство сосредоточивались въ Толедо, Севильѣ, Мурсії и Валенсіи; полотняное—въ Галисіи, бумажное, кожаное, стекольное—въ Барселонѣ и т. д. Въ концѣ столѣтія національная промышленность Испаніи уже давала ежегоднаго дохода до 1.200 милліоновъ реаловъ. Развитію національнаго флота и торговли способствовала отмѣна тѣхъ постановленій, въ силу которыхъ торговля съ Индіей составляла монополію однихъ только кастильцевъ и могла производиться лишь черезъ Кадикскій портъ. Въ силу декрета 12 октября 1778 г. это право раздѣлили 13 испанскихъ и 20 американскихъ портовъ.

Главными предметами вывоза были фрукты, вино, шелковыя, шерстяныя, полотняныя и металлическія издѣлія; изъ колоній Испаніи получала кошениль, ваниль, табакъ, кофе, какао, сахаръ, металлы и т. д. О размѣрахъ торговли этой свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры. Въ 1786 г. въ Америку отправлено было изъ Испаніи туземныхъ товаровъ на 199.636.809 реаловъ, а заграничныхъ на 182.313.787 реаловъ. Изъ Америки въ Испанію доставлено было различнаго сырья на 621.675.214 реаловъ. Въ періодъ отъ 1787 до 1792 г. въ среднемъ ежегодный торговый оборотъ Испаніи составлялъ 1.900.000.000 реаловъ.

Въ 1796 г. общая сумма вывоза изъ Испаніи составляла 304.747.392 реала, а ввоза—1.239.366.660 реаловъ.

По заключеніи Амьенскаго мира въ 1802 г. въ одинъ Кадикскій портъ ввезено было американскихъ продуктовъ на 1.626.770.960 реаловъ.

Однако, испанская торговля находилась большей частью въ рукахъ иностранцевъ. Въ одномъ Кадиксѣ ихъ насчитывалось до 8500 человекъ. Другими важными центрами торговой дѣятельности были Мадридъ и Барселона: въ 1797 г. насчитывалось 156.672 жителя въ Мадридѣ и 115.000 жителей въ Барселонѣ.

Ростъ королевской централизаціи и торгово-промышленныхъ классовъ сопровождался ослабленіемъ соціального и политическаго значенія дворянства и духовенства.

Въ 1789 г. въ Испаніи насчитывалось 119 грандовъ, раздѣлявшихся на 3 класса по степени древности происхожденія. Почетъ ихъ заключался въ томъ, что король называлъ ихъ своими кузенами, а папа позволялъ имъ сидѣть въ своемъ присутствіи.

Далѣе слѣдовали 335 представителей титулованнаго дворянства и около 500.000 гidalго. Цѣлыя провинціи—Гвипускоа и Бискайя—заселены были дворянами. Почти то же надо сказать и объ Астуріи. Даже крестьяне охвачены были маніей благородства, и если кто не могъ похвалиться древностью рода, тотъ выставялъ, по крайней мѣрѣ, на видъ свою „чистоту крови“ (*limpieza de sangre*), величая себя „старымъ христіаниномъ“ (*cristiano viejo*) и давая этимъ понять, что среди его предковъ не было ни евреевъ, ни обращенныхъ мавровъ.

По отношенію къ знати испанскіе Бурбоны слѣдовали политикѣ Людовика XIV, стараясь привлечь ее ко двору, отличавшемуся отъ Версальскаго чрезмѣрной монотонностью и напыщенностью, и передать дѣйствительную власть въ руки чиновниковъ, оплачивавшихся жалованьемъ. Придворная знать въ Испаніи поддерживала пышность и великолѣпіе двора, члены ея спорили между собой изъ-за мѣстничества при различныхъ гражданскихъ и религіозныхъ празднествахъ, процессіяхъ и т. д. Провинціальныя дворяне копировали придворную знать: они окружали себя толпой паразитовъ, если были богаты, и сами превращались въ паразитовъ, если были бѣдны.

Испанская монархія, какъ и французская, была абсолютной, но все-таки между ними существовало извѣстное различіе: первая, опираясь на инквизицію, вѣдавшую не только дѣла вѣры и являющуюся своего рода „опричниной“, носила на себѣ печать мрачнаго генія Филиппа II, тогда какъ вторая представляла стройную систему административной централизаціи, отражавшую на себѣ государственн. геній Ришелье, Кольбера и Лувуа; первая болѣе или менѣе мирилась съ привилегіями и обычаями отдѣльныхъ сословій и областей, сохранявшихъ свой индивидуальный характеръ, а вторая—

все нивелировала, создавая гражданское равенство и національное единство. Несмотря на то, что власть испанского короля казалась болѣе грозной, чѣмъ власть французскаго, вліяніе послѣдняго на внутреннюю жизнь страны было сильнѣе и глубже вліянія испанскаго монарха.

Испанскій король титуловался «королемъ Испаній», ибо считалось, что, подобно двумъ Индіямъ, западной и восточной, существуетъ и нѣсколько Испаній, въ видѣ короны кастильской, короны арагонской, наваррской, баскскихъ провинцій и другихъ владѣній, сохранявшихъ въ большей или меньшей мѣрѣ старинные фуэросы и обычаи, провинціальную и муниципальную автономію и имѣвшихъ извѣстное выраженіе своихъ особыхъ интересовъ и правъ при центральномъ правительствѣ въ видѣ такъ называемыхъ „Верховныхъ Совѣтовъ“. Послѣдніе завалены были дѣлами и мѣшали другъ другу. Число Совѣтовъ сократилось; послѣ того какъ Испанія потеряла Италію и Фландрію, а въ Каталоніи были уничтожены фуэросы, сохранились лишь Верховные Совѣты Кастиліи и Индій. Членами этихъ Совѣтовъ Бурбоны, въ отличіе отъ королей австрійской династіи, назначали не дворянъ, а чиновниковъ, являвшихся болѣе ревностными и добросовѣтными исполнителями ихъ воли. Отмѣнивъ дворянскія должности коннетабля и адмирала, король сосредоточилъ въ своихъ рукахъ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами государства. Помимо Верховныхъ Совѣтовъ, органами центрального правительства были министерства. Отдѣльныя вѣтви управленія поручались спеціалистамъ, дѣйствовавшимъ умѣло и энергично. Первоначально министрами назначались иностранцы. Такъ, во главѣ финансовъ стоялъ нѣкоторое время французъ Орри; внѣшней политикой руководилъ итальянецъ Альберони; голландецъ Рипперда произвелъ рядъ экономическихъ реформъ; Патиньо работалъ надъ возрожденіемъ испанскаго флота и т. д. Но при Карлѣ III противъ обычая назначать министрами иностранцевъ возникла національная реакція. Главой Кастильскаго Совѣта назначенъ былъ графъ Аранда, проявившій изумительную энергію. Лично несимпатичный Карлу III, онъ былъ затѣмъ назначенъ въ Парижъ посломъ и замѣненъ, въ качествѣ министра, Флоридабланкой,

исполнительнымъ слугою короля и консервативнымъ политикомъ, боявшимся распространія въ Испаніи идей французской философіи. Болѣе отзывчивымъ къ послѣднимъ оказался министръ Карла IV Годой, хотя и олицетворялъ собою лѣнь, склонность къ интригѣ и тщеславію.

Подражая иностраннымъ образцамъ, министры часто безъ нужды нарушали народные обычаи, не щадили внѣшнихъ формъ національной жизни и этимъ раздражали національное самолюбіе. Такъ, министръ Эскиллаче (Esquillache) ополчился противъ живописнаго испанскаго костюма—„каны“ и „сомбреро“ (плаща и широкополой шляпы), представляющихъ для туземца прекрасную защиту противъ знойнаго солнца и рѣзкихъ переходовъ отъ жары къ холоду, но министръ находилъ этотъ костюмъ неудобнымъ съ полицейской точки зрѣнія, ибо трудно было распознать лицо того, кто носилъ сомбреро, и то, что скрывалъ онъ подъ плащомъ. Запрещеніе носить національный костюмъ вызвало народный бунтъ и осталось безъ послѣдствій. Вторая половина XVIII в. была ознаменована цѣлымъ рядомъ народныхъ возстаній, направленныхъ противъ иностранцевъ и имѣвшихъ порой антидинастическій характеръ (напр., возстаніе 1766 г. въ Мадридѣ и др. городахъ). Вообще враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ проявлялось еще задолго до наполеоновскаго нашествія 1808 г.

Что касается провинціального управленія, то и здѣсь Бурбоны слѣдовали французскимъ образцамъ. Филиппъ V поставилъ во главѣ провинціального управленія интендантовъ, какъ вѣрныхъ и преданныхъ агентовъ королевской власти. При сыновьяхъ его этотъ институтъ былъ распространенъ и въ Индіи. Провинціи подраздѣлялись на округа, во главѣ которыхъ стояли коррехидоры или алькальды. По требованію Карла III, кандидаты на должность коррехидора подвергались предварительному экзамену и назначались на 3 года, по истеченіи которыхъ обязаны были представлять отчетъ о своемъ управленіи. Городскіе совѣты были подчинены ихъ контролю и ежегодно обязаны были, съ своей стороны, представлять имъ отчеты о своей дѣятельности.

Труднѣе была борьба съ политическимъ могуществомъ церкви.

Къ началу XIX в. въ Испаніи было 8 архіепископствъ и 52 епископства. Всего духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго, насчитывалось въ 1787 г. 132.068 человекъ. О томъ, какое численное отношеніе существовало между духовенствомъ и остальнымъ населеніемъ въ отдѣльныхъ городахъ Испаніи, примѣромъ можетъ служить г. Вальядолидъ, гдѣ на 21.000 жителей приходилось 1258 духовныхъ лицъ, распределенныхъ между 14 приходскими церквами и 46 монастырями.

Экономическому могуществу испанской церкви соотвѣтствовала и значительная независимость ея отъ государства. Королевской власти принадлежало право назначенія духовныхъ лицъ на церковныя должности только въ Гранадѣ и Индіяхъ, причемъ титулъ патріарха Индіи носилъ придворный капелланъ. Бурбоны стремились ослабить могущество церкви и воспользоваться ея богатствами. Главную помѣху на этомъ пути они встрѣчали въ лицѣ папскаго нунція, іезуитовъ и инквизиціи. Послѣ Филиппа V, абсолютизмъ открываетъ борьбу противъ клерикализма и въ теченіе второй половины XVIII в. одерживаетъ рядъ важныхъ побѣдъ.

Въ 1753 г. Фердинандъ VI заключилъ съ папой конкордаты, поставившій испанскую церковь подъ непосредственный контроль государства и сдѣлавшій ее почти независимой отъ святаго престола. Въ 1767 г. орденъ іезуитовъ въ Испаніи подвергся участи, подобной той, какую испыталъ онъ въ Португаліи въ 1759 и во Франціи въ 1765 г.: въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля іезуиты, въ количествѣ 5000 человекъ, были арестованы, ихъ имущество и бумаги конфискованы, и сами они, 24 часа спустя, были отвезены въ приморскіе города, гдѣ ихъ ожидали корабли, на которыхъ они были отправлены въ Италію. Съ изгнаніемъ іезуитовъ былъ уничтоженъ главный оплотъ могущества и независимости испанской церкви. Съ тѣхъ поръ духовенство въ Испаніи все болѣе подчинялось государству, а церковная собственность подверглась ряду ограниченій и экспроприацій въ пользу государства. вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно утрачивала самостоятельность и инквизиція, становившаяся политическимъ орудіемъ королевскихъ министровъ. Число ея жертвъ уменьшилось въ сильной степени; при Филиппѣ V имѣло

мѣсто 782 случая ауто-да-фе, при Фердинандѣ VI—34, при Карлѣ III и Карлѣ IV—10. Послѣдній случай дѣйствительнаго сожженія человѣка на кострѣ имѣлъ мѣсто въ Севильѣ 7 ноября 1781 г., а символическаго—въ 1800 г. Наконецъ, въ 1808 г. была вовсе уничтожена инквизиція, подвергшая отъ 1700 г. публичному наказанію 11.367 человѣкъ.

Съ упадкомъ матеріальнаго могущества церкви ослабѣвало и ея вліяніе на духовную жизнь общества. „Index librorum prohibitorum“ пересталъ служить плотиною противъ натиска идей французской образованности, особенно послѣ 1795 г., когда Іспанія вступила въ тѣсный союзъ съ Франціей.

Всѣ успѣхи испанскаго абсолютизма, достигнутые въ теченіе XVIII в., закрѣплены были въ новомъ кодексѣ „Novísima Recopilación“, изданномъ въ 1804 г. и установившимъ нѣкоторый порядокъ въ хаосѣ законовъ и ордоннансовъ. Уголовное законодательство было смягчено, пытки отмѣнены, но судъ и администрація еще соединялись въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ.

Продолжительный миръ (особенно въ періодъ отъ 1748 г. до 1793 г.), улучшеніе администрацій, подъемъ земледѣлія и промышленности способствовали развитію благосостоянія Іспаніи послѣ того упадка, въ которомъ она находилась въ 1700 г. Къ 1800 г. населеніе возросло до 11 милліоновъ, армія увеличилась до 100.000 человѣкъ (въ 1700 г. она равнялась 20.000), флотъ до 300 кораблей (въ 1700 г. онъ состоялъ изъ 20 галеръ). Ежегодный доходъ возросъ до 650 милл. реаловъ, государство пользовалось уже извѣстнымъ кредитомъ.

Литература: Baudrillart, «Philippe V et la cour de France d'après des documents inédits». 5 vol. Paris. 1890—1900.

Desdèvises du Dezert, «L'Espagne de l'ancien régime». 3 vol. Paris. 1897—1904.

Borrego, «Historia de las córtes de España durante el siglo XIX» Madrid. 1885 (заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію 1-го тома, посвященнаго почти исключительно XVIII вѣку).

Очеркъ соціально-политической эволюціи Іспаніи въ XIX в.

Кадикскіе кортесы и конституція 1812 г.—«Либералы» и «раболѣпные».—Реставрація Фердинанда VII и реакція 1814—1820 г.—«Апостолики» и «масоны».—Революція 1820 г.—2-й реакціонный періодъ (1823—1833): смерть Фердинанда VII, вопросъ о престолонаслѣдіи и начало карлистской войны.—Конституціонная хартія (*Estatuto Real*) 1834 г. и революція 1836 г.—Конституція 1837 г., торжество «прогрессистовъ» и окончаніе карлистской войны (миръ при Вергарѣ 31-го августа 1839 г.).—Отреченіе Маріи-Христины, регентство Эспартеро и объявленіе совершеннолѣтія Изабеллы II.—3-й реакціонный періодъ (1843—1854): министерство Нарваэса и конституція 1845 г.—«Испанскіе браки» и революція 1854 г.—«Либеральная унія» и министерство О'Доннелля (1858—1863).—Ростъ демократіи, революція 1868 г. и паденіе монархіи Изабеллы II.—Учредительные кортесы 1869 г.—Регентство Серрано и поиски короля.—Амедей Савойскій (1871—1873).—Испанская республика (1873—1874).—Федералисты и унитаристы.—Министерства Фигуэраса, Пи-и-Маргалля, Сальмерона и Кастеляра.—Кантональное движеніе и дѣятельность «Интернаціонала».—Очеркъ развитія соціалистическаго и рабочаго движенія въ Іспаніи.—Диктатура Серрано и реставрація Бурбоновъ.—Конституція 1876 г. и соціальныя движенія послѣднихъ десятилѣтій.

Кадикскіе кортесы, создавшіе знаменитую конституцію 1812 г., открываютъ новую эру въ исторіи Іспаніи. Конституція 1812 г., провозгласившая народный суверенитетъ, поставила счастье и благосостояніе народа цѣлью государственнаго управленія (§ 13). Она была своего рода евангеліемъ для испанскихъ либераловъ первой трети XIX в., и не только для испанскихъ: ею вдохновлялись и либералы другихъ странъ, напр., Португаліи, Неаполя, Пьемонта, воспроизводившіе ее въ эпоху революціонныхъ движеній 20-хъ годовъ. Кромѣ того, она важна и съ точки зрѣнія общей эволюціи парламентарнаго строя Европы XIX в., какъ попытка согласовать принципы національнаго права, лежавшіе въ основѣ средневѣковыхъ испанскихъ конституцій, съ новѣйшими политическими ученіями объ естественномъ правѣ, народномъ суверенитетѣ, раздѣленіи властей, положенными въ основу конституцій Сѣв. Америки (1787 г.) и Франціи (1791 г.), двухъ государствъ, съ которыми находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ и тѣсномъ культурномъ

взаимодѣйствіи Іспанская держава, раскинувшаяся, со своими колоніями, по обѣ стороны океана.

Кадикскіе кортесы создали конституціонную монархію, уничтожили инквизицію, феодальныя привилегіи дворянства и духовенства и установили принципъ гражданскаго и политическаго равенства всѣхъ испанцевъ. Но „старый порядокъ“ въ Іспаніи не былъ уничтоженъ такъ рѣшительно и безповоротно кортесами 1812 г., какъ во Франціи декретами національнаго собранія въ ночь на 4-е августа 1789 г. Въ Іспаніи онъ неоднократно возстановлялся и уничтожался въ теченіе первой трети XIX в. Съ другой стороны, французское господство и реформы короля Іосифа Бонапарта въ 1808 г. въ значительной мѣрѣ предвосхитили дѣло кадикскихъ кортесовъ 1812 г. Но радикальный характеръ ихъ постановленій все же приближается къ перевороту 1789 г., тогда какъ реформы Іосифа составляли какъ бы продолженіе дѣятельности такихъ королей, какъ Фердинандъ VI и Карлъ III, задавшіеся цѣлью перевоспитать испанскій народъ на началахъ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в.

Творцы испанской конституціи 1812 г. считали ее не болѣе, какъ возстановленіемъ славныхъ традицій великаго прошлаго Іспаніи, раньше другихъ странъ Европы, раньше даже Англіи, вступившей на путь представительнаго правленія. „Людамъ, мало знакомымъ съ исторіей и древними учрежденіями Іспаніи, говорили они въ своемъ рапортѣ, представленномъ въ кадикскіе кортесы, вмѣстѣ съ проектомъ конституціи, могло бы показаться, что мы черпаемъ наши идеи у иностранныхъ націй, но изъ всѣхъ декретовъ, доселѣ изданныхъ вашимъ августѣйшимъ собраніемъ, нѣтъ ни одного, не согласнаго съ духомъ тѣхъ постановленій, которыя дѣлались кортесами въ прежнія времена“.

Горячо и съ полнымъ сознаніемъ великой отвѣтственности передъ націей выполнила комиссія кортесовъ возложенную на нее задачу. Выработанный ею проектъ монархической конституціи былъ утвержденъ и обнародованъ въ Кадиксѣ 19-го марта 1812 г. *)

*) «Constitucion politica de la Monarquia española. Promulgada en Cadiz 19 de marzo de 1812». Cadiz. 1812. f. 54 pp.

(см. «Ист. Исп. и Порт.», стр. 166—169). Признаніе принципа народнаго суверенитета и установленіе однопалатной системы представительства—таковы двѣ основныя черты испанской конституціи 1812 г., отличающія ее, напр., отъ французской конституціонной хартіи Людовика XVIII, изданной два года спустя.

Конституція 1812 г. провозглашаетъ въ Испаніи ограниченную наслѣдственную монархію (§ 14) и римско-католическую религію, какъ единственно дозволенную испанцамъ (§ 12). Король Испаніи царствуетъ „милостью Божьей и конституціи“. Испанская нація опредѣляется какъ соединеніе всѣхъ испанцевъ, живущихъ въ обоихъ полушаріяхъ, какъ въ метрополіи, такъ и въ колоніяхъ, безъ различія въ правахъ (§ 1). Личная свобода, неприкосновенность, имущественныя права испанскихъ гражданъ гарантируются §§ 172 и 287 конституціи. Устанавливается свобода печати (§ 371). Правительство суверенной націи, организованное на принципъ раздѣленія властей, печется объ ея счастья и благоденствіи (§ 13). Законодательная власть принадлежитъ кортесамъ и королю (§ 15), исполнительная—королю (§ 16), при которомъ состоитъ „государственный совѣтъ“ изъ 40 членовъ, назначенныхъ имъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ кортесами (§§ 231—241). Право примѣнять законы въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ принадлежитъ судамъ, независимымъ и несмѣняемымъ (§ 17). Кортесы суть собраніе всѣхъ депутатовъ, представляющихъ націю и избираемыхъ на два года путемъ трехстепенной системы выборовъ по приходамъ, округамъ и провинціямъ среди полноправныхъ гражданъ, свѣтскихъ и духовныхъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста и жительствовавшихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, по крайней мѣрѣ 7 лѣтъ (§§ 27, 91, 92, 108), съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ депутатъ приходился на 70000 человекъ. Кортесы собираются ежегодно въ столицѣ королевства (§ 104). Они издають, истолковываютъ, отмѣняютъ законы и, въ случаѣ надобности, пересматриваютъ дѣйствующую конституцію (§ 153), принимаютъ присягу въ вѣрности конституціи отъ короля, наслѣдника престола, регентства, утверждаютъ союзные и торговые договоры, ежегодно опредѣляютъ численность арміи и флота, устанавливаютъ

налоги для всѣхъ испанцевъ безъ изыятія, разрѣшаютъ займы, контролируютъ дѣйствія администраціи, привлекаютъ министровъ къ отвѣтственности и т. д. (§§ 356—361; 338—355; 131, 226). Постановленія кортесовъ утверждаются королемъ, которому принадлежитъ право двукратнаго „veto“ (§§ 142—149). Въ промежуткахъ между сессіями кортесовъ засѣдаетъ постоянная комиссія ихъ изъ 7 членовъ, рѣшающая текущіе дѣла (§§ 157—159). Провинціямъ и общинамъ предоставляются нѣкоторыя права самоуправления, органами которыхъ служатъ провинціальныя сеймы (*diputaciones*) и муниципальныя совѣты (*ayuntamientos*) (§§ 309—337). Конституція предписываетъ учрежденіе во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ первоначальныхъ школъ для обученія дѣтей чтенію, письму, ариметикѣ, катехизису католической религіи и гражданскихъ обязанностей; во всемъ королевствѣ устанавливается однообразный планъ преподаванія; во всѣхъ университетахъ Испаніи вводится преподаваніе политической конституціи испанской монархіи (§§ 336—370).

Таковы были главныя положенія испанской конституціи, созданной кадикскими кортесами въ 1812 г. Руководящее значеніе здѣсь принадлежало „ховельянистамъ“, представлявшимъ наиболѣе просвѣщенную часть испанскаго общества и боровшимся, подъ руководствомъ Ховельяноса, поэта Кинтаны, Калатравы, Аргуэльеса, Мартинеса де ла Роса, Торено, Истуриса, Капмани, Виллануэвы, Доу, Кирогіи и др., противъ сторонниковъ стараго порядка. Между идеалами тѣхъ и другихъ, какъ и вообще между испанской интеллигенціей и народной массой, руководимой фанатическимъ и невѣжественнымъ духовенствомъ, лежала цѣлая пропасть, отдѣлявшая ихъ другъ отъ друга чуть не на нѣсколько столѣтій культурнаго развитія. Ликвидируя старый порядокъ въ Испаніи, кадикскіе кортесы декретомъ отъ 8-го іюля 1813 г. провозгласили свободу промышленнаго труда. Отнынѣ каждый могъ заниматься любымъ ремесломъ, и для этого не требовалось особыхъ испытаній, дипломовъ, включенія въ соотвѣтственный цехъ. Такъ восторжествовали экономическія идеи, изложенныя еще въ 1785 г. Ховельяносомъ въ его трактатѣ „Informe sobre el libre ejercicio de los artes“.

Проектъ уничтоженія инквизиціи былъ принятъ большинствомъ 90 голосовъ противъ 60, несмотря на энергическій протестъ палскаго нунція: кортесы заявили ему, что это не дѣло его компетенціи. Впервые здѣсь раздалось слово „либераль“ въ смыслѣ, въ какомъ теперь оно употребляется во всемъ мірѣ, для обозначенія члена политической партіи, охваченной жаждой свободы и прогресса. Напротивъ того, терминъ „serviles“ („раболѣнные“) служилъ тогда обозначеніемъ приверженцевъ застоя и деспотизма. И въ то время, какъ „либералы“ возглашали: „да здравствуетъ свобода“, „раболѣнные“ кричали: „да здравствуетъ самодержавный король, долой грамотѣевъ“! Предметомъ ненависти „раболѣнныхъ“ были иностранцы, особенно французы и „офранцуженные“ испанцы („afrancesados“), съ которыми и отождествлялись „либералы“. Идеаль „раболѣнныхъ“, впоследствии называвшихся „apostolicos“, былъ союзъ алтаря и трона. Несмотря на культурное превосходство кадикскихъ либераловъ 1812 г., торжество ихъ не было продолжительно. Противъ созданной ими конституціи были духовенство, дворянство и король, недовольные нарушеніемъ и ограниченіемъ ихъ интересовъ и правъ. Но этими оппозиціонными элементами не исчерпывались сила и значеніе партіи „serviles“.

Творцы конституціи 1812 г. допустили роковую ошибку, принеся въ жертву началамъ централизаціи, единства и нераздѣльности испанской монархіи глубокую привязанность населенія отдѣльных областей ея къ своимъ вольностямъ и обычаямъ, такъ назыв. фуэросамъ. Выгоды широкаго народнаго представительства съ гарантіями гражданской и политической свободы, заключавшіяся въ конституціи 1812 г., въ значительной мѣрѣ обезцѣнивались въ глазахъ населенія наличностью чиновничества и бюрократической системой управленія, нарушавшими мѣстныя вольности. Пульсъ народной жизни билъ не въ Мадридѣ, искусственномъ центрѣ, а въ историческихъ областяхъ Испаніи, изъ которыхъ каждая образовала свои правительственныя хунты и самостоятельные военные отряды въ періодъ борьбы противъ Наполеона. Въ этихъ условіяхъ народной жизни и скрывается главная причина успѣха реакціи и тѣхъ политическихъ бурь и переворотовъ, которыми наполнена исторія

Испаніи въ XIX в., особенно въ эпоху борьбы между карлистами и христіносами. Такимъ образомъ, въ самой конституціи 1812 г. скрывался зародышъ политической неустойчивости испанской монархіи.

Личный характеръ Фердинанда VII, его криводушіе и вѣроломство, метительность и жестокость такъ же, какъ и слѣпота абсолютистовъ, способствовали крайнему усиленію реакціи послѣ того, какъ онъ снова занялъ испанскій тронъ. Если во Франціи Людовикъ XVIII и эмигранты не осмѣливались и мечтать о полной реставраціи стараго порядка, то Фердинандъ VII стремился болѣе чѣмъ къ восстановленію своего самодержавія: онъ желалъ возстановить ту политическую систему, которая господствовала въ Испаніи еще до наступленія реформъ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII в. Обстоятельства его восстановленія на тронѣ были таковы (см. «Ист. Исп. и Порт.», стр. 169—170). Въ то время, когда онъ находился въ плѣну у Наполеона, Испаніей управляли Совѣтъ Регентства и Государственный Совѣтъ. 11-го декабря 1813 г. Фердинандъ заключилъ съ Наполеономъ договоръ въ Валансѣ, въ силу котораго получалъ обратно корону, обязавшись, съ своей стороны, удалить изъ Испаніи англійскія войска, коль скоро ее оставить французскія. Однако, испанскія власти отказались признать этотъ договоръ, ссылаясь на декретъ кортесовъ отъ 1 января 1811 г., гласившій, что обязательства, принятія Фердинандомъ VII во время его плѣна, не должны имѣть силы. Кортесы, засѣдавшіе въ Мадридѣ, декретомъ отъ 2-го февраля 1814 г. подтвердили это рѣшеніе и отказались признать Фердинанда VII королемъ, пока онъ не присягнетъ конституціи. Однако, Наполеонъ далъ возможность ему вернуться въ Испанію 7-го марта 1814 г., каковою онъ и не замедлил воспользоваться, направившись въ Сарагоссу, а оттуда въ Валенсію... Президентъ кортесовъ долженъ былъ обратиться къ нему съ такою рѣчью: „Печальное легковѣріе заставило васъ сойти съ трона, на который вы вступили преждевременно вслѣдствіе малодушія вашего отца, утратившаго народное довѣріе. Событіе это сопровождалось скандальными сценами, унижившими ваше семейство. Ваше паденіе чуть не повлекло за собой гибель націи, и своимъ спасеніемъ она обязана единственно своему мужеству и твердости.

Она испытала неслыханныя бѣдствія, и отечество до сихъ поръ пребываетъ въ траурѣ по великодушнымъ жертвамъ, принесеннымъ имъ въ борьбѣ за независимость. Народъ, устоявшій среди разрушеній, могъ бы избрать своимъ главою того изъ борцовъ, который наиболѣе мужественно защищалъ его права... Но вѣрный своей присягѣ болѣе, чѣмъ требованіямъ собственныхъ интересовъ, онъ возлагаетъ на вашу главу эту корону, которая упала съ нея, и которую онъ сумѣлъ отвоевать для васъ и безъ васъ. Никогда не теряйте изъ виду, что вы обязаны этой короной только народному великодушію, и что вся жизнь ваша и вашихъ наслѣдниковъ, какъ бы продолжительна она ни была, не въ состояніи уплатить долгъ по отношенію къ народу. Отечество не устанавливаетъ другихъ ограниченій вашей власти, кромѣ тѣхъ, которыя установлены въ конституціонной хартіи, принятой его представителями. Въ тотъ день, когда вы нарушите ихъ, торжественный договоръ, нынѣ заключаемый съ вами, будетъ разрушенъ, и вы сами будете отвѣчать предъ тѣмъ закономъ, органомъ котораго вы сдѣлались. Царствуйте, Государь, облегчите отечеству тѣ бѣдствія, которыя оно испытало изъ-за васъ и ради васъ, и воспользуйтесь властью, имъ сообщенной вамъ, для исцѣленія его ранъ. Нѣтъ жертвы, которой оно не было бы готово принести вамъ ради этой благородной задачи. Да защититъ васъ небо и да продлитъ оно ваши дни, поскольку они будутъ посвящены народному благу“.

Такова была рѣчь президента кортесовъ, полная горькихъ истинъ и выражавшая настроеніе лучшей части націи. Но 12-го апрѣля къ королю явилась группа изъ 69 депутатовъ кортесовъ, представившихъ ему адресъ съ просьбой возстановить старый порядокъ...

Обрадованный король, рассчитывая на поддержку нѣкоторыхъ представителей военной и гражданской власти, подписалъ 4-го мая прокламацію о недѣйствительности конституціи и декретовъ кортесовъ, а въ ночь на 14-е мая всѣ либеральные депутаты, прибывшіе въ Мадридъ, были неожиданно арестованы. Такъ началась въ Испаніи реакція, продолжавшаяся отъ 1814 до 1820 г. Разрывъ съ либералами представлялъ крупную политическую ошибку съ національной точки зрѣнія. Хотя они и составляли меньшинство въ

странѣ, но выражали стремленія и мнѣнія лучшихъ людей, и на нихъ слѣдовало опираться при управленіи государствомъ. Вѣдь либералы помогли организовать сопротивление Наполеону, вѣдь они защищали тронъ короля, когда онъ находился въ плѣну во Франціи. Либералы были искренніе монархисты, и умѣренные элементы среди нихъ преобладали надъ крайними. Опираясь на либераловъ, новая монархія могла бы упрочиться, и это спасло бы страну отъ многихъ бѣдствій. Однако, Фердинандъ VII предпочелъ мечь милости и, отказавшись признать все, что было сдѣлано въ его отсутствіе, очутился во власти людей, совершенно неспособныхъ къ государственной дѣятельности и ослѣпленныхъ политическими страстями. Характеръ правительственной системы былъ радикально измѣненъ. Въмѣсто министерствъ, учрежденныхъ по конституціи 1812 г., восстановлены были прежніе секретаріаты, совѣты Индіи и другія старинныя учрежденія, перечисленные въ кодексъ 1805 г. „*Novísima Recopilación*“, но фактически власть сосредоточилась въ такъ назыв. „камарильѣ“, состоявшей изъ интимныхъ приверженцевъ короля, въ числѣ которыхъ были выскочки самаго низкаго пошиба, какъ бывшій водовозъ Чаморро, выходки котораго забавляли короля, бывшій привратникъ—Угарте, Эсконквисъ, Нунсіо Гравина и др. Взаимное шпіонство членовъ „камарильи“ надъ секретарями и обратно возведено было въ систему.

Почти всѣ депутаты кортесовъ, находившіеся еще въ Кадиксѣ, были арестованы; дома ихъ подверглись обыску, бумаги ихъ захвачены. Сыскъ проникалъ всюду. Всѣ книги либеральнаго направленія, въ томъ числѣ и тѣ, которыя содержали текстъ конституціи 1812 г., уничтожались. Подъ самыми ничтожными предлогами люди предавались чрезвычайному суду и осуждались на тюремное заключеніе. Но крови пролито было мало, несмотря на требованіе крайнихъ, которые, напр., въ журналѣ „Аталайя“, настаивали на томъ, чтобы всѣ либералы, заключенные въ тюрьмахъ, были повѣшены... Нѣкоторая умѣренность, проявленная правительствомъ по отношенію къ либераламъ, объясняется заступничествомъ за нихъ англичанъ. Легко понять, что при такомъ способѣ правленія открывалась широкая возможность для всякаго рода злоупотребленій и

хищеній. Королевскіе приближенные пользовались выгодами своего положенія для корыстныхъ цѣлей. Стремясь къ наживѣ, они не довольствовались королевскими милостями и безцеремонно торговали должностями и общественными предпріятіями. Но замѣчательнѣе всего то, что и самъ король принималъ участіе въ этихъ хищеніяхъ. Однимъ изъ наиболѣе скандальныхъ примѣровъ этого рода была покупка у русскаго правительства 5 линейныхъ кораблей и 3 фрегатовъ: они обошлись въ 20 милліоновъ рублей, но все оказались негодными... Скомпрометированными оказались здѣсь Угарте, морской министръ, русскій посланникъ Татищевъ и самъ король Фердинандъ VII.

Финансовое положеніе Испаніи было плачевное. Ежегодный дефицитъ превышалъ 111 милліоновъ песетъ, не считая процентовъ по огромному національному долгу. Армія и флотъ пришли въ полный упадокъ.

Морскіе офицеры испытывали крайнюю нужду; среди нихъ имѣлъ мѣсто даже случай смерти отъ голода; чтобы облегчить ихъ участь, имъ разрѣшено было заниматься рыбной ловлей... Экономическое положеніе страны вообще представляло не менѣе безотрадную картину, чѣмъ политическое. Королевскимъ декретомъ отъ 29-го іюня 1813 г. возстановлялась цеховая система, хотя и въ урѣзанномъ видѣ. Но если возстановлены были формы стараго порядка, то нація была уже не та; борьба за независимость и годы самоуправления оставили неизгладимые слѣды въ жизни и характерѣ народа, воспитавъ въ немъ вѣру въ свои силы и никогда не угасавшее стремленіе къ свободѣ.

Несмотря на преслѣдованія, либералы не теряли надежды на возстановленіе конституціоннаго строя. Объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ возстаній (въ 1814 г. Espoz у Mina, 1815 г. Porlier, 1816 Richard и 1817 Lacy), во главѣ которыхъ стояли офицеры. Военный характеръ возстаній и преобладаніе военныхъ вождей объясняется тѣмъ, что офицеры были тогда наиболѣе просвѣщенными элементами націи, а пренебрежительное отношеніе правительства къ интересамъ арміи и всевозможныя репрессіи создавали въ войскахъ благопріятную почву для революціоннаго движенія. И позже, почти на протяженіи всего XIX в., военныя

возстанія, такъ наз. „pronunciamientos“, составляли господствующую черту политической исторіи Испаніи, но уже въ силу другихъ причинъ—честолюбія и соперничества военныхъ вождей.

Крайности испанской реакціи возбуждали неудовольствіе даже среди иностранныхъ державъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ притязанія испанскаго представителя Гомеса Лабрадора не были приняты оо вниманіе; онъ отказался подписать заключительный актъ конгресса, и Испанія не получила приглашенія присоединиться къ св. союзу. Но если за границей къ Испаніи относились пренебрежительно, то въ Мадридѣ иностранные посланники оспаривали другъ у друга вліяніе на дѣла страны, особенно англійскій и русскій. Большимъ значеніемъ при мадридскомъ дворѣ пользовался графъ Татищевъ, которому покровительствовала жена Фердинанда VII, Изабелла Браганцкая (1816—1818). Русское вліяніе въ Мадридѣ поддерживалъ и князь Голицынъ, какъ тайный агентъ русскаго правительства.

Возстаніе американскихъ колоній Испаніи способствовало сближенію ея съ Британіей, съ которой былъ заключенъ торговый договоръ 17 апрѣля 1817 г. Чтобы обезпечить нейтралитетъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ испанскимъ колоніямъ, мадридское правительство уступило имъ въ 1819 г. Флориду. Но между революціонной Америкой и оппозиціонными элементами самой Испаніи установилась тѣсная связь. Въ Лиссабонѣ и Лондонѣ утвердились американскіе агенты, слѣдившіе оттуда за движеніемъ испанскихъ отрядовъ, предназначенныхъ къ подавленію американской революціи, съ тѣмъ, чтобы возбудить возстаніе въ самой Испаніи. Съ масонскими ложами Филадельфіи заодно дѣйствовали и итальянскіе карбонары. Но и въ самой Испаніи не было недостатка въ революціонныхъ элементахъ, особенно среди либеральной буржуазіи Мадрида, Кадикса и астурійскихъ городовъ. Несмотря на запрещенія, французская революціонная литература проникала въ Испанію и находила тамъ обширный кругъ читателей. Испанскіе бѣглецы 1814 г., жившіе въ Англии, боролись противъ реакціи и камарильи при помощи англійской либеральной прессы. Передовыми идеями французской политической литературы прониклись испанскіе офицеры, находившіеся въ плѣну во Франціи въ періодъ

войны за независимость и теперь возвратившіеся на родину. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ріего и Мигуэль, были членами тайныхъ революціонныхъ обществъ, карбонарскаго и масонскаго, имѣвшихъ наибольшее число послѣдователей въ Кадиксѣ и Севильѣ. Здѣсь, въ Андалузіи, въ 1819 г., среди войскъ, предназначенныхъ къ отправленію въ Америку, и началась дѣятельность заговорщиковъ, руководителями которыхъ были Алькала Галіано и Мендисабаль. Военными вождами возстанія стали полковникъ Кирога и командиръ астурийскаго полка, Рафаэль дель Ріего. Послѣдній, опираясь на преданное ему войско, и провозгласилъ 1 января 1820 г. конституцію 1812 г. въ Cabezas de S. Juan, недалеко отъ Кадикса. Но это *pronunciamiento* осталось бы безъ послѣдствій, если бы 21 февраля того же года не вспыхнуло возстаніе въ Коруньѣ, откуда оно распространилось и на другія части полуострова, Галисію, Астурію, Наварру, Сарагоссу, Барселону, Мадридъ.

Правительство было застигнуто врасплохъ и не пыталось даже противодѣйствовать этому движенію. 6 марта изданъ былъ королевскій декретъ о немедленномъ созывѣ кортесовъ, а 7 марта въ правительственной „Gaceta“ появилось извѣстіе, что король, согласно съ общимъ желаніемъ народа, рѣшилъ принести присягу конституціи 1812 г. 9 марта эта присяга была принесена предъ революціонной хунтой. Такимъ образомъ, революція 1820 г. восторжествовала безъ пролитія крови. Положеніе вещей въ Іспаніи послѣ революціи 1820 г. было крайне запутанное. Существовало два правительства: министерство и революціонная хунта, соперничавшія другъ съ другомъ. Кромѣ того, на государственную жизнь оказывали большое вліяніе мадридскіе политическіе клубы. Изъ нихъ особенно важными были: „Патріотическое общество друзей свободы“, имѣвшее мѣстопробываніе въ „Кафе Лоренсини“, и „Общество друзей порядка“, засѣдавшее въ кафе „Золотой фонтанъ“ („La Fontana de oro“), подъ руководствомъ оратора Алькала Галіано. Краснорѣчіе вошло въ моду; оно доставляло легкую и быструю популярность; имъ злоупотребляли. Большимъ успѣхомъ пользовались и революціонныя пѣсни, особенно гимнъ въ честь Ріего. Возстановлена была національная милиція

въ духѣ конституціи 1812 г., съ участіемъ членовъ знати и буржуазіи. Засѣданія кортесовъ открылись 9 іюля. Подобно кортесамъ 1810—1812 гг., они состояли изъ одной палаты. Сюда вошли многіе изъ депутатовъ 1812 г., какъ Мартинесъ Марина, Муньосъ, Торрено, Виллануэва и др. Преобладали умѣренные либералы изъ среды зажиточныхъ и образованныхъ классовъ населенія. Они стремились возстановить въ полномъ видѣ конституцію 1812 г. и боролись противъ клерикальныхъ вліяній, постановивъ ввести обязательное толкованіе текста конституціи 1812 г. въ начальныхъ школахъ, подвергать наказаніямъ членовъ духовенства, агитировавшихъ противъ конституціи, обязать его къ несенію воинской повинности, уничтожить орденъ іезуитовъ и др. религіозные ордена Испаніи и т. д.

Первая сессія кортесовъ закрыта была 9 ноября. Тогда уже обнаружился расколъ среди либераловъ, раздѣлившихся на 2 партіи—умѣренныхъ (*doceañistas*) и крайнихъ (*exaltados*). Первые представляли Мартинесъ де ла Роса, Калатрава, Торрено, Аргуэллесъ, вторыхъ—Флоресъ, Истурисъ, Алькала Галиано. Первые склонны были на уступки, лишь бы утвердить конституціонный режимъ; вторые были противъ какихъ-либо компромиссовъ. Раздоры между либералами были на руку Фердинанду VII. Несмотря на присягу конституціи, онъ только и думалъ, какъ бы ликвидировать ее. Военнымъ губернаторомъ Мадрида онъ назначилъ крайняго абсолютиста, генерала Карвахала. Вспыхнуло возстаніе, и король долженъ былъ дать ему отставку. Король сталъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ; его имя поносили на улицахъ и въ клубахъ. Фердинандъ VII жаловался на свою судьбу Людовику XVIII, указывая на то, что онъ въ плѣну у революціонеровъ, и что Испанія погружена въ анархію. Черезъ него онъ просилъ заступничества у союзныхъ державъ. Но, независимо отъ этого, уже въ мартѣ 1821 г. императоръ Александръ I, устрешенный успѣхомъ испанской революціи, предлагалъ союзнымъ державамъ вмѣшаться въ испанскія дѣла, но не имѣлъ успѣха. Австрія, Пруссія и Англія опасались усиленія русскаго, какъ и французскаго, вліянія на Пиренейскомъ полуостровѣ, а Людовикъ XVIII въ своей собственной

странѣ имѣлъ черезчуръ много дѣла. Вспыхнувшая затѣмъ революція въ Неаполѣ, гдѣ провозглашена была также испанская конституція 1812 г., дала новый толчокъ для вмѣшательства Европы въ испанскія дѣла. На конгрессѣ въ Троппау Александръ I имѣлъ случай заявить одному изъ французскихъ уполномоченныхъ о желаніи своемъ, чтобы Франція сдѣлала по отношенію къ Испаніи то же, что Австрія по отношенію къ Неаполю. Въ 1822 г. рознь между либералами въ Испаніи еще болѣе усилилась, а абсолютисты, пользуясь поддержкой со стороны Франціи, становились все смѣлѣе и вступили въ вооруженную борьбу со своими противниками въ Аранхуэсѣ, Валенсіи и Мадридѣ.

Наконецъ, Веронскій конгрессъ, подъ вліяніемъ уполномоченныхъ Франціи, Шатобріана и Монморанси, постановилъ вмѣшаться въ испанскія дѣла, возложивъ на Францію обязанность подавить испанскую революцію и возстановить Фердинанда VII въ его правахъ. Испанское министерство протестовало противъ вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія дѣла Испаніи, объявивъ такое вмѣшательство противнымъ принципамъ международнаго права. Британія, сочувствовавшая дѣлу испанскихъ либераловъ, придерживалась, однако, нейтралитета. Фердинандъ VII объявленъ былъ неспособнымъ управлять королевскую власть; управленіе передано было Совѣту регентства. 23 мая 1823 г. французскія войска, подъ начальствомъ герцога Ангюлемскаго, вступили въ Мадридъ, а 1 октября Фердинандъ VII, находившійся дотолѣ въ Кадиксѣ, явился во французскій лагерь и возстановленъ былъ въ своихъ правахъ. Такъ закончился второй періодъ конституціоннаго режима Испаніи (1820—1823), не нашедшій въ народныхъ массахъ поддержки и погибшій вслѣдствіе иностраннаго вмѣшательства. Снова въ Испаніи водворилась реакція. То усиливаясь, то ослабѣвая, она продолжалась около десяти лѣтъ (1823—1833), до смерти Фердинанда VII. Власть перешла къ абсолютистамъ, среди которыхъ, какъ и среди либераловъ, были крайніе и умѣренные. Воздемъ первыхъ былъ Каломарде, воздемъ вторыхъ—Сеа Бермудесъ. Главной опорой крайнихъ абсолютистовъ или такъ называемыхъ „apostolicos“ были члены королевскаго семейства, а именно братъ короля—Д. Карлосъ

и жена послѣдняго, Марія-Франциска Браганцская. Во главѣ министерства поставленъ былъ королевскій духовникъ—Саэсъ. Противъ либераловъ начались жестокія гоненія по дѣламъ политическимъ и религіознымъ; первыя вѣдали военные суды, вторыя—такъ назыв. „*juntas de la fe*“ („комитеты вѣры“), напоминавшіе прежніе инквизиціонные трибуналы. Въ числѣ жертвъ этихъ гоненій оказался и вождь революціи 1820 г.—Ріего, который былъ повѣшенъ. Были и добровольныя общества для борьбы противъ либераловъ и франкъ-масоновъ, напр., „Общество Ангела-Истребителя“ въ Каталоніи. „Апостолики“ болѣе довѣряли брату короля, чѣмъ самому Фердинанду VII, и рассчитывали на полное торжество своихъ принциповъ въ томъ случаѣ, если послѣ смерти бездѣтнаго и болѣзненнаго Фердинанда VII испанскій престолъ достанется Д. Карлосу. Какъ приверженцы послѣдняго, они съ 1827 г. и получили прозвище „карлистовъ“. Однако, надеждамъ этимъ нанесенъ былъ ударъ въ 1829 г., когда Фердинандъ VII по смерти третьей своей жены, Маріи-Амаліи Саксонской, вступилъ въ новый бракъ съ неаполитанской принцессой Маріей-Христиной; на нее-то и обращены были чаянія либеральной партіи съ того момента, когда стало извѣстно, что она забеременѣла. Сынъ или дочь родится у нея—вотъ вопросъ, который пріобрѣталъ тогда первостепенное политическое значеніе. Если родится сынъ, то этимъ обезпечивается торжество либеральной партіи надъ карлистскою. Если же родится дочь, то вопросъ о престолонаслѣдіи становится спорнымъ. По стариннымъ испанскимъ законамъ, вошедшимъ въ составъ кодекса „*Las siete partidas*“, престолъ можно было наслѣдовать и по женской линіи. Но Филиппъ V Бурбонъ, по окончаніи войны за испанское наслѣдство въ 1713 г., для предупрежденія возможнаго соединенія испанской и французской короны въ одномъ лицѣ долженъ былъ издать такъ назыв. „испанскій салическій законъ“ или „*auto acordado*“, по которому преемство трона допускалось лишь въ мужской линіи. Съ измѣненіемъ международныхъ отношеній, вызвавшихъ этотъ законъ, Карлъ IV, съ согласія кортесовъ въ Мадридѣ, въ 1789 г. отмѣнилъ распоряженіе Филиппа V и возстановилъ старинный законъ, разрѣшавшій женщинамъ наслѣдовать престолъ. Постановленіе

это, такъ наз. „*pragmatica*“, однако, сохранялось въ тайнѣ, пока Фердинандъ VII, подъ вліяніемъ жены своей, Маріи-Христины, не обнародовалъ его 19 мая 1830 г. Донъ Карлосъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ бѣшенство. Негодованіе его еще болѣе усилилось, когда 10 октября у Фердинанда VII родилась дочь, Марія-Изабелла (будущая Изабелла II), и была провозглашена принцессой Астурійской или наслѣдницей престола. Понятное дѣло, что теперь всѣ усилія какъ донъ-Карлоса, такъ и всѣхъ „апостоликовъ“ были направлены къ тому, чтобы добиться отмѣны прагматической санкціи, на которой основывались права Изабеллы.

Между Д. Карлосомъ и Маріей-Христиной завязалась борьба. Марія-Христина находила опору въ арміи, Д. Карлосъ въ министерствѣ, во главѣ котораго стоялъ реакціонеръ Каломарде, поднявшій гоненіе на печать и распорядившійся о закрытіи всѣхъ испанскихъ университетовъ, какъ очаговъ либерализма и революціи. Фердинандъ VII тяжело занемогъ, и его болѣзнью воспользовались карлисты, чтобы добиться отъ него санкціи своихъ притязаній, но 31 декабря 1832 г. права Изабеллы вновь были подтверждены, а мать ея, Марія-Христина, признана была регентшей. Съ этого момента началось смягченіе режима. Университеты были открыты. Изданъ былъ указъ объ амнистіи. Либералы стали оказывать вліяніе на политику. Д. Карлосу, возбуждавшему заговоры и возстанія противъ правительства Маріи-Христины, предложено было удалиться въ Португалію (13 мая 1833 г.). По старо-испанскому обычаю созваны были кортесы для принесенія присяги Изабеллѣ, какъ наслѣдницѣ престола. Вскорѣ послѣ этого Фердинандъ VII умеръ (29 сентября 1833 г.). Началось новое царствованіе, продолжавшееся 35 лѣтъ, до 1868 г. Въ первыя семь лѣтъ его правленіе находилось въ рукахъ Маріи-Христины. То была пора романтизма и въ политикѣ, и въ литературѣ (Гутьерресъ, Эспронседа, Сорилья, „Фигаро“). Либералы окружили регентшу ореоломъ романтическаго преклоненія, какъ воплощеніе ихъ идеаловъ представительнаго правленія, и, защищая ее противъ карлистовъ, сами стали называться христиносами, и если бы Христина искренно примкнула къ дѣлу либераловъ, испанская политическая проблема

разрѣшилась бы просто. Но случилось иначе. Одержавъ побѣду при помощи либераловъ, она отвергла ихъ программу реформъ и ввѣрила руководство политикой бывшему министру Фердинанда VII, Сеа Бермудесу. Она не понимала того, что общественное мнѣніе Испаніи тогда было уже не то, что въ 1814 и 1823 г., и что конституціонно-либеральныя идеи проникли уже глубоко въ сознание широкихъ народныхъ массъ. Въ сущности Христина придерживалась тѣхъ же религіозно-политическихъ воззрѣній, что и ея противники, хотя и умѣла маскировать ихъ и приспосабливаться къ обстоятельствамъ. Еще хуже обстояло дѣло при дочери ея, Изабеллѣ II, когда она достигла совершеннолѣтія, такъ какъ она лишена была какихъ-либо принциповъ. Вслѣдствіе этого процессъ установленія конституціоннаго режима въ Испаніи затянулся дольше, чѣмъ въ другихъ странахъ Западной Европы, и задачи испанскихъ либераловъ оказались сложнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Западѣ: они должны были вести войну противъ явныхъ абсолютистовъ, какими были карлисты, и напрягать усилія къ тому, чтобы заставить Христину, ея дочь и дворъ принять откровенно либеральную программу; усилія ихъ встрѣчали энергическое противодѣйствіе, и это приводило къ революціоннымъ вспышкамъ. Трудность борьбы увеличивалась еще тѣмъ, что силы самихъ либераловъ были разъединены между крайними и умѣренными элементами партій.

Въ 10-лѣтній періодъ реакціи (1823—1833) политическое воспитаніе испанскаго народа продолжалось, но въ иномъ уже направленіи сравнительно съ предшествующимъ періодомъ. Преклоненіе передъ конституціей 1812 г. ослабѣло. Новые политическіе идеалы стали воодушевлять испанскихъ либераловъ, подъ вліяніемъ болѣе близкаго ознакомленія ихъ съ политическими учрежденіями и идеями Франціи и, особенно, Англіи. Проводниками идей англійскаго радикализма и французскаго доктринерства были тѣ испанцы, которыхъ реакція заставила эмигрировать въ Англію и Францію. По возвращеніи они основали въ Мадридѣ литературно-политическіе клубы—*Liceo*, *Ateneo* и др., ставшіе главнѣйшими очагами интеллектуальнаго движенія Испаніи. Численность испанскихъ либераловъ все болѣе увеличивалась, ряды же абсолютистовъ рѣдѣли.

Приверженцы послѣднихъ, впрочемъ, долго еще составляли большинство въ различныхъ округахъ Испаніи, преимущественно сельскихъ, отождествляя преданность абсолютизму съ преданностью мѣстнымъ феодамъ. Таковъ былъ общій характеръ новаго періода испанской исторіи.

На первыхъ же порахъ королевѣ-регентшѣ пришлось стать лицомъ къ лицу съ могущественнымъ противникомъ. 29 сентября умеръ Фердинандъ VII, а 20 октября въ Талаверѣ раздался крикъ: „да здравствуетъ король донъ-Карлосъ“! Началась междоусобная война между карлистами и христиносами (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 172—173). Въ пылу и подъ вліяніемъ ея совершился рядъ перемѣнъ въ политической жизни Испаніи. Съ цѣлью обезпечить себѣ поддержку либераловъ Марія-Христина произвела нѣсколько робкихъ реформъ, поставила во главѣ министерства Мартинеса де ла Роса и издала выработанную имъ конституціонную хартію, такъ назыв. „Estatuto Real“ (10 апрѣля 1834 г.), учреждавшую двѣ палаты (2 estamentos) народнаго представительства на началахъ высокаго избирательнаго ценза и двухстепеннаго порядка выбора въ палату депутатовъ, причемъ избирателями являлись лица, получавшія 12 тысячъ реаловъ годового дохода съ капитала или 6 тысячъ реаловъ съ земли; сенатъ же состоялъ изъ прелатовъ, наслѣдственныхъ грандовъ и сенаторовъ (*próceres*), назначаемыхъ королемъ изъ среды лицъ, располагающихъ ежегоднымъ доходомъ въ размѣрѣ 60 тыс. реаловъ съ капитала. При этомъ кортесы лишены были права законодательной инициативы, всецѣло составлявшей прерогативу короны, и должны были удовлетвориться лишь правомъ петицій. Разумѣется, такая хартія никого не удовлетворила, и испанскій сатирикъ-памфлетистъ того времени Ларра съ полнымъ основаніемъ могъ назвать ее „пародіей на конституцію“. Когда собрались кортесы, организованные, согласно конституціи 1834 г., среди ихъ членовъ образовались двѣ партіи: либеральная, послѣ 1839 г. получившая названіе „прогрессистской“, и консервативная, получившая названіе „умѣренной“ („*moderados*“). Вождемъ первой былъ генераль Эспартеро, а главными вдохновителями—Мендисабаль, Олосага и др. Вождемъ второй—генераль Нарваесъ, а вдохновителями—Пидаль, Мурильо и др.

Либеральные депутаты были проникнуты антиклерикальными стремленіями, считая главной опорой карлистовъ и абсолютизма многочисленное и могущественное монастырское духовенство. По цензу 1835 г. въ Испаніи насчитывалось 31000 монаховъ и 22000 монахинь. Народъ также настроенъ былъ противъ монаховъ, и это выразилось въ іюлѣ 1834 г. въ беспорядкахъ и бунтахъ, направленныхъ противъ монаховъ, которыхъ молва обвиняла въ распространѣніи свирѣпствовавшей тогда въ Испаніи холерной эпидеміи. Правительство вновь изгнало іезуитовъ изъ Испаніи и закрыло всѣ монастыри, насчитывавшіе меньше 12 монаховъ. Но народное движеніе не успокоилось, оно обратилось противъ самого правительства. Въ іюлѣ 1835 г. Мартинесъ де ла Роса принужденъ былъ выйти въ отставку. Главой министерства сдѣлался Торрено. Онъ предложилъ портфель министерства финансовъ извѣстному банковскому дѣльцу Мендисабалу, который послѣ кадикскихъ событій 1819 г. находился въ изгнаніи въ Лондонѣ. Въ дѣйствительности власть перешла въ его руки. Онъ умирилъ революціонное движеніе, объявилъ амнистію, преобразовалъ администрацію, закрылъ большую часть монастырей, конфисковалъ монастырскія земли, улучшилъ положеніе арміи, возстановилъ свободу промышленнаго труда, хотя и не отбѣнилъ цеховыхъ союзовъ, и т. д. Въ области внѣшней политики Мендисабалъ искалъ сближенія съ Англіей, между тѣмъ какъ королева-регентша въ противоположность покойному мужу, отказывавшемуся признать Луи-Филиппа королемъ Франціи, какъ узурпатора, склонна была къ установленію дружескихъ отношеній къ французскому королю. Разногласія по этому вопросу повели къ отставкѣ Мендисабала, къ роспуску кортесовъ, гдѣ преобладали „прогрессисты“, и къ возстановленію вліянія консервативной партіи при дворѣ; а это вызвало новую революцію 15 мая 1836 г., охватившую въ августѣ тѣ части полуострова, которыя еще не были во власти карлистовъ. Наконецъ, въ самой королевской резиденціи—Ла-Гранхѣ (S. Ildefonso) произошло возмущеніе находившагося тамъ гарнизона, потребовавшего отъ Маріи-Христины провозглашенія кадикской конституціи 1812 г. (13 августа). Она вынуждена была исполнить требованіе инсургентовъ и назначила

прогрессистское министерство съ Калатравой во главѣ, которое и выработало новую конституцію 1837 г., сходную съ конституціей 1812 г. въ томъ отношеніи, что ею провозглашался принципъ народного суверенитета, но и отличавшуюся отъ нея установленіемъ двухпалатной системы представительства. Кортесы получили право собираться самостоятельно, если королевская власть не созоветъ ихъ до 1 декабря какого-либо года. Нижняя палата состояла изъ депутатовъ, избираемыхъ на 3 года по одному отъ каждыхъ 50 тыс. населенія, изъ среды плательщиковъ налоговъ не менѣе 1000 реаловъ. Избирательный принципъ, а не принципъ наслѣдства и назначенія, опредѣлялъ также составъ и верхней палаты или сената. Съ этихъ поръ Испанія уже никогда болѣе не возвращалась къ абсолютизму. Парламентарная система хотя въ послѣдствіи и нарушалась, но въ принципѣ никогда не отвергалась. Кромѣ конституціи 1837 г., министерство Калатравы ознаменовано было изданіемъ законовъ объ обязательной военной службѣ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, о дезамортизаціи земель, сосредоточенныхъ въ рукахъ свѣтскихъ и религіозныхъ общинъ, о принудительномъ займѣ въ 20 милліоновъ рублей. Но происки „умѣренныхъ“ противъ „прогрессистовъ“, возбуждаемые ими возстанія противъ правительства, повлекли за собой паденіе Калатравы и образованіе министерства Эспартеро.

То былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ людей, какихъ когда-либо знала Испанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ первый примѣръ генерала, ставшаго во главѣ правительства,—примѣръ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи зауряднымъ явленіемъ. Эспартеро возвысился во время войны противъ карлистовъ (см. „Ист. Испаніи и Португаліи“, стр. 172—173). Въ 1835 г., когда они владѣли уже всей Наваррой и большей частью Баскскихъ провинцій, онъ заставилъ ихъ снять осаду города Бильбао, во время которой погибъ знаменитый вождь ихъ, Сумалакаррегви. Въ 1836 г. карлисты оправились отъ пораженій, которыя нанесли имъ христиносы, и у нихъ явился новый искусный вождь, дѣйствовавшій, главнымъ образомъ, въ Арагонѣ и Валенсіи,—Кабрера. Въ 1837 г. Эспартеро нанесъ имъ рядъ новыхъ пораженій. Между тѣмъ чванная клика, окру-

жавшая Д. Карлоса и олицетворявшая глупость всѣхъ европейскихъ легитимистовъ, какъ и самъ Д. Карлосъ, доказавшій свою полную бездарность, возстановили противъ себя военные элементы партіи карлистовъ, и генераль ихъ, Марото, самостоятельно заключилъ съ Эспартеро 31 августа 1839 г. миръ при Вергарѣ на условіи сохраненія въ неизмѣнномъ видѣ фуэросовъ сѣверныхъ провинцій Испаніи и признанія за покорившимися карлистами ихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Послѣ этого Донъ Карлосъ удалился во Францію. Кабрера еще нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ борьбу въ Арагонѣ и Валенсіи, но и онъ 6-го іюня 1840 г. принужденъ былъ оставить Испанію. Такъ закончилась ожесточенная гражданская война, продолжавшаяся цѣлыхъ 7 лѣтъ. Успѣшное окончаніе этой войны доставило генералу Эспартеро титулъ „герцога побѣды“. По мѣрѣ того, какъ опасность со стороны карлистовъ уменьшалась, Марія-Христина все болѣе сближалась съ „умѣренными“ и слѣдовала ихъ консервативной политикѣ. Это возбуждало лѣтомъ 1840 г. революціонныя движенія въ Барселонѣ и Мадридѣ, заставившія регентшу поставить во главѣ министерства опять генерала Эспартеро.

Чѣмъ болѣе возростала популярность Эспартеро, тѣмъ болѣе падала репутація Маріи-Христины, женскія слабости которой теперь выставлялись на показъ въ многочисленныхъ памфлетахъ. Въ одномъ изъ нихъ Гонсалесъ Браво разоблачилъ тайну регентши—ея секретный бракъ съ гвардейскимъ офицеромъ Муньосомъ, и это сильно скомпрометировало ее въ глазахъ населенія. 12 октября 1840 г. она должна была отречься отъ регентства и уѣхать во Францію, а кортесы объявили регентомъ королевства Эспартеро (8 мая 1841 г.). Честолюбивый человѣкъ, но искренній либераль отѣнка „exaltados“, онъ началъ рѣшительную борьбу противъ „умѣренныхъ“. Лѣвыя политическія партіи усилились. Изъ среды экзальтированной части партіи „прогрессистовъ“ стала формироваться республиканская партія. Но у Эспартеро было много личныхъ враговъ и завистниковъ слѣва и справа. Въ числѣ ихъ былъ генераль Нарваесъ, отличившійся, какъ и онъ, въ войнѣ противъ карлистовъ, Конча, Серрано и др. Крайніе консерваторы и ради-

калы соединились, чтобы низвергнуть Эспартеро. Военные отряды, находившіеся подъ ихъ начальствомъ, возмутились противъ регента, а бригадиръ Примъ объявилъ въ каталонскомъ городѣ Реусъ королеву Изабеллу II совершеннолѣтней, несмотря на то, что ей было только 13 лѣтъ. Послѣ этого Эспартеро принужденъ былъ бѣжать въ Англію.

Снова наступилъ періодъ продолжительной реакціи. Всѣ „прогрессисты“ были устранены отъ власти. Ихъ мѣсто заняли „умѣренные“, лидеромъ которыхъ былъ съ 1843 по 1845 г. Нарваэсъ, человѣкъ жестокій, съ диктаторскими наклонностями. 8 ноября 1843 г. кортесы признали Изабеллу II совершеннолѣтней. Реформы, произведенныя „прогрессистами“, были отмѣнены. Оставшееся еще непроданнымъ монастырское имущество было возвращено духовенству. Печать подверглась стѣсненіямъ, и 23 мая 1845 г. конституція 1837 г. была замѣнена новой. При внесеніи проекта оя въ кортесы королева заявила, что „нація жаждетъ укрѣпленія учрежденій и возможно скорѣйшаго закрытія арены для политическихъ словопреній“. Новая конституція, основываясь на договорѣ между королевскою властью и націей, отвергала принципъ народнаго суверенитета. За короной возстановлялось право назначенія пожизненныхъ сенаторовъ. Число депутатовъ было сокращено. Избирательный цензъ повышенъ. Кортесы лишились права собираться самостоятельно, что признавалось за ними по конституціи 1837 г. Дѣла печати изъяты были изъ вѣдѣнія судовъ присяжныхъ. Мѣстное управленіе, муниципальное и провинціальное, было подчинено центральному, по образцу французскихъ административныхъ порядковъ. Университетская автономія была уничтожена. Въ теченіе одного только 1844 г. было казнено 214 политическихъ заключенныхъ; еще больше было приговорено къ долгосрочному тюремному заключенію на основаніи ничтожныхъ или завѣдомо ложныхъ свидѣтельствъ. Всякія попытки къ возстанію въ провинціяхъ подавлялись съ немовѣрной жестокостью. Но въ то же время улучшены были администрація, полиція и финансы, и послѣ непрерывныхъ смуть предшествоващаго времени политическое положеніе Испаніи сдѣлалось болѣе устойчивымъ.

При поддержкѣ Луи-Филиппа Марія-Христина получила возможность вернуться въ Испанію и снова оказывать вліяніе на государственныя дѣла. Взгляды королевы-матери и Нарваэса по нѣкоторымъ вопросамъ расходились, и Нарваэсъ долженъ былъ выйти въ отставку. Послѣдовала частая смѣна кабинетовъ, при все болѣе возраставшемъ вліяніи на испанскую политику Маріи-Христины, Луи-Филиппа и его министра—Гизо. Тогда и возникъ получившій скандальную извѣстность вопросъ о такъ называемыхъ „испанскихъ бракахъ“, въ которомъ заинтересованы были различныя европейскія государства, и который, согласно конституціи 1845 г., изъять былъ изъ вѣдѣнія кортесовъ. Явилось нѣсколько претендентовъ на руку испанской королевы. Австрія и Пруссія поддерживали графа Монтемолинскаго, въ пользу котораго въ маѣ 1845 г. отрекся отъ своихъ притязаній на испанскій престолъ его отецъ Д. Карлосъ, дядя Изабеллы II. Луи-Филиппъ, въ интересахъ поддержанія французскаго вліянія въ Испаніи, хотѣлъ женить на Изабеллѣ II одного изъ своихъ сыновей. Но англійская дипломатія энергически противилась такого рода проекту. Тогда Луи-Филиппъ и солидарная съ нимъ Марія-Христина приняли такую комбинацію: одновременно устроить два брака—Изабеллы II съ ея кузеномъ, ничтожнымъ и нравственно и физически, Францискомъ Ассизскимъ, и сестры ея Луизы съ герцогомъ Монпансье, сыномъ Луи-Филиппа. Планъ этотъ удался, и, несмотря на протестъ Изабеллы II, 10 октября 1846 г. она была обвѣнчана съ ненавистнымъ ей Францискомъ Ассизскимъ, а сестра ея—съ герцогомъ Монпансье. Эти браки глубоко возмутили общественную совѣсть, такъ какъ основаны были на самыхъ циничныхъ разсчетахъ. Разсчеты эти заключались въ томъ, что Изабелла II не могла имѣть потомства отъ физически безсильнаго Франциска Ассизскаго, и что престолъ испанскій долженъ былъ перейти послѣ нея къ Луизѣ и ея мужу—герцогу Монпансье, чѣмъ и обезпечивалось бы французское вліяніе въ Испаніи.

Изабелла II открыто отвергла навязаннаго ей мужа и вступила въ связь съ молодымъ генераломъ Серрано. Съ тѣхъ поръ будуаръ королевы сдѣлался источникомъ всякихъ милостей и повы-

шеній по службѣ ея многочисленныхъ, быстро чередовавшихся другъ за другомъ любимцевъ. Отъ матери своей Изабелла II унаслѣдовала чувственность, отъ отца—вѣроломство и суевѣріе. Этимъ пользовались входившіе въ составъ „камарилы“ іезуиты и другіе представители чернаго духовенства, особенно монахиня Патросиніо, чтобы подчинить своему вліянію королеву и дать политикѣ клерикальное направленіе.

Лѣтомъ 1847 г. Нарваесъ снова былъ призванъ стать во главѣ кабинета, и ему удалось поддержать въ Испаніи порядокъ и общественное спокойствіе въ бурный періодъ 1848—1849 г. Паденіе Луи-Филиппа и установленіе республики во Франціи побудили и испанскихъ революціонеровъ взяться за оружіе и организовать въ Мадридѣ возстаніе, но оно легко было подавлено. Въ октябрѣ 1851 г., когда главой кабинета былъ Мурильо, испанское правительство заключило съ папой конкордатъ, въ силу котораго оно гарантировало господствующее положеніе въ странѣ римско-католической религіи, обязывалось покровительствовать ея служителямъ и помогать имъ въ борьбѣ противъ еретиковъ, возвратить церкви непроданныя еще монастырскія имущества, платить жалованье духовенству, взаменъ чего папа призналъ права Изабеллы II и ея династіи на тронъ. Событія во Франціи продолжали находить откликъ въ Испаніи. Подъ вліяніемъ государственнаго переворота, произведеннаго во Франціи 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеономъ, Мурильо распустилъ 9 декабря кортесы, арестовалъ своихъ политическихъ противниковъ, конфисковалъ ихъ бумаги, а 1 декабря слѣдующаго года обнародовалъ проектъ новой конституціи, имѣвшій въ виду еще болѣе ограничить права народнаго представительства. Всѣ эти мѣры возбудили противъ Мурильо неудовольствіе не только со стороны либеральныхъ, но и со стороны консервативныхъ партій, заставившее его выйти въ отставку. Въ 1851 г. кортесы обнаружили рядъ злоупотребленій, совершенныхъ королевой-матерью и ея высокопоставленными сторонниками въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ концессій. Камарилья пыталась еще сохранить свое вліяніе при помощи министерства С. Лунса, который провелъ бюджетъ, помимо кортесовъ, путемъ королевскаго декрета, задавилъ прессу и объявилъ Мадридъ на военномъ положеніи.

Но реакція приходила къ концу. Всѣ ресурсы ея были исчерпаны, и всѣ партіи были возстановлены противъ правительства. Придворные скандалы до крайности возмущали общественное мнѣніе. Появился рядъ брошюръ, въ которыхъ разоблачались финансовыя продѣлки Маріи-Христины и любовныя похождения ея дочери Изабеллы II. Наконецъ, лѣтомъ 1854 г. вспыхнула революція. Журналистъ, будущій министръ Кáновасъ дель Кастильо, при участіи О'Доннеля и другихъ военныхъ дѣятелей, организовалъ возстаніе въ Мадридѣ. 7 іюля Кáновасъ обнародовалъ такъ назыв. „Мансанаресскій манифестъ“, въ которомъ требовалъ изгнанія камарилы, финансовыхъ реформъ, очистки администраціи и возстановленія національной милиціи. Тогда же выдвинулся, какъ перво-классный политическій ораторъ, Эмилио Кастеляръ, произнесшій на митингѣ въ королевскомъ театрѣ программную рѣчь, по окончаніи которой Гонсалесъ Браво воскликнулъ: „Молодая демократія, я тебя привѣтствую!“ Возстанія произошли въ Барселонѣ, Вальядолидѣ и Мадридѣ. Учрежденъ былъ комитетъ общественнаго спасенія. С. Луисъ вышелъ въ отставку. Во главѣ правительства снова сталъ Эспартеро. Въ составъ его кабинета вошелъ и О'Доннель въ качествѣ военнаго министра. Созданы были учредительные кортесы. Эспартеро, заставившій Марію-Христину оставить Испанію, поднималъ въ кортесахъ вопросъ о сохраненіи монархіи, который разрѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ большинствомъ голосовъ противъ 23 республиканцевъ.

1 января 1855 г. на разсмотрѣніе кортесовъ былъ представленъ проектъ либеральной конституціи, выработанный Олбсагой и другими прогрессивными депутатами. Новая конституція провозглашала принципъ народнаго суверенитета, замѣняла пожизненный сенатъ избираемымъ на срокъ, возстановляла бюджетное право кортесовъ, свободу печати, мнѣній и вѣрованій, съ признаемъ, однако, за римско-католической религіей значенія государственнаго культа. Но конституція 1855 г. осталась лишь въ видѣ проекта. Реакція началась раньше, чѣмъ кортесы успѣли обнародовать ее. Все же имъ удалось издать рядъ важныхъ законовъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, о переходѣ общинныхъ земель въ частную кре-

стьянскую собственность, о продажѣ церковныхъ земель. Последняя мѣра вызвала сильную агитацію клерикальных элементовъ противъ правительства, которое ослаблено было соперничествомъ между Эспартеро и О'Доннелемъ. 14 іюня 1856 г. Эспартеро вышелъ въ отставку, а О'Доннель сталъ во главѣ кабинета, чтобы скоро уступить мѣсто Нарваэу.

2 сентября королевскимъ декретомъ учредительные кортесы были распущены, и конституція 1845 г. была восстановлена съ нѣкоторыми измѣненіями, возвращавшими кортесамъ бюджетное право и опредѣлявшими составъ сената избирательнымъ началомъ. Прогрессисты снова были устранены отъ власти, и снова наступила реакція. Въ это время произошла новая группировка партій, приведшая къ образованію такъ называемой „либеральной уніи“ изъ правыхъ партіи „прогрессистовъ“ и лѣвыхъ партіи „умѣренныхъ“. Вождемъ „уніи“ былъ О'Доннель, главнымъ сотрудникомъ его—Посада Эррера. Опираясь на эти элементы, О'Доннель 30 іюня 1858 г. вернулся къ власти и удерживалъ ее до 27 февраля 1863 г. Пренебрежительное отношеніе къ задачамъ внутренняго развитія страны и намѣренное отвлеченіе вниманія націи къ вопросамъ внѣшней политики, выразившейся въ войнѣ съ Марокко (1859—1860) и вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Мексики совместно съ Франціей и Англіей (1861—1862)—таковъ характеръ министерской дѣятельности О'Доннелля, конецъ которой былъ омраченъ дикою расправой съ участниками аграрныхъ беспорядковъ въ Андалузіи. Отказъ Изабеллы II признать, согласно предложенію О'Доннелля, вновь созданное итальянское королевство послужилъ для него поводомъ къ выходу въ отставку. Выстѣ съ тѣмъ, наступилъ конецъ и „либеральной уніи“. Съ этого момента „прогрессисты“, подъ руководствомъ Олосаги, стали неуклонно и рѣшительно стремиться къ низверженію царствующей династіи, и это сблизило ихъ съ новыми демократическими партіями.

Послѣ отставки О'Доннелля слѣдовалъ періодъ быстрой смѣны одного кабинета другимъ. Оппозиція становилась все сильнѣе. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей ея былъ Эмиліо Кастеляръ, профессоръ философіи исторіи въ Мадридскомъ универ-

ситетъ и издатель радикальной газеты „La Demoscacia“. Новое министерство Нарваэса, недовольное направлениемъ дѣятельности Кастаньяра, потребовало отъ ректора университета удаленія его отъ занимаемой каѳедры. Ректоръ отказался исполнить приказаніе и былъ уволенъ отъ должности. Тогда группа профессоровъ, въ томъ числѣ и Пиколай Сальмеронъ, будущій президентъ республики, въ видѣ протеста, вышли въ отставку. Студенты устроили въ ихъ честь грандіозную демонстрацію (10 апрѣля 1865 г.). Власти распорядились дать залпъ по толпѣ; 11 человекъ было убито, 103 ранено. Такая расправа вызвала бурю негодованія во всей Іспаніи, и генераль Примъ произнесъ въ сенатѣ громовую рѣчь по адресу правительства. Послѣ этого Изабелла II принуждена была дать отставку Нарваэсу и пригласить О’Доннелля на его мѣсто. Послѣдній изгналъ камарилью изъ дворца, пытался сблизиться съ Примомъ, но безуспѣшно: тотъ былъ убѣжденъ въ необходимости низложенія династіи и произвелъ 2 января 1866 г. pronunciamiento; оно не удалось. Примъ бѣжалъ въ Португалію. Мадридъ объявленъ былъ на военномъ положеніи. Но агитація продолжалась, и О’Доннелль оставилъ свой постъ, также проникшись убѣжденіемъ, что нельзя управлять, пока царствуетъ Изабелла II. Въ пятый и послѣдній разъ былъ призванъ къ власти Нарваэсъ. Онъ сталъ править деспотически, не созывая кортесовъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, вопреки конституціи, требовавшей ежегоднаго созыва ихъ. Это вызвало негодованіе даже среди „умѣренныхъ“, и они поняли, что произволъ можетъ быть сокрушенъ лишь при помощи военной силы. Смерть Нарваэса (23 апрѣля 1868 г.), послѣдовавшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти О’Доннелля (5 ноября 1867 г.), лишила Изабеллу II послѣдней опоры и предвѣщала близкій конецъ ея монархіи. Гоненія, поднятыя главою кабинета Гонсалесомъ Браво противъ членовъ „либеральной уніи“, ускорили ея паденіе. Pronunciamiento, подготовленное союзомъ всѣхъ партій, и побѣда Сerrано надъ королевскою арміею принудили Изабеллу II бѣжать изъ Іспаніи (см. „Ист. Исп. и Португ.“, стр. 175—176).

Вслѣдъ за тѣмъ, 7 октября 1868 г. организовано было временное правительство изъ 5 прогрессистовъ, 4 уніонистовъ и 4 демо-

кратовъ, подъ главенствомъ Серрано и Прима. Такимъ образомъ, различныя партіи имѣли представителей во временномъ правительствѣ. Всѣ были согласны, что будущій политическій строй долженъ основываться на верховенствѣ народа и признаніи индивидуальныхъ правъ, какъ свободы религіи, преподаванія и т. д. Разногласія заключались въ томъ, что прогрессисты смотрѣли на національный суверенитетъ какъ на источникъ власти и индивидуальныхъ правъ, а демократы считали его источникомъ только власти, а не правъ, что прогрессисты стояли за конституціонную централизованную монархію, а демократы—за республику, одни—за унитарную (Кастеляръ выразилъ эту тенденцію еще въ 1864 г. въ своемъ журналѣ „La Demoscacia“), другіе—за федеративную (выразителемъ этого направленія былъ Пи-и-Маргалль и журналъ его „La Discusion“). Перевѣсъ оказался на сторонѣ монархистовъ-демократовъ. Учредительныя кортесы были созданы въ январѣ 1869 г. Большинствомъ 214 голосовъ противъ 71 республиканца они приняли новую конституцію, демократически-монархическую, несмотря на блестящую рѣчь, произнесенную Кастеляромъ въ защиту республиканскаго образа правленія и обратившую на себя вниманіе всей Европы. Двѣ палаты были сохранены. Сенатъ состоялъ изъ делегатовъ, избиравшихся по четыре отъ каждой провинціи путемъ всеобщей двухстепенной подачи голосовъ, но провинціямъ не дано было автономіи. Нижняя палата состояла изъ депутатовъ, избираемыхъ всеобщей прямой подачей голосовъ по 1 съ каждыхъ 40 тысячъ населенія.

18 іюня регентомъ былъ избранъ Серрано впредь до отысканія короля. Эта трудная задача возложена была на генерала Прима. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ король, наконецъ, былъ найденъ въ лицѣ Амедея Савойскаго (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 175—176), избраннаго въ кортесахъ 26 ноября 1870 г. незначительнымъ большинствомъ голосовъ и 2 января 1871 г. вступившаго на испанскій тронъ. Какъ сынъ итальянскаго короля, считавшагося въ строго-католической Испаніи узурпаторомъ народныхъ правъ, Амедей оказался въ непріязненной средѣ. Многіе офицеры арміи и флота отказались принести ему присягу. Ожесто-

ченна боротьба партій дѣлала положеніе его невыносимымъ, и 11 февраля 1873 г. онъ отрекся отъ короны.

Тогда 319 сенаторовъ и депутатовъ противъ 32 провозгласили Іспанію федеративною республикою. Было избрано новое министерство, во главѣ котораго поставленъ былъ Фигуэрасъ, одинъ изъ дѣятелей федеральной партіи. Съ торжествомъ ея въ Іспаніи началось грозное кантональное движеніе, которое, вмѣстѣ съ кубанскою войною и новымъ карлистскимъ возстаніемъ (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 177—178), дѣлало положеніе правительства очень труднымъ. Фигуэрасъ вышелъ въ отставку. Послѣ него постъ президента республики послѣдовательно занимали Пи-и-Маргалль, исповѣдывавшій доктрину федеральной республики и полагавшій, что верховенство сосредоточено не только въ націи, но и въ провинціяхъ и муниципіяхъ, что обезпечиваетъ широкое самоуправленіе въ странѣ. Сальмеронъ и Кастеляръ были сторонниками унитарной республики и исповѣдывали доктрину національнаго суверенитета и индивидуальныхъ правъ. Пи-и-Маргалль, какъ ученикъ Прудона и переводчикъ его сочиненій на испанскій языкъ, способствовалъ распространенію въ Іспаніи соціалистическихъ идей, которыя, вмѣстѣ съ ростомъ рабочаго движенія, оказывали тогда и послѣ сильное вліяніе на общественную жизнь страны.

Первыми проповѣдниками соціализма въ Іспаніи были дѣятели, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ общества. Они не заботились объ участіи въ государственномъ управленіи въ цѣляхъ осуществленія своихъ соціалистическихъ стремленій. Вообще до 1848 г. соціализмъ въ Іспаніи имѣлъ романтическій и доктринерскій характеръ. Однимъ изъ раннихъ представителей его былъ Хоакимъ Абреу, депутатъ кортесовъ 1823 г., голосовавшій за низложеніе Фердинанда VII. Вынужденный затѣмъ покинуть Іспанію, онъ сдѣлался въ 1831 г. ученикомъ Фурье. Въ 1840 г., по возвращеніи на родину, онъ выступилъ съ горячею проповѣдью о „фаланстерахъ“ и создалъ вліятельную группу послѣдователей, располагавшихъ капиталомъ въ 5 милліоновъ песетъ и сдѣлавшихъ даже попытку основать фаланстеру въ окрестностяхъ Кадикса. Въ 1845 г. въ Мадридѣ основанъ былъ первый соціалистическій журналъ

„La Atraccion“ Фернандо Гарридо, историкомъ рабочихъ классовъ въ Іспаніи. Послѣ 1848 г. число такихъ журналовъ и ихъ подписчиковъ значительно возросло. Большой успѣхъ имѣлъ тогда памфлетъ Гарридо „Письма апостола социализма къ Хуанону Добряку или, иначе, къ народу испанскому“ („Cartas del apostol socialista á Juanon el Bueno, alias el pueblo español“). Авторъ памфлета былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ имъ, какъ виновный въ потрясеніи основъ, къ значительному штрафу, а въ случаѣ неуплаты — къ 54-мѣсячному тюремному заключенію. Но правительственныя репрессіи не остановили социалистическаго движенія въ Іспаніи. Руководителями его тогда были республиканцы-демократы, вдохновлявшіеся идеями французской революціи 1848 г. Къ числу ихъ принадлежалъ и Пи-и-Маргалль, уроженецъ Каталоніи, наиболѣе промышленной и экономически развитой области Іспаніи. Здѣсь въ половинѣ XIX в. ростъ рабочаго движенія выразился уже съ достаточной опредѣленностью въ цѣломъ рядѣ ассоціацій — ручныхъ ткачей, механическихъ ткачей, типографщиковъ, красильщиковъ, сапожниковъ, кузнецовъ и др., объединившихся въ 1854 г. въ такъ назыв. „Союзъ классовъ“ („Union de clases“) и насчитывавшихъ до 24000 членовъ. Союзъ этотъ подчинялся вліянію республиканской партіи, разсчитывавшей воспользоваться организованной рабочей силой для политическаго переворота. Въ 60-е гг., особенно послѣ всемірной выставки въ Лондонѣ въ 1862 г., на которой испанскіе рабочіе делегаты имѣли возможность познакомиться съ организаціей и задачами „Интернаціонала“, социалистическое движеніе въ Іспаніи сдѣлало новые успѣхи, именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ существовала крупная промышленность (въ Каталоніи, Валенсіи, Астуріи, Баскскихъ провинціяхъ), и въ тѣхъ, гдѣ крупное землевладѣніе опиралось на многочисленный сельскій пролетаріатъ, какъ, напр., въ той области, которая считается по преимуществу страной „вѣера и мантильи“, „гитары и кастаньеты“, — въ Андалузіи. Пылкій и впечатлительный характеръ испанцевъ дѣлалъ ихъ легко воспріимчивымъ къ крайнимъ ученіямъ „Интернаціонала“, получившимъ возможность быстрого и широкаго распространенія въ Іспаніи послѣ установленія демократическаго ре-

жима революціей 1868 г. Тогда совѣтъ „Интернаціонала“ издалъ манифестъ, гласившій: „Безъ экономическаго равенства политическая свобода, предлагаемая вамъ, есть не болѣе какъ шутка. Самая республика, если она не задается цѣлью уничтожить современный гражданскій порядокъ, не послужитъ вамъ ни къ чему. Поэтому необходимо произвести социальную революцію“. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ итальянскій депутатъ Фанелли въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими рабочими основалъ въ Барселонѣ въ 1869 г. общество „El nucleo de la internacional“, начавшее дѣятельную агитацію въ пользу социальнаго переворота и подготовившее первый національный конгрессъ испанскихъ рабочихъ. Тогда было постановлено предоставить членамъ „Интернаціонала“ полную свободу политическихъ мнѣній и оставить безъ послѣдствій резолюцію областного съѣзда каталонскихъ рабочихъ 1868 г., объявившую ихъ федеративными республиканцами. Въ 1869 г. въ различныхъ городахъ Испаніи существовало уже 195 отдѣловъ „Интернаціонала“, насчитывавшихъ до 20000 членовъ. На Сарагосскомъ конгрессѣ 1870 г. среди членовъ испанскаго „Интернаціонала“ обнаружился расколъ между коллективистами-„авторитаріями“ и „анти-авторитаріями“ (анархистами). Наиболѣе видными участниками этого конгресса были Лафаргъ (зять К. Маркса), типографщикъ Пабло Иглесиасъ, — одинъ изъ современныхъ вожаковъ испанскихъ социалистовъ, хорошо начитанный въ экономической литературѣ и краснорѣчивый популяризаторъ сочиненій Карла Маркса, публицистъ Меса-и-Ломпартъ и сапожникъ Пахесъ. Съ 1871 г. между испанскими социалистами и генеральнымъ совѣтомъ „Интернаціонала“ въ Лондонѣ установились правильныя и дѣятельныя сношенія черезъ посредство секретаря его Энгельса. Въ то же время противъ „Интернаціонала“ испанское правительство приняло рядъ суровыхъ мѣръ, несмотря на то, что Эчегарай, Кастеляръ, Гарридо и Сальмеронъ энергично отстаивали въ кортесахъ 1871 г. право рабочихъ устраивать ассоціаціи въ интересахъ улучшенія ихъ быта. Правительственные гоненія еще болѣе содѣйствовали расколу среди социалистовъ и сближенію испанскихъ анархистовъ съ Бакунинымъ. О своихъ мнѣніяхъ послѣдніе публично заявляли въ своемъ мадридскомъ журналѣ

„El Condenado“. Лозунгомъ ихъ, обращеннымъ къ „товарищамъ всего міра“ („Compañeros del mundo entero“), было: „да здравствуетъ социальная ликвидація, интернаціональ, солидарность, анархія и коллективизмъ“!

При такихъ условіяхъ былъ внесенъ въ кортесы 17 іюля 1873 г. проектъ федеральной конституціи, составленный, при ближайшемъ участіи Пи-и-Маргалля, по образцу Швейцарской и Сѣв.-Американской. Вся Испанія должна была состоять изъ 48 автономныхъ кантоновъ, имѣвшихъ свои законодательныя собранія и подраздѣлявшихся на общины, которыя также были надѣлены широкой автономіей въ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлахъ. Проектъ вызвалъ сильную оппозицію. Произошелъ расколъ среди самихъ федералистовъ. Одни стояли за сохраненіе старыхъ историческихъ дѣленій, другіе защищали необходимость искусственнаго дѣленія на кантоны. Эти раздоры ослабили партію и вызвали волненія, которыя намѣренно разжигали, съ одной стороны, дѣятели „Интернаціонала“, съ другой—сторонники Бурбоновъ съ цѣлью сдѣлать необходимой скорѣйшую реставрацію ихъ на испанскомъ престолѣ. Кастильское населеніе рѣшительно было настроено противъ проекта конституціи 1873 г. Въ другихъ областяхъ—Арагонѣ, Каталоніи, Валенсіи, Андалузій началось сильное кантональное движеніе, соединенное съ требованіемъ широкихъ социальныхъ реформъ, настоятельность которыхъ оправдывалась бѣдственнымъ положеніемъ населенія: оно страдало отъ неурожаевъ и все возрастающей тяжести налоговъ.

Пи-и-Маргалля въ іюлѣ 1873 г. вынужденъ былъ сложить съ себя званіе президента республики, которое кортесы передали Сальмерону. Движеніе принимало все болѣе бурный характеръ. „Непримиримые“ члены „Интернаціонала“ Бакунинскаго толка, отвергнушіе программу социальныхъ реформъ, выработанную Пи-и-Маргаллемъ, стали готовить всеобщую забастовку, объявили Андалузію автономной провинціей, учредили комитетъ общественнаго спасенія и завладѣли многими военными судами. Особенно страшный характеръ получило возстаніе въ Картахенѣ, гдѣ броненосцы оказались въ рукахъ взбунтовавшихся матросовъ. Всеобщая забастовка

не имѣла успѣха. Рабочіе самаго крупнаго фабричнаго города Іспаніи, Барселоны, отказались участвовать въ ней. Только въ отсталомъ Алькоѣ, гдѣ насчитывалось около 30000 населенія, да въ С. Лукарѣ, близъ Кадикса, бакунисты имѣли нѣкоторый успѣхъ, но торжество ихъ было мимолетно. 7-го сентября Сальмеронъ уступилъ мѣсто Кастеляру. Надѣленный диктаторскими полномочіями, онъ объявилъ страну на военномъ положеніи и обратился къ силѣ оружія для подавленія безпорядковъ. Его дѣятельность вызвала всеобщее раздраженіе, и 2 января 1874 г. кортесы, по предложенію Сальмерона, выразили ему недовѣріе, но генераль Павія разогналъ кортесы при помощи солдатъ и провозгласилъ военную диктатуру генерала Серрано. Наконецъ, 29 декабря 1874 г. маршалъ Мартинесъ Кампосъ произвелъ пропунсіаміенто въ пользу сына Изабеллы II, Альфонса XII, и Іспанія вернулась къ монархіи. Конституція ея была выработана при ближайшемъ участіи Кано-васа дель Кастильо и имѣетъ характеръ договора націи съ королевскою властью. Вступивъ въ силу 30 іюня 1876 г., она остается основаніемъ политической жизни Іспаніи и въ настоящее время, правда, съ извѣстными измѣненіями и дополненіями, произведенными подъ вліяніемъ радикальной и соціалистической партій (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 178—184).

Со вступленіемъ на престолъ Альфонса XII соціалисты были поставлены внѣ закона. Ихъ клубы и общества были закрыты, вожди партіи преданы суду, пресса стѣснена. Репрессіи по отношенію къ соціалистамъ сопровождались усиленіемъ анархизма въ его крайнихъ формахъ: одинъ терроръ вызывалъ другой. Особенно бурнымъ было анархическое движеніе въ 1883 г. въ Андалузіи, Эстремадурѣ и Мурсіи, гдѣ тайное общество „Черной руки“ („Mano Negra“), напоминавшее ирландскихъ феніевъ и насчитывавшее до 42000 членовъ, распределенныхъ между 340 секціями, дѣйствовало путемъ тайныхъ убійствъ, поджоговъ и грабежей. Цѣль общества—защита бѣдныхъ и угнетенныхъ. „Земля, гласятъ статуты „Черной руки“, существуетъ для общаго блага людей, и всѣ имѣютъ равное право на обладаніе ею. Она приноситъ доходъ благодаря труду земледѣльца. Современный строй негѣпъ и престу-

пенъ. Рабочіе производятъ, праздные богачи высасываютъ изъ нихъ соки. Всѣ политическія партіи намъ ненавистны и достойны презрѣнія. Собственность, приобрѣтенная посредствомъ труда ближняго, незаконна, происходитъ ли она отъ ренты или прибыли. Законна лишь собственность, добытая непосредственно личнымъ трудомъ. Поэтому, общество „Черной руки“ признаетъ всѣхъ богачей стоящими внѣ „человѣческихъ законовъ“ („fuera del derecho de gentes“) и объявляетъ, что всѣ средства борьбы съ ними хороши и необходимы, не исключая огня, желѣза и даже клеветы, и что оно солидарно со всѣми обществами подобнаго же рода, существующими въ другихъ странахъ“.

Нѣкоторыя уступки, которыя должно было, въ концѣ концовъ, сдѣлать правительство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія въ области соціальной политики, привели въ 1882 г. къ образованію „рабочей соціалистической партіи“, отличавшейся менѣе утопическимъ характеромъ, чѣмъ „Интернаціоналъ“, и не пренебрегавшей условіями политической борьбы для достиженія соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Въ 1883 г., когда правительство образовало „комиссію соціальныхъ реформъ“, партія получила возможность дать публичное изложеніе нуждъ рабочаго класса. Она требовала отъ правительства права ассоціацій, собраній, петицій, манифестацій и коалицій, свободы прессы, всеобщаго голосованія, индивидуальной безопасности, неприкосновенности переноски и жилища, уничтоженія смертной казни, установленія суда присяжныхъ для всякаго рода дѣлъ, отмѣны постоянного войска, введенія всеобщаго вооруженія народа, уничтоженія національнаго долга и бюджета духовенства, конфискаціи его имущества. Въ области соціально-экономическихъ отношеній требованія соціалистической рабочей партіи сводились къ слѣдующему: къ установленію 8-часового рабочаго дня для взрослыхъ, запрещенію труда для дѣтей моложе 14 лѣтъ, установленію 6-часового рабочаго дня для рабочихъ въ возрастѣ 14—18 лѣтъ, установленію minimum'a заработной платы, опредѣляемой ежегодно статистическимъ рабочимъ комитетомъ въ соотвѣтствіи съ цѣнами на предметы первой необходимости и равной для рабочихъ обоюго пола; запрещенію всѣмъ предпринимателямъ заставлять работать болѣе 6 дней въ

недѣлю въ интересахъ предоставленія рабочимъ однодневнаго отдыха разъ въ недѣлю; запрещенію женскаго труда при условіяхъ антигигіеничности или нарушенія добрыхъ нравовъ; образованію ревизіонной комиссіи, избираемой рабочими для надзора за жилищами ихъ, рудниками, фабриками, мастерскими и другими центрами производства; содѣйствію кассамъ взаимопомощи и учрежденію пенсій для инвалидовъ труда; регламентаціи труда въ тюрьмахъ; учрежденію даровыхъ свѣтскихъ профессиональныхъ школъ, начальныхъ и среднихъ училищъ; установленію отвѣтственности патроновъ за несчастные случаи труда, гарантируемой денежнымъ залогомъ, который вноситъ предприниматель въ кассы рабочихъ обществъ, соотвѣтственно числу рабочихъ и опасности труда въ данномъ производствѣ; реформѣ законовъ о наймѣ и уничтоженію всѣхъ договоровъ, допускающихъ отчужденіе публичной собственности (желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, арсеналовъ и т. д.); эксплуатаціи рабочими обществами всѣхъ государственныхъ мастерскихъ; уничтоженію всѣхъ косвенныхъ налоговъ и превращенію прямыхъ въ единый прогрессивный налогъ на ренты или бенефиціи, превышающія 3000 песетъ. Эта программа впоследствии была дополнена другими требованіями, спеціально предъявлявшимися городскимъ управленіямъ съ цѣлью улучшенія быта рабочихъ.

Но до сихъ поръ лишь небольшая часть этихъ пожеланій осуществлена законодательной властью. Законъ 30 іюля 1887 г. разрѣшилъ образованіе всякаго рода ассоціацій, благотворительныхъ, производительныхъ, потребительныхъ и кредитныхъ.

Во время всемірной выставки 1888 г. въ Барселонѣ, которую посѣтила королева-регентша, къ ней обратился рабочій делегатъ Паміэсъ Галесъ съ просьбой провести законъ о всеобщемъ голосованіи взамѣнъ закона 8 мая 1878 г., предоставлявшаго право голосованія въ кортесы лишь гражданамъ, умѣющимъ читать и писать или являющимся главами семейства. Желаніе это было осуществлено 26 іюня 1890 г. Согласно съ резолюціей парижскаго соціалистическаго конгресса 1889 г., на которомъ делегатомъ отъ Іспаніи былъ Пабло Иглесіасъ, въ Іспаніи началась дѣятельная пропаганда въ пользу участія представителей соціалистической

рабочей партіи какъ въ кортесахъ, такъ и въ городскихъ и провинціальныхъ собраніяхъ, независимо отъ какой-либо другой политической партіи, съ цѣлью вырвать власть у буржуазіи и получить возможность улучшить положеніе рабочихъ законодательнымъ путемъ. Партія приняла участіе въ агитаціи при выборахъ депутатовъ въ кортесы 1891 г., но не имѣла успѣха, располагая лишь 6000 голосовъ. При выборахъ въ кортесы 1893 г. она располагала не болѣе 8000 голосовъ. Посылая делегатовъ на международные конгрессы, партія устраивала періодически и національные конгрессы. Барселонскій конгрессъ 1888 г. призналъ цѣлесообразность стачекъ, какъ способа борьбы рабочихъ противъ тираніи капиталистовъ, имѣющаго и воспитательное значеніе, поскольку стачки способствуютъ развитію классоваго самосознанія у рабочихъ. На конгрессѣ 1890 г. въ Бильбао постановлено было учредить ежегодный праздникъ труда 1-го мая съ цѣлью манифестацій въ интересахъ рабочаго класса передъ правительствомъ. Конгрессъ 1892 г. въ Валенсіи принялъ муниципальную программу улучшенія быта рабочихъ.

Главными центрами рабочаго движенія въ Іспаніи являются Барселона, Мадридъ, Сарагосса, Валенсія, Аликанте, Малага, Корунья, Сантандеръ, Пальма на о-вѣ Майоркѣ. Кромѣ рассмотрѣнной рабочей социалистической партіи, имѣющей политической характеръ, образовался еще рядъ другихъ рабочихъ организацій, боевыхъ и профессиональных: „національный союзъ рабочихъ („Union nacional de los trabajadores“), который въ 1897 г. насчитывалъ до 12000 членовъ и который, считая стачки наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ улучшенія быта рабочихъ, организовалъ стачки рудокоповъ въ Бильбао въ 1890—1891 гг. и стачку рабочихъ въ Малагѣ въ 1895 г.; „испанская федерація типографовъ“, „союзъ рабочихъ по металлу“, „федерація рабочихъ при машинахъ“ и т. д. Въ январѣ 1903 г. общее число профессионально организованныхъ рабочихъ достигало 46897 человекъ. Важнѣйшими теоретиками социализма въ современной Іспаніи являются мадридскій публицистъ Коста, барселонскій адвокатъ Саласъ Антонъ, профессора саламанкскаго университета Унамуно и Дорадо, проф. овьедскаго университета Посада и др.

Видя въ социализмъ силу, способную подорвать могущество церкви, католическое духовенство стремится завладѣть рабочимъ движеніемъ и руководить имъ. Представители католическаго социализма идеализируютъ средневѣковую цеховую организацію промышленности и стараются возродить или приспособить сохранившіяся формы старинныхъ цеховъ къ новымъ потребностямъ, создать изъ нихъ кооперативныя общества (см. Piernas y Hurtado, „El movimiento cooperativo“. Madrid, 1890; S. Vicent, „Socialismo y anarquismo“. Valencia, 1893).

Конституція 1876 г. (§ 11) обезпечила за католической церковью значеніе государственной религіи и допустила терпимое отношеніе къ другимъ исповѣданіямъ, лишь бы они не выражались въ публичномъ культѣ. Поэтому на открытіе перваго протестантскаго храма въ Мадридѣ въ 1894 г. нельзя не смотрѣть какъ на знаменательное явленіе въ культурной жизни страны, гдѣ цѣлые вѣка свирѣпствовала инквизиція, откуда изгонялись сотни тысячъ мавровъ и евреевъ въ былыя времена, иллюстраціей которыхъ можетъ служить аллегорическая картина, хранящаяся въ мадридскомъ музеѣ и изображающая св. Доменика со страшной эмблемой земного шара, заженного факеломъ, который держитъ въ пасти бѣшеная собака....

Соціалистическія, республиканскія и антиклерикальныя тенденціи современной Испаніи нашли свое художественное выраженіе въ произведеніяхъ замѣчательнаго испанскаго романиста Висенте Бласко Иваньеса (Ibáñez), изъ которыхъ часть переведена на русскій яз. („La Catedral“, „La Bodega“, „Sangre y Arena“). Уроженецъ Валенсіи, революціонный агитаторъ республиканской партіи и краснорѣчивый ораторъ митинговъ, Иваньесъ далъ въ своихъ романахъ широкую картину современной общественной жизни Испаніи, гдѣ отведено мѣсто не только высшимъ и среднимъ, но и низшимъ классамъ общества, включая сюда и типы „пятого сословія“, причемъ авторъ соединяетъ съ тонкой наблюдательностью, даромъ выпуклаго изображенія и глубокаго психологическаго анализа также и критическое отношеніе къ официальной религіи, современному политическому строю, режиму собственности и распредѣленію богатствъ.

Ему же принадлежитъ историческій трудъ подъ заглавіемъ „*Historia de la Revolucion Española, 1808—1874*“ (Barcelona, 1890).

Испанская интеллигенція все болѣе принимаетъ участіе въ распространеніи просвѣщенія среди народныхъ массъ. Въ послѣднее десятилѣтіе особенно успѣшно развивается въ Испаніи дѣятельность народныхъ университетовъ (*Extension universitaria*), и въ этомъ отношеніи нельзя не упомянуть о важныхъ трудахъ профессора мадридскаго университета—*Giner de los Rios* и проф. овьедскаго университета—*Rafael Altamira*. Но много предстоитъ еще труда на этомъ поприщѣ, принимая во вниманіе, что тамъ изъ 19 милліоновъ населенія 12 милліоновъ неграмотны.

Литература по исторіи Испаніи XIX в.:

Baumgarten, «*Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution bis auf unsere Tage*». 3 B-de, Leipzig, 1865—1871.

Latimer, «*Spain in the nineteenth century*». Chicago, 1898.

Clarke, «*Modern Spain*», 1815—1898. Cambridge, 1906.

Gmelin, «*Studien zur Spanischen Verfassungsgeschichte des XIX Jahrh.*». Stuttgart, 1905.

Rodriguez Solis, «*Historia del partido republicano español*». Madrid, 1893.

Ларра, «Общественные очерки Испаніи.» Пер. Ватсонъ. СПб. 1898.

Очеркъ соціально-политической эволюціи Португаліи въ XIX вѣкѣ.

Отношенія Португаліи къ Бразиліи до и послѣ 1807 г. — Перенесеніе королевской резиденціи изъ Лиссабона въ Ріо-де-Жанейро. — Возведеніе Бразиліи въ рангъ королевства. — Португальское возстаніе 1820 г. — Конституція 1822 г. — Возвращеніе Іоанна VI въ Лиссабонъ. — Намѣстничество его старшаго сына, Д. Педро, въ Бразиліи. — Независимость Бразильской конституціонной имперіи. — Португальская контръ-революція 1823 г. и поведеніе инфанта Д. Мигуэля. — Смерть Іоанна VI. — Отреченіе Д. Педро отъ правъ на португальскую корону въ пользу его дочери Маріи да Глоріа и изданіе имъ «конституціонной хартіи» 1826 г. — Присвоеніе короны Д. Мигуэлемъ, пораженіе «хартистовъ» и возстановленіе абсолютизма (1828 г.). — Междоусобная война 1829—1834 гг. — Побѣда «хартистовъ» надъ «мигуэлистами». — Правленіе Маріи II (1834—1853). — Революція 9 сентября 1836 г. и конституція 1838 г. — Борьба «хартистовъ» съ «сентябристами», прононсіаміенто 1842 г. и возстановленіе хартіи 1826 г. — Министерство де-Томара. — Гражданская война 1846—1847 гг. — Министерство Сальданы (1851—1856) и партія «обновленія» (regenerador). — «Acto adicional» 1851 г. — Преемники Маріи II: Д. Педро V (1853—1861) и Луиш I (1861—1889). — Министерство Дуле и «прогрессисты». — Законъ 8 мая 1878 г. — Соціалистическая партія. — Правленіе Д. Карлоса I (1889—1908). — Ростъ республиканской партіи. — Споры изъ-за бюджета и «цивилнаго листа» въ кортесахъ. — Диктатура I. Франко и ея послѣдствія.

Бурный характеръ политическаго развитія отличаетъ португальскую исторію XIX в., представляющую много сходнаго съ исторіей Испаніи въ эту, какъ и въ другія эпохи: и здѣсь французское нашествіе открываетъ новую эру національнаго развитія; конституціонные и династическіе вопросы тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, раздѣляя населеніе между однородными партіями и разрѣшаясь либо гражданскими войнами, либо военными прононсіаміенто; колоніи отпадаютъ отъ метрополіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаютъ ея международное значеніе.

Въ настоящее время остатками былого колониальнаго могущества Португаліи служатъ ея владѣнія въ Азіи и Африкѣ, насчитыва-

вающія болѣе двухъ милліоновъ кв. километровъ съ 7.270.000 населенія, но по своему значенію не выдвигающія Португалію изъ ряда второстепенныхъ государствъ Европы.

Между тѣмъ до конца XVIII в. она сохраняла еще силу и значеніе въ международныхъ отношеніяхъ, что обуславливалось, главнымъ образомъ, ея обширными и богатыми бразильскими владѣніями.

Можно удивляться, какъ могъ владѣть и управлять въ теченіе вѣковъ такой обширной территоріей маленькій португальскій народъ. Правда, на поддержаніе значенія великой колоніальной державы Португалія истощила почти все силы, превративъ своихъ сыновъ въ солдатъ, моряковъ и миссіонеровъ и возложивъ занятія земледѣліемъ, промышленностью и торговлей почти исключительно на рабовъ, вывозившихся изъ заморскихъ владѣній ея, или на иностранцевъ. А бывшая португальская колонія—современные Бразильскіе Соединенные Штаты, насчитывающіе 16 милліоновъ жителей, для которыхъ португальскій языкъ остается роднымъ—переросла свою метрополию въ политическомъ, экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Какъ только Бразилія сознала свое могущество и противоположность интересовъ своихъ и метрополиі, не поднявшейся до признанія своихъ обязанностей по отношенію къ колоніи и, несмотря на поучительный примѣръ отпаденія отъ Англіи ея Сѣверо-Американскихъ колоній, продолжавшей слѣдовать такой же своекорыстной экономической политикѣ по отношенію къ Бразиліи, каждый политическій успѣхъ послѣдней неизбѣжно долженъ былъ обратиться противъ интересовъ самой же Португаліи.

Въ исторіи этихъ отношеній, какъ и во внутренней исторіи Португаліи и Бразиліи, поворотнымъ моментомъ служить событіе 29 ноября 1807 г. (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 189). Въ этотъ день регентъ королевства Іоаннь (João), въ сопровожденіи своей слабоумной матери, королевы Маріи I, двухъ сыновей, шести дочерей и многочисленной свиты, направился во главѣ своего флота въ Бразилію, оставивъ Португалію на попеченіе Англіи: онъ отчаялся въ возможности противостоять могуществу Наполеона I, мстившаго

ему за тѣсный союзъ съ Англіей и собиравшагося, совмѣстно съ Испаніей, произвести раздѣлъ Португаліи.

Съ переездомъ Браганцской династіи изъ Лиссабона въ Ріо-де-Жанейро произошло какъ бы перемѣщеніе ролей: положеніе Бразиліи готово было превратиться изъ подчиненнаго въ господствующее, благодаря мѣропріятіямъ Іоанна. Королевскій декретъ 28 января 1808 г. объявилъ всѣ порты Бразиліи свободными для торговли дружественныхъ націй, что было выгодно прежде всего для Англіи; промышленность также была освобождена отъ прежнихъ стѣсненій; учреждены были верховные суды, національный банкъ, королевская типографія, военная академія, медицинская школа; поощрялись изслѣдованія внутреннихъ областей необозримой Бразиліи и т. д. Всѣ эти мѣры доставили Іоанну большую популярность среди бразильцевъ, но онѣ же возбуждали сильное недовольство въ Португаліи, которой приходилось нести значительную часть расходовъ на содержаніе многочисленнаго и празднаго двора, утопавшаго въ роскоши въ Ріо-де-Жанейро, и не получать взамѣнъ никакихъ выгодъ. Время шло, наступилъ миръ, а королевское семейство и не думало возвращаться въ Португалію: жизнь въ Ріо-де-Жанейро пришлась ему по вкусу. Бразилія возведена была въ рангъ королевства, и послѣ смерти Маріи I-й 20-го марта 1816 г. регентъ принялъ титулъ „Іоанна VI, короля Португаліи, Бразиліи и Альгарвы“, рѣшивъ сдѣлать своей резиденціей Ріо-де-Жанейро.

Возбужденіе въ Португаліи росло (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 190). Оно обусловливалось и предпочтеніемъ, оказаннымъ Бразиліи передъ метрополіей, и усиленіемъ британскаго вліянія въ Португальскомъ Совѣтѣ регентства, которое отъ имени короля пользовалось деспотическою властью, и въ которомъ руководящее значеніе принадлежало лорду Биресфорду (Beresford), ставленнику реакціоннаго министерства Кэстльри и единомышленнику Меттерниха. Онъ исполнялъ обязанности главнокомандующаго португальскими военными силами, которыя онъ преобразовалъ. Образъ дѣйствій Биресфорда заставилъ португальцевъ забыть объ услугахъ, оказанныхъ имъ Англіей во время войны за независимость. Страна была обременена налогами и подвергнута осадному положенію. Всякаго рода

сообщества безошадно преслѣдовались; за напечатаніе какой-либо книги или брошюры вольнаго содержанія виновный подвергался ссылкѣ срокомъ до 10 лѣтъ. Противъ Бирсфорда въ 1817 г. былъ устроенъ заговоръ, но былъ раскрытъ, и участники его подверглись наказаніямъ. Волненія продолжались. Для личныхъ переговоровъ съ королемъ въ виду трудности положенія Бирсфордъ отправился въ Рио-де-Жанейро. Тайныя общества воспользовались его отсутствіемъ и подняли новое возстаніе 24-го августа 1820 г. въ Оporto подъ руководствомъ полковника Сепульведы и графа Сильвейры. 15 сентября возстаніе произошло и въ Лиссабонѣ. Въ обоихъ городахъ учреждены были революціонныя хунты. 1-го октября онѣ объединились и образовали временное правительство. Созваны были кортесы для выработки конституціи. Британскіе офицеры, въ томъ числѣ и лордъ Бирсфордъ, были удалены изъ португальской арміи, и лорду Бирсфорду, по возвращеніи его изъ Бразиліи, не дозволено было даже высадиться на берегъ (10-го октября). Учредительные кортесы выработали конституцію по образцу испанской 1812 г. и обнародовали ее 1-го октября 1822 г. Всѣ остатки феодализма и инквизиція были уничтожены; провозглашено было равенство всѣхъ передъ закономъ и свобода печати; законодательная и административная власть сосредоточены были въ единой выборной палатѣ, съ предоставленіемъ королю лишь права „veto“. Абсолютистическое государство, такимъ образомъ, перестраивалось на конституціонный ладъ. Событія эти произвели сильное впечатлѣніе въ Бразиліи. Мѣстное населеніе, недовольное правительствомъ вслѣдствіе установленія новыхъ налоговъ, сочувствовало реформамъ. Возстаніе сосѣднихъ испанскихъ колоній усилило революціонное движеніе въ Бразиліи, подготовленное дѣятельностью тайныхъ обществъ, и въ 1817 г. въ Пернамбуко вспыхнула революція, но она скоро была подавлена. Положеніе короля становилось все труднѣе. Онъ колебался между противоположными вліяніями жены и младшаго сына, Д. Мигуэля, настроенныхъ въ пользу сохраненія стараго порядка, и старшаго сына, Д. Педро, являвшагося энергическимъ вождемъ либеральной партіи. Наконецъ, Іоаннъ VI подчинился совѣту выдающагося португальскаго государственнаго дѣятеля Педро Пальмеллы

и, оставивъ намѣстникомъ Бразиліи своего сына Д. Педро, 26-го апрѣля 1821 г. выѣхалъ въ сопровожденіи 3000 человекъ свиты обратно въ Лиссабонъ, захвативъ предварительно изъ національнаго банка огромную сумму денегъ. Это былъ рѣшительный моментъ въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ между Бразиліей и Португаліей, все болѣе обострившихся дѣятельностью португальскихъ кортесовъ, которые стремились къ восстановленію прежней колоніальной системы. 29 сентября 1821 г. былъ изданъ декретъ, упразднявшій все учрежденія, созданныя въ Бразиліи Іоанномъ VI, и предписывавшій Д. Педро сложить съ себя должность намѣстника и вернуться въ Португалію. Затѣмъ въ Ріо-де-Жанейро и Багін были усилены португальскіе гарнизоны, и были посланы въ Бразилію провинціальныя губернаторы, отвѣтственные передъ лиссабонскимъ правительствомъ.

Эти декреты возбудили взрывъ негодованія въ Бразиліи, гдѣ уже образовалась національная республиканская партія, и гдѣ ряды недовольныхъ увеличились массой отставленныхъ чиновниковъ. Стремленіе Бразиліи къ независимости нашло опытнаго и даровитаго вождя въ лицѣ Хосе Бонифасіо де Андрада. Онъ убѣдилъ Д. Педро остаться въ Бразиліи и защищать ея интересы не противъ отца, а противъ кортесовъ. 13 мая 1822 г. Д. Педро принялъ титулъ „постояннаго покровителя и защитника Бразиліи“, предложенный ему муниципалитетомъ г. Ріо-де-Жанейро, а 3 іюня издалъ декретъ о созывѣ учредительнаго собранія. Такимъ образомъ, фактически между Бразиліей и Португаліей произошелъ полный разрывъ. 7 сентября 1822 г. Д. Педро провозгласилъ независимость Бразиліи, а 12 октября, при большомъ стеченіи народа, онъ провозглашенъ былъ „конституціоннымъ императоромъ Бразиліи“. Къ концу 1823 г. всякая оппозиція новому порядку въ Бразиліи была подавлена, въ 1824 г. обнародована была либеральная конституція, и правленіе Д. Педро утвердилось.

Смуты, происходившія тогда въ Португаліи, сдѣлали невозможнымъ приведеніе въ исполненіе декрета кортесовъ о восстановленіи португальскаго суверенитета въ отпавшей колоніи. Партія абсолютистовъ, руководимая Карлотой, Д. Мигуэлемъ, графомъ Амаранте и др., ободрилась и усилилась подѣ влияніемъ событій въ сосѣдней Испаніи

гдѣ революція была подавлена французскими войсками, и восстановленъ „старый порядокъ“. Португальская контръ-революція началась въ февраль 1823 г. въ провинціи Трасъ-осъ-Монтесъ (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 191). Инфантъ Д. Мигуэль сталъ во главѣ движенія. Онъ издалъ прокламацію, приглашавшую народъ возстановить старый порядокъ. Часть войска стала на его сторону. Іоаннь VI растерялся и оставилъ Лиссабонъ. Кортесы, предоставленные самимъ себѣ, разошлись. 30 апрѣля 1824 г. Д. Мигуэль занялъ дворецъ и сталъ править отъ имени отца, ставшаго его плѣнникомъ. Но иностранные послы, съ британскимъ во главѣ, помогли ему вернуть себѣ свободу и власть, послѣ чего Д. Мигуэль принужденъ былъ бѣжать изъ Португаліи. Онъ поселился въ Бѣнѣ, выжидая дальнѣйшихъ событій. Между тѣмъ, подчиняясь вліянію Англіи, Іоаннь VI возстановилъ конституціонный строй въ Португаліи и призналъ (29 авг. 1825 г.) независимость Бразиліи, предварительно, для формы, принявъ титулъ императора бразильскаго и затѣмъ отрекшись отъ него въ пользу своего сына Д. Педро. Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого болѣзненный, подвергавшійся эпилептическимъ припадкамъ, король умеръ (6 марта 1826 г.), оставивъ страну въ состояніи анархіи.

Послѣ смерти Іоанна VI Португаліей сталъ править совѣтъ регентства съ инфантой Изабеллой-Маріей, его дочерью, во главѣ. Регентство признало королемъ Португаліи Д. Педро IV, бразильскаго императора. Но этотъ актъ былъ простою формальностью, ибо недавно заключенный трактатъ объ отдѣленіи Бразиліи отъ Португаліи дѣлалъ невозможнымъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ коронъ, и предполагалось, что Д. Педро отречется отъ престола въ пользу своего брата Д. Мигуэля. Но честолюбивый Д. Педро поступилъ иначе. Онъ захотѣлъ еще разъ разыграть роль монарха-благодѣтеля, надѣляющаго своихъ подданныхъ либеральными учрежденіями. Оставаясь въ Бразиліи, онъ выработалъ для Португаліи конституціонную хартію 1826 г. и послѣ этого отрекся отъ португальской короны въ пользу своей семилѣтней дочери Маріи-да-Глоріа, назначивъ регентомъ Д. Мигуэля съ тѣмъ, чтобы онъ же-

нился на своей племянницѣ по достиженіи ею совершеннолѣтія. Посредникомъ между Ріо-де-Жанейро и Лиссабономъ былъ англійскій уполномоченный Чарльзъ Стюартъ. Въ 1825 г. онъ привезъ изъ Лиссабона въ Бразилію договоръ объ отдѣленіи ея отъ Португаліи, теперь онъ привезъ въ Лиссабонъ изъ Бразиліи конституціонную хартію для Португаліи. Онъ холодно былъ встрѣченъ. Никто не ожидалъ внимательства „бразильца“ во внутреннія дѣла Португаліи, и совѣтъ регентства сначала отклонилъ отъ себя обнародованіе хартіи. Но одинъ изъ вождей либеральной партіи, популярный генералъ Сальданыа произвелъ военное провунсѣаміенто, заявивъ, что, если хартія не будетъ принята до 31 мая, онъ пойдетъ съ войскомъ на Лиссабонъ. Совѣтъ регентства уступилъ. Хартія обнародована была 12 мая, и начальствующія лица принесли ей присягу 31 мая въ Лиссабонѣ и Оporto.

Португальская конституція (*Carta constitucional da Monarchia Portuguesa*) 29 августа 1826 г. представляетъ собою безпримѣрный по своему многословію и неискренности документъ, основывающій систему представительнаго правленія на принципѣ равновѣсія властей, заимствованномъ изъ ученія Бенжамена Констана. Власти эти -- законодательная, исполнительная, умѣряющая и судебная. На самомъ дѣлѣ равновѣсіе между ними неизбежно нарушается регулирующей или умѣряющей властью короля, участвующаго, кромѣ того, и въ отправленіи законодательной, исполнительной и судебной власти. „Регулирующая власть,—такъ опредѣляетъ ее § 71 конституціи,—является основаніемъ всей политической организаціи и принадлежитъ исключительно королю, какъ верховному главѣ націи, дабы онъ непрестанно заботился о сохраненіи независимости, равновѣсіи и гармоніи всѣхъ другихъ политическихъ властей“. Будущій король, по этой конституціи, обязанъ представлять президенту палаты пэровъ, въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ, слѣдующую присягу. „Клянусь оставаться вѣрнымъ римско-католической религіи, сохранять неприкосновенность территоріи королевства, соблюдать и обязывать къ соблюденію политической конституціи португальской націи и другихъ законовъ королевства и пещись объ

общенародномъ благоденствіи, насколько это будетъ въ моихъ силахъ“¹⁾).

Но § 145 той же конституціи предоставляетъ королю широкія полномочія приостанавливать ея дѣйствіе въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда королевству угрожаетъ какая-либо внѣшняя или внутренняя опасность, иными словами, королю предоставляется право нарушать равновѣсіе властей въ свою пользу и устанавливать диктатуру. Да и при обычномъ ходѣ вещей власть короля чрезвычайно велика, какъ въ дѣлахъ законодательныхъ, такъ и въ дѣлахъ административныхъ. Высокій избирательный цензъ дѣлалъ участіе въ палатѣ депутатовъ возможнымъ лишь для небольшой части населенія, а верхняя палата, составленная изъ наследственныхъ и пожизненныхъ членовъ, является послушнымъ орудіемъ короля, имѣющаго право назначать перовъ въ неограниченномъ числѣ. Слабости мѣстнаго самоуправленія соотвѣтствуетъ сильная бюрократическая система провинціального правленія, находящагося въ рукахъ губернаторовъ, назначаемыхъ королемъ. Въ подробностяхъ хартія 1826 г. представляетъ рядъ заимствованій изъ конституціонной хартіи Людовика XVIII 1814 г. и испанской конституціи 1812 г.

22-го февраля 1828 г. прибылъ въ Лиссабонъ инфантъ Донъ-Мигуэль, какъ регентъ королевства (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 192); но королева-мать и клерикально-абсолютистическіе элементы, оказывавшіе сильное вліяніе на народъ, желали видѣть его королемъ. Д. Мигуэлю была устроена торжественная встрѣча при крикахъ: „да здравствуетъ Д. Мигуэль I-й, самодержавный король“! Опираясь на преданную ему партію абсолютистовъ, онъ и старался утвердить свою власть, вопреки правамъ Маріи да Глоріа и присягѣ, принесенной имъ 26 февраля въ присутствіи палаты, и съ этой цѣлью назначалъ на отвѣтственные административныя должности своихъ сторонниковъ. 14-го марта палаты были распущены и не созывались вновь. Взамѣнъ этого 23-го іюня 1828 г. собрались во дворцѣ Ajuda по средневѣковому обычаю кортесы изъ

¹⁾ Juro manter a religião catholica apostolica romana e a integridade do reino, observar e fazer observar a constituição politica da nação portugueza e mais leis do reino, e prover ao bem geral da nação, quanto em mim couber.

трехъ чиновъ. Они, по предложенію епископа г. Висеу, провозгласили Мигуэля законнымъ королемъ Португаліи съ 10-го марта 1826 г. и объявили не имѣющими силы все распоряженія, изданныя Д. Педро, въ качествѣ короля Португаліи, въ томъ числѣ и конституціонную хартію 29 апрѣля 1826 г., а Мигуэль клятвенно пообѣщалъ соблюдать законы и фуэросы королевства; затѣмъ (7 іюля) чины принесли ему присягу въ вѣрности и исполнили традиціонный обрядъ цѣлованія руки Д. Мигуэля какъ короля. 15-го іюля онъ издалъ декретъ о роспускѣ кортесовъ. Конституціонная партія, такъ назыв. „хартисты“, съ генераломъ Сальданья, Пальмеллой и др. во главѣ, защищала права Маріи. Главнымъ центромъ сопротивленія Д. Мигуэлю былъ г. Оporto, гдѣ засѣдала революціонная хунта. Но сила оказались на сторонѣ Мигуэля. Хунта должна была разойтись, войско въ количество 5000—6000 человекъ отступило въ Испанію, въ провинцію Галисію (3 іюля 1828 г.), а вожди партіи, Сальданья, Пальмелла и др., удалились въ Лондонъ.

Туда же для безопасности была доставлена и малолѣтняя королева Марія II, а 29 августа 1829 г. она возвратилась въ Бразилію. Въ Португаліи воцарился бѣлый терроръ. Мигуэль задался цѣлью искоренить все конституціонныя насажденія своего брата и дѣйствовалъ съ неумолимой жестокостью. Тюрьмы были переполнены либералами. Многіе изъ нихъ были казнены, еще большее число подверглось изгнанію и конфискаціи имущества.

Въ то время, какъ Д. Мигуэль признанъ былъ королемъ во всехъ частяхъ Португаліи, и дѣло Маріи II казалось всеми покинутымъ, только небольшой гарнизонъ г. Ангры на одномъ изъ Азорскихъ острововъ, Терсейръ, окруженный враждебнымъ населеніемъ, продолжалъ еще держать ея знамя, оставаясь вѣрнымъ конституціи 1826 г. (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 192). Изъ Бразиліи и Португаліи стали стекаться ея приверженцы на о-въ Терсейру, и онъ, мало-по-малу, сдѣлался центромъ сопротивленія власти Мигуэля. Сюда явились изъ Лондона Пальмелла и Сальданья съ собранными денежными средствами и значительными силами эмигрантовъ и организовали совѣтъ регентства, дѣйствовавшій отъ имени Маріи II и признанный Д. Педро Бразильскимъ. Встревово-

женный движеніемъ въ пользу Маріи II, Мигуэль для подавленія его послалъ на о-въ Терсейру эскадру, съ 3500 человекъ войска, но она была отражена 11 августа 1829 г., и этотъ успѣхъ сразу же поднялъ престижъ и энергію защитниковъ дѣла юной королевы. Но борьба была неравная. Европейскія державы признавали фактическое правленіе Мигуэля. Населеніе было на его сторонѣ. Онъ подавилъ возстаніе, вспыхнувшее въ Лиссабонѣ, съ невѣроятною жестокостію, и царство террора достигло апогея. Лозунгомъ его было: „смерть либераламъ и франкъ-масонамъ“! Д. Педро хотѣлъ помочь своей дочери овладѣть португальскимъ трономъ, но его бразильскіе подданные отказались поддерживать его въ этомъ предпріятіи. Тогда отношенія между императоромъ и бразильцами испортились. Они недовольны были его деспотическими замашками, его распутнымъ образомъ жизни и неудачнымъ исходомъ войны съ Аргентинскою республикой. 7 апрѣля 1831 г. Д. Педро принужденъ былъ отречься отъ бразильскаго престола въ пользу своего шестилѣтняго сына, Д. Педро II, будущаго освободителя рабовъ и высокопросвѣщеннаго правителя, при которомъ Бразилія пришла въ цвѣтущее состояніе.

Между тѣмъ въ европейской политикѣ произошли измѣненія, благопріятныя для дѣла Маріи II: во Франціи установлена была либеральная іюльская монархія, въ Англіи власть перешла въ руки виговъ; и здѣсь, и тамъ не могло быть сочувствія абсолютистическимъ принципамъ Мигуэля, и потому, когда бразильскій экс-императоръ со своею дочерью Маріей II явился въ Лондонъ, а затѣмъ во Францію, они вездѣ встрѣтили радушный пріемъ. Этимъ благопріятнымъ настроеніемъ воспользовались Пальмелла и Сильва Карвальо, чтобы, при посредствѣ испанскаго финансиста Мендисабала, заключить заемъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ для удовлетворенія военныхъ нуждъ монархіи Маріи II. Д. Педро лично сталъ руководить военными операціями противъ Д. Мигуэля, и въ іюнѣ 1832 г. у него уже были флотъ и значительная армія, состоявшая большею частью изъ французскихъ и англійскихъ наемниковъ. Съ нею онъ и предпринялъ походъ въ Португалію, но населеніе встрѣтило его враждебно. Борьба затянулась бы надолго,

если бы Нэпиръ (Napier), англійскій морякъ, стоявшій во главѣ флота Маріи II, не нанесъ 5 іюля 1833 г. рѣшительнаго пораженія эскадрѣ Мигуэля при мысѣ С. Винсентъ. Вскорѣ послѣ этого Д. Педро овладѣлъ Лиссабономъ и издалъ декретъ о созывѣ кортесовъ. 22 сентября 1833 г. въ Португалію прибыла королева. Ей была обезпечена иностранная помощь въ силу договора, заключеннаго по предложенію Пальмерстона между Англіей, Іспаніей и Португаліей 15 апрѣля 1834 г. Къ этому союзу примкнула и Франція. Ему противились Австрія, Россія и Пруссія. 16 мая 1834 г. нанесено было послѣднее и окончательное пораженіе сухопутнымъ силамъ Д. Мигуэля при Томарѣ, послѣ чего онъ, вмѣстѣ съ его союзникомъ Д. Карлосомъ Іспанскимъ, изгнанъ былъ навсегда изъ полуострова, но не отрекся отъ своихъ правъ на португальскій престолъ.

15 августа собрались кортесы и провозгласили Д. Педро регентомъ на время малолѣтства его дочери, но 24 сентября онъ умеръ, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду. Правленіе перешло въ руки выдающагося своими знаніями и дарованіями министра Му-синьо да Сильвейра, который уничтожилъ десятины, майораты, сословныя привилегіи, монополіи, закрылъ многіе монастыри, отдѣлилъ судебную власть отъ административной, и такимъ образомъ королева Марія II (1834—1853) вступила въ управленіе государствомъ реформированнымъ, но обѣднѣвшимъ и отсталымъ (см. „Ист. Исп. и Порт.“, стр. 193—194).

Марія II, вышедшая замужъ за герцога Лейхтенбергскаго Августа 1 декабря 1834 г. и овдовѣвшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вторично вышла замужъ за герцога Саксенъ-Кобургскаго, Фердинанда, 9 апрѣля 1836 г., когда ей было 17 лѣтъ, а ему 20. Королевскій дворъ находился подъ иностранными вліяніями и мало былъ освѣдомленъ относительно истиннаго положенія и нуждъ страны, гдѣ тогда боролись три главныхъ партіи: хартисты, соотвѣтствовавшіе испанскимъ „moderados“ и отстаивавшіе, подъ руководствомъ Пальмеллы, Сальданы, Терсейры, конституціонную хартію 1826 г.; сентябристы, стремившіеся къ восстановленію демократической конституціи 1822 г. и имѣвшіе вождями Луміереса,

Са-да-Бандейру и Пассоса, и, наконецъ, мигуэлисты, работавшіе въ пользу возстановленія „старого порядка“. Въ первые два года правленія Маріи II власть находилась въ рукахъ хартистовъ, но 9 сентября 1836 г., подъ вліяніемъ событій въ Испаніи, произошла и въ Португаліи революція. На улицахъ Лиссабона раздавались крики: «Да здравствуетъ конституція 1822 года!» Марія II должна была уступить, призвать къ власти сентябристовъ и принять конституцію 1822 г. Какъ только наступило спокойствіе, придворная партія сдѣлала попытку отмѣнить сдѣланныя уступки (это событіе, происшедшее въ Белемѣ, извѣстно подъ именемъ *Belem-zada*), но неудачно (4 ноября). Тогда во главѣ министерства сталъ Са-да-Бандейра, вождь сентябристовъ, удерживавшій власть до апрѣля 1839 г. и подавившій въ 1837 г. такъ назыв. „бунтъ маршаловъ“ Сальданыи и Терсейры, желавшихъ возстановить хартію 1826 г. Подъ вліяніемъ сентябристовъ кортесы въ 1838 г. выработали новую конституцію, въ основу которой положена была конституція 1822 г. со слѣдующими измѣненіями: къ палатѣ депутатовъ была прибавлена палата пэровъ, избираемыхъ народомъ среди наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ, и упразднена была такъ назыв. „умѣряющая или регулирующая власть“. Королева принесла присягу этой конституціи 4 апрѣля 1838 г.

Конституція 1838 г. просуществовала только 4 года. Сентябрьсты все болѣе утрачивали вліяніе. Уже въ 1839 г. образовалось умѣренное министерство съ графомъ Бомфимомъ и Коста-Кабралемъ во главѣ, а въ кортесахъ 1840 г. преобладающей партіей были хартисты. Наконецъ, въ январѣ 1842 г. произошло pronunciamiento, за которымъ послѣдовалъ королевскій декретъ отъ 10 февраля о возстановленіи хартіи 1826 г.

Съ этихъ поръ вплоть до настоящаго времени эта хартія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, и является основнымъ государственнымъ закономъ Португальскаго королевства, къ великому несчастію для португальцевъ. До настоящаго времени было издано три дополнительныхъ акта къ хартіи: 5 іюля 1852 г., 24 іюля 1885 г. и 3 апрѣля 1896 г. Актъ 1885 г. уменьшилъ срокъ избранія депутатовъ кортесовъ съ 4 лѣтъ до 3 и допускалъ избра-

ніе косвенной подачей голосовъ 50 пэровъ на 6 лѣтъ. Актъ 1896 г. отмѣнилъ избраніе пэровъ и опредѣлилъ число пэровъ, назначаеваемыхъ королемъ, цифрою 90. До 1846 г. власть сосредоточивалась въ рукахъ Кабраля, графа де Томаръ. Правленіе его запечатлѣно актами мелкой тираніи, возстановившими противъ него коммерческіе классы столицы и вызвавшими недовольство со стороны провинціального населенія. 11 мая 1846 г. произошло народное возстаніе, заставившее Кабраля бросить власть и бѣжать въ Испанію. Его преемникъ Пальмелла не способенъ былъ возстановить спокойствіе. Общій отказъ платить налоги обезсилилъ исполнительную власть. Мигуэлисты соединились съ сентябристами для уничтоженія хартіи. Началась гражданская война. Оporto очутился въ рукахъ инсургентовъ. Португальскіе революціонеры распѣвали тогда гимнъ на подобіе марсельезы:

Eia! Avante, portugueses,
Eia! Avante, sem temer,
Pela santa liberdade
Triumphar até morrer *)

Неудовольствіе распространялось среди регулярныхъ войскъ. Но ядро арміи оставалось вѣрнымъ долгу, благодаря вліянію Сальданы, сдѣлавшагося въ октябрѣ военнымъ министромъ. Бунтовщики были разбиты при Торресъ-Ведрасъ 22 декабря, но удерживали Оporto въ своихъ рукахъ до слѣдующаго лѣта, когда Сальданы, согласно условіямъ четверного союза, получилъ требуемую помощь отъ Англіи и 7 іюля 1847 г. овладѣлъ Оporto отъ имени Маріи II, пообѣщавъ всеобщую амністію. Но и послѣ этого настроеніе страны было тревожно, пока Сальданы не сдѣлался первымъ министромъ (18 декабря 1847 г.) и не примирилъ партій, возвративъ лидерамъ консервативныхъ партій ихъ чины и назначивъ графа де-Томаръ посломъ въ Парижъ. Благодаря твердости и тактичности Сальданы 1848-й годъ прошелъ въ Португаліи спокойно. Въ слѣдующемъ году графъ де-Томаръ вернулся въ Португалію и добился отставки

*) Эй! впередъ, португальцы!
Эй! безъ страха впередъ;
За святую свободу
Побѣдить или умереть!

Сальданыи (18 іюля). Занявъ его мѣсто, онъ отрѣшилъ отъ должности многихъ чиновниковъ, назначенныхъ предшествовавшимъ министерствомъ, и снова сталъ править деспотически. Тогда Сальданыя, призывая армію спасти тронъ и хартію отъ опасностей, созданныхъ политикой де-Томара, поднялъ знамя возстанія въ Синтрѣ 7 апрѣля 1851 г. На его призывъ откликнулись гарнизоны Оporto и др. городовъ, и де-Томаръ снова бѣжалъ отъ своихъ враговъ въ Испанію (29 апрѣля). Явившись во главѣ войскъ въ Лиссабонъ, Сальданыя образовалъ министерство „обновленія“ или „regenerador“, поставившее цѣлью улучшить администрацію, и удерживалъ власть въ теченіе 5 лѣтъ до 6 іюля 1856 г. 5 іюля 1852 г. онъ черезъ учредительные кортесы, созданные декретомъ отъ 25 мая 1851 г., провель дополнительный актъ („Acto Adicional“) къ конституціонной хартіи 1826 г., въ силу котораго устанавливались прямые выборы въ палату депутатовъ, избирательный цензъ понижался до 100000 рейсовъ чистаго дохода, ограничивалась центральная власть установленіемъ муниципальнаго самоуправления, и уничтожалась смертная казнь за политическія преступленія. Продолжительный миръ, которымъ характеризуется правленіе Сальданыи, способствовалъ росту національныхъ коммерческихъ предпріятій и привлеченію въ Португалію иностранныхъ капиталовъ. Оппозиція финансовымъ законопроектамъ заставила правительство распустить кортесы и провести бюджетъ путемъ министерскаго декрета. Но это отступленіе отъ конституціонныхъ нормъ искупалось великими заслугами и честностью Сальданыи, сумѣвшаго снискать себѣ уваженіе даже со стороны своихъ злѣйшихъ враговъ.

13 ноября 1853 г. умерла Марія II да Глорія. Ей наследовалъ сынъ ея, Педро V (1853—1861), за несовершеннолѣтіемъ котораго правилъ его отецъ, какъ регентъ, до 16 сентября 1855 г., когда Д. Педро V провозглашенъ былъ совершеннолѣтнимъ. Почти черезъ годъ послѣ этого (6 іюля 1856 г.) Сальданыя вышелъ въ отставку, когда нижняя палата отвергла финансовые законопроекты министерства, а король отказался увеличить число пэровъ, согласно предложенію правительства, съ цѣлью провести законопроекты.

Преемникомъ Сальданыи назначенъ былъ Маркизь де-Луле.

Онъ образоваль демократическое министерство, опираясь на поддержку сентябристовъ и масоновъ. Дипломатическія затрудненія съ Наполеономъ III, недовольнымъ португальскимъ правительствомъ за то, что оно открыло доступъ французскимъ республиканцамъ, и потребовавшимъ отъ него денежнаго вознагражденія за нарушеніе колоніальныхъ интересовъ Франціи по сосѣдству съ Мозамбикомъ, побудили Луле выйти въ отставку 16 марта 1859 г., но черезъ годъ онъ снова вернулся къ власти. Въ концѣ 1861 г. на Португалію обрушилось несчастье въ видѣ желтой лихорадки и холеры, жертвами которыхъ сдѣлались сперва одинъ изъ братьевъ короля — Д. Фернандо (6 ноября), а черезъ 5 дней и самъ король. Ему наслѣдовалъ другой его братъ — Д. Луисъ (1861—1889). 27 декабря умеръ еще одинъ членъ королевскаго семейства, братъ короля, Иоаннъ. Населеніемъ Лиссабона овладѣла паника; подозрѣвали отраву; осадили дворецъ де-Тамара, роптали противъ Луле. Но сострадательность и мужество, обнаруженное Д. Луисомъ, успокоили народъ и сдѣлали монархію болѣе популярной, чѣмъ при его предшественникахъ. Бракъ его съ Маріей Піей (11 октября 1862) пришелся по сердцу всѣмъ партіямъ, и либеральнымъ, привѣтствовавшимъ ее какъ дочь Виктора-Эммануила II, и консервативнымъ, ожидавшимъ отъ нея, какъ крестницы папы Пія IX, поддержки ихъ клерикальнымъ стремленіямъ. Царствованіе Луиса I ознаменовано было ростомъ демократическихъ идей. При немъ уничтожена была смертная казнь по всѣмъ обще-уголовнымъ преступленіямъ (законъ 1 іюня 1867), и сдѣланы были дальнѣйшіе шаги къ децентрализациі португальскихъ учреждений и развитію мѣстнаго самоуправленія. Луле слѣдовалъ антиклерикальной политикѣ, выразившейся, между прочимъ, въ изгнаніи популярной общины „сестеръ милосердія“. Въ своихъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ онъ потерпѣлъ неудачу. Во время крупныхъ безпорядковъ, происшедшихъ въ коимбромъ университетѣ по поводу исключенія нѣсколькихъ студентовъ, у главнаго входа въ университетъ сожжено было изображеніе Луле, послѣ чего туда были введены войска, а студенты, въ видѣ протеста, *in corpore* переселились временно въ Оporto. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій 14 апрѣля 1864 г. Луле вышелъ въ

отставку. Его пытался замѣнить Сальданья, занимавшій съ 1862 г. постъ посланника въ Ватиканъ и обвинявшій либеральную политику Лулѣ въ поощреніи роста республиканской партіи. Но его предложеніе не было принято. Онъ снова вернулся въ Ватиканъ, а потомъ назначенъ былъ посланникомъ въ Парижъ. 19 мая 1870 г. онъ, при помощи войска, добился своего: король назначилъ 80-лѣтняго старца еще разъ первымъ министромъ, но 29 августа далъ ему отставку. Время его уже прошло. Надо было дать мѣсто людямъ съ болѣе современными идеями и способнымъ поставить на болѣе разумныя основы колоніальную политику Португаліи, заключающую въ себѣ столько жизненныхъ интересовъ этого королевства.

Въ 1876 г. въ силу особаго соглашенія (такъ назыв. „*расто da Granja*“) между партіями историко-прогрессивною (или „лѣвой исторической“), вождемъ которой былъ Лулѣ, и реформистовъ, во главѣ которой стоялъ герцогъ Авила и епископъ г. Висеу, образовалась новая партія — „прогрессистовъ“, руководителемъ которой былъ Браамкампъ. Подъ влияніемъ этой партіи былъ проведенъ законъ 8 мая 1878 г., предоставлявшій избирательное право каждому гражданину, умѣющему читать и писать или состоящему главой семейства.

Съ 1875 г. стала формироваться португальская социалистическая рабочая партія. Важнѣйшимъ теоретикомъ ея является извѣстный ученый и публицистъ *Magalhães Lima*. На Лиссабонскомъ конгрессѣ 1877 г. она завершила свою организацію и разработку программы. На международномъ социалистическомъ конгрессѣ 1882 г. въ Гагѣ португальскихъ, какъ и испанскихъ, социалистовъ представлялъ Лафаргъ. Но и до сихъ поръ роль социалистической партіи въ Португаліи ничтожна. Это объясняется могущественнымъ противовѣсомъ ей со стороны католическихъ рабочихъ организацій, руководимыхъ іезуитами. Въ распоряженіи послѣднихъ имѣются всѣ средства безпрепятственной устной и печатной пропаганды идей христіанской демократіи, отличающейся отъ социалистической тѣмъ, что первая исходитъ изъ идеи необходимости сохраненія существующаго социальнаго порядка, какъ имѣющаго божественное происхожденіе, и учить о равенствѣ всѣхъ людей передъ Богомъ, рекомендуя

имъ подвиги терпѣнія и самоотреченія, тогда какъ вторая ставитъ условіемъ для достиженія равенства уничтоженіе соціальныхъ перегородокъ и права собственности. Поэтому однимъ изъ существенныхъ пунктовъ программъ португальскихъ соціалистической и радикальной партій является стремленіе взять въ свои руки средства народнаго образованія и осуществить законы объ изгнаніи іезуитовъ (3 сентября 1759 и 28 августа 1767 г.), изданные еще Помбалемъ, но остающіеся и понынѣ мертвой буквой.

Въ 1889 г., по смерти Д. Луиса I, вступилъ на престолъ его сынъ, Д. Карлосъ I. Онъ обратился къ португальскому народу съ рѣчью, которая теперь, послѣ всѣхъ событій этого царствованія, звучитъ горькой ироніей: „Во всѣ періоды своей исторіи—говорилъ онъ—португальскій народъ выдѣлялся среди прочихъ своей преданностью религіи, стойкой защитой своихъ вольностей, смѣлостью въ завоеваніяхъ, неустрашимостью въ морскихъ предпріятіяхъ, величіемъ цивилизаціи. Онъ также выгодно отличался лойальностью въ отношеніяхъ къ своимъ монархамъ и либеральнымъ учрежденіямъ, служащимъ поддержкой монархіи и гарантіей мира и общественной безопасности“.

Въ 1889 г. возникъ острый конфликтъ между Португаліей и Англіей изъ-за разграниченія африканскихъ колоній. Владѣя съ 1848 г. Анголой и Мозамбикомъ, португальцы считали себя хозяевами и территоріи, расположенной между этими колоніями, и, когда англичане, рѣшивъ соединить желѣзной дорогой Египетъ съ Капской землей, вступили въ соглашеніе съ колоніальными сосѣдями португальцевъ—маколодосами, уговоривъ ихъ стать подъ англійскій протекторатъ, португальцы разбили ихъ въ ноябрѣ 1889 г. и предложили англичанамъ передать этотъ вопросъ на рѣшеніе третейскаго суда. Въ отвѣтъ на это кабинетъ Салисбери 11 января 1890 г. представилъ португальскому правительству ультиматумъ, по которому оно обязано было очистить территорію маколодосовъ въ 24 часа, и оно уступило. Но кортесы отказались подчиниться этому унижительному требованію и были распущены. Назначены были новые выборы, которыми руководилъ Серпа Пиментель, и которые дали послушный составъ кортесовъ. 20 августа состоялось соглашеніе съ Англіей,

по которому Португалія отказалась отъ южной части Ніассы и верхняго теченія р. Шире, утративъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надежду соединить когда-либо Бенгуэллу съ Мозамбикомъ. Новая палата не могла изъявить согласія на такую тяжелую жертву.

Къ этимъ затрудненіямъ внѣшней политики присоединялось и отчаянное положеніе финансовъ, приведшее къ государственному банкротству. Народное раздраженіе росло и разрѣшилось республиканскимъ возстаніемъ въ Опорто. 31-го января 1891 г. военные отряды, составлявшіе гарнизонъ г. Опорто, собрались на Campo de S. Oviedo, двинулись по одной изъ главныхъ улицъ къ „Praça Nova“, при крикахъ: „да здравствуетъ республика“. Съ балконовъ городской думы были провозглашены уничтоженіе парламентской монархіи въ Португаліи и замѣна этой формы правленія демократической республикой, причемъ прочтенъ былъ списокъ лицъ, которыя должны составить временное правительство, пока новый порядокъ не упрочится, и вся страна не подастъ своего голоса въ его пользу.

Возстаніе это скоро было подавлено; но республиканская агитація въ странѣ, несмотря на всѣ преслѣдованія, не прекратилась. Въ своемъ манифестѣ отъ 31-го мая 1891 г.¹⁾ португальскіе революціонеры, эмигрировавшіе въ Парижъ, такъ объясняли причины республиканскаго движенія 1891 г.: король Карлосъ I всею своей предшествующей жизнью былъ глубоко антипатиченъ португальскому народу; ему не могли простить непочтительнаго отношенія къ отцу, брака съ принцессой Орлеанской — изъ семьи, непопулярной въ Португаліи; его обвиняли въ суевѣріи и т. д. Съ другой стороны, его считали неспособнымъ къ государственной дѣятельности и обвиняли въ самовластіи; уничтожая конституціонную свободу, онъ устанавливалъ продолжительныя и оскорбительныя для народа диктатуры, издавалъ декреты, которыми отменялась свобода печати, собраній и союзовъ. Наконецъ, то унижающее положеніе, въ которое поставилъ Португалію ультиматумъ лорда Салисбери, и которое заставляло каждого португальца краснѣть, не помѣшало королю въ роковой день 11 января щеголять вер-

¹⁾ Manifesto dos emigrados da Revolução republicana portugueza de 31 de janeiro de 1891 (Paris. 1891).

хомъ по Avenid'ѣ, и т. д. Но не только политика Карлоса I считалась вредной для національных интересовъ Португаліи, такой считалась и политика предшествовавшихъ королей. Имъ вѣнялось въ вину заключеніе династическихъ союзовъ, остававшихся въ силѣ и при Карлосѣ и не отвѣчавшихъ интересамъ страны, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ эмиграція въ Бразилію, неумѣнье вести финансы и т. д.

Только 28 мая 1891 г. кабинету Абреу удалось добиться отъ палаты утвержденія договора съ Англіей.

Недовольство въ странѣ продолжало расти. Происходила частая смѣна кабинетовъ. Борьба за министерскіе портфели достигла крайняго напряженія. Цѣлыя сессіи кортесовъ проходили въ словопреніяхъ, отражавшихъ борьбу парламентскихъ партій, безъ всякой пользы для страны. Наконецъ, въ 1893 г. власть перешла къ консерваторамъ: во главѣ министерства сталъ Гинтце Рибейро, представлявшій правое крыло партіи „регенераторовъ“. „Онъ болѣе папистъ, чѣмъ самъ папа, и монархичнѣе самого короля“ — такъ однажды выразился о немъ король Луисъ I. Въ теченіе правленія Карлоса I, по крайней мѣрѣ, до мая 1906 г., ни одна изъ партій не получила преобладанія. Замѣчалось стремленіе къ установленію системы такъ назыв. „rotativismo“, т.-е. послѣдовательнаго чередованія у власти двухъ главныхъ партій, консервативной (regenerador, вождь ея—Hintze Ribeiro) и либеральной (progressista, вождь ея—Лусіано де-Кастро). Но эта система не удалась, такъ какъ отъ партіи regenerador откололась въ 1901 г. фракція такъ назыв. либеральныхъ „регенераторовъ“, руководителемъ которой былъ Іоаннъ Франко, и которая стремилась къ исключительному господству. Кромѣ этихъ трехъ партій, существуетъ еще 4: легитимистская (или партія „мигуэлистовъ“), націоналистическая (или „католическая“), республиканская и социалистическая. Послѣ 1893 г. правительство стало систематически ограничивать политическія вольности португальскаго народа и нарушать его конституціонныя гарантіи.

Оно старалось, во что бы то ни стало, подчинить себѣ кортесы, но оппозиція продолжалась какъ въ парламентѣ, такъ и въ странѣ. Чтобы подавить ее, измышлялись всевозможныя мѣры: печать, право

публичныхъ собраній, муниципальное и провинціальное самоуправленія подвергались систематическому гоненію и ограниченіямъ. Измѣнена была избирательная система: законъ 28 марта 1895 г. требовалъ отъ избирателя уже не только умѣнья читать и писать, но и уплаты прямыхъ налоговъ въ размѣрѣ не менѣе 500 рейсовъ. Размѣры избирательныхъ округовъ были увеличены; введены были выборы по списку; представительство меньшинства было отмѣнено. Въ результатѣ число депутатовъ нижней палаты кортесовъ сократилось съ 180 до 120. „Умѣряющая“ власть короля—усилена. За исполнительной властью признано было право, въ случаѣ неутвержденія палатой бюджета до конца финансоваго года, руководиться смѣтой предыдущаго года. Централизація была усилена; Лиссабонъ и Опорто лишились своихъ привилегій, несмотря на энергическій протестъ. Пресса была подавлена; компетенція суда присяжныхъ ограничена; полномочія полиціи въ дѣлахъ печати расширены: ей предоставлено было право пріостанавливать газеты на срокъ до 18 мѣсяцевъ.

Съ ослабленіемъ республиканской агитаціи послѣдовала отмѣна многихъ распоряженій 1895 г. Но взамѣнъ ихъ были изданы новыя, напр., законъ І. Франко противъ анархистовъ (13 февраля 1896 г.). Д. Карлосъ І неаккуратно велъ свои денежныя дѣла. Любитель живописи, спортсменъ, охотникъ до хорошенькихъ женщинъ, онъ находилъ недостаточными для удовлетворенія своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ потребностей тѣ средства, которыя назначены были ему по „цивильному листу“. Увеличеніе послѣдняго и принятіе государствомъ уплаты личныхъ долговъ короля—таковы были требованія, которыя предъявлены были кортесамъ. Энергическая оппозиція съ ихъ стороны была причиной цѣлаго ряда министерскихъ кризисовъ, завершившихся диктатурой Іоанна Франко. Король бравировалъ той опасной игрой, которую онъ затѣялъ съ народнымъ представительствомъ. Это было для него тоже своего рода спортомъ, и І. Франко, какъ и другіе члены кабинета, были не самостоятельными государственными дѣятелями, а только орудіями королевскихъ стремленій и интересовъ. Въ 1905 г. произошелъ бунтъ во флотѣ. Республиканская агитація усилилась. Это служило поводомъ для

установленія диктатуры, когда во главѣ кабинета сталъ **І. Франко** вмѣсто Гинтце Рибейро.

Споръ изъ-за „цивильнаго листа“ заставлялъ короля нѣсколько разъ распускать кортесы. Но оппозиція продолжалась. Засѣданія парламента зимою 1906—1907 гг. отличались особенно бурнымъ характеромъ. Волненія происходили и въ широкихъ слояхъ населенія, особенно среди винодѣловъ, переживавшихъ тяжелый экономическій кризисъ. Но правительствомъ игнорировалось общественное мнѣніе страны. Рѣзкія рѣчи противъ короля, произнесенныя въ палатѣ нѣсколькими республиканскими депутатами, имѣли результатомъ насильственное удаленіе ихъ изъ залы засѣданія. Публика устраивала оваціи, исключеннымъ. Устраивались республиканскіе банкеты и противоправительственные манифестаціи, на что полиція отвѣчала многочисленными арестами. 7 января 1907 г. журналистамъ запрещенъ былъ входъ въ палату депутатовъ, а 15 января изданъ былъ новый законъ противъ печати. Возбужденіе росло. Журналисты протестовали противъ нанесеннаго имъ удара. Начались беспорядки и въ коимбрскомъ университетѣ, гдѣ протестъ противъ дѣйствій правительства принялъ форму студенческой забастовки и повелъ къ закрытію университета, увольненію одного ректора и назначенію другого. Наконецъ, 10 мая 1907 г. парламентскій конфликтъ разрѣшился роспускомъ палаты депутатовъ безъ созыва избирательныхъ коллегій и установленія срока для новыхъ парламентскихъ выборовъ и предоставленіемъ диктатуры первому министру Іоанну Франко. Никто не умѣлъ такъ краснорѣчиво доказывать передъ кортесами выгоды парламентарнаго режима, и никто такъ рѣшительно не осуждалъ мѣры произвола въ области государственныхъ финансовъ, какъ Франко, и, тѣмъ не менѣе, онъ принялъ предложеніе короля.

Незадолго передъ этимъ **Д. Карлосъ І**, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ парижскаго „Temps“, **Ж. Гальтье**, по поводу возбужденія, вызваннаго слухами о предстоящей диктатурѣ Франко, замѣтилъ: „Говорятъ объ его диктатурѣ, но другія партіи, именно тѣ, которыя болѣе всего кричатъ, тоже требовали отъ меня диктатуры... Съ Франко мы находимся въ полнѣйшемъ согласіи. Мы работаемъ

вмѣстѣ. Онъ пользуется моимъ полнымъ довѣріемъ. Мы произведемъ выборы въ удобный для насъ моментъ... Мы навѣрное будемъ имѣть большинство. Страна одобритъ политику г. Франко. Мы установимъ равновѣсіе въ бюджетѣ и устранимъ дефицитъ. Во всѣхъ странахъ, чтобы произвести революцію, необходимо имѣть на своей сторонѣ войско. Но португальская армія подчинена конституціи. Она вѣрна своему королю. Лойальная, она будетъ на моей сторонѣ. Большинство офицеровъ—мои товарищи; я служилъ съ ними, они меня знаютъ; я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ преданности“.

Противъ пріостановки конституціоннаго режима съ энергическимъ протестомъ выступило прежде всего городское управленіе Лиссабона. Затѣмъ послѣдовалъ протестъ другихъ городовъ и различныхъ партій, сопровождавшійся манифестациями. Губернаторамъ предписано было закрывать собственной властью оппозиціонныя газеты. Наконецъ, 30 августа 1907 г. послѣдовалъ декретъ объ увеличеніи „цивильнаго листа“ короля на 160 милліоновъ рейсовъ ежегодно, подписанный королемъ и скрѣпленный его министрами (на содержаніе всего королевскаго семейства опредѣлена была сумма въ 685 мил. рейсовъ). Это возмутило всѣ партіи, въ томъ числѣ и рехенераторовъ, вождемъ которыхъ, послѣ смерти Гинтце Рибейро, 12 октября былъ избранъ Жуліу де Вильена. Диктаторскимъ декретомъ 23 декабря 1907 г. составъ верхней палаты опредѣлялся исключительно пэрами, назначаемыми королемъ пожизненно и въ неопредѣленномъ числѣ, вопреки конституціоннымъ дополнительнымъ актамъ 1885 г. [въ составъ этой палаты тогда входили: 1) 100 пожизненныхъ пэровъ, назначаемыхъ королемъ; 2) 50 выборныхъ пэровъ; 3) пэры, засѣдающіе въ силу личнаго права, каковыми были инфанты, достигшіе 25-лѣтняго возраста, патриархъ лиссабонскій, архіепископы и епископы континентальной Португаліи, и 4) наслѣдственные пэры] и 1896 г. [1) 90 наслѣдственныхъ пэровъ, 2) пэры въ силу личнаго права; 3) пэры въ силу наслѣдственныхъ правъ].

Насколько далекъ былъ король отъ сознанія опасности созданнаго диктатурой положенія какъ для него лично, такъ и для всей страны, видно изъ письма его къ одной изъ своихъ парижскихъ пріятельницъ

(герцогиня d'Uzès?) отъ 15 декабря 1907 г., гдѣ онъ, между прочимъ, писалъ: „Впрочемъ, въ нашей игрѣ мы имѣемъ достаточно успѣха (De resto temos um bom trunfo no nosso jogo)... Феноменальная неспособность большинства нашихъ противниковъ, практическимъ результатомъ чего является то, что, при искусномъ пользованіи ею, почти всѣ удары обращаются противъ нихъ самихъ...“. Наконецъ, въ виду принимавшей все болѣе грозный характеръ, несмотря на всѣ репрессіи, дѣятельности оппозиціонныхъ партій, особенно республиканской, изданъ былъ 31-го января (н. с.) 1908 г. новый диктаторскій декретъ, устанавливавшій административный судъ по политическимъ преступленіямъ, съ суровыми наказаніями—до гражданской и политической смерти включительно. Это и было той каплей, которая переполнила чашу терпѣнія.

Утромъ 1-го февраля былъ опубликованъ этотъ декретъ, а въ 5^{1/2} час. вечера того же дня, когда король съ королевой, наследнымъ принцемъ Луисъ-Филиппомъ и инфантомъ Мануэлемъ проѣзжали въ ландо по Лиссабону, при поворотѣ на улицу Арсенала совершилось преступленіе: король былъ убитъ на мѣстѣ, наследный принцъ смертельно раненъ, инфантъ Мануэль раненъ въ руку, и только королева Амелія осталась невредима... 1-го февраля 1908 г. Мануэль II, какъ король Португаліи, принесъ конституціонную присягу. 5-го февраля 1908 г. сформированъ былъ кабинетъ концен-траціи, въ составъ котораго вошли въ равномъ числѣ прогрессисты и рехенераторы подъ главенствомъ безпартійнаго Амарала. Объявлена была всеобщая амнистія, возстановлены были нарушенныя права путемъ отмѣны диктаторскихъ декретовъ, и назначены выборы въ кортесы на мартъ.

Литература: Trindade Coelho, «Manual politico da cidadão portuguez» 2-a edição. Porto. 1908.

Oliveiro Martins, «Historia de Portugal». 2 vols. 6-a edição. Lisboa. 1901.

Дополнительный библиографическій указатель.

(Къ стр. 196—198).

А.—Испанія.

- Altamira, Hist. de Esp. y de la civil. esp., t. III. Barc. 1906 (XVI и XVII вв.).
- Gomez de Arteche, Reinado de Fern. VII. Mad. 1902 (изъ колл. „Hist. gen. de Esp.“).
- Grandmaison, L’Espagne et Napoléon (1804—1809). Paris.
- Häbler, Gesch. Spaniens unter den Habsburgern. I. B. (царств. Карла I). Gotha. 1907.
- Gesch. der Fuggerschen Handlung in Spanien. Weimar. 1897.
- Droin, Hist. de la réformation en Espagne. 2 vol. Paris. 1880.
- Fitzmaurice-Kelly, Historia de la literatura española desde los origenes hasta el año 1900.
- Laiglesia, Estudios historicos (1515—1555). Mad. 1908 (важно для экон. ист. Исп.).
- Lea, A history of the Inquisition of Spain. 4 vol. New-york. 1906—7.
- Oman, A history of the peninsular war. 3 vol. Oxford. 1908.
- Rousseau, Règne de Charles III d’Espagne (1759—88). 2 vol. 1907.
- Strobel, The spanish revolution (1868—75). Lond. 1898.
- Uña y Sartou, Las asociaciones obreras en España. Mad. 1900.

Б.—Португалія.

Almeida, Historia das instituições em Portugal. Coimbra. 1900.

Braga, O povo portuguez nos seus costumes, crenças e tradições. 2 vol. Lisboa. 1886.

Costa, Hist. da instrucção popular em Portugal. Lisboa. 1871
Luchaire, Innoc. III. Les royautés vassales du S. Siège. Paris. 1908.

Pires, Materiaes para a historia da vida urbana portugueza (XVI—XVIII вв.). Lisb. 1899.

Rebello da Silva, Historia de Portugal nos seculos XVII e XVIII. 5 vol. Lisboa. 1867—1871 (сочинение это охватываетъ періодъ 1580—1640 гг. и вмѣстѣ съ цит. трудомъ Herculano принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ произведеніямъ португ. историографіи).

Santarem, Memorias para a historia e theoria das cortes geraes... em Portugal. Lisboa. 1827.

Vasconcellos (Carolina) e Braga (Theophilo). Gesch. der Portug. Litteratur. Strassb. 1894 (въ „Grund. d. Rom. Philol.“).

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Предисловіе ко 2-му изданію	III
Введеніе	1
Г л а в а I.—Вестготская монархія	9
Г л а в а II.—Арабы и «реконкиста»	28
Г л а в а III.—Пиренейскія государства эпохи «реконкисты»	46
Г л а в а IV.—Начало испанской монархіи	106
Г л а в а V.—Испанія и Португалія въ XVI и XVII вв.	122
Г л а в а VI.—Испанія и Португалія въ XVIII и XIX вв. . . .	152
Библіографія	196
Приложенія: I. Очеркъ развитія Испаніи отъ Утрехтскаго мира до начала войны за независимость (1713—1808) . . .	199
II. Очеркъ соціально-политической эволюціи Испаніи въ XIX в.	215
III. Очеркъ соціально-политической эволюціи Португаліи въ XIX в.	252
IV. Дополнительный библіографическій указатель . . .	275
V. Историческія карты Пиренейскаго полуострова.	

Просимъ читателей исправить вѣрвашіяся опечатки:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
25	8 сверху	городовъ	городовъ вначалѣ
26	13 »	«огни	«Fogin
29	2 »	безопасностью	безопасностью
29	5 »	куріалы	куріалы
39	13 »	терпимость	близость
47	8 снизу	земель и	земель
49	13 сверху	р.	др.
53	17 »	нблагонпріятнага	неблагопріятнаго
54	11 снизу	липа,	лица,
56	13 сверху	имуществомъ	имуществомъ.
56	3 снизу	были	были почти полными
57	19 сверху	zibgo	libgo
66	5 »	корреходоровъ	коррехидоровъ
68	2 снизу	Хуана	Іоанна
69	10 сверху	риписывалось	приписывалось
70	11 снизу	всякій	каждый
72	6 сверху	всѣ болѣе	все болѣе
79	22 »	Egea,	Ehea.
87	11 »	много	можно
96	5 снизу	развитія	различныя
143	21 сверху	(1570)	(1571)
160	18 »	Марія-Антуанетта	Марія-Антонія
160	19 »	Антуанетты	Антоніи

Переводъ стихотворнаго отрывка на стр 108:

Она была величайшей королевой на землѣ,
Дѣятельной во время мира, мудрой во время войны,
Награждала добраго, утѣшала несчастнаго
И служила образцомъ для дамъ и королевъ.

Къ «Библиографическому указателю» слѣдуетъ присоединить соч.
E. Schäfer'a, «Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus und
der Inquisition im Sechzehnten Jahrhundert. 3 Bände 1902. Verlag von
C Bertelsmann in Gütersloh.

Историческія карты Пиренейскаго полуострова.

I.

Пиренейскій полуостровъ послѣ 900 г.

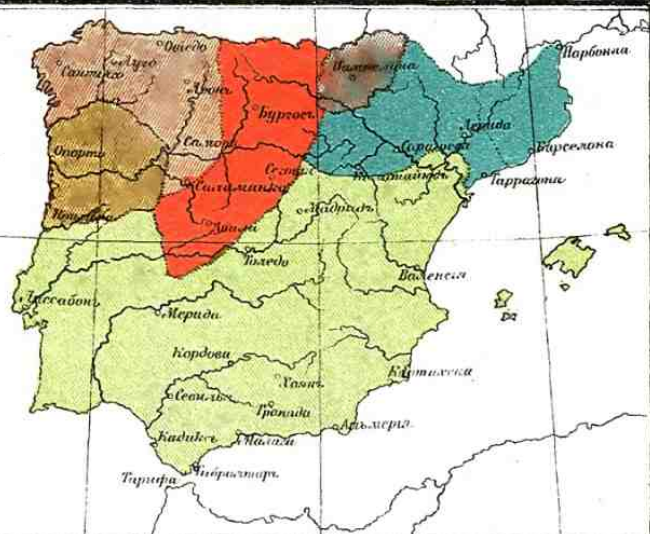
- Кордовскій калифатъ.
- Независимыя маврскія государства.
- Леонъ.
- Наварра.
- Графство Барселонское.

II.

Пиренейскій полуостровъ послѣ 1135 г.

- Альморавиды.
- Кастилія.
- Леонъ.
- Арагонъ и Каталонія.
- Наварра.
- Португалія.

III.

Пиренейскій полуостровъ отъ половины XIII в. до 1492 г.

- Гранада.
- Кастилія и Леонъ.
- Арагонъ, Каталонія и Валенсія.
- Наварра.
- Португалія.

